

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

3 3433 07855319 9

МОСКВИТЯНИНЪ,

7696

УЧЕНО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ

ЖУРНАЛЪ,

ИЗДАВАЕМЫЙ

М. Погодинымъ.

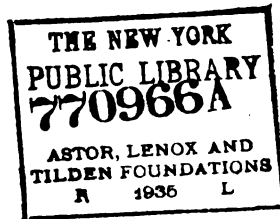
1855.

ТОМЪ VI.

МОСКВА.

ВЪ ТИПОГРАФИЯХЪ: Л. СТЕПАНОВОЙ И УНИВЕРСИТЕТСКОЙ.

1856.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

**съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Ценсурный
Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Москва. Марта 8 дня,
1856 года.**

Ценсоръ Фонтъ-Крузе.

ВОУУУУ
ОУУУ
УУУУУ

МОСКВИТЯНИНЪ.

1855.

№ 21 и 22.

НОЯБРЬ.

КН. 1 и 2.

ХОДЪ ЗЕМЛЕДѢЛІЯ ВЪ АНГЛІИ.

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЯ СООБРАЖЕНІЯ И СРАВНЕНІЯ.

Здѣсь мы постараемся объяснить, какими путями англійское земледѣліе дошло до своего необыкновеннаго развитія и какія причины способствовали его успѣхамъ.

Однако же, прежде нежели мы будемъ говорить объ этомъ главномъ проявленіи народной дѣятельности въ Англіи, считаемъ непремѣнною обязанностію предупредить читателя, что мы будемъ разсматривать ходъ и настоящее положеніе земледѣлія въ Англіи, кратко, какъ народное производство въ общемъ его значеніи, и совсѣмъ не для того, чтобы его устройство намъ брать въ примѣръ. Последняя забота меня никогда не касалась и не касается. Напротивъ того, согласно съ моими понятіями, объясняя ходъ земледѣлія въ Англіи и желая сколько можно яснѣе выказать хоть давно известную, но, кажется, не всеми признанную истину, что высокій успѣхъ въ земледѣліи тогда только возможенъ, когда земледѣліе въ самомъ себѣ находитъ средства для своего успѣха, — вѣствъ съ тѣмъ я подтверждаю, уже много лѣтъ тому назадъ, въ «Запискахъ Пензенскаго Земледѣльца» выраженное мною мнѣніе: что забота наша по земледѣлію и скотоводству окажется совершенно безплодною, когда мы будемъ брать въ примѣръ

тъ правила и порядокъ, на коихъ устроены земледѣліе и скотоводство въ Англіи и вообще въ центральной и западной Европѣ; потому что наши элементы и условія сельскаго хозяйства совершенно различны съ элементами и условіями западными.

Это различіе, однако же, нисколько не должно препятствовать успѣхамъ нашего сельскаго хозяйства. Мы ихъ и достигнемъ, но нашимъ русскимъ порядкомъ и тогда только, когда наше земледѣліе, нынѣ далеко не блестящее и тамъ, гдѣ оно производитъ громадныя избытки хлѣба и скота, тоже въ самомъ себѣ будетъ находить богатые средства для своего успѣха, или, какъ обыкновенно говорится, для своего цвѣтущаго состоянія, которое выражается, не количествомъ только произведеній, не тѣмъ кускомъ хлѣба, которымъ питается народъ, но сверхъ того еще благосостояніемъ земледѣльцевъ.

Это объясненіе не худо имѣть въ предметъ всѣмъ нашимъ Гг. профессорамъ агрономіи, равно какъ и всѣмъ тѣмъ почтеннымъ особамъ, которые у насъ пекутся объ успѣхахъ земледѣлія, имѣя въ предметъ количество и качество произведеній, не обращая вниманія на плату за трудъ, на пожертвованія и на задатокъ земледѣльца.

Великобританія (Англія и Шотландія), исключивъ нѣкоторыя возвышенности Шотландіи, въ числѣ тѣхъ государствъ, гдѣ умѣренный климатъ, т.-е. годовое распредѣленіе тепла и холода, и довольно постоянная температура способствуютъ, не то, чтобы богатой тропической растительности, но такой, которая на малыхъ пространствахъ даетъ возможность прокормить густое народонаселеніе.

Безъ умѣреннаго климата и температуры постоянно способной для растительности, нельзя было бы существовать 21 милліону жителей, (въ Англіи и Шотландіи), у коихъ числится воздѣланной земли: собственно подъ хлѣбными посевами только 6,666,062 десятины и подъ травосѣяніемъ, пастбищами и корнеплодными растеніями 7,529,047 десятинь. Всего 13,995,109 десятинь (*).

(*) Моро-де-Жонесъ.

У насъ, напр. въ средней полосѣ европейской центральной Россіи, для 21 милліона народонаселенія, на одно только собственное его продовольствіе и прокормленіе его скота, нужно не менѣе 46 милліоновъ десятинъ воздѣланной земли, покоса и пастбищъ (*), съ такимъ притомъ замѣчаніемъ, что если, при этой пропорціи воздѣланной земли, уже болѣе нежели втрое увеличенной противъ Англіи, наши крестьяне-земледѣльцы, въ плодородные годы, и производятъ небольшіе избытки хлѣба, то эти избытки рѣдко продаются, но болѣею частію оставляются въ запасъ, для пополненія слабыхъ урожаевъ, случающихся въ тѣ годы, когда температура бываетъ неблагоприятна для растительности, что и случается у насъ вообще довольно часто. Слѣдовательно, при такомъ количествѣ земли, нашему крестьянину, земледѣльцу нельзя рассчитывать на непремѣнную денежную прибыль собственно отъ хлѣбопашества. При такомъ количествѣ воздѣланной земли, у него могутъ быть только слабыя денежные выручки отъ скотоводства и огороднаго хозяйства, или отъ извозовъ, посторонней работы, мелкой промышленности и торговли, которыми крестьяне занимаются въ свободное время, гдѣ лѣтомъ, гдѣ зимою, которая преимущественно въ подобныхъ случаяхъ, въ сѣверной и средней полосахъ европейской Россіи, доставляетъ возможность крестьянамъ справлять мелкія свои денежные нужды и платить подати и повинности

Будь наша средняя полоса въ климатъ болѣе умеренномъ и болѣе постоянномъ, тогда можно было бы надѣяться, даже при меньшихъ засѣвахъ, на большее количество произ-

(*) Расчетъ принять слѣдующій: въ 21 милліонѣ—10,500,000 мужскаго пола душъ, въ числѣ конхъ можно полагать 4,200,000 работниковъ, или тягловъ. Если крестьянинъ не находитъ никакой опоры для своей жизни въ промышленности, то, для продовольствія только его семьи и его скота, ему необходимо нужно имѣть пшени, minimum по три десятины въ полѣ на тягло,—а въ трехъ поляхъ девять десятинъ, изъ конхъ шесть десятинъ будутъ подъ посѣвами и три десятины подъ паромъ. Сверхъ того на каждое тягло необходимо по одной десятинѣ покоса и по одной десятинѣ выгона. По сему счету выходитъ, что для 21 милліона народонаселенія нужно, minimum, 46,200,000 десятинъ плодородной земли, не считая лѣса и неудобныхъ земель.

веденій, при искусственномъ удобреніи земли и болѣе отчетливой ея обработкѣ, когда, разумѣется, цѣны на произведенія допускаютъ искусственное удобреніе и отчетливую обработку. При нашихъ же климатическихъ условіяхъ, крестьянину-земледѣльцу, въ средней полосѣ, можно надѣяться на удовлетворительные урожаи и на избытокъ произведеній, только при значительно увеличенныхъ засѣвахъ, безъ всякаго искусственнаго утученія земли, которое тутъ нельзя почитать непремѣннымъ условіемъ для сильнаго производства, потому, что его не допускаютъ наши низкія цѣны на произведенія земледѣлія, требуя непремѣнно самаго дешеваго производства. Оно и возможно только при многоземельѣ. Многоземелье, или нашъ благодатный просторъ, но отнюдь не черноземная почва, какъ многимъ угодно это утверждать, и дастъ намъ средства засѣвать огромныя площади безъ удобренія, чѣмъ, съ одной стороны, сильно сокращаются расходы и трудъ, сопряженные съ искусственнымъ утученіемъ и болѣе тщательною обработкою земли; съ другой, количество произведеній, противъ искусственнаго земледѣлія, въ этомъ случаѣ, не только не уменьшается, но, рассчитывая произведеніе по числу работниковъ-земледѣльцевъ, выходитъ на нашей сторонѣ огромное преимущество, основанное и доказанное тѣмъ, что, въ сложности, на четырехъ десятинахъ неудобренной земли, всегда родится болѣе нежели на одной удобренной; особенно, когда просторъ даетъ мѣсто ровнымъ полямъ, или, что еще значительнѣе, когда многоземелье позволяетъ истощенныя земли обращать въ залежи, и потомъ, послѣ того какъ онѣ соберутся съ новыми силами, опять ихъ распахать, — порядокъ, вообще у насъ введенный при многоземельѣ и особенно, во всей нашей южной полосѣ, а въ средней, — преимущественно на лѣвой сторонѣ Волги, на громадномъ просторѣ Самарской, Оренбургской губерніяхъ, и отчасти въ Казанской, Вятской, Саратовской, южной части Тамбовской и сѣверной Воронежской (*).

Преимущество простора и сильныхъ засѣвовъ, у насъ еще тѣмъ значительнѣе, что въ нашемъ жестокомъ климатѣ, не

(* Южная часть Воронежской губерніи вошла въ южную полосу.

рѣдко сильное удобрѣніе и отчетливая обработка земли ни къ чему не служатъ, когда засуха, несвоевременные морозы и зима, или продолжительное ненастье уничтожаютъ всякой отчетливый трудъ земледѣльца (*).

Можетъ быть это заключеніе вызоветъ вопросъ: какимъ же образомъ въ Средней полосѣ (смотри приложение подъ литерою А) производится избытокъ хлѣба, не менѣе, полагать надобно, 30 или 35 милліоновъ четвертей ежегодно, поступающій во внутреннюю торговлю, когда только въ семи ея губерніяхъ, и то нѣкоторая только часть земледѣльцевъ нынѣ можетъ быть надѣлена болѣе трехъ десятинъ на тягло въ каждомъ полѣ; а въ другихъ губерніяхъ этой же полосы, большая часть крестьянъ не имѣетъ для своихъ посѣвовъ и вышеуказаннаго количества?

Отвѣчать на этотъ вопросъ очень легко: этотъ громадный избытокъ хлѣба, производимый въ средней полосѣ, почти исключительно выходитъ изъ хозяйствъ, принадлежащихъ собственнo помѣщикамъ, которые преимущественно производятъ хлѣбъ для продажи. Крестьяне-земледѣльцы, въ этомъ сбытѣ, участвуютъ очень мало, и только въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ они засѣваютъ не менѣе 4 или 5 десятинъ на тягло въ каждомъ полѣ.

Сѣверная наша полоса, (смотри приложение подъ литерою В), по своему земледѣлію, находится совсѣмъ въ другихъ отношеніяхъ. Тутъ дешевое производство можно допустить только въ рѣдкихъ мѣстахъ потому что тощая почва и ужасный климатъ требуютъ, чтобы земля была сильно утучнена искусственно, или посредствомъ долговременнаго отдыха (**), безъ чего нѣтъ надежды и на сносные урожаи. По-

(*) Здѣсь упоминается объ этихъ противудѣйствіяхъ потому, что онѣ неотразимы и непремѣнно входятъ въ расчеты земледѣльцевъ, которые, однакожъ, не должны останавливаться возможными средствами утучнять свои земли и обрабатывать ихъ поотчетливѣе, не смотря на то, что иногда и то и другое остается безъ вознагражденія.

(**) Въ Пермской, въ Вятской и другихъ сѣверныхъ губерніяхъ въ лѣсныхъ мѣстахъ, и чиньобухъ, и послѣ 20—30-лѣтнихъ залежей, хоть и засѣваютъ поля безъ всякаго утучненія земли, но превратить лѣсъ въ пахатную зем-

сему тутъ зачатки, хоть и много увеличины противъ Англїи, но, по нашему размыру, весьма ограничены. За то народонаселеніе сѣверной полосы, около 16 милліоновъ жителей, гдѣ въ томъ числѣ, еще двѣ столицы, имѣющія 900 тысячъ жителей, и не производитъ достаточно хлѣба и мяса на собственное свое продовольствіе, не смотря на то, что и въ сѣверной полосѣ, многіе помѣщики, занимаясь земледѣліемъ, производятъ не мало хлѣба на продажу.

Просторно населенная южная полоса, (смотри приложение подѣ литерою С), гдѣ производится безъ всякаго удобренія, самыми простыми, дешевыми приѣмами и порядкомъ громадныя избытки хлѣба и скота, ясно доказываетъ, что эти громадныя избытки того и другаго у насъ получаются только на просторѣ, и преимущественно посредствомъ патріархальныхъ, простыхъ и дешевыхъ приѣмовъ; и что однѣ только принятыя тутъ народонаселеніемъ порядокъ и устройство въ земледѣліи, могутъ, съ одной стороны: давать возможность производить много и дешево, съ другой — спорить съ жестокими засухами, довольно часто посылающими южную нашу полосу, — разумѣется. однакоже, когда и при этомъ порядкѣ не забывается условіе, чтобы ходъ хозяйства былъ основанъ отчетливо и на приличныхъ мѣстности расчетахъ, — чему въ южной полосѣ мы найдемъ примѣры у многихъ помѣщиковъ, и вообще въ немецкихъ колоніяхъ.

Обратимся къ земледѣлію Англїи, и рассмотримъ: какими нутами оно проходило, и, наконецъ, какія причины содѣйствовали тому положенію, въ которомъ оно нынѣ находится.

Земледѣліе въ Великобританіи до 1846 года представляло удивительное согласіе между громадными пожертвова-

но, или 30-лѣтнюю залежь, поросшую лѣсомъ, опять въ пашню, тоже работа довольно тяжкая и не дешевае уваживанія, которое тутъ стоитъ земледѣльцу чрезвычайно дорого, отъ того что почти повсемѣстно въ сѣверной полосѣ содержаніе скота дорого обходится, а произведенія собственно скотоводства чрезвычайно дешево. Понятно, что при этихъ патріархальныхъ условіяхъ, только просторѣ можетъ давать и дать земледѣльцу средства, кое-какъ оградить себя отъ двухъ неотразимыхъ противодействій его дѣятельности, насмлаемыхъ ужаснымъ климатомъ и низкими цѣнами на произведенія земледѣлія.

нiями земледѣльцевъ и ихъ прибылью, и блестящiй успѣхъ искусства, въ отношенiяхъ количества и качества произведенiй. Въ исторiи земледѣлiя, явленiе совершенно новое, достигнутое однакоже не посредствомъ только искусства и пожертвованiй, но сверхъ того еще съ помощiю покровительства, которое защищало земледѣлiе въ Англии, отъ иностраннаго совмѣстничества.

1-й перiодъ земледѣлiя въ англи. Оно идетъ ощупью.

Въ первомъ, мало извѣстномъ перiодѣ своего водворенiя, земледѣлiе, какъ и всякое сложное производство, вѣроятно, начиналось въ Англии, какъ и вездѣ, ощупью, и не всегда удовлетворяло нужды малаго числа, рѣдко разбросанныхъ жителей болѣе звѣроловъ и рыболововъ, нежели земледѣльцевъ.

2-й перiодъ Земледѣлiе производитъ избытокъ.

Погомъ распространяясь и совершенствуясь все болѣе и болѣе, земледѣлiе доходитъ до возможности, не только полною рукою продовольствовать увеличившееся народонаселенiе, но производить еще значительные избытки.

Избытки должны были необходимо останавливать возвышенiе цѣнъ на произведенiя земледѣлiя, потому что, предлагая количества, превышающiя требованiя, земледѣльцы встрѣчали на каждомъ шагѣ, въ самихъ себѣ, сильное совмѣстничество.

Въ подобномъ обстоятельстве мы нынѣ находимся вездѣ въ двухъ полосахъ европейской Россiи: въ средней и южной, не касаясь сѣверной, (гдѣ оно встрѣчаетъ другаго рода совмѣстничество, отъ ввоза хлѣба изъ средней полосы). царства Польскаго, западныхъ и остзейскихъ губернiй, Финляндiи, прикавказскихъ и закавказскихъ губернiй, гдѣ земледѣльцы никакого совмѣстничества встрѣтить не могутъ.

При этихъ условiяхъ, волею или неволею, фермеры Англии должны были отдавать свой хлѣбъ и скотъ по весьма

умѣренными цѣнами, которыя не допускали возвышаться въ годамъ, получаемымъ отъ земледѣлія, и потому останавливали дальнѣйшее его усовершенствованіе и развитіе внутренней торговли и денежнаго богатства. Впрочемъ, при избыткѣ произведеній, въ усовершенствованіи земледѣлія не было и надобности, тѣмъ болѣе, когда цѣны на всѣ произведенія земледѣлія, хоть и далеко не доходили до нынѣшнихъ, но все же доставляли достаточную прибыль фермерамъ для того, чтобы справлять ихъ частныя и общественныя нужды, которыя тогда были гораздо ограниченнѣе нынѣшнихъ; потому и въ сильномъ денежномъ богатствѣ не было такой надобности, какъ нынѣ, когда, съ развитіемъ общественной жизни, развилась гражданственность со своими государственными, общественными и частными необходимостями, и когда государственное устройство потребовало сильнаго государственнаго дохода, съ одной стороны необходимаго для внутренняго благоустройства, съ другой для развитія народныхъ средствъ и государственнаго могущества.

Это второй періодъ земледѣлія, въ которомъ еще въ 1790 году находилась Англія. Въ это время она производила болѣе хлѣба, чѣмъ ей было нужно, и избытки произведеній своего земледѣлія отправляла за границу.

3-й періодъ земледѣлія. Производство уравновѣшивается съ требованіемъ.

Изъ втораго періода, однакоже, быстро вышла Англія, по случаю трехъ главныхъ причинъ: 1-я: вслѣдствіе своего благосостоянія, ея народонаселеніе зачало быстро увеличиваться. 2-я: Какъ уже сказано, въ соединенномъ королевствѣ, и нынѣ, вмѣстѣ съ пастбищами, считается не болѣе 13,995,109 десятинъ воздѣланной земли, — потому нельзя было увеличивать зазѣвы пропорціонально съ увеличивающимся народонаселеніемъ. Отъ того земледѣліе скоро стало производить только что достаточное количество хлѣба для народнаго продовольствія, и производство уравновѣсилось съ потребленіемъ.

Между тѣмъ земледѣліе въ Англіи было ограждено отъ иностраннаго совѣстничества высокими пошлинами, равными запрещенію. Потому, при переходѣ отъ избытка къ равновѣсію, цѣны на произведенія земледѣлія, могли возвыситься и возвышались весьма сильно.

Съ равновѣсіемъ начался третій періодъ земледѣлія, въ продолженіи коего, съ быстрымъ возвышеніемъ цѣнъ на хлѣбъ, мясо и на всѣ произведенія Сельскаго Хозяйства, должны были увеличиться выручки фермеровъ, которыя, давъ возможность располагать болѣе мощными капиталами для утучненія полей, и болѣе тщательной ихъ обработки, подвигли фермеровъ къ тѣмъ искусственнымъ началамъ, которыми исполнѣ они начали пользоваться впоследствии, когда возвысившіяся цѣны на ихъ произведенія, уже богатою рукою вознаграждали сильныя задатки, употребленныя на удобреніе, утучненіе и обработку полей.

Прибыльное земледѣліе, получивъ прочное основаніе въ Англіи, повлекло за собою сильное возвышеніе цѣнъ на земли, составляющія, во всякомъ великомъ самостоятельномъ и многолюдномъ государствѣ, главный государственный производительный капиталъ.

Прибыли, получаемыя отъ земледѣлія, устроили прочное благосостояніе фермеровъ и богатство земледѣльцевъ.

Съ сего времени, съ одной стороны, земледѣліе начало въ самомъ себѣ находить богатые средства для своего усовершенствованія, безъ всякаго другаго содѣйствія со стороны правительства, кромѣ защиты его отъ иностраннаго совѣстничества. Съ другой, благосостояніе фермеровъ и богатство земледѣльцевъ, потребовали множество предметовъ необходимыхъ вообще для усовершенствованія хозяйства, для жизни болѣе комфортабельной и для роскоши. Это требованіе развило промышленность, мануфактурное производство, и обратило часть народной дѣятельности на произведеніе художественныхъ и искусственныхъ предметовъ.

Отсюда начала сильно развиваться внутренняя торговля, основанная на разнѣмъ произведеній земледѣлія на произве-

деніе мануфактуръ, ремеслъ, искусствъ и художествъ, послужившая основаніемъ баснословному внутреннему денежному кругообороту и государственному денежному богатству, независимо отъ внешней торговли, которая тому и другому тоже много способствовала.

4-й періодъ. Недостатокъ хлѣба при слабомъ урожаѣ.

4-й періодъ земледѣлія начался съ того времени, когда по случаю сильнаго приращенія народонаселенія, Англія, при слабомъ урожаѣ, уже не могла производить достаточно хлѣба для продовольствія своихъ жителей, и въ эти годы должна была прикупать хлѣбъ иностранный, который однакоже, еще не былъ освобожденъ отъ сильныхъ пошлннъ. Потому, понятно, что въ этомъ 4-мъ періодѣ цѣны на хлѣбъ и на всѣ произведенія Сельскаго Хозяйства еще болѣе возрасли, а съ ними и прибыль фермеровъ, которая дала имъ возможность, уже совершенно искусственными мѣрами, не только утучнять, engraisser, свои поля, но еще ихъ удобривать, amender, и помогать растительности дорогими пожертвованіями, и этими средствами, на однихъ и тѣхъ же площадяхъ, сильно увеличить произведеніе.

Въ этомъ періодѣ возрастающая прибыль фермеровъ еще сильнѣе возвысила цѣны на земли, — съ чѣмъ вмѣстѣ, пропорціонально съ ихъ возвышеніемъ, увеличилось и государственное богатство, имѣющее прямое вліяніе на государственный доходъ.

Такъ какъ благосостояніе земледѣльцевъ росло, то, по мѣрѣ возвышенія ихъ денежныхъ средствъ, они все болѣе и болѣе дѣлались потребителями произведеній мануфактуръ, искусствъ, ремеслъ и художествъ. По этому случаю промышленныя, мануфактурныя и художественныя производства, во время 4-го періода, и развились въ необыкновенно сильномъ размѣрѣ, съ чѣмъ вмѣстѣ должна была громадно развиться и внутренняя торговля.

Такимъ образомъ высокія цѣны на всѣ произведенія Сельскаго Хозяйства, поставивъ земледѣліе на высочайшую точку

совершенства, основавъ благосостоянію земледѣльцевъ — фермеровъ, возвысивъ громадно цѣны земель главнаго государственнаго производительнаго капитала, и упрочивъ денежное богатство Англіи, развили мануфактурное производство, промышленность, искусства, художества, и вызвали такую внутреннюю торговлю, въ которой цѣнность только предметовъ земледѣлія превышала всю цѣнность внѣшней всемірной торговли Англіи, на $\frac{1}{3}$.

Потому и понятно, что высокія цѣны на произведенія земли сдѣлались главнымъ основаніемъ громаднаго внутренняго денежнаго кругообращенія, и баснословнаго денежнаго богатства, которое, сверхъ того, еще поддерживается въ Англіи, громадною же внѣшнею торговлею, чрезвычайно для Англіи выгодною, потому, что эта торговля основана не на сырыхъ, дешевыхъ, мало прибыльныхъ перворучныхъ произведеніяхъ, но на произведеніяхъ мануфактуръ, ремесель, искусствъ и художествъ. И наконецъ, всѣ денежные обороты торговли, и само денежное богатство Англіи, громадно были развиты посредствомъ кредита, упроченнаго въ Англіи такимъ законоположеніемъ, которое, завися отъ общества, имѣетъ основаніемъ мнѣніе тѣхъ лицъ, которые специально знакомы съ предметомъ, и принимаютъ въ кредитныхъ операціяхъ непосредственное участіе.

Конечно денежное богатство Англіи совершенно фиктивное. Но поддерживаемое, съ одной стороны, общественнымъ мнѣніемъ, народнымъ образованіемъ и энергическимъ его меркантильнымъ направленіемъ; съ другой, законоположеніемъ, все болѣе и болѣе развивающимъ общественную жизнь, частную предприимчивость и народную дѣятельность, это баснословное и фиктивное денежное богатство, не смотря на чрезвычайно сложный его составъ до 1846 года, было непоколебимо, — разумѣется въ той степени, которая принадлежитъ всѣмъ человѣческимъ дѣламъ и устройствамъ на нашемъ земномъ шарикѣ. Потому Англія и находила въ самой себѣ средства поддержать это, во всѣхъ отношеніяхъ искусственное свое положеніе.

Съ потерей этихъ средствъ, положеніе Англіи совершенно измѣнилось, о чемъ будетъ говорено въ 6 періодъ.

При такомъ счастливомъ ходѣ внутреннихъ хозяйственныхъ дѣлъ, т.-е. когда плодъ выгодныхъ производствъ и громадной торговли баснословно увеличили частное, а отъ него и государственное богатство; вмѣстѣ съ этимъ всеобщимъ денежнымъ богатствомъ, быстро выстроились и украсились города; народонаселеніе ихъ сильно увеличилось; въ тѣсноживущемъ народонаселеніи явилась потребность ускорить сношенія и сообщенія.

Въ это время внутреннія сухопутныя и водяныя сообщенія были превосходно устроены въ Англіи. Но это превосходство уже не соответствовало громаднымъ оборотамъ торговли, чувству корысти и требованіямъ комфорта. И пароходы, паровозы, электрическіе телеграфы удовлетворили надобность, чувство и требованіе; на что государственные финансы, или лучше, частные капиталы, поддерживаемые кредитными установленіями, легко нашлись; но потому только, что основаніе опора европейскаго гражданскаго порядка, производства и государственнаго могущества, — фиктивное денежное богатство, развившись громадно, и утвердившись прочно, на основаніяхъ поддержанныхъ законами и общественнымъ мнѣніемъ, вызвало всѣ способы и способности, и дало имъ полныя средства, достигнуть во всѣхъ практическихъ производствахъ до такихъ громадныхъ успѣховъ, до которыхъ еще нигдѣ и никто не достигалъ.

При такихъ блестящихъ результатахъ, однако же, не смотря на благосостояніе земледѣльцевъ, сдѣлавшихся сильными потребителями произведеній мануфактуръ, ремеслъ, искусствъ и художествъ, не смотря на сильное развитіе промышленности и мануфактурнаго производства, — съ чѣмъ вмѣстѣ увеличились и способы къ жизни рабочихъ людей нижняго слоя, — совсѣмъ тѣмъ, эти способы уже не вполнѣ были достаточны для удовлетворенія самыхъ ограниченныхъ нуждъ пролетаріевъ, какъ потому, что жизненныя потребности сильно вздорожали, такъ и отъ того, что число пролетаріевъ въ 1836

году возросло уже до девяти миллионъ (*); отъ того и сумма ихъ труда стала превышать на трудъ требованіе; съ тѣмъ вмѣстѣ положеніе не малой части пролетаріевъ стало невыносимо, со всѣмъ тѣмъ, что въ Англии давно уже, въ пользу бѣдности, взимается, съ богатыхъ сословій значительная подать, которую тогда можно было почитать также и премією въ пользу мануфактурнаго производства и земледѣлія, дабы, съ одной стороны, дорогое продовольствіе рабочаго класса не возвышало цѣнъ на произведенія мануфактуръ, и Англія, на всемірномъ рынкѣ, не могла встрѣчать опаснаго для нея, иноземнаго совѣстничества; съ другой, чтобы не понижались цѣны на произведенія земледѣлія въ ущербъ внутренней торговли, общаго въ народѣ денежнаго круговращенія и государственнаго денежнаго богатства.

5-й періодъ земледѣлія. Англія не производитъ достаточно хлѣба для продовольствія ея жителей.

Пятый періодъ земледѣлія наступилъ въ Англии съ того времени, когда отчетливыя, искусственныя и дорогія мѣры, принятыя земледѣльцами, уже сдѣлались неудовлетворительны для того, чтобы производить достаточно хлѣба и мяса на продовольствіе народонаселенія, быстро увеличившагося, по милости того благосостоянія, которое было слѣдствіемъ равновѣсія между силою производства и потребленіемъ, между подачами и доходами, и вслѣдствіе денежнаго богатства, которое упрочилось въ Англии конечно дѣятельностію, предприимчивостію и трудомъ частныхъ лицъ, но сверхъ того, еще охранительными ѳрами правительства, которое никогда не упускало изъ вида развить, возвысить и упрочить главную потребность въка—денежное богатство, во что бы то ни стало но съ такимъ при томъ условіемъ, чтобы денежное богатство, прежде всего, было удѣломъ частныхъ лицъ, при которомъ государственное богатство легко и естественно устрояется.

(*) Въ этомъ числѣ было 7,497,531 человекъ рабочаго народа и 1,548,000 нищихъ, скитающихся мошенниковъ и осужденныхъ. Моро-де-Жоневъ. Т. 1. стр. 151.

Съ этого времени начинается блестящій періодъ земледѣлія: цѣны на его произведенія поднимаются уже безмѣрно, и не смотря на то, что фермеры, для увеличенія произведеній, зарывали въ свою землю громадныя пожертвованія, эти задатки всегда приносили постоянную, заранѣе разсчитанную прибыль.

Такой ходъ Сельскаго Хозяйства могъ быть введенъ и основанъ потому только, что громадно развившееся уже, въ предъидущемъ періодѣ, мануфактурное производство, промышленность и торговля давали на искусственное и дорогое производство земледѣлія полныя денежныя средства.

Съ увеличеніемъ денежнаго богатства, естественно понизились значительно проценты, получаемые отъ капиталовъ, которымъ служить представителемъ земля; но это пониженіе коснулось землевладельцевъ только нарицательно; въ существѣ же дѣла, доходы земель, выражающіе проценты на капиталы, этого рода утроились, учетверились и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ удесят�рились, по случаю сильнаго возвышенія прибыли фермеровъ.

Такимъ образомъ въ границахъ тѣсноживущаго народонаселенія, образованнаго гражданскою жизнью, устроилось въ Англіи фиктивное денежное богатство, подъ покровительствомъ правительства, частною дѣятельностію, которая съ помощію климата и кредитныхъ операцій развила вмѣстѣ съ денежнымъ богатствомъ земледѣліе, промышленность, мануфактурное производство, внутреннюю и вѣдшнюю торговлю, не встрѣчая въ правительственныхъ мѣрахъ тягостныхъ налоговъ, прямо или косвенно понижающихъ средства частныхъ лицъ, или такого совиѣстничества въ производствѣ, которое бы парализировало ихъ усилія.

При этихъ только мѣрахъ и при такомъ только ходѣ, земледѣліе могло сдѣлаться въ Англіи источникомъ частнаго матеріальнаго благосостоянія, которое выражается частнымъ и государственнымъ денежнымъ богатствомъ, которое во всякомъ многолюдномъ, великомъ и самостоятельномъ государствѣ, гдѣ народная дѣятельность всегда обращена на три

главныя ея проявленія: на земледѣліе, промышленность и торговлю, должно имѣть основаніемъ, преимущественно, внутреннюю торговлю, даже и тогда, когда бы внѣшняя торговля дѣйствительно служила, какъ подлинно внѣшняя торговля и служить въ Англіи, значительною подпорою денежному богатству и сильному государственному доходу, для всякаго государства необходимому. не только для порядка и благоустройства, но еще для его могущества, котораго требуетъ въкъ и нынѣшній составъ европейскаго общества, потрясенный въ своемъ основаніи взволнованными страстями и совершенно безирравственнымъ направленіемъ.

Въ этомъ состояніи находилась Англія до 1846 года, т.-е. до билля, позволившаго почти свободный ввозъ хлѣба въ Англію (*).

Цѣнность ея произведеній земледѣлія, какъ уже сказано, превышала всю цѣнность громадной ея внѣшней торговли на $\frac{1}{3}$. Но эта баснословная цѣнность еще не ограничивается этою цифрою. Чтобы попасть къ потребителю, произведенія земледѣлія обыкновенно переходятъ черезъ нѣсколько рукъ и въ каждой оставляютъ наживу. Что, слѣдовательно, по крайней мѣрѣ, утроиваетъ денежное круговращеніе, по торговлѣ только хлѣбной.

Присоединивъ къ этому денежному круговращенію всю внутреннюю торговлю произведеніями мануфактуръ, ремеслъ, искусствъ и художествъ; приобща къ внутренней всю внѣшнюю торговлю Англіи, громадно развигую посредствомъ кредита, во всѣхъ пяти частяхъ земли; и, наконецъ, взявъ въ соображеніе, какое неограниченное развитіе можетъ принять фиктивное денежное богатство при пособіи кредита, непоколебимо упроченнаго мудрыми законоположеніями и оберегаемаго общественнымъ вліяніемъ, — тогда только можно понять, отъ чего и какимъ образомъ государство, имѣющее нынѣ не болѣе 28 милліоновъ народонаселенія, и около 20 милліоновъ воздѣланной земли, получаетъ 53 ми. л. фун. ст. (331 мил.

(*) Нынѣ платится въ Англіи пошлина только 95 коп. съ четверти.

рублей серебромъ) дохода, который еще, по случаю безсо-
вѣстной, со стороны англичанъ, нынѣшней войны, легко и
громоздко былъ увеличенъ; и что всего важнѣе, вся прибавоч-
ная сумма первоначально составила только посредствомъ
легкаго налога на доходы богатыхъ лицъ. И, наконецъ, не
прежде, какъ обнять весь ходъ дѣлъ, касающійся до земле-
дѣлія, промышленности и торговли, — все законоположеніе, уст-
роившее кредитъ и его обезпечивающее, можно постигнуть:
почему денежное богатство всѣхъ пяти частей земли, преиму-
щественно сосредоточивается на лондонской биржѣ.

6-й періодъ. Правительство англи, вслѣдствіе требованія $\frac{2}{3}$,
народонаселенія, лишаетъ покровительства свое земледѣліе,
и допускаетъ свободный ввозъ хлѣба.

Шестый періодъ земледѣлія въ Англии насталъ въ 1846
году, когда англійское правительство открыло все свои порты
для свободнаго ввоза хлѣба.

Причины, вызвавшія биль о свободной хлѣбной торговлѣ,
понятны.

Нынѣ въ Англии потребляется до 85 милліоновъ четвертей
хлѣба. — а производится не болѣе 70 или 73 мил. четвер-
тей. Почему ежегодный недостатокъ увеличился отъ 12 до 15
миліоновъ четвертей. Этотъ недостатокъ хлѣба, ежегодно Ан-
глія можетъ получать изъ различныхъ мѣстъ: изъ Молдавіи
и Валахіи, изъ Египта, изъ Венгріи чрезъ Триестъ, изъ Бал-
тійскихъ прусскихъ портовъ, изъ Гамбурга, изъ Соеди-
ненныхъ Штатовъ, и болѣе всего получала отъ насъ, когда война
не препятствовала нашей хлѣбной торговлѣ.

По покупнымъ цѣнамъ на мѣстахъ произведенія приво-
зимаго въ Англию хлѣба, англичане очень хорошо поняли,
что если у нихъ будетъ свободный ввозъ хлѣба и мяса, тогда
цѣны на жизненныя потребности сильно упадутъ.

Потому, во 1-хъ, многочисленный классъ пролетаріевъ,
чувствовавшій болѣе прочихъ сословій тягость высокихъ цѣнъ
на необходимыя жизненныя потребности, потребовалъ свобод-
наго ввоза хлѣба и мяса.

Народонаселеніе городовъ въ Англіи чрезвычайно сильно. Для всѣхъ городскихъ жителей дороговизна жизненныхъ потребностей стала тоже обременительна. Потому, для уменьшенія своихъ расходовъ, и городскіе жители тоже требовали свободной торговли хлѣбомъ.

Наконецъ, такъ какъ въ Англіи нельзя покупать недвижимыхъ имѣній, когда хочешь, или, внося капиталы въ банки, получать значительные проценты: — потому что недвижимыя имѣнія продаются тамъ очень рѣдко, а банки не даютъ болѣе 2—3-хъ процентовъ, потому для выгоднаго оплодотворенія частныхъ громадныхъ капиталовъ, въ Англіи оставались только искусственныя предпріятія: хрустальныя дворцы, желѣзныя дороги. etc. etc, или предпріятія мануфактурныя, торговыя и банкирскія.

Размѣръ первыхъ не можетъ быть ограниченъ. Но мѣра послѣднихъ уже преисполнена: мануфактурное производство превышаетъ требованіе; банкирскія конторы вездѣ устроены; и на всемъ земномъ шарѣ всѣ мѣста, гдѣ только могли проникнуть англичане, (а они куда не проникнули!), завалены ихъ произведеніями, однакоже при совмѣстничествѣ многихъ другихъ государствъ. Следовательно, уничтоживъ это совмѣстничество, можно было надѣяться, что требованія внешней торговли на мануфактурные предметы увеличатся. Но для этого надобно: производить предметы внешней торговли лучше и дешевле другихъ народовъ.

По необыкновенной отчетливости, высокому практическому образованію и искусству, народъ англійскій давно успѣлъ во всемъ томъ, что касается до превосходства товара. Но производить мануфактурныя произведенія дешево, безъ дешеваго труда, или точнѣе, безъ дешеваго хлѣба, отъ котораго зависитъ плата за трудъ, нельзя. Потому-то и капиталисты тоже потребовали свободнаго ввоза хлѣба, дабы, понизивъ цѣну на наемный трудъ, следовательно и на товаръ, можно было подорвать своихъ совмѣстниковъ по торговлѣ и развить еще болѣе мануфактурное производство, въ пользу внешней торговли.

И такъ въ совокупности $\frac{2}{3}$ народонаселенія Англїи настойчиво потребовали отъ правительства свободной торговли, по причинамъ вышеизложеннымъ.

Были чужды этому требованію землевладельцы и фермеры-земледѣльцы по весьма ясной причинѣ: потому, что при свободной торговлѣ, упадокъ цѣнъ на произведенія земледѣлія, да еще упадокъ страшный, необходимо долженъ былъ сильно понизить капиталы землевладельцевъ и подорвать выгоды фермеровъ.

Правительство весьма чувствовало, что свободный ввозъ хлѣба будетъ пагубенъ для землевладельцевъ и фермеровъ; но оно не противилось требованію $\frac{2}{3}$ народонаселенія, тѣмъ болѣе, что это народонаселеніе болѣею частию городское, и, по многочисленности пролетаріи. Это требованіе и заставило его пожертвовать земледѣліемъ.

Въ 1846 году настояніемъ С. Р. Пилля, и состоялся билль парламента, открывшій въ соединенномъ королевствѣ все его порты для почти свободнаго ввоза хлѣба и жизненныхъ потребностей, измѣнившій даже навигаціонный актъ Кромуеля въ пользу этого ввоза.

Свободный ввозъ хлѣба дѣйствительно понизилъ цѣны на все произведенія земледѣлія до того, что во многихъ мѣстахъ Англїи фермеры начали почитать свое производство убыточнымъ.

Вмѣстѣ съ пониженіемъ доходовъ земледѣльцевъ и прибылей фермеровъ, само собою разумѣется, должна была ослабѣть внутренняя торговля и вообще внутреннее денежное круговращеніе, въ великомъ самостоятельномъ и многлюдномъ государствѣ, какъ уже сказано, всегда зависящее отъ цѣнъ на произведенія земледѣлія. Слѣдовательно этотъ государственный переворотъ поколебалъ ходъ дѣлъ земледѣлія и внутренней торговли, совершенно измѣнилъ систему правительства въ отношеніяхъ государственныхъ финансовъ, такимъ образомъ: до этого была земледѣліе, съ помощію высокихъ цѣнъ на его произведенія и по громадности внутреннаго размѣна произведеній земледѣлія на произведенія промышлен-

ности и мануфактуръ, земледѣліе, говорю, почиталось основаніемъ денежнаго внутренняго круговращенія и вообще денежнаго богатства Англіи, въ коемъ первое мѣсто занимала цѣна земли, а внѣшняя торговля, какъ она ни была сильна, почиталась дѣломъ второстепеннымъ; послѣ била, первостепенное мѣсто, въ отношеніяхъ денежнаго богатства и денежнаго круговращенія, заняло мануфактурное производство и внѣшняя торговля, которая, можно ожидать, перевыситъ обороты внутренней торговли, какъ только Англія войдетъ въ нормальное свое положеніе, натянутое нынѣ войною и не ясно означившеся, по тому случаю, что вслѣдствіе войны, затруднившей привозъ хлѣба, упавшія было цѣны на произведенія земледѣлія нынѣ поднялись еще сильнѣе прежнихъ (*).

Изъ этого положенія Англіи ясно, что биль о свободной хлѣбной торговлѣ можетъ сильно подрывать земледѣліе Англіи и страшенъ для ея финансовъ только въ мирное время, когда ничто не затрудняетъ ввозъ хлѣба въ Англію, тогда въ полной мѣрѣ упадокъ цѣнъ на произведенія ея земледѣлія неотразимъ.

При смутныхъ политическихъ дѣлахъ въ Европѣ, и особенно при континентальной войнѣ, въ которой бы еще принимала участіе Англія,—дѣло другаго рода: въ этомъ случаѣ, если мануфактурное ея производство и внѣшняя торговля нѣсколько слабѣютъ, — (все же не на столько, какъ внѣшняя торговля континентальныхъ державъ), но за то сильно возвышаются цѣны на произведенія земледѣлія, а съ ними громадно увеличиваются размѣры внутренней торговли, основанной на размѣнѣ произведеній земледѣлія на произведенія мануфактуръ, ремеслъ, искусствъ и художествъ; съ чѣмъ вмѣстѣ, само собою разумѣется, и внутреннее денежное круговращеніе опять получаетъ великіе размѣры.

Нечего и говорить,—вмѣстѣ съ нынѣшнюю войною началась опять блестящая эра для англійскаго земледѣлія, т. е. для ея фермеровъ и аристократовъ - землевладельцевъ, кото-

(*) Три года тому назадъ, пшеница продавалась въ Англіи отъ 10 до 11 руб. за четверть; а нынѣ она продается отъ 22 до 25 рублей.

рые, впрочем, и вызвали эту бессовѣстную съ ихъ стороны, и варварскую войну. Но оставимъ ее въ сторонѣ, тѣмъ болѣе, что она вышла изъ границъ человѣческаго понятія, и обратимся къ внутреннему положенію Англіи. Оно ясно выказываетъ ту неоспоримую истину: что съ тѣхъ поръ, когда земледѣліе не можетъ почитаться въ Англіи основаніемъ ея денежнаго богатства, Англія перестала жить собственною своею жизнію. Для благосостоянія ея жителей, для ея богатства, для ея силы и могущества, ей необходимо стало участіе другихъ народовъ, только участіе не сердечное, не дружелюбное, но такого рода, чтобы это участіе доставляло ей карманную выгоду, для коей главное средство: непрерывное ея стремленіе понизить, или уничтожить выгоду своихъ соперниковъ по могуществу и совѣстниковъ по производству. Это ея цѣль и причина всѣхъ ея дѣйствій, потому и не мудрено, когда необходимость требуетъ денежной наживы, что чувство корысти сдѣлалось кумиромъ всего народонаселенія въ Англіи, отъ Жонъ-Буля до Пальмерстона включительно.

Что же мудренаго, что Англія светъ вездѣ смуты и раздоры, покровительствуетъ всякаго рода столкновеніямъ, возбуждаетъ и ищетъ войны, особенно съ тѣми государствами, которыя растутъ быстро своими матеріальными средствами, своимъ величіемъ и могуществомъ. Для того, чтобы ослабить могущество такихъ государствъ, подорвать ихъ производство, промышленность и торговлю, разграбить мирныхъ ея жителей, она готова соединиться не только съ Французіи, наследственными и необходимыми ея врагами-совѣстниками; поддерживать ихъ взбалмошное честолюбіе въ такихъ особенно предпріятіяхъ, которыя могутъ ослабить матеріальное могущество Франціи; вѣсть съ варварами-турками громить христіанъ для невозможной пользы исламизма; пугать Европу выдуманнымъ какимъ-то страшилищемъ, опаснымъ для цивилизаціи, для политическаго равновѣсія, (котораго никогда не бывало и быть не можетъ), для безопасности континентальныхъ государствъ,—не смотря на то, что это страшилище, руководствуясь христіанскими началами, вездѣ поддерживало поря-

докъ правительствъ, чтило самостоятельность народовъ и защищало слабыхъ своимъ покровительствомъ, всегда великодушнымъ и безвозмезднымъ, своею силою и могуществомъ; сохранило многія континентальныя государства, въ томъ числѣ и Турцію, отъ паденія, отъ войны, — что до этого Англіи! — Преслѣдуя цѣль свою, — она, забывъ честь, совѣсть и законъ, готова соединиться съ готентотами, какъ нынѣ соединилась съ дикими племенами кавказскими, и подъ покровительствомъ Пексановой пушки и корабельнаго винта, руководствуясь чувствомъ корысти, и имѣя въ предметъ наживу, она, не жалѣя собственной своей крови, высококомѣрно пойдетъ прямо противъ челоуѣчества, не чувствуя, что высококомѣріе уже ни мало не принадлежитъ согнившей ея родовой аристократіи, и что денежной оно никогда не принадлежало.

Но образумится же англійскій народъ, нынѣ обманутый и воспламененный противъ Россіи нѣкоторыми членами кабинета и журналистами; почувствуютъ же французы, что ихъ кровь и деньги тратятся, во-первыхъ, для удовольственія личнаго и преступнаго эгоизма; во-вторыхъ, только для выгодъ Англіи. Тогда эта ужасная война должна будетъ прекратиться. Тогда, вмѣстѣ съ миромъ, Англія должна будетъ войти, въ отношеніяхъ своего земледѣлія, въ нормальное положеніе на тѣхъ основаніяхъ, которые устроены билемъ 1846 года, — когда цѣны на всѣ произведенія земледѣлія должны будутъ сильно упасть и ослабить, вмѣстѣ съ внутреннею торговлею, и денежное ея богатство, которое трудно будетъ поддержать только мануфактурнымъ производствомъ и внѣшнею торговлею, тѣмъ болѣе, что нельзя же полагать, чтобы всегда новые богатые пріиски золога продолжали непрерывно поддерживать, по этому случаю, чрезвычайно развѣвшееся ея производство; и когда во всѣхъ цивилизованныхъ государствахъ стремительно увеличивается число ея соперниковъ по производству и совмѣстниковъ по торговлѣ, особенно въ Соединенныхъ штатахъ; и когда, наконецъ, сбытъ мануфактурныхъ ея произведеній, отъ слишкомъ усиленнаго производства, и нынѣ уже становится годъ отъ году труднѣе.

Судя безпристрастно, нельзя, кажется, не замѣтить, въ нынѣшнемъ устройствѣ Англіи, границъ ея совершенно искусственнаго состава, который не можетъ же вѣчно прикрывать ея наткнутое положеніе, увеличенное, нынѣ, новыми займами и налогами, и къ-тому еще сильно колеблемое внутренними несогласіями и демократическими началами. Рано или поздно существенность, *la réalit *, должна войти въ свои права; а съ нею страшный переворотъ въ Англіи неизбеженъ; тѣмъ болѣе, что непоколебимость старинныхъ началъ государственнаго управленія исчезла, и сильныя партіи требуютъ еще сильнѣйшихъ измѣненій въ пользу демократіи, руководимой вездѣ и всегда, не только безсмысленнымъ влеченіемъ и преступными порывами къ богатству и власти, но еще рѣзкимъ желаніемъ потрясти и измѣнить вѣками устроенный составъ общества во всѣхъ его основаніяхъ.

Удержится ли Англія отъ этого внутренняго напора необузданныхъ страстей, враждебныхъ правительству и ея аристократіи, вызванныхъ анти-религіознымъ образованіемъ, философическимъ и энциклопедическимъ ученіемъ, и примѣрами блестящей роскоши, которая, породивъ зависть, водворила во всѣхъ классахъ общества чувство необходимости денежнаго богатства?

Этотъ вопросъ не былъ такъ страшенъ для Англіи, когда могущественная и просвѣщенная аристократія, нераздѣльно управляла судьбами Англіи. Но нынѣ управляетъ ею не единство просвѣщенной мысли, а разногласіе, поддерживаемая противоположными направленіями, лживыми объясненіями, или случайнымъ, только остроумнымъ ораторствомъ и такими людьми, которые не могутъ, или не смѣютъ дать публикѣ полного и яснаго отчета въ своихъ дѣйствіяхъ. Это отсутствіе правдивыхъ началъ, непременно поселяетъ раздоры и столкновенія, уничтожаетъ единство правящей мысли, нравственное чувство народа и его уваженіе къ правительству—главную опору и связь народа съ правительствомъ.

Потому-то и нельзя, кажется, сомнѣваться въ томъ, что грозная будущность стала очевидна для Англіи, которая,

сверхъ того еще вслѣдствіе своего совершенно искусственнаго и натянутого положенія, не можетъ падать, какъ падали Греція, Карфагенъ и Римъ, въ продолженіе нѣсколькихъ вѣковъ. Все могущество Англіи основано на кредитѣ, т.-е. на фиктивномъ денежномъ богатствѣ, которое поддерживается общественнымъ мнѣніемъ въ стѣнахъ лондонской биржи и англійскаго банка. Слѣдовательно, съ потрясеніемъ кредита, все искусственное зданіе должно разрушиться и пасть стремительно, какъ отъ страшнаго удара землетрясенія.

Здѣсь не вызывается это бѣдствіе на Англію, не только потому, что это несогласно съ христіанскими чувствами, но еще потому, что паденіе кредита въ Англіи, страшно отзовется въ карманахъ и портфеляхъ всѣхъ народовъ и правительствъ. Здѣсь представляется только возможность паденія, слѣвавшаяся, нынѣ, болѣе нежели когда-либо, ошутительною, по случаю несправедливой и варварской войны, которую ведетъ Англія съ Россією. И за доказательствами далеко идти не для чего: сильно возвышенный учетъ англійскаго банка, сильно упавшіе фонды отверженнаго англійскаго займа, *consolidés*; расходы на войну, все болѣе и болѣе увеличивающіе дефицитъ бюджета, слѣдовательно и необходимость усиливать налоги и займы, суть такіе признаки, которые нередко бывали предвѣстниками банкротства.

ЗАКЛЮЧЕНІЯ

Я началъ говорить о земледѣліи, а кончилъ денежнымъ богатствомъ.

Это такъ сбѣдилось вотъ почему: полагаю, всякой согласится, что земледѣліе есть такое производство, которое должно доставлять челоуѣку живущему, въ гражданскомъ обществѣ, не одну пищу, или пріятное и нравственное занятіе, но сверхъ того еще—земледѣліе должно основывать прочно благосостояніе земледѣльца, и, во всякомъ многолюдномъ, пространномъ и самостоятельномъ государствѣ служить основаніемъ денежному кругообращенію, денежному богатству и госу-

дарственному доходу, необходимому, какъ уже сказано, для общественнаго порядка, для государственнаго и частнаго устройства и для полнаго раскрытія всей силы и могущества имперіи.

Слѣдовательно цвѣтущее состояніе земледѣлія не выражается только количествомъ зеренъ, которое получается съ даннаго пространства воздѣланой земли, и еще менѣе тѣмъ кускомъ хлѣба, которымъ мы питаемся; но всѣ его преимущества должны опираться на денежную прибыль, которая, съ одной стороны, могла бы прочно основать благосостояніе земледѣльца, т.-е. служила для него возможностью быть сильнымъ потребителемъ произведеній промышленности и мануфактурнаго производства; съ другой, давала бы ему средства платить сильныя подати и повинности. Потому цвѣтущее земледѣліе значить прибыльное земледѣліе. А такъ какъ прибыль зависитъ отъ цѣнъ производимыхъ предметовъ, слѣдовательно прибыльное земледѣліе есть слѣдствіе высокихъ цѣнъ на его произведенія.

Въ этомъ только случаѣ земледѣльцы и землевладѣльцы, сдѣлавшись богатыми производителями, вмѣстѣ съ тѣмъ сдѣлаются и сильными потребителями произведеній промышленнаго класса жителей, которые, при выгодномъ своемъ производствѣ, въ свою очередь щедро могутъ платить земледѣльцамъ — за хлѣбъ и мясо, казнѣ — подати, и обществу — повинности, которыя всѣ въ совокупности, окончательно, всегда падаютъ на земледѣльцевъ и землевладѣльцевъ, потому-что земледѣльцы и землевладѣльцы не имѣютъ средствъ возвышать цѣнъ на свои произведенія, по мѣрѣ возвышенія податей, акцизовъ и повинностей, такъ какъ купцы и ремесленники, имѣющіе всегда полную возможность накладывать подати на товаръ, или на руководъное свое произведеніе, заставляя, такимъ образомъ, покупателя платить возвышеніе податей.

На этихъ основаніяхъ, первоначально, въ Англіи были подняты выгоды земледѣлія, которыя повлекли за собою сильную внутреннюю торговлю и денежное богатство, впо-

сдѣлать баснословно развитое и упроченное кредитомъ и вѣдшею торговлею.

Никакія другія, одностороннія мѣры не сдѣлають земледѣлія цвѣтущимъ и не разовьютъ сильнаго денежнаго богатства, — первой необходимости нашего вѣка, — въ великомъ, многолюдномъ государствѣ, гдѣ народная дѣятельность, болѣе или менѣе зависящая отъ климата, мѣстныхъ условій и народнаго образованія, необходимо всегда бываетъ обращена на три главныя ея проявленія: на земледѣліе, промышленность и посредницу ихъ торговлю, смотря потому, какая изъ его мѣстностей способнѣе къ тому или другому производству.

Потому-то была бы величайшая ошибка почитать великое, многолюдное, управляемое на правилахъ европейской гражданственности государство исключительно, или даже преимущественно земледѣльческимъ, или торговымъ. Въ немъ могутъ быть, какъ всегда и бывають, провинціи земледѣльческія, промышленныя, или мѣста торговля. Но нельзя полагать, чтобы нѣсколько десятковъ миллионѣвъ людей находили въ однообразномъ производствѣ, не только свое благосостояніе, но даже способы для государственной, общественной и частной своей жизни, которая требуетъ, чтобы значительное народонаселеніе обратило свою дѣятельность на всѣ отрасли народнаго производства, и чтобы земледѣліе, промышленность, мелкое руководящее производство и мануфактурное, завися другъ отъ друга, были соединены обоюдными выгодами преимущественно посредствомъ внутренней торговли (*).

Внѣшняя торговля конечно можетъ способствовать благосостоянію жителей, особенно гдѣ надобно кормить миллионы

(*) Это правило нельзя, конечно, прилагать къ малымъ владѣніямъ, которыя могутъ быть исключительно земледѣльческія, промышленныя или торговля, какъ въ великихъ государствахъ бывають мѣста, или провинціи. Напр. Гамбургъ, разславшійся на семь миллахъ, можетъ быть, какъ онъ подлинно и есть, торговымъ владѣніемъ, какъ у насъ Одесса, потому что благосостояніе 200 тысячъ гамбургскихъ жителей основано на торговлѣ,—и то не исключительно; ибо между 180 тысячъ городского народонаселенія, сильно развита руководящая промышленность; а 20 тысячъ сельскихъ жителей пользуются благосостояніемъ посредствомъ выгоднаго земледѣлія.

пролетаріевъ, во Франціи и въ Германіи; только не надобно приписывать всѣмъ проявленіямъ всеобъемлющихъ выгодъ, которыя, дѣйствительно, сильное и благотворное имѣютъ вліяніе на богатство Имперіи, когда отпускаются за границу не сырыя дешевыя произведенія, но предметы цѣбныя: произведенія мануфактуръ, искусствъ и художествъ.

Вотъ причины, почему здѣсь разсматривается земледѣліе Англій, какъ народное производство съ денежнымъ государственнымъ богатствомъ, которое сверхъ того еще необходимо земледѣльцу для частнаго его благосостоянія.

КВ. САВУРОВЪ.

ОБЪЯСНЕНІЯ.

А.

Еще въ царствованіе Екатерины Великой, многими лицами, и даже въ законахъ нашихъ упоминалось о трехъ полосахъ: Сѣверной, Средней и Южной, которыя, тогда уже, были приняты для раздѣленія восточной части Европейской Россіи на особенныя мѣстности народнаго производства; но не видно, чтобы положены были границы этимъ мѣстностямъ, что могло бы чрезвычайно облегчить понятія о народномъ производствѣ и служить къ болѣе точному и прямому объясненію внутренняго хозяйственнаго положенія этой части Европейской Россіи.

Здѣсь пришлось, не только говорить о вышеупомянутыхъ трехъ полосахъ, но еще указывать на элементы народной жизни, принадлежащіе каждой изъ нихъ. Потому стало нужно знать ихъ границы, которыя, для практическаго производства, могутъ быть опредѣлены: климатомъ, элементами производства, ходомъ внутренней и внешней торговли, и вообще условіями нашего внутренняго развѣна произведеній; что, въ совокупности, и можетъ объяснить хозяйственное положеніе этой части имперіи.

На этихъ основаніяхъ восточная и южная часть Европейской Россіи дѣйствительно весьма понятно дѣлится на три особенныя мѣстности, или полосы народнаго производства—на *Сѣверную*, *Среднюю* и *Южную*, въ которыхъ главные элементы, или главныя условія народной практической жизни имѣютъ слѣдующія различныя основанія.

Въ *Съверной* полосѣ,—вслѣдствіе жестокаго климата и хозяйственныхъ расчетовъ, говоря общественно, жители не производятъ достаточно хлѣба и мяса на свое прокормленіе. Посему главную опору своей жизни они находятъ въ промышленности, или въ торговлѣ. Слѣдовательно тутъ земледѣліе только подсобное средство для народной жизни и земля не есть и не можетъ быть корнемъ народнаго производства и богатства.

Средняя полоса, производя весьма значительный избытокъ хлѣба, снабжаетъ имъ съверныхъ жителей, равно какъ и громадно развитую, въ этихъ двухъ полосахъ, внутреннюю нашу хлѣбную торговлю, требующую тутъ вѣроятно, не мѣнѣе 35 или 40 милліоновъ четвертей разнороднаго хлѣба. Потому въ *Средней* полосѣ земледѣліе можно почитать, хоть не единственною, но главною опорю народной жизни, а землю, главнымъ производителемъ капиталомъ.

По сему граница, отдѣляющая Съверную полосу отъ Средней, должна проходить тамъ, гдѣ съ ея Съверной стороны, народонаселеніе перестаетъ производить достаточно земныхъ произведеній для своего продовольствія, а съ южной стороны, зачинаетъ производить избытокъ произведеній земледѣлія.

Средняя полоса распространяется на югъ, до тѣхъ мѣстъ, гдѣ земледѣльцы, по хозяйственнымъ расчетамъ, перестаютъ отсылать свой хлѣбъ на Съверь.

Тутъ начинается *Южная* полоса.

Живя въ климатѣ болѣе умѣренномъ, на благодатномъ просторѣ, жители южной полосы хоть и производятъ громадные избытки земныхъ произведеній, но не имѣя возможности высылать въ съверную полосу своего хлѣба, они отправляютъ туда только свой скотъ и некоторые другіе предметы своего произведенія о коихъ было говорено. Хлѣбомъ же своимъ снабжаютъ преимущественно мѣстное требованіе и внѣшнюю нашу южную хлѣбную торговлю, которая требуетъ тутъ отъ 2 до 3 милліоновъ четвертей, когда война ее не прекращаетъ.

Не менѣе того земледѣліе, общее съ винокурениемъ, винодѣліемъ, скотоводствомъ, садоводствомъ, рыболовствомъ, или одно только скотоводство, въ южной полосѣ составляютъ основаніе народной жизни; потому и земля тутъ должна быть почтена корнемъ ихъ доходовъ и главнымъ производителемъ элементомъ.

Сверхъ этихъ трехъ полосъ, исключая Сибирь, остальная часть Россіи можетъ быть раздѣлена еще на пять различныхъ мѣстностей народнаго производства.

Изъ такого раздѣленія вытекаетъ возможность, исключая Сибирь, составить производительную карту Россіи, раздѣленную на VIII, болѣе или менѣе особенныхъ мѣстностей народнаго производства, которая, какъ я полагаю, можетъ способствовать статистическимъ выводамъ и болѣе точному опредѣленію различныхъ направленій народной дѣятельности.

Такая карта въ видѣ опыта составлена. Вся Европейская Россія, со включеніемъ прикавказскихъ и закавказскихъ губерній, раздѣлена, приблизительно, на различныя мѣстности народнаго производства слѣдующимъ образомъ:

I Мѣстность—Сѣверная полоса.

II ————— Средняя полоса.

III ————— Южная полоса.

Здѣсь упоминается только объ этихъ трехъ полосахъ.

IV Мѣстность Финляндія.

V ————— Остзейскія губерніи.

VI ————— Западныя губерніи.

Въ западныхъ губерніяхъ считается: Ковенская, Виленская, Гродненская, Минская, Витебская, Могилевская, Кіевская, Волинская и Подольская, изъ коихъ, по принятому здѣсь раздѣленію, почти вся Кіевская, большая часть Волинской и вся Подольская губерніи вошли обще съ Бессарабією, въ южную полосу, на томъ основаніи, что жители этой части западныхъ губерній произведенія своего земледѣлія обязаны потреблять на мѣстѣ, или сбывать въ южныхъ нашихъ портахъ.

VII Мѣстность—Ц. Польское.

VIII ————— Прикавказскія и закавказскія губерніи.

Если ничто не помѣшаетъ ея изданію, эта карта будетъ представлена на судъ публики.

Собственно же *Средняя* полоса, полагая приблизительно, вмѣщаетъ въ себя слѣдующія губерніи:

1. Южную часть Пермской губерніи.
2. Оренбургскую.
3. Половину Вятской.
4. Казавскую.
5. Болѣе половины Самарской.

6. Сямбирскую.
7. Пензенскую, кромѣ Красно-Слободскаго уезда.
8. Большую половину Саратовской. Остальная ея часть входитъ въ южную полосу.
9. Тамбовскую, исключая уезды: Темниковскій, Елатомскій и части Шацкого и Спасскаго.
10. Южную половину Рязанской. Сѣверная ея часть вошла въ сѣверную полосу.
11. Сѣверную часть Воронежской. Южная часть вошла въ южную полосу.
12. Тульскую, кромѣ побережья Оки.
13. Орловскую, исключая часть Брянскаго уезда, которая вошла въ сѣверную полосу.
14. Сѣверную половину Курской. Южная ея часть вошла въ южную полосу.
15. Большую часть Черниговской. По этому раздѣленію граница, отдѣляющая среднюю полосу отъ Сѣверной полосы,—она же южная граница сѣверной,—пройдетъ отъ запада къ востоку: начиная отъ Дивпра, границею Могилевской и Черниговской губерній, до границы Суражскаго уезда; его границею чрезъ всю Черниговскую губернію; потомъ на Брянскъ, Перемышль, Алексинъ, почти на Зарайскъ, (немного южнѣе); выдетъ на большую почтовую дорогу, что идетъ отъ Рязани на Тамбовъ; идетъ ею на югъ, до паралели Пронска; поворачиваетъ на востокъ, изогнутою немного на югъ, дугою, на Краснослободскъ; круто поворачиваетъ на сѣверъ и упирается въ Волгу между Нижнимъ-Новгородомъ и Макарьевымъ; Волгою до впаденія Ветлуги; отъ сего мѣста восточную границею Казанской губерній; потомъ Вятскою губерніею на Яренскъ, Каинскъ; Пермскою губерніею на Осеу, Красно-уфимскъ, и проходя изогнутою къ югу дугою, между Камышлова и Шадринска, касается Сибири.

Въ средней полосѣ, приблизительно, можно полагать 17,500,000 жителей обоаго пола:

В.

Въ *Сѣверную* полосу входятъ слѣдующія губерніи:

- 1) Архангельская, 2) Олонецкая, 3) С.-Петербургская, 4) Новгородская, 5) Вологодская, 6) Псковская, 7) Тверская, 8) Ярослав-

скал, 9) Костромская, 10) половина Вятской, 11) большая часть Пермской, 12) Смоленская, 13) Московская, 14) Владимирская, 15) часть Брянскаго уезда Орловской, 16) болѣе половины Калужской, 17) малая часть Гульской (прибрежье Оки), 18) половина Рязанской, 19) Тамбовской: уезды Елатомскій, Темниковскій и часть Шацкого и Спасскаго, 20) Пензенской: уездъ Краснослободской, и 21) восточная часть (около половины) Нижегородской губерніи.

По этому раздѣленію въ сѣверной полосѣ приблизительно можно полагать около 16,000,000 жителей обоого пола.

С.

Если отъ запада къ востоку провести черту отъ западнаго Буга, гдѣ онъ входитъ въ русскіе предѣлы, на Ровно, Новградъ-Волинскъ, на Кіевъ, на Воронежъ, Борисоглѣбскъ, Саратовъ и за Волгу, на входящій уголъ Самарской губерніи; потомъ границею этой губерніи прямо на Уралъ противъ Оренбурга, эту черту отъ Оренбурга до Кіева можно почитать границею, отдѣляющею среднюю полосу отъ южной; а отъ Кіева до Буга, граница, пройдя чрезъ Кіевскую и Волинскую губерніи, раздѣлитъ всѣ западныя губерніи на двѣ части, изъ коихъ сѣверная часть, съ тѣхъ мѣстъ, гдѣ отъ юга начинаются непроходимые лѣса и болота принадлежать будетъ собственно къ западнымъ губерніямъ, а Подольская, большая часть Кіевской и почти половина южной части Волинской обще съ Бессарабією, какъ уже сказано, войдутъ въ южную полосу.

Границы южной полосы съ востока: Каспійское море. Съ юга и запада: Терекъ, Кубань, Азовское и Черное моря, турецкія и австрійскія владѣнія.

По сему разграниченію въ южной полосѣ можно полагать приблизительно 12 710,000 жителей обоого пола.

Народонаселеніе всѣхъ трехъ полосъ назначено круглыми числами и составляетъ 46,200,000 жителей обоого пола.

Цифры взяты изъ вѣдомостей, приложенныхъ къ сочиненію Л. В. Тенгоборскаго: *Etudes sur les forces productives de la Russie.*

ИВАНЪ САБУРОВЪ.

ОЧЕРКЪ

ИСТОРИИ ПЕРСИДСКИХЪ ВОЙНЪ (*).

Въ предъидущемъ періодѣ мы видѣли Грецію раздѣленною на множество небольшихъ государствъ, которыя, не смотря на нѣкоторыя общія черты Эллинизма, были соединены между собою весьма слабыми узами и изъ которыхъ каждое слѣдовало политикѣ, сообразной съ его частными интересами. Отъ того, въ продолженіи семи почти вѣковъ, прошедшихъ со времени Троянской войны, исторія Греціи, можно сказать, совершенно лишена собирательнаго характера. Но начиная съ пятаго столѣтія прежнее положеніе дѣлъ измѣняется. Опасность, грозившая въ это время независимости Эллады извнѣ, выдвинула народы ея изъ тѣсной колеи прежней жизни и произвела временное соединеніе силъ, если не всѣхъ отдѣльныхъ частей греческаго міра, то по крайней мѣрѣ главнѣйшихъ представителей его сопровождавшееся героическимъ воодушевленіемъ, которое явило міру истинно великія дѣла и обогатило исторію человечества блистательнымъ сонмомъ гениальныхъ мужей. Благодаря персидскимъ войнамъ, Греція является во всѣхъ отношеніяхъ великою историческою націею. Но съ другой стороны, не подлежитъ сомнѣнію, что эти самыя войны отчасти имѣли вредное вліяніе на судьбу ея: ибо они возбудили и безъ того сильныя страсти греческаго народа, не имѣвшаго довольно твердой воли для удержанія ихъ въ границахъ умѣренности и дали новую, обиль-

(*). Статья эта, въ нѣсколько болѣе сжатомъ видѣ, войдетъ въ приготовляемый къ изданію третій выпускъ «Обозрѣнія Исторія древняго міра».

ную пищу прежнему распряму, которыя принимаютъ характеръ странныхъ междоусобій, мало-по-малу истощившихъ Грецію и сдѣлавшихъ ее легкою добычею Македонскаго честолюбца. При томъ же знакомство съ богатствами и роскошью Востока привило многія темныя стороны къ характеру Грековъ, до той безкорыстно преданныхъ своему отечеству, и невозвратно лишило греческую жизнь той благородной простоты, которая отличала современниковъ Ликурга и Солона.

При первыхъ двухъ государяхъ изъ дома Ахеменидовъ, Персы сдѣлались обладателями всей передней Азіи и Египта. Но недовольствуясь завоеваніями на Востоку, они хотѣли господствовать и въ Европѣ, о чемъ преемникъ Камбиза, Дарій Гистаспъ, помышлялъ съ самаго вступленія своего на престолъ и уже въ 514 году отправилъ экспедицію, подъ руководствомъ своего лейбъ-медика Демокета, для осмотра береговъ Греціи и южной Италіи, двухъ странъ, въ особенности привлекавшихъ его вниманіе. Тогдашнее положеніе греческаго міра, раздѣленнаго на двѣ партіи: аристократическую и демократическую, постоянно враждовавшія между собою, какъ нельзя болѣе, благопріятствовало честолюбивымъ замысламъ Персидскаго правительства (*). Успѣхи демократовъ на сѣверъ Греціи навели ужасъ на ихъ противниковъ, которые потерявъ надежду достигнуть цѣли съ помощію Спарты, рѣшились искать защиты у Персовъ, а Дарій, съ своей стороны, находя сближеніе съ греческими предателями для себя полезнымъ, благосклонно принималъ ихъ въ своемъ царствѣ и оказывалъ имъ всякаго рода покровительство. Между обѣими сторонами господствовало самое искреннее согласіе, основанное на взаимныхъ выгодахъ. При такомъ положеніи дѣлъ, столкновеніе между Востокомъ и Западомъ было неизбежно, а вскорѣ представился и поводъ къ разрыву послѣ того, какъ Аоніане, негодуя на Артаферна за участіе принятое имъ въ дѣлѣ Нипія, рѣшились подать помощь малоазіатскимъ Гре-

(*) Ср. Исторію Аоніской республики Г. М. Куторги, (см. актъ въ Императорскомъ Санктпетербургскомъ Университетѣ 1848 года, стр. 60-63).

камъ, возмущившимся противъ Персидскаго правительства. Случайный характеръ этого возстанія напоминаетъ исторію Крестовыхъ походовъ, Тридцатилѣтней войны и другихъ великихъ событій, которыя, при всей ихъ необходимости въ общемъ ходѣ историческаго развитія, по видимому, условлены были внѣшними причинами.

Сохраненіе моста на Истрѣ Гистіей, тираннъ Милета, оказалъ важную услугу Дарію (давъ ему средство спастись съ останками своего войска, которому грозила неминуемая гибель, если бы предложеніе Скиновъ разобрать мостъ, нашедшее ревностнаго защитника въ Милтіадѣ, было приведено въ исполненіе). Хотя онъ сдѣлалъ это не по долгу вѣрноподданнаго, а изъ эгоистическихъ расчетовъ, ибо очень хорошо понималъ, что греческіе малоазіатскіе города, свергнувъ персидское иго, захотятъ освободиться отъ власти тиранновъ, но тѣмъ не менѣе Дарій остался весьма признательнымъ Истію и, по собственному его выбору, позволилъ ему построить и укрѣпить городъ на берегахъ Стримона, въ странѣ, которая съ богатствомъ естественныхъ произведеній, соединяла положеніе чрезвычайно выгодное для торговли. Быстрые успѣхи новой колоніи возбудили зависть Персидскаго вельможи Мегабаза и онъ уговорилъ Дарія, подъ благовиднымъ предлогомъ, призвать Гистію ко двору и удержать его при себѣ, въ качествѣ вѣрнаго совѣтника и друга. Истей, хотя и не охотно, долженъ былъ разстаться съ любимымъ своимъ владѣніемъ и въ правители Милета назначенъ былъ зять его Аристагоръ.

Въ это время возникли несогласія на островѣ Наксось между партіями аристократическою и демократическою, возбудившія междоусобную войну, окончившуюся изгнаніемъ аристократовъ. Изгнанники обратились къ Аристагору, какъ человеку пользовавшемуся довѣріемъ Персидскаго правительства, и, по ходатайству его, получили флотъ для завоеванія острова. Персы надѣялись, что, подчинивъ своей власти Наксось, будутъ господствовать надъ всемъ Архипелагомъ, но предположенія ихъ не исполнились, ибо походъ окончился неудачно, по причинѣ ссоры начальника персидскаго флота Мегабата

съ Аристагоромъ. Положеніе послѣдняго было весьма затруднительно и онъ, опасаясь подвергнуться ответственности за несчастный исходъ компаніи, предпринятой по его совету, не видѣлъ другаго средства отклонить угрожавшую ему бѣду, кромѣ возмущенія, къ чему подстрекалъ его и Гисгіей, тяготившійся пребываніемъ при персидскомъ дворѣ, въ той надеждѣ, что онъ посланъ будетъ Даріемъ для усмиренія Іоніи. Аристагоръ началъ съ того, что сложилъ съ себя званіе тирана и ввелъ въ Милетъ демократію. Большая часть городовъ въ Малой Азій и островахъ послѣдовали этому соблазнительному примѣру и тѣ изъ правителей, которые не хотѣли добровольно отказаться отъ власти, подверглись изгнанію, а нѣкоторые заплатились даже и жизнью.

Затѣявъ опасное дѣло и очень хорошо понимая, что одни малоазіатскіе Греки не въ состояніи бороться съ Персами, Аристагоръ отправился въ Грецію просить помощи. Сначала онъ обратился въ Спарту, гдѣ представленія его не имѣли успѣха, но Аѣиняне, озлобленные противъ Артаферна за кровавое дѣло, оказанное имъ Гиппію, рѣшились поддержать своихъ малоазіатскихъ соплеменниковъ и послали имъ на помощь эскадру изъ 20 кораблей, къ которымъ присоединились 5 еретрійскихъ въ воздаліе услуги оказанной нѣкогда Милетомъ Еретрійцамъ въ войнѣ ихъ съ Халкидою. Союзники, не ожиданно явившись предъ Сардами, разграбили и выжгли значительную часть этого города, но прежде чѣмъ успѣли отойти назадъ къ своимъ кораблямъ, были настигнуты персидскимъ войскомъ и, въ окрестностяхъ Эфеса, потерпѣли пораженіе, послѣ чего Аѣиняне и Еретрійцы поспѣшили отплыть обратно въ отечество и не принимали болѣе никакого участія въ дѣлѣ Іонянъ, на которыхъ однихъ, такимъ образомъ, обрушилось все бремя войны.

При всемъ томъ Персамъ не легко было подавить возстаніе, ибо примѣру Іонянъ послѣдовали Кипръ и Кирія и притомъ, инсургенты овладѣли важнымъ, по своему положенію пунктомъ Византією, а Мильтіадъ изгналъ изъ Лемноса персидскій гарнизонъ и присоединилъ этотъ островъ къ аѣин-

ской республикѣ. Большимъ счастьемъ для Персовъ было то, что союзники дѣйствовали не по одному общему плану. Полководцы Дарія воспользовались этимъ и успѣли покорить одинъ за другимъ большую часть возмущившихся городовъ. Впрочемъ Ионяне, имѣя значительный флотъ, хога и уступавшій персидскому по числу кораблей, при своей опытности въ морской войнѣ, могли бы вознаградить себя за потери, понесенныя ими на сушѣ, но незнакомство ихъ съ дисциплиною и измѣна Самосцевъ, въ рѣшительную минуту отставшихъ отъ общаго дѣла, были причиною, что морское сраженіе при островѣ Ладѣ окончилось несчастьемъ для союзниковъ, послѣ чего Милетъ былъ взятъ приступомъ и подвергся страшному опустошенію, а жители его, избѣгшіе смерти, переселены были на берега Тигра. Аристагоръ, еще до взятія Милета, отчаявшись въ успѣхъ, бѣжалъ въ Миркинскій городъ, основанный Гистіемъ на берегахъ Стримона и вскорѣ погибъ въ одномъ сраженіи съ Фракійцами, а другой виновникъ возстанія, Гистіей, умѣлъ такъ искусно разыграть роль вѣрноподданнаго, что получилъ отъ Дарія позволеніе отправиться на родину для возстановленія спокойствія въ Іоніи; но на дорогѣ онъ узналъ, что козни его извѣстны были Саграну Малой Азіи, Артаферну. Тогда этотъ низкій честолюбецъ, потерявши довѣріе Персовъ и своихъ соотечественниковъ, не устыдился набрать шайку пиратовъ, съ которою грабилъ купеческія корабли въ окрестностяхъ Византіи, пока не попалъ въ руки Персовъ, препроводившихъ его въ Сарды къ Артаферну, который поспѣшилъ казнить своего плѣнника, изъ опасенія, чтобъ онъ не былъ помилованъ Даріемъ.

Поданіемъ помощи инсургентамъ, Аоніяне и Еретрійцы навлекли на себя гнѣвъ Персидскаго царя. При первомъ извѣстии о вторженіи горсти иноземцевъ въ предѣлы его царства, Дарій, торжественно поклялся наказать дерзкихъ республиканцевъ и приступилъ къ исполненію задушевной мысли своей немедленно по усмиреніи Малой Азіи, съ которою поступлено было весьма строго, хотя, впрочемъ, греческіе малоазійскіе города, благодаря чрезвычайно выгодному положенію

*

и отчасти заботливости персидскаго правительства, быстро оправились отъ понесенныхъ ими потерь, получивъ вмѣстѣ съ республиканскими формами, новую болѣе уравнительную систему налоговъ, основанную на кадастраціи. Многочисленное персидское войско, подъ начальствомъ Мардонія, получило приказаніе двинуться въ Грецію для наказанія Аѳинянь и Еретрійцевъ; но походъ этотъ не имѣлъ успѣха: персидскій флотъ близъ Аѳонскаго мыса разбитъ былъ бурей, а сухопутное войско, при переходѣ чрезъ Фракію, понесло сильный уронъ отъ нападеній Вригійцевъ, такъ что Мардоній нашелся вынужденнымъ пріостановить дальнѣйшее движеніе и возвратился въ Малую Азію. Впрочемъ, эта неудача не остановила Дарія, а только болѣе раздражила его самолюбіе. Продолжая дѣятельно заниматься новыми приготовленіями къ войнѣ, онъ въ тоже время обратился къ дипломатіи и предпринялъ весьма замѣчательную по своимъ послѣдствіямъ мѣру, которая должна была возбудить междоусобія въ Греціи и открыто высказать ему силы какъ враговъ его, такъ и привержанцевъ, а именно отправилъ въ греческія государства пословъ съ приказаніемъ требовать его именемъ воды и земли, т.-е. подданства, выражавшагося этимъ символическимъ дѣйствіемъ. За исключеніемъ Аѳинянь и Спартанцевъ, которые съ негодованіемъ отвергли требованіе и даже, вопреки народному праву, умертвили персидскихъ вѣстниковъ, посольство Дарія повсюду, гдѣ только являлось, имѣло успѣхъ, особенно на островахъ. Въ числѣ послѣднихъ находилась и Эгина. Аѳиняне воспользовались этимъ обстоятельствомъ, чтобы выставить жителей ея предъ Спартою измѣнниками, и принудить ихъ къ выдачѣ заложниковъ, которые отосланы были въ Аѳины. Послѣ тщетной попытки выручить своихъ согражданъ, Эгинцы, пользуясь кончиною своего недоброжелателя, Спартанскаго царя Клемена, открыли противъ Аѳинянь непріязненные дѣйствія. Война эта, о которой до насъ дошло весьма мало свѣдѣній и которая производилась съ переменнымъ счастьемъ, замѣчательна тѣмъ, что послужила поводомъ къ предложенію, существенно способствовавшему возвышенію Аѳинскаго государ-

ства. Фемистоклъ, сынъ Неокла, молодой человекъ, одаренный гениальными способностями, ссылаясь на невозможность нанести рѣшительный ударъ Эгинѣ съ небольшими морскими силами, уговорилъ Аѳинянь, чтобы добыча Лаврійскихъ серебряныхъ рудниковъ, которая дотолѣ раздѣляема была между гражданами, впередъ употреблялась на увеличеніе флота. Благодаря этой патріотической мѣрѣ, Аѳиняне, во время нашествія Ксеркса, имѣли 200 военныхъ кораблей. Около того же времени, по совѣту Фемистокла, приступлено было къ заложению обширной Пирейской пристани, а между тѣмъ судьба послала Аѳинянамъ въ минуту величайшей опасности, надежнаго защитника въ лицѣ Мильтіада, который нашелся вынужденнымъ оставить свое княжество въ Херсонесѣ Фракіи, избѣгая мщенія Персовъ.

Собравъ огромныя силы для новаго похода въ Грецію, Дарійъ ввѣрилъ начальство надъ ними не Мардонію, который не оправдалъ его довѣрія, а Мидійскому вельможѣ Датису и племяннику своему Артаферну, сыну Сардскаго Сатрапа. На основаніи инструкцій, полученныхъ отъ царя, Персидскіе вожди должны были: во-первыхъ, привести къ повиновенію города неизъявившіе еще покорности, а во-вторыхъ, наказать Аѳины и Еретрію за участіе въ Іонійскомъ возстаніи разрушеніемъ этихъ городовъ и обреченіемъ на рабство ихъ жителей. При Персидскомъ войскѣ находился и бывшій Аѳинскій тиранъ Гишій, котораго опытность и связи могли способствовать успѣху предпріятія въ который, въ случаѣ счастливаго окончанія похода, надѣялся получить Аѳинскій престолъ. Сборнымъ мѣстомъ для выступленія въ походъ назначена была алійская равнина, лежавшая въ Киликіи, близъ моря. Отсюда сухопутное ополченіе, пересѣвъ на суда, поплыло къ Самосу, а вѣтромъ по Икарскому морю направило путь къ Цикладамъ. Прежде всего Персы открыли непріязненныя дѣйствія противъ Наксоса, оставленнаго разбѣжавшими жителями и разрушили этотъ городъ, въ отмщеніе за неудачу, понесенную, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, при осадѣ его, Персидскимъ флотомъ, подъ начальствомъ Аристагора и Мегабата. Прочіе Циклады хотя

избѣжали разоренія, но должны были дать заложниковъ и принять участіе въ походѣ, за исключеніемъ одного Делоса, съ жителями котораго Датись обошелся весьма милосливо, и принесъ богатую жертву делосскимъ богамъ, безъ сомнѣнія, изъ политическихъ видовъ: ибо, какъ родина Аполлона и Діаны, Делось пользовался особеннымъ уваженіемъ Іонянъ, составлявшихъ значительную часть Персидскаго флота (*). Наконецъ Персы сдѣлали высадку въ Эвбею, и, подавивъ силою сопротивленіе, оказанное имъ жителями Каристы (на южной оконечности острова), явились предъ Эретрією, которою наказаніе составляло одну изъ главныхъ цѣлей похода, и которая, послѣ геройской защиты на седьмой день осады, была предана измѣнниками Персидскимъ военачальникамъ, въ точности исполнившимъ приказаніе Дарія относительно несчастнаго города.

Отдохнувъ на развалинахъ Эретріи и оставивъ плѣнныхъ жителей ея на островъ Эгиліи, Датись и Артафернъ поплыли въ Аттику; но вмѣсто того, чтобы, обогнувъ Сунійскій мысъ, идти прямо на Аѣины, они, по совѣту Иппія, высадились при Мараѣонской равнинѣ. Причиной такого выбора было, безъ сомнѣнія, удобство мѣстности, по своей обширности и ровному положенію, благопріятствовавшей движенію конницы, и кромѣ того Гиппій, какъ кажется, хотѣлъ удалить изъ Аѣинъ войско, дабы приверженцы его могли дѣйствовать свободнѣе въ пользу Персидскихъ интересовъ. Извѣстіе о приближеніи грознаго непріятеля произвело сильное впечатлѣніе на Аѣинянъ; но, среди величайшей опасности, граждане не измѣнили своему долгу и своей чести и воодушевленные вѣрою въ помощь боговъ, дѣятельно занялись приготовленіями къ оборонѣ: 9000 или 10,000 воиновъ подъ начальствомъ Полемарха и десяти полководцевъ, въ числѣ коихъ находился Мильтиадъ, получили повелѣніе немедленно двинуться къ Мараѣону, а между тѣмъ посланъ былъ гонецъ въ Спарту съ просьбою «не потерпѣть чтобы и варвары разрушили древнѣйшій изъ

(*) Ср. Исторія Греціи Грота въ немецкомъ переводѣ Мейсера, томъ II, стр. 580.

городовъ Греціи. Спартанцы выразили самую искреннюю готовность соединиться съ Аѳинянами, но, придерживаясь строго формы своихъ постановленій, отказались выступить въ походъ прежде чѣмъ настанетъ полнолуніе, по причинѣ празднованія Карней, съ которымъ соединена была Экихерія, т.-е. прекращеніе военныхъ дѣйствій. Это обстоятельство еще болѣе увеличило нерышительность, господствовавшую въ Аѳинскомъ станѣ: одна половина полководцевъ, ссылаясь на неравенство силъ, совѣтовала уклониться отъ битвы, напротивъ остальные пять воеводъ убѣждали, не теряя ни минуты, напасть на непріятеля, дабы не дать времени усилиться крамоламъ и робости. Къ послѣднимъ принадлежалъ Мильтіадъ и его доводы, изложенные въ простой, но сильной рѣчи. проникнутой благородною увѣренностію въ побѣду, одержали верхъ: ибо съ нимъ согласился Полеархъ, отъ котораго, при раздѣленіи голосовъ между полководцами, зависѣло окончательное рѣшеніе. Не задолго до начала сраженія присоединились къ Аѳинянамъ 1000 оплитовъ, присланныхъ Платеею и эта помощь, оказанная во время, должна была подѣйствовать самымъ ободрительнымъ образомъ на духъ Аѳинскаго войска, стоявшаго одинокимъ въ виду грознаго непріятеля, и еще болѣе скрѣпила дружбу соединяющую обѣ республики. Въ августъ 490 года произошла знаменитая Мараѳонская битва, спасшая Грецію, и, быть можетъ, всю Европу отъ Персидскаго порабоженія. Предводимые Мильтіадомъ, искусно воспользовавшимся мѣстностію и знаіемъ Персидской тактики, Аѳиняне, не смотря на свою малочисленность, одержали блистательную побѣду, и преслѣдовали до самаго моря бѣгущихъ Персовъ, овладѣвъ богатою добычею, но не успѣвъ сжечь непріятельскихъ кораблей. Побѣдители потеряли убитыми всего 122 человека. Впрочемъ и уронъ, понесенный Персами, при ихъ многочисленности, былъ не весьма значителенъ (6400) и они имѣли еще довольно силъ, чтобъ отважиться на новое предпріятіе. Именно увидѣвъ съ моря сигналъ, поданный Аѳинскими измѣнниками (блестящій щитъ (*) выставленный на возвышенномъ мѣстѣ Аттики,

(*) Herodot. VI, 124.

вѣроятно, на вершинѣ Пентелеска, какъ полагаетъ Ликъ) и, пользуясь отсутствіемъ войска, они рѣшились напасть на беззащитный городъ, и, обогнувъ Сунійскій мысъ, пристали къ Фалернской пристани. Но Мильтіадъ бодрствовалъ. Онъ зналъ о козняхъ, предвидѣлъ заговоръ, а потому немедленно, послѣ сраженія, съ главными силами поспѣшилъ въ Аѣины и успѣлъ прибыть туда прежде Персовъ. Распорядительность и быстрота Мильтіада спасли его отечество. Персидскіе полководцы не рѣшились болѣе испытывать счастья въ сраженіи съ побѣдившими ихъ воинами и чрезъ Циклады, направили путь въ Азію, увлекши Эретрійскихъ плѣнниковъ, съ которыми добродушный Дарій поступилъ вообще довольно снисходительно, ограничивъ наказаніе ихъ разлукою съ родиною и поселеніемъ въ одной изъ Персидскихъ областей (Киссійской, на пути изъ Сардь въ Сузы). Спарганцы, вѣрные данному слову, выступили въ походъ съ первымъ полнолуніемъ, но, не смотря на поспѣшность, съ которою шли, не успѣли прибыть во время. Любопытство побуждало ихъ, однако, осмотрѣть поле битвы и они, воздавъ заслуженную похвалу геройскому мужеству побѣдителей, возвратились въ отечество.

Велики были упоеніе и радость Аѣинянъ, послѣ того какъ непріятельскій флотъ скрылся изъ виду и опасность миновала. Прежде всего, съ свойственною имъ набожностію, они обратились къ богамъ, которыхъ покровительству приписывали свое спасеніе и старались возблагодарить ихъ богатými приношеніями и жертвами. Потомъ побѣдители славили собственную свою храбрость торжественными играми, сопровождавшимися музыкальными и поэтическими состязаніями и, чтобъ увѣковѣчить память незабвеннаго дѣла, заказали картины, изображавшія ходъ мараѣонской битвы и долженствовавшія передать ее потомству, такъ сказать, наглядно. На этихъ картинахъ, вмѣстѣ съ воеводами, павшими на полѣ чести, получилъ мѣсто и Мильтіадъ, представленный въ позиціи военачальника съ поднятою рукою, указывающею на непріятеля; но въ масличномъ вѣнкѣ, котораго добивался славолубивый герой ему было отказано народнымъ вѣчемъ, не потому что-

бы Аѳиняне не цѣнили заслугъ Мильтіада, или оставались ему неблагодарными, но потому что, по понятіямъ господствовавшимъ въ древнихъ греческихъ республикахъ, по крайней мѣрѣ во времена ихъ процвѣтанія, отличія, оказанныя гражданиномъ, какъ бы ни были велики, считались только исполненіемъ долга (*). Впрочемъ, Мильтіадъ стоялъ на верху славы и лучшимъ доказательствомъ неограниченнаго довѣрія къ нему соотечественниковъ служить та готовность, съ которою, вскорѣ послѣ Мараѳонскаго сраженія, Аѳиняне представили въ полное распоряженіе этого полководца 70 кораблей съ нужнымъ количествомъ людей и денегъ, полагааясь естественно на его обещаніе обогатить республику, но не зная ни цѣли, ни мѣста похода, хранившихся въ тайнѣ для успѣха предпріятія. Находясь уже въ морѣ, Мильтіадъ приказалъ плыть къ Паросу для наказанія его жителей, за помощь поданную Персамъ, но этою благовидною причиною прикрывалась или по крайней мѣрѣ приимчивалась къ ней, личная вражда Мильтіада, который возненавидѣлъ Паросцевъ, съ тѣхъ поръ, какъ одинъ изъ нихъ очернилъ его предъ Персидскимъ правительствомъ. Когда Паросцы отказались заплатить контрибуцію, Мильтіадъ опустошилъ ихъ страну, но самого города не могъ взять, испытавъ въ теченіи 26-дневной осады значительный уронъ и, къ довершенію своего несчастія, сдѣлался больнымъ отъ раны полученной вслѣдствіе паденія, которая заставила его снять осаду и возвратиться въ отечество. Неудачный исходъ эскпедиціи произвелъ сильное волненіе въ Аѳинахъ. Враги Мильтіада воспользовались этимъ обстоятельствомъ, чтобы поступить съ нимъ по всей строгости законовъ, и Ксантипъ, отецъ Перикла, внесъ въ народное собраніе предложеніе о преданіи смерти Мараѳонскаго побѣдителя за употребленіе имъ во зло довѣрія республики. Граждане, когда прошелъ первый порывъ негодованія, отвергли требованіе Ксантипа, ограничивъ наказаніе заслуженнаго полководца пеню въ пятьдесятъ талантовъ. Вскорѣ послѣ этого

(*) Ср. Исторію Аѳин. Республ. г. Куторга, стр. 220.

Мильтиадъ умеръ отъ раны, но не въ темницѣ, куда по словамъ нѣкоторыхъ позднѣйшихъ писателей (Корн. Цепота, Плутарха, Діодора), онъ былъ заключенъ, за невозможностію будто бы, по причинѣ бѣдности, исполнить приговоръ. Этому противорѣчатъ (*): во-первыхъ, молчаніе Геродота, ближайшаго свидѣтеля; во 2-хъ, законный порядокъ Аѳинскаго судопроизводства, по которому гражданинъ, приговоренный къ пени, до уплаты ея, лишаемъ былъ политическихъ правъ, не подвергаясь тюремному заключенію (кромѣ не многихъ случаевъ, составлявшихъ исключеніе изъ общаго правила). и въ третьихъ, то обстоятельство, что Кимонъ, по смерти отца, почтилъ память его исполненіемъ приговора: следовательно пеня не была выше средствъ Мильтиада, который, владея княжествомъ въ Херсонесѣ Эракійскомъ, успѣлъ нажить огромныя богатства.

Мараѳонская битва доказала Грекамъ возможность побѣждать Персовъ, но не избавила Грецію окончательно отъ угрожавшей ей опасности. Узнавъ о пораженіи своихъ полководцевъ, Дарій пришелъ въ сильное негодованіе и немедленно занялся большими приготовленіями къ новому походу, который, однако же, не состоялся, по случаю его кончины. Преемникъ Дарія, Ксерксъ сначала не имѣлъ большой охоты воевать съ Греками, и только внушенія властолюбиваго Мардонія и льстивыя рѣчи греческихъ изгнанниковъ, жившихъ при Персидскомъ дворѣ (Шизистратодовъ, Алематовъ, прорицателя Ономакрита) побѣдили перъшительность этого монарха, при всей своей гордости, постоянно находившагося въ зависимости отъ другихъ. Усмиривъ Египетъ, Ксерксъ, вопреки благоразумнымъ предостереженіямъ дяди своего, Артабана, рѣшился предпринять походъ въ Грецію, подъ личнымъ своимъ предводительствомъ, для того, чтобы «наказать Аѳинянь и, соединивъ Европу съ Азіею, составить изъ нихъ одно государство.» Начальники Сатрапій дѣятельно занимались наборомъ и организаціею войскъ въ провинціяхъ. Четыре года прошло въ приготовленіяхъ, прежде чѣмъ могла состояться

(*) Ср. Исторію Греціи Грота въ измѣд. перев. Мейснера. томъ II, стр. 608—610.

кампанія, а между тѣмъ заблаговременно приняты были мѣры для обезпеченія перехода и продовольствія войскъ. Въ разныхъ мѣстахъ Македоніи и Фракіи устроены были магазины для храненія провіанта, свезеннаго изъ плодороднѣйшихъ странъ Азіи; чрезъ Гелеспонтъ наведенъ былъ мостъ и приступлено къ прорытію Аѳонскаго перешейка, дабы не подвергать флотъ опасностямъ бурнаго плаванія, около негостепріимнаго мыса, гдѣ нѣсколько лѣтъ тому назадъ морскія силы Персовъ испытали крушеніе.

Слухъ о страшныхъ приготовленіяхъ Персидскаго царя весьма рано дошелъ въ Грецію и произвелъ между жителями ея сильное смутеніе. По обыкновенію прибѣгли къ оракуламъ; но первыя отвѣты Пифіи были весьма неутѣшительны и еще болѣе увеличили страхъ суевѣрныхъ. Къ-счастію въ Греціи нашлись люди, которые умѣли воодушевить своихъ соотечественниковъ и указать имъ средство къ защитѣ своей независимости. На Исомѣ созванъ былъ сеймъ представителей греческихъ государствъ, на которомъ положено прекратить все домашнія распри между Еллинами, и общими силами, отражать общую опасность. Въ то же время отправлены были послы въ Аргосъ, Сиракузы, Корциру и Критъ съ просьбою о помощи, но посольство это не увѣчалось успѣхомъ. Аргосцы отговаривались изреченіемъ оракула, совѣтовавшаго имъ беречь головы, а въ самомъ дѣлѣ, по ненависти къ Спартѣ, не хотѣли принять участія въ предстоявшей борьбѣ и даже въ тайнѣ благопріятствовали Персамъ. Геленъ Сиракузскій соглашался помочь Грекамъ не иначе, какъ подъ условіемъ предоставленія ему главнаго начальства надъ всѣмъ союзнымъ войскомъ или по крайней мѣрѣ надъ морскими или сухопутными силами, но депутаты съ гордостію отвергли это требованіе, не согласовавшееся съ греческими обычаями, замѣтивъ, что игеμονія принадлежитъ Спартѣ. Критъ, коего народонаселеніе состояло изъ разнородныхъ элементовъ, не оказывалъ большаго сочувствія къ интересамъ Греціи. Корциряне, хотя на словахъ обѣщали помощь и дѣйствительно снарядили 60 кораблей, но въ дорогѣ съ умысломъ медлили, выжидая какой

оборогъ примуть дѣла, а потомъ извинялись противными вѣтрами, будто бы задержавшими ихъ. Такимъ образомъ все время войны обрушилось на жителей греческаго полуострова въ Европѣ, да и между ими не все сочувствовали общему дѣлу. Одни государства хранили нейтралитетъ, другіе открыто приняли сторону Ксеркса, вручивъ посланнымъ его землю и воду (Фессалійцы, Локряне, вся Віотія, кромѣ Феспіи и Платей), или же ожидали прибытія Персовъ, чтобъ соединиться съ ними (Доряне). Даже между Еллинами, ополчившимися для защиты своей независимости, вѣрѣдко происходили разногласія на счетъ средствъ обороны и многіе изъ союзниковъ думали болѣе о своемъ спасеніи, чѣмъ о благоу Элады. Можно смѣло сказать, вмѣстѣ съ Геродотомъ, что вся честь великаго дѣла принадлежитъ Аѳинянамъ или лучше сказать, тѣмъ мужамъ, которые въ это время руководили Аѳинянами и которымъ Провидѣніе предназначило дать новое направленіе судьбамъ историческаго міра, рѣшивъ въ пользу Запада тяжбу между имъ и Востокомъ о первенствѣ. Эти мужи были Фемистоклъ и Аристидъ.

Первый, одинъ изъ величайшихъ геніевъ, одаренный необыкновенною политическою дальновидностію и неистощимый въ изобрѣтеніи средствъ для исполненія задуманныхъ имъ цѣлей, еще въ ранней молодости, мечталъ о прославленіи себя великими дѣлами, жалуясь своимъ друзьямъ, что трофей Мильтіада лишають его сна. Другой, уступая геніемъ Фемистоклу, хотя и не лишенный замѣчательныхъ правительственныхъ и военныхъ талантовъ, неоднократно высказанныхъ имъ въ продолженіе многотрудной и полезной жизни, обладалъ въ высокой степени честностію и неподкупнымъ безкорыстіемъ, качествами, которыя встрѣчались весьма рѣдко между государственными мужами Греціи и, потому, высоко уважались въ древней Эладѣ и за которое онъ получилъ отъ своихъ соотечественниковъ прозваніе «справедливаго», отличіе сколько лестное, столько же и опасное въ такомъ государствѣ, какъ Аѳинское, гдѣ всякое превосходство, рѣзко выдѣлявшееся изъ толпы, возбуждало зависть демократіи. Оба они не получили

того многосторонняго приготовительнаго образованія, которое впоследствии сдѣлалось необходимымъ для вождей Аѳинскаго народа, замѣнивъ недостатокъ его природными дарованіями и житейскою опытностію. Оба, воспитанные въ духъ учрежденій Солона и Клисѳена, положившихъ основаніе истинному патріотизму уничтоженіемъ политическихъ партій, нѣкогда обуревавшихъ Аттику, искренно желали добра своей родинѣ, хотя и различно понимали ея интересы. Фемистокль, подобно большей части гениальныхъ людей, любилъ блескъ, громкія дѣла, даже не чуждъ былъ суетности и желая, сдѣлать Аѳины первымъ государствомъ въ Греціи, съ свойственною ему проницательностію, изыскивалъ новые пути для возвышенія отечества. Въ выборѣ средствъ онъ не отличался разборчивостію; Аристидъ же поставлялъ общественное благо въ строгой нравственности и не укоснительномъ исполненіи обязанностей гражданина и, не отвергая необходимыхъ улучшеній, сообразно требованіямъ времени и обстоятельствъ, твердо стоялъ за прежнія основанія Аѳинской жизни, освященные вѣковыми преданіями. При такомъ различіи характеровъ и взглядовъ, они, естественно, не могли поладить, и вскорѣ, послѣ Марафонскаго сраженія, соперничество между ними дошло до того, что одинъ изъ нихъ долженъ былъ оставить отечество. Фемистоклю, искусному въ политическихъ интригахъ, удалось побѣдить своего прямодушнаго противника, неумолимаго въ обличеніи неправды. Изгнанный остракизмомъ, онъ удалился на островъ Эгину. Эта несправедливость, однако, нисколько не ослабила его патріотизмъ и онъ въ самомъ изгнаніи умѣлъ быть полезнымъ своимъ соотечественникамъ, которые, къ чести Фемистокла, по его предложенію, сняли съ доблестнаго гражданина незаслуженную имъ опалу, до истеченія законнаго срока.

Окончивъ весь приготовленія, Ксерксъ весною 1480 года прибылъ въ Кападокійскій городъ Криталь, гдѣ назначено было сборное мѣсто войскамъ для выступленія въ походъ. Отсюда онъ двинулся въ дальнѣйшій путь чрезъ Кападокию и Фракию въ Сарды, гдѣ рѣшился провести всю зиму, а между тѣмъ въ бытность свою въ этомъ городѣ, отправилъ посольство во весь греческія государства, кромѣ Аѳинъ и Спарты, требовать воды и земли. Призывъ этотъ, какъ мы уже видали, не остался тщетнымъ. Достигнувъ Гелеспонта при г. Абибосъ, персидскій монархъ, съ возвышеннаго мѣста, обозрѣвалъ свои войска, потомъ слѣдовала знаменитая переправа чрезъ мостъ, продолжавшаяся безъ отдыха 7 дней и 7 ночей; въ Дорійской равнинѣ произведенъ былъ Ксерксомъ подробный смотръ всѣмъ сухопутнымъ и морскимъ силамъ, послѣ котораго, если вѣрить Геродоту, оказалось одной пѣхоты 1,700,000, да сверхъ того 80,000 конницы и 1207 ⁽¹⁾ военныхъ кораблей съ экипажемъ, простиравшимся до 277,600 ⁽²⁾ человекъ, не считая транспортныхъ судовъ, между тѣмъ какъ Ктезій ⁽³⁾ ограничиваетъ число сухопутнаго войска 800,000 и къ этой цифрѣ довольно близко подходятъ показанія позднѣйшихъ писателей, (по Элану 700,000⁽⁴⁾, Плинію 788,000 ⁽⁵⁾, Диодору болѣе 800,000 ⁽⁶⁾, Юстину 1,000,000 ⁽⁷⁾). Очевидно, что мы не имѣемъ никакой возможности рѣшить, кто изъ нихъ болѣе правъ, и что всякая попытка обозначить, хотя приблизительно, настоящую величину арміи Ксеркса, со стороны новѣйшаго изслѣдованія, было бы бесполезнымъ трудомъ: ибо извѣстно, что даже теперь на востокъ, очень часто сами начальники не знаютъ съ точностію числа ⁽⁸⁾ войскъ, находящихся подъ ихъ командою. А посему, не выдавая за досто-

(1) Эсхилъ согласно съ Геродотомъ, опредѣляетъ флотъ Ксеркса въ 1207 кораблей. (См. Персы стих. 347—349).

(2) Полагая на каждую трирему по 230 человекъ экипажа. Ср. Исторію Греціи въ измѣн. перев. Мейснера, томъ 3-й, стр. 30.

(3) Persic. c. 22—23. (4) Hist. Var. lib. XIII, cap. 3.

(5) Hist. Natur. lib. XXXIII, cap. 10.

(6) XI, 3. (7) Lib II. cap. 10. (8) Ср. Исторію Греціи Грота, томъ 3-й, стр. 33.

верную ни одной изъ приведенныхъ выше цифръ, мы предпочитаемъ, по примѣру Ксенофонта (*), ограничиться замѣчаніемъ, что Ксерксъ привелъ въ Грецію огромное войско, которому равнаго прежде Европа никогда не видѣла, хотя разнородный составъ этого войска и дурное вооруженіе большей части ратниковъ, при недостаткѣ дисциплины и общихъ патристическихъ побужденій, лишали Персовъ тѣхъ выгодъ, которыя, должно было доставить имъ численное превосходство, тѣмъ болѣе, что они шли въ страну, гдѣ самая мѣстность затрудняла употребленіе огромныхъ массъ людей. Лучшую часть персидскаго войска, безспорно, составлялъ флотъ, на которомъ служили опытные моряки: Финикіяне и Іонійцы.

Послѣ смотра въ Абидосъ Ксерксъ, раздѣливъ войско свое на три части продолжалъ путь по землямъ населеннымъ разными Фракійскими и Македонскими племенами, вблизи греческихъ приморскихъ городовъ (Дикея, Маронел, Абдера, Еіонъ, Аргиль, Стагирь). Всѣ эти страны входили въ составъ его монархіи, а потому жители ихъ обязаны были давать подкрѣпленія персидской арміи и снабжать ее съестными припасами. Въ Акантъ онъ разстался съ своимъ флотомъ, которому вѣльно было чрезъ Аѳонскій каналъ всгупить въ Фермейскій заливъ и ожидать прибытія царя въ Ферме (Салоники): а между тѣмъ самъ совершилъ трудный походъ по негостепріимной и лѣсной части Македоніи, послѣ котораго соединился съ флотомъ и, наводнивъ войсками своими всю Мигдонію, Піерію и Боттію, сталъ въ виду Олимпа передоваго стража Греціи со стороны сѣвера.

Первою мыслію союзныхъ Еллиновъ было дать отпоръ Персамъ на границѣ Македоніи съ Фессалією. Съ этою целью они послали войско для занятія Темпейскаго Дефиле, пункта чрезвычайно удобнаго для обороны: ибо въ нѣкоторыхъ мѣстахъ тѣснина до того суживается, что по ней съ трудомъ можетъ пройти одна повозка. Слѣдовательно, нѣсколько хра-

(*) Анаб. III, 2, 13.

брецовъ, пользуясь благопріятною мѣстностію, могли бы задержать движеніе многочисленной арміи. Позиція эта оказалась, однако же, не совсѣмъ благонадежною, во первыхъ потому, что въ тылу Грековъ могъ дѣйствовать огромный персидскій флотъ; а во вторыхъ, они получили извѣстіе отъ Македонскаго царя Александра о существованіи другаго прохода изъ Македоніи въ Фессалію, который чрезъ страну Пергебовъ велъ въ городъ Гонось. Послѣ такого открытія союзники, считая не возможнымъ защищать занятый ими постъ, съѣли на суда и возвратились въ Исѣмъ, оставались до тѣхъ поръ, пока слухъ о прибытіи Ксеркса въ Ферме не побудилъ представителей греческихъ государствъ принять рѣшительныя мѣры къ отвращенію опасности.

На основаніи вновь составленнаго плана, Спартанскій царь Леонидъ съ 500 Спартанцевъ и нѣсколькими тысячами союзниковъ (500 Тегеянъ, 500 Мантинейцевъ, 1120 Аркадцевъ, 400 Коринтянъ, 200 Фліускихъ оплитовъ, 80 Микенскихъ, 700 Феспійцевъ, 400 Фивянъ, 1000 Фокеянъ) получилъ приказаніе занять Фермопильскій проходъ, находившійся на границѣ Фессаліи и Локриды, и держать ея тамъ до тѣхъ поръ, пока окончаніе Олимпійскаго и Карнейскаго праздниковъ, дастъ союзникамъ возможность собрать болѣе значительныя силы, а въ нѣсколькихъ верстахъ отъ сухопутнаго войска, у сѣверной оконечности Эвбеи, при мысѣ Артемизіѣ, расположился греческій флотъ, состоявшій подъ начальствомъ Спартанца Еврибіада изъ 280 судовъ (271 триремъ и 9 пентеконтеръ), въ числѣ которыхъ находилось 100 Аѳинскихъ. Такимъ образомъ позиція Грековъ представляла ту выгоду, что защитники Фермопиль могли пользоваться пособіемъ флота. Но одно обстоятельство едва не лишило ихъ этой выгоды. Взятіе Персами трехъ греческихъ судовъ, крейсировавшихъ вдоль береговъ Фессаліи, для наблюденія за непріятельскимъ флотомъ, навело такой страхъ на союзниковъ, что Еврибіадъ и его товарищи рѣшились покинуть Артемизію и искать болѣе безопаснаго убѣжища въ узкомъ Халкидскомъ проливѣ. Удаленіе флота дѣлало весьма опаснымъ положеніе защитниковъ

Фермопилъ и Греки могли бы дорого заплатить за свою ошибку, если бы сама судьба не поблагодѣтельствовала имъ. Внезапно поднялась страшная буря, которая свирѣпствовала три дня и отъ которой погибло болѣе 400 персидскихъ судовъ, со множествомъ людей и груза. Событіе это подѣйствовало самымъ ободрительнымъ образомъ на духъ союзниковъ, видѣвшихъ въ немъ явный знакъ покровительства боговъ и даже внушило имъ отвагу атаковать часть непріятельскаго флота. Хотя въ сраженіи, происшедшемъ близъ Артемизіа, Греки не успѣли одержать совершенной побѣды, но уже много выиграли тѣмъ, что устояли противъ превосходныхъ непріятельскихъ силъ. На третій день персидскіе полководцы возобновили битву, которая окончилась столь же нерѣшительно какъ и первая и отъ которой обѣ стороны понесли весьма большой уронъ, а наканунѣ ея, ночью, поднялась новая буря, причинившая Персамъ значительный вредъ; греческій флотъ и на этотъ разъ остался невредимымъ.

Между тѣмъ Ксерксъ прошелъ Фессалію, которой жители приняли его сторону, частью изъ страха, а частью по вліянію приверженныхъ Персамъ Алеватовъ, и расположился съ своею арміею въ обширной равнинѣ, растилавшейся вокругъ города Трахины въ виду Фермопилъ. Выродоженіе четырехъ дней онъ не предпринималъ ничего противъ Грековъ, ибо, говоритъ Геродотъ, былъ увѣренъ, что они, увидѣвъ вблизи его страшныя силы, откажутся отъ сопротивленія, но была, кажется, и другая причина его медленности (*), это безпокойство царя на счетъ участи своего флота, о которомъ носился слухъ, что будто бы онъ весь уничтоженъ былъ бурею. Во-всякомъ случаѣ, если Ксерксъ и надѣялся достигнуть цѣли безъ кровопролитія, то едва ли ослѣпленъ былъ ребяческимъ тщеславіемъ, которое приписываетъ ему изъ религіозно-нравственныхъ побужденій греческій историкъ, останавливающийся всегда съ особеннымъ удовольствіемъ на контрастахъ для того, чтобы разительнѣе выставить превратность

(*) Ср. Гротъ, стр. 69—70.

человѣческаго счастья и униженіе гордости, но, по всей вѣроятности, онъ разсчитывалъ на интриги своихъ приверженцевъ, полагая, что имъ, можетъ быть, удастся склонить Леонида къ отступленію, подобно тому какъ прежде греческое войско оставило позицію при Темпе, по совѣту Македонскаго царя Александра, котораго Спартанцы, по видимому, не безъ основанія, подозрѣвали въ вѣроломствѣ, хотя онъ и разыгрывалъ роль тайнаго доброжелателя Эллады. Но ожиданія Ксеркса не исполнились. Благодаря энергической твердости Леонида, Греки рѣшились защищать до послѣдней крайности вѣранный имъ постъ. Раздраженный такимъ упорствомъ, царь, на пятый день, послѣ своего прибытія, приказываетъ одному изъ своихъ корпусовъ, состоявшему изъ Мидянъ и Киссовъ атаковать горсть храбрецовъ и представить ихъ къ нему живыми. Не смотря на стремительность, съ которою произведено было это нападеніе, Греки, пользуясь превосходствомъ оружія и мѣстностію, уравнивавшей силы, блистательно отразили отчаянныя натиски непріятеля и заставили его ретироваться съ большимъ урономъ. На другой день Ксерксъ послалъ противъ нихъ цвѣтъ своего войска, такъ называемый, отрядъ безсмертныхъ, но и онъ подвергся одной участи съ Мидянами. Послѣ этого сдѣлано было еще нѣсколько попытокъ, окончившихся столько же безуспѣшно. Царь находился въ весьма затруднительномъ положеніи и не зналъ, на что рѣшиться, какъ, къ стыду греческаго имени, является одинъ измѣнникъ, Малійскій уроженецъ, по имени Ефіальтъ, и вызывается провести Персовъ въ Фермонылы, посредствомъ другой, мало извѣстной, тропинки, пролегавшей между скалъ и лѣсовъ. Тропинка эта, извѣстная подъ именемъ анопейской, начиналась у берега Азона и оканчивалась при крѣпости Аменахъ. Ночью Персидскій генералъ Гидарнъ прошелъ по ней съ 20,000 оградомъ войска. На разсвѣтъ Персы поднялись на вершину Эгость, сбили 1000 Фокеянъ, защищавшихъ въ этомъ мѣстѣ проходъ и, спустившись съ горы, зашли въ тѣнь Грекамъ. Когда извѣстіе объ этомъ роковомъ движеніи дошло до союзниковъ, они раздѣлились въ мнѣніяхъ на счетъ

того, что имъ оставалось дѣлать. Большинство думало, что, пока есть время, лучше всего удалиться и не жертвовать безъ пользы жизнию людей. Но Леониду мысль объ отступленіи казалась позорною. Законы его отечества требовали, чтобы онъ побѣдилъ, или умеръ, защищая ввѣренный ему постъ, а предсказаніе Пифіи, что или Спарта будетъ разорена Персами, или Лакедемонская земля оплатитъ смерть своего царя, еще болѣе убѣдило его въ необходимости пожертвовать собою. Притомъ же, если бы онъ отступилъ, то, по всей вѣроятности, не избѣжалъ бы порицанія, которому въ Греціи обыкновенно подвергались полководцы, потерпѣвшіе неудачу; между тѣмъ какъ добровольное обреченіе себя на смерть не только заграждало уста злословію, но и должно было вознести его на высшую степень славы и вмѣстѣ съ тѣмъ возбудить въ другихъ благородное соревнованіе въ такое время, когда Греціи, болѣе, нежели когда-нибудь, нужны были великія примѣры. Образъ мыслей Леонида вполне разделяли находившіеся съ нимъ 300 Спартанцевъ, а также и Теспійцы, вмѣстѣ съ доблестнымъ вождемъ своимъ, Демофиломъ. Прочіе союзники, согласно изъявленному ими желанію, получили позволеніе удалиться, или же, какъ гласитъ другое сказаніе, сообщаемое Геродотомъ (*), были отпущены самимъ Леонидомъ, удержавшимъ при себѣ лишь такое число людей, какое нужно было для того, чтобы, сколько возможно дороже, продать свою жизнь. Въ числѣ остававшихся, историкъ называетъ и Фиванцевъ, хотя они сдѣлали это болѣе по принужденію, нежели по доброй волѣ, и потому на усердіе ихъ, какъ показали послѣдствія, нельзя было полагаться. Около полудня Ксерксъ, съ главными силами своими, двинулся противъ горсти Грековъ, а между тѣмъ Гидарнъ, совершивъ обходъ, готовился напасть на нее съ другой стороны. Завязался кровопролитный бой, въ которомъ Греки оказали чудеса храбрости. Въ короткое время Ксерксъ не досчитывался въ своей арміи нѣсколькихъ тысячъ. Многіе Персы пали подъ ударами Грековъ; другіе втоптаны были частью въ море, а частью вблизи

(*) Кн. VII, гл. 230.

лежавшія болота, или же лишились жизни, по неосторожности своих товарищей, во время суматохи, произшедшей при отступлении персидскаго войска Тогда же убитъ былъ Леонидъ, то надъ трупомъ его завязалась новая, еще упорнѣйшая, битва: сражающіеся, по сокрушеніи оружія, дрались руками и зубами. Наконецъ, истощенный продолжительнымъ сопротивленіемъ и значительно уменьшившійся въ числѣ, небольшой греческій отрядъ перешелъ на возвышенность, находившуюся въ самомъ узкомъ мѣстѣ прохода и тамъ спокойно ожидалъ смерти, не переставая защищаться, пока оставался въ живыхъ хотя одинъ человекъ. Въ этомъ последнемъ сраженіи Фиванцы вовсе не принимали участія. Какъ скоро они увидѣли, что дѣло союзниковъ потеряно, то вѣроломно оставили ихъ и, явившись къ Ксерксу, умоляли его о пощадѣ въ самыхъ униженныхъ и подобострастныхъ выраженіяхъ. Царь даровалъ имъ жизнь, но обошелся съ ними съ презрѣніемъ, достойнымъ изменниковъ.

Такъ окончилась Фермопильская битва, покрывшая безсмертною славою Леонида и его сподвижниковъ и достойно оцѣненная, какъ современниками, такъ и потомствомъ. Амфиіоны почтили память Спартанскихъ героевъ слѣдующею простою, глубокою трогательною надписью. «Прохожіи возвѣсти Лакедемонянамъ, что мы пали здѣсь, повинувшись законамъ отечества». Другая, болѣе кичливая, надпись гласила о сраженіи 4000 Пелопонезскихъ воиновъ съ 300-ми Миріадъ, т.-е. 3000000 варваровъ; но мы нигдѣ не встрѣчаемъ имени Феспійцевъ, которые сражались также храбро, какъ и Спартанцы и которыхъ подвигъ заслуживаетъ тѣмъ большаго уваженія, что побужденіемъ къ нему служило единственно чувство чести, а не требованія военной дисциплины, предписавшей Спартанцу не оставлять вѣреннаго ему поста, подъ опасеніемъ лишиться добраго имени.

Взятіе Фермопилъ открыло Ксерксу дорогу въ средину Греціи. Персы изъ политическихъ расчетовъ щадили земли, добровольно изъявившія имъ покорность. Благодаря этому обстоятельству, Дорида избѣжала опустошенія. Напротивъ со-

сдвня съ нею Фокида, которая приняла участіе въ борьбѣ за независимость, и жители которой очевидны были предъ Ксерксомъ давнишними врагами своими Эссалійцами, подверглась страшному разгрому. Персы прошли по ней разрушительнымъ потокомъ, истребляя все огнемъ и мечемъ, выжгли отъ 10 до 12 фокейскихъ городовъ и даже не уважали храмовъ. У Панопел. на границѣ Фокиды, Ксерксъ раздѣлилъ войско свое на двѣ части: самъ съ главными силами чрезъ Віотию, направилъ путь въ Аттику, а другой меньшій отрядъ былъ посланъ имъ противъ дельфійскаго храма съ приказаніемъ овладѣть его богатыми сокровищами. Геродотъ рассказываетъ о чудесномъ защищеніи дома Аполлона самымъ божествомъ, которое запретило жителямъ спасать храмовыя сокровища, говоря, что оно не нуждается въ посторонней помощи для того, чтобы отстоять свою собственность. Послѣдующія событія, по словамъ историка, вполне подтвердили это обещаніе. Когда Персы находились уже въ виду города, священное оружіе, хранившееся внутри храма, невидимою силою перенесено было на паперть и вслѣдъ за тѣмъ поднялась страшная буря съ громомъ и молніею; оторванные ею отъ парнаса два обломка скалы съ трескомъ обрушились на варваровъ, при чемъ многіе изъ нихъ лишились жизни, а остальные въ ужасѣ бѣжали до границы, преслѣдуемые спустившимися съ горы дельфійцами и потомъ рассказывали, что ихъ поражали сами боги въ образѣ двухъ воиновъ испанскаго роста, вѣроятно, желая этою выдумкою прикрыть стыдъ пораженія, а можетъ быть въ страхъ они дѣйствительно приняла за боговъ греческихъ витязей, смѣло ударившихъ на оробѣвшаго непріятеля.

Результатъ Фермопильскаго сраженія, какъ оно ни славно было для чести греческаго оружія, сильно встревожилъ всѣхъ Элловъ, отважившихся на борьбу съ Ксерксомъ, въ особенноти Аѳинянъ, которые, надѣясь на обещаніе Спартанцевъ выслать войско для прикрытія Аѳинъ, не принимали никакихъ мѣръ на случай непріятельскаго нашествія. Но, къ крайнему огорченію своему, они увидѣли, что Пелопонезцы дума-

юють только о безопасности своего острова, и мало заботятся о судьбѣ прочей Греціи, а между тѣмъ Ксерксъ былъ уже въ Віотіи и участь постигшая города Платею и Фестію, разоренные Персами, со дня на день грозили Аѳинамъ. Въ этомъ критическомъ положеніи, Аѳиняне отправляютъ къ Еврибиаду гонца съ просьбою приказать флоту отплыть отъ Артемизіа и остаться на время при Саламинѣ, для подавія имъ помощи. Еврибиадъ исполнилъ ихъ желаніе. Аѳинскіе семейства были перевезены частію на сосѣдственныя острова Саламинъ и Эгину; всѣ же граждане, способные носить оружіе, поступили на флотъ, ибо Фемистоклу удалось убѣдить своихъ соотечественниковъ, что Писіа разумѣла корабли, советуя Аѳинянамъ искать убѣжища за деревянными стѣнами. Едва окончилось это переселеніе, какъ Ксерксъ, на 14-й день послѣ Фермопильскаго сраженія, вступалъ въ опустѣвшіе Аѳины. Мертвая тишина царствовала въ городѣ, гдѣ еще недавно кипѣла дѣятельность. Только немногіе изъ жителей, большею частію бѣдники и служители храма, остались въ Акрополѣ и, оградивъ себя деревянною стѣною, согласно изрѣченію оракула, буквально ими понятому, ожидали чуда для своего спасенія. Эта горсть инвалидовъ съ презрѣніемъ отвергла предложеніе о сдачѣ, сдѣланное отъ имени Ксеркса, находившимися въ его войскѣ Пизистратидами и наносила значительный вредъ непріятельскому войску, бросая въ него съ высоты огромныя камни, доколѣ нѣсколько охотниковъ изъ Персидскаго войска, взобравшись на сѣверную отвѣсную сторону Акрополя, оставшуюся по безпечности безъ прикрытія, не зашли въ тѣмъ гарнизону и не отворили воротъ главному отряду, штурмовавшему крѣпость. Тогда осажденные, видя неизбежную гибель или сами бросались съ высоты и находили смерть или искали спасенія у алтарей, хотя и тщетно: ибо варвары, раздраженные упорною обороною горсти защитниковъ, никому не давали пощады. Перебивъ гарнизонъ, Персы бросились на храмъ Минервы, покровительницы города: сперва ограбили, а потомъ сожгли этотъ богатый храмъ; наконецъ зажгли и самый Акрополъ; пламя быстро разлилось отсюда по всему го-

роду и обратило въ груди большую половину цветущихъ Азиятъ.

Теперь спасеніе Греціи зависло отъ участи морскаго сраженія, которое торжествующій Ксерксъ, по прибытіи персидскаго флота въ Фалернскую гавань, намѣревался дать союзникамъ, въ надеждѣ однимъ ударомъ сокрушить ихъ силы; но, приступая къ столь важному дѣлу, онъ желалъ предварительно знать мнѣніе своихъ сановниковъ и созвалъ военный совѣтъ, когорый, какъ замѣчаетъ Гротъ (*), былъ одною пустою формою; ибо персидскіе военачальники, зная образъ мыслей своего монарха, не считали нужнымъ ему противорѣчить и подали голоса въ пользу сраженія. Впрочемъ, и въ этомъ рабочемъ совѣтѣ, нащлась особа, иначе понимавшая обязанности вѣрноподданнаго и высказавшая царю свои убѣжденія съ откровенностію, дѣлающею честь ея уму и сердцу. Это была Артемизія, правительница Галикарнасса, родины Геродота, столь же славная своею практическою опытностію, какъ и блистательнымъ мужествомъ въ бояхъ. Артемизія не совѣтовала вступать въ сраженіе, ссылаясь на искусство Грековъ въ морской войнѣ и неспособность большей части персидскихъ моряковъ и утверждала, что царь вѣрнѣе съ меньшими пожертвованіями достигнетъ цѣли, если будетъ держаться выжидательной системы; что греческій флотъ, собравшійся при Саламинѣ, разсѣется самъ собою отъ недостатка въ средствахъ продовольствія и что Пелопонезцы, по всей вѣроятности, поспѣшатъ на защиту своей родины, какъ скоро узнаютъ о движеніи сухопутнаго персидскаго войска къ Исѣму. Многочисленные враги Артемизіи торжествовали въ полномъ убѣжденіи, что смѣлая рѣчи ея не понравятся царю, но, къ удивленію ихъ, Ксерксъ нашелъ уважительными приведенныя ею основанія, хотя и не воспользовался совѣтомъ умной царицы, подъ предлогомъ нежеланія отступить отъ мнѣнія большинства, а въ самомъ дѣлѣ потому что увѣренъ былъ въ побѣдѣ и горька нетерпѣніемъ отмстить Грекамъ за неудачу понесенную Персами при Артемизіи.

(*). Истор. Греціи, томъ 3-й, стр. 94—95.

Между начальниками греческаго флота также происходили совѣщанія на счетъ плана будущихъ дѣйствій, сопровождавшіяся весьма жаркими преніями. Спорный вопросъ заключался въ томъ: остаться ли союзникамъ при Саламинѣ, или же отступить къ Исѣму и тамъ ожидать нападенія непріятели. Большинство членовъ совѣта, состоявшее преимущественно изъ Пелопонезцовъ, склонялось въ пользу послѣдняго мнѣнія, подъ тѣмъ предлогомъ, чтобы не разобщить сухопутной арміи съ флотомъ, хотя на самомъ дѣлѣ ими руководило чувство самохраненія. Между тѣмъ, во время самыхъ совѣщаній, получено было извѣстіе объ участи постигшей Аѣины, которое распространило такое уныніе между союзниками, что нѣкоторые полководцы, не дождавшись окончательнаго рѣшенія, покинули собраніе съ тѣмъ, чтобы возвратиться во свояси. Оставшіеся, согласно опредѣленію большинства, положили занять Исѣмъ и ограничиться обороною Пелопонеза, не смотря на протестъThemistocles, котораго, когда онъ возвратился на свой корабль, одинъ изъ Аѣинскихъ друзей его, по имени Мнесифиль, человекъ съ весьма свѣтлою практическою головою, убѣдилъ еще болѣе въ необходимости удержать позицію при Саламинѣ, предвидя, что оставленіе ея повлечетъ за собою уничтоженіе морской силы Грековъ: ибо союзники не приминутъ воспользоваться отступленіемъ для того, чтобы разойтись по домамъ: одни изъ страха, а другіе, по весьма естественному побужденію, поспѣшить на защиту отечественныхъ пенатовъ, угрожаемыхъ нашествіемъ непріятели. Разговоръ съ Мнесифиломъ сильно подѣйствовалъ на Themistocles. Не теряя ни минуты, онъ отправляется къ Еврибиаду, спрашиваетъ у него позволенія говорить съ нимъ наединѣ и откровенно высказываетъ ему свои опасенія на счетъ твердости союзниковъ. Это замѣчаніе раскрыло глаза главнокомандующему и заставило его, для тщательнаго обсужденія спорнаго вопроса, созвать вновь военный совѣтъ, который былъ однимъ изъ самыхъ бурныхъ. Въ рѣчи произнесенной предъ членами собранія, Themistocles, щадя самолюбіе союзниковъ, весьма благообразно умолчалъ

о главномъ обстоятельствѣ, послужившемъ поводомъ къ возобновленію совѣщаній, но обратилъ вниманіе присутствующихъ съ одной стороны на стратегическія выгоды позиціи при Саламинѣ, гдѣ, при невозможности развернуться въ узкомъ заливѣ многочисленному непріятельскому флоту, Грекамъ гораздо легче было одержать побѣду, чѣмъ сражаться въ открытомъ море у Исма; а съ другой стороны указалъ на гибельныя слѣдствія оставленія этой позиціи, которое повлечетъ за собою не только потерю Мегары, Эгины и Саламина, но и подвергнетъ опасности самый Пелопонезъ: ибо, по мѣрѣ движенія персидскаго флота, не замедлитъ послѣдовать за нимъ и сухопутное войско. Рѣчь эта, не смотря на ея убѣдительность, привела въ сильное негодованіе Пелопонезцевъ, опасавшихся, чтобы дѣло, которое они считали оконченнымъ, не приняло оборота несогласнаго съ ихъ видами. Адимантъ, начальникъ Коринеской эскадры, въ пылу гнѣва, до того забываясь, что наговорилъThemistocle дерзостей и даже оспаривалъ у него право голоса на томъ основаніи, что отечество его Аѣины находилось въ рукахъ Персовъ и, слѣдовательно, не принадлежало къ числу государствъ пользовавшихся политическою независимостію. На эту наглую выходку, Themistocle отвѣчалъ съ достоинствомъ представителя державы, въ распоряженіи которой находилось 200 вооруженныхъ кораблей, и которая, владея такою силою, могла добыть себѣ любой городъ въ Греціи. Потомъ, обратясь къ Еврибиаду, умолялъ его не отвергать совѣта, клонившагося къ благу всей Эллады. Краснорѣчіе оратора, а еще болѣе угроза, что, въ случаѣ, если совѣтъ не измѣнитъ прежняго рѣшенія, Аѣиняне оставятъ союзниковъ и переселятся съ своими семействами въ Италію, окончательно расположили въ его пользу Еврибада и побѣдили упорство Пелопонезцевъ. Союзники остались при Саламинѣ.

Такимъ образомъ Themistocle удалось поставить на своемъ, но планъ его едва было не рухнулъ отъ малодушія Пелопонезцевъ, встрѣвоженныхъ слухомъ о движеніи къ Исму сухопутнаго персидскаго войска. Это обстоятельство снова

возбудило несогласія на греческомъ флотѣ, которыя приняла угрожающій характеръ, и заставило Еврибиада созвать новое собраніе, при чемъ большинство высказало рѣшительное намѣреніе не оставаться долѣе при Саламинѣ. Приближалась критическая минута. Ясно было, что никакая сила не въ состояніи отклонить Пелопонезцовъ отъ принятаго ими гибельнаго рѣшенія и что греческому флоту грозитъ совершенное уничтоженіе. ТогдаThemistocles, не видя другаго средства отъагратить катастрофу, предусмотрѣнную пронигцательнымъ Mnesiphilomъ, прибѣгаетъ къ слѣдующей хитрости, чтобъ заставить союзниковъ, вступить въ сраженіе, которое одно могло спасти Грецію. Тайно посылаетъ служителя, испытанной вѣрности, къ начальникамъ непріятельскаго флота съ порученіемъ сказать имъ, что предводитель Аѳинянъ держитъ сторону царя и что Персамъ представляется прекрасный случай одержать побѣду, если они немедленно нападутъ на Грековъ и не дадутъ имъ времени привести въ исполненіе замышляемаго бѣгства. Полководцы Ксеркса, безъ сомнѣнія, слышавшіе о несогласіяхъ происходившихъ на греческомъ флотѣ, повѣрили этому извѣстію и чтобъ отрѣзать союзникамъ путь къ бѣгству и запереть ихъ въ Саламинской пристани, послали значительный отрядъ войска въ Пситталію, небольшой островокъ между Саламиномъ и Аѳинами, а между тѣмъ главныя силы персидскаго флота выстроились въ боевой порядокъ поперегъ залива до самаго Мунихія и, такимъ образомъ, окружили Грековъ со стороны моря. Все это происходило ночью. Аристидъ, который жилъ въ изгнаніи на островъ Эгинъ и которому неблагодарность его соотечественниковъ не помѣшала явиться къ начальникамъ греческаго флота съ предложеніемъ своихъ услугъ, первый увѣдомилъ союзниковъ объ ихъ безвыходномъ положеніи, говоря, что онъ съ большимъ трудомъ пробрался сквозь густую цѣпь непріятельскихъ кораблей, и показанія переметчиковъ вскорѣ подтвердили справедливость этого извѣстія. Такимъ образомъ Греки, волею и неволею, должны были готовиться къ сраженію, которое началось схваткою.

одного греческаго корабля съ непріятельскимъ. Самъ Ксерксъ, съ возвышенія на Аттическомъ берегу, наблюдалъ за ходомъ битвы. Войска его, по свидѣтельству Геродота, соревновали другъ другу въ храбрости, истощивъ съ своей стороны все усилія, чтобы заслужить вниманіе царя, бывшаго свидѣтелемъ ихъ подвиговъ; но наконецъ должны были уступить геройскому мужеству, дисциплинѣ и стойкости Грековъ, предводимыхъ искусными вождями, и въ бѣгствѣ искали спасенія. Геродотъ не опредѣляетъ, какъ великъ былъ уронъ съ той и другой стороны; по Діодору (*), Персы лишились при Саламинѣ двухъ сотъ кораблей; союзники же потеряли вятро менше, и притомъ значительная часть экипажа, находившагося на судахъ ихъ, разрушенныхъ непріателемъ, спаслась, благодаря умѣнію плавать. Честь победы главнымъ образомъ принадлежала Эгинцамъ и Аѳинцамъ. Коринѳяне также по видимому, не безъ основанія, хвалились заслугами, оказанными ими въ этотъ достопамятный день общему дѣлу Греціи (**), хотя враги ихъ, Аѳиняне, изъ ненависти къ нимъ, распространили молву, будто бы Коринѳскій адмиралъ Адамантъ, въ самомъ началѣ битвы, обратился въ бѣгство, что только извѣстіе о пораженіи грозной армады заставило его возвратиться назадъ. Въ числѣ отличившихся личною храбростію и распорядительностію, кромѣThemistocles, главного виновника успѣха (**), современники съ особенною похвалою отзывались о Демокритѣ, капитанѣ одного наксоскаго суда, овладѣвшаго съ бою пятью непріятельскими кораблями, Эгинецъ Поликрить и Аѳинянахъ: Евменъ, Аминівъ и наконецъ Аристидъ, который довершилъ пораженіе непріятеля, бросившись съ собранными ими оплитами на Персовъ, засѣвшихъ въ Пситталіи, для прегражденія Грекамъ пути къ бѣгству и положилъ на мѣсть весь этотъ отрядъ, принадлежавшій къ числу лучшихъ въ арміи Ксеркса.

Не смотря на жестокое пораженіе, у Персовъ все еще оставался сильный флотъ, съ которымъ они могли продол-

(*) XI, 19. (**) Герод. VIII, 94.

(***) Diodor. XI, 19.

жать войну, не говоря о многочисленной сухопутной армии, досель испытывавшей вообще неважные потери. А посему весьма естественно, что Греки ожидали возобновления наступательных действий со стороны Ксеркса и, предавъ погребению своих убитых, готовились къ новому сраженію: но были избавлены отъ этой необходимости, благодаря малодушію Ксеркса, въ которомъ неудача поколебала прежнюю самонадѣянность и который, повидимому, не довѣрялъ преданности своихъ моряковъ, состоявшихъ преимущественно изъ покоренныхъ народовъ. При томъ его тревожила мысль, что Греки могутъ отправиться къ Гелеспонту и, разрушеніемъ мостовъ, поставить его въ положеніе подобное тому, какое угрожало Дарию во время Скифскаго похода. Подъ вліяніемъ этой тревожной мысли, онъ обдумывалъ планъ бѣгства, а между тѣмъ, чтобы обмануть бдительность Грековъ, распустилъ слухъ, будто намѣренъ дать новое сраженіе; но тайные замыслы царя не ускользнули отъ проницательности Мардонія, который, опасаясь подвергнуться ответственности за несчастный исходъ компаніи, предпринятой по его совѣту, является къ Ксерксу и закликаетъ его не предаваться горести, говоря, что потеря Саламинскаго сраженія не составляетъ еще большой бѣды, и что онъ обязуется покорить Грецію, если только царь предоставитъ въ его распоряженіе 300,000 отборнаго войска. Ксерксъ, посоветовавшись съ Артемизіею и съ своими приближенными, изъявилъ согласіе на это предложеніе и, собираясь самъ возвратиться въ Азію, приказалъ флоту своему, какъ можно поспѣшнѣе, плыть къ Гелеспонту и оберегать мосты въ ожиданіи его прибытія. Греки съ удивленіемъ и радостію узнали объ отступленіи неприятельской эскадры и бросились преслѣдовать ее, но, не могши догнать, остановились у Андроса; ибо планъ нетерпеливыхъ Афинянъ и ихъ словолюбиваго вождя проникнуть въ Гелеспонтъ и, разрушеніемъ моста, преградить Ксерксу путь въ Азію, встрѣтилъ сильное сопротивленіе со стороны Еврибиада и другихъ пелопонезскихъ военачальниковъ, не безъ основанія, опасавшихся послѣдствій пребыванія въ Гре-

ція многочисленной персидской арміи, которую крайность могла побудить къ отчаянному сопротивленію. Семистокль согласился съ этимъ справедливымъ замѣчаніемъ и уговорилъ своихъ соотечественниковъ отказаться отъ дальнѣйшаго преслѣдованія непріятеля. Между тѣмъ Ксерксъ, спустя нѣсколько дней, послѣ удаленія своего флота, оставилъ Аттику и чрезъ Віотию направилъ путь въ Тессалію, гдѣ, сопровождавшій его, Мардоній занялся выборомъ войскъ для будущей кампаніи и потомъ расположился на зимнихъ квартирахъ съ тѣмъ, чтобы, по открытіи весны, начать наступательныя дѣйствія. Разставшись въ Тессаліи съ Мардоніемъ, Ксерксъ съ остальными силами спѣшилъ къ Гелеспонту, и въ 40 дней достигъ пролива, потерявъ на пути множество людей отъ голода и болѣзни. Къ довершенію его гора, мосты, построенные на Гелеспонтѣ, разрушены были бурей. Хотя, съ помощію флота, онъ и успѣлъ переправить остатки своего войска въ Азію, и хотя, по прибытіи въ Абидосъ, Персы нашли въ изобиліи жизненные припасы, но этимъ не кончились испытанія злополучной арміи: быстрый переходъ отъ голода къ довольству дѣйствовалъ губительно на здоровье Персовъ и только весьма немногіе прибыли съ царемъ въ Сарды. Такъ окончился этотъ знаменитый походъ. Впослѣдствіи, живая фантазія Грековъ, желая разительнѣе выставить контрастъ между началомъ и концемъ его, окружила ретираду Персидскаго царя разными подробностями, которыя, не смотря на свой сказочный характеръ, нашли мѣсто въ сочиненіяхъ позднѣйшихъ писателей и моралистовъ, какъ поучительный примѣръ превратности человѣческаго счастья; таково, между прочимъ, извѣстіе, сообщаемое Юстиномъ, будто Ксерксъ, не нашедши моста, разрушеннаго бурей, ночью одинъ безъ свиты, переправился въ Азію на бѣдной рыбацкѣй лодкѣ!

И теперь, какъ послѣ Мараонской битвы, побѣдители прежде всего возблагодарили боговъ, посвятивъ имъ значительную часть добычи, захваченной у непріятеля, а потомъ положили въ собраніи на Исемъ, роздать награды достой-

нѣйшимъ изъ среды своей. Къ сожалѣнію, эта патріотическая мысль, при выполненіи ея, встрѣтила препятствіе въ недоброжелательствѣ и зависти греческихъ военачальниковъ, которымъ поручено было сдѣлать выборъ и изъ которыхъ каждый цѣнилъ собственныя заслуги свои выше заслугъ своихъ товарищей. А посему никто не получилъ требуемаго большинства и первая премія осталась неприсужденною. Только, при назначеніи второй награды, большая часть полководцевъ подали голоса въ пользуThemistocle, признавъ такимъ образомъ, хотя и не вполне, великія заслуги Саламинскаго побѣдителя, для котораго высшею наградою было общественное мнѣніе: ибо вся Греція очень хорошо знала, что главнымъ виновникомъ успѣха былъ Themistocle и при каждомъ случаѣ свидетельствовала ему свое уваженіе. Даже Спартанцы, неохотники награждать особенно иностранцевъ, сдѣлали Themistocle, когда онъ прибылъ въ ихъ городъ, весьма лестный пріемъ и, осыпавъ его дарами, съ величайшими почестями проводили до границы своей области.

Впрочемъ Саламинская битва мало измѣнила отношенія Ксеркса къ прежнимъ его союзникамъ, которые всѣ, за исключеніемъ Фокеянъ, остались вѣрными Персамъ. Только на Халкидскомъ полуостровѣ произошелъ мятежъ. Персидскій генералъ Артабазъ, прикрывавшій отступленіе Ксеркса къ Гелеспонту, на возвратномъ пути, вознамѣрился покорить отпавшіе города и дѣйствительно ему удалось овладѣть Олинтомъ, но предпріятіе его противъ Потидеи окончилось несчастливо и онъ, простоявъ подъ стѣнами ея три мѣсяца, нашелся вынужденнымъ снять осаду и отступилъ въ Thessaly на зимнія квартиры для соединенія съ Мардоніемъ, который между тѣмъ старался привлечь на свою сторону Аѳинянъ и, чрезъ посредство Македонскаго царя Александра, сдѣлалъ имъ весьма заманчивыя предложенія. При этомъ случаѣ патріотизмъ Аѳинянъ высказался въ полномъ блескѣ. Считаая преступленіемъ измѣнить единокровной и единовѣрной Греціи, они дали Александру отвѣтъ вполне достойный великой націи, и даже не воспользовались вызовомъ Спартанцевъ,

помочь имъ въ содержаніи семействъ, доведенныхъ до разоренія двухлѣтнею войною, а только просили своихъ союзниковъ объ одномъ: выслать, какъ можно скорѣе, вспомогательное войско въ Віотію, дабы общими силами отразить общаго непріятели, который, какъ надобно было ожидать, не замедлитъ открыть наступательныя дѣйствія. Дѣйствительно Мардоній, узнавъ объ отказѣ Аѳинянъ заключить съ нимъ союзъ и горя нетерпѣніемъ наказатъ гордыхъ республиканцевъ, оставилъ Фессалію и двинулся въ Аттику, вопреки предостереженія Фивинцевъ, совѣтовавшихъ ему не вступать въ сраженіе, но стараться, посредствомъ подкуповъ, приобрести приверженцевъ въ разныхъ мѣстахъ Греціи, дабы, съ помощію ихъ, поселить несогласіе между союзниками. Если бы Мардоній послушался этого благоразумнаго совѣта, то кампанія его, по всей вѣроятности, увѣнчалась бы успѣхомъ: ибо послѣдствія показали, что не всѣ Греки раздѣляли благородныя чувства, воодушевлявшія Аѳинянъ и что многіе изъ союзниковъ заботились только о частныхъ своихъ выгодахъ. Даже Спартанцы, не смотря на изъявленную ими готовность выслать въ Віотію вспомогательное войско, медлили исполненіемъ обѣщанія, подъ предлогомъ празднованія Гіацинтій, а въ самомъ дѣлѣ потому, что, докончивъ въ это время укрѣпленіе Исѳма, они думали, что могутъ обойтись и безъ помощи Аѳинянъ. Впрочемъ, двуличная политика Лакедемонскаго правительства нисколько не поколебала твердости послѣднихъ и Аѳинскіе граждане рѣшились лучше предать въ жертву мстительности Мардонія свой родной городъ и переселиться съ своими семействами въ Саламинъ, чѣмъ запятнать себя именемъ измѣнниковъ. Они не выдали своихъ союзниковъ и даже тогда, когда Персидскій военачальникъ, по занятіи Аѳинъ, сдѣлалъ новую попытку на сближенія съ ними, обѣщая предать забвенію все прошедшее. Между тѣмъ Аѳинскіе послы прибыли въ Спарту и горько жаловались на дѣйствія Лакедемонскаго правительства, не скрывая отъ него, что, при всемъ желаніи защищать независимость Эллады, Аѳиняне, если не получаютъ вскорѣ обѣщанной помощи, при-

нуждены будут покориться необходимости и принять союзъ предлагаемый имъ Мардоніемъ. Эфоры хитрили и не давали посламъ рѣшительнаго отвѣта; пока одинъ почтенный Тегеллинъ, по имени Хилей, не вывелъ ихъ изъ заблужденія, объяснивъ Лакедемонскому правительству, что укрѣпленія, воздвигнутыя на Исѣмъ не могутъ воспрепятствовать Персидскому флоту, при содѣйствіи Аѳинянъ, высадиться въ любомъ мѣстѣ Пелопонеза и опустошить Лаконію. Теперь только Спартанцы опомнились и спѣшили примириться съ своими союзниками скорымъ исполненіемъ ихъ требованія. 5000 оплитовъ, въ сопровожденіи 3500 илотовъ, за которыми на другой день послѣдовало столько же тяжело вооруженныхъ воиновъ, собранныхъ изъ разныхъ городовъ Лаконіи, получили приказаніе, подъ начальствомъ Павзанія, немедленно выступить въ походъ. Мардоній, тайно извѣщенный Аргосцами о движеніи Спартанскаго войска и видя безуспѣшность переговоровъ своихъ съ Аѳинянами, вымѣстилъ гнѣвъ свой на послѣднихъ, истребленіемъ всего, что уцѣлѣло отъ перваго разгрома Аѳинъ Ксерксомъ и потомъ двинулся въ Віотію, представлявшую болѣе удобства для веденія войны, какъ по мѣстнымъ условіямъ, такъ и потому, что жители ея были самыми усердными старонниками Персовъ. Позиція, занятая имъ, простиралась вдоль лѣваго берега Азопа между Платеею и Эретрією и отчасти защищена была укрѣпленнымъ лагеремъ, а насупротивъ Персовъ, у подошвы Китерона, расположилось войско союзныхъ Эллиновъ, которое, по соединеніи съ Спартанцами Контингентовъ другихъ государствъ, простиралось до 110000 человекъ; въ томъ числѣ однихъ тяжело вооруженныхъ воиновъ было болѣе 38000. Недостатокъ въ водѣ дѣлалъ позицію союзниковъ весьма неудобною, а потому, послѣ удачнаго кавалерійскаго дѣла близъ Эретріи, гдѣ 300 Аѳинянъ истребили отрядъ отборной Персидской конницы, главнокомандующій греческою армією Павзаній отважился перейти на болѣе ровную мѣстность, примкнувъ лѣвымъ крыломъ къ источнику Гаргафій. Рѣка Азопъ отдѣляла союзниковъ отъ непріятельскаго лагеря.

Въ этомъ положеніи обѣ арміи нѣсколько дней стояли одна противъ другой, ожидая каждая нападенія противника; наконецъ бездѣйствіе наскутило Мардонію, и онъ, не смотря на представленія Артабаза, рѣшился атаковать Грековъ, которые, терпя недостатокъ въ продовольствіи и водѣ, послѣ того какъ Персидской конницѣ удалось завалить источникъ Гаргафію и перехватить нѣсколько транспортовъ, шедшихъ къ союзникамъ, почли нужнымъ оставить занимаемую ими позицію и отойти къ острову, образуемому двумя рукавами Эрос, текущими съ высоты Киверона въ равнину. Но прежде чѣмъ окончилось это передвиженіе, Персы ударили на Спартанцевъ и Тегельнъ, которымъ, однимъ пришлось выдерживать всю тяжесть сраженія: ибо большая часть союзныхъ отрядовъ находилась слишкомъ далеко, отступивъ по направленію къ городу Платей, вмѣсто диспозиціи, указанной Павзаніемъ, а Афиняне заняты были отраженіемъ другаго отдѣленія Персидскаго войска, состоявшаго изъ Грековъ, принявшихъ сторону Ксеркса. Бой длился нѣсколько часовъ съ величайшимъ ожесточеніемъ и безъ рѣшительнаго результата; пока живъ былъ Мардоній, войска его держались крѣпко противъ натиска тяжело вооруженныхъ Грековъ, воодушевляемые примѣромъ своего полководца, носившагося, впереди своихъ, на бѣлой лошади, но когда палъ Мардоній отъ руки Спартанца Эймнеста, Персы не выдержали, обратили тылъ и бѣжали въ безпорядкѣ въ свой укрѣпленный лагерь, за исключеніемъ находившагося подъ командою Артабаза, 40000 корпуса, который, хотя прибылъ къ мѣсту сраженія, но не принималъ участія въ дѣлѣ и еще до окончанія битвы, отступилъ чрезъ Фокиду въ Фессалію, съ тѣмъ, чтобы отсюда перебраться къ Гелеспонту. Между тѣмъ Афиняне разбили греческое отдѣленіе Персидскаго войска, встрѣтивъ упорное сопротивленіе со стороны однихъ только Эиванцевъ. Что касается до прочихъ союзниковъ, которые, какъ выше уже сказали, отдѣлились отъ Спартанцевъ и Афинянъ, во время передвиженія греческаго войска, то при первомъ извѣстіи о побѣдѣ Павзанія, они посѣгнули къ

мѣсту сраженія. Но часть ихъ, состоявшая изъ Мегарянъ и Фліазіевъ, дорогою наткнулась на Фиванскую конницу, которая положила на мѣстѣ 600 человекъ, а остальныхъ отбросила въ ущелья Китерона.

Взятіемъ укрѣпленнаго лагеря Персовъ, послѣ упорнаго съ ихъ стороны сопротивленія, окончился второй актъ Платейскаго побоища, имѣвшаго слѣдствіемъ совершенное уничтоженіе Персидской арміи, хотя и можно усомниться въ точности извѣстія, сообщаемаго Геродотомъ, будто изъ всего многочисленнаго войска, оставшагося въ Греціи съ Мардоніемъ, успѣло спастись менѣе 3000 человекъ, за исключеніемъ корпуса Артабаза. Касательно потери союзниковъ, показанія древнихъ писателей весьма несогласны. Діодоръ опредѣляетъ ее въ 10000; между тѣмъ, какъ по свидѣтельству Геродота, на поляхъ Платейскихъ пало: 91 Спартанецъ, 16 Тегейянъ и 52 Аѳинянъ, всего 159 человекъ. Столь значительная разниа только отчасти можетъ быть объяснена тѣмъ, что въ исчисленіе Геродота, вошли, по видимому, одни тяжело вооруженные и притомъ не включена убыль, понесенная Мегарянами и тѣми изъ союзниковъ, которые участвовали во взятіи съ бою непріятельскаго лагеря. Средину между сими двумя крайностями занимаетъ показаніе Плутарха, опредѣляющаго потерю союзниковъ въ 1360 человекъ. Какъ бы то ни было, Платейская побѣда не только имѣла важныя моральныя послѣдствія, упрочивъ независимость Эллады, но и доставила побѣдителямъ огромныя богатства, захваченныя ими въ непріятельскомъ лагерѣ. Часть этихъ богатствъ употреблена была на приношенія богамъ и, сверхъ того союзники во изъявленіе своей признательности, опредѣлили, чрезъ каждые пять лѣтъ, праздновать игры, сопровождаемыя благодарственною жертвою (Элевтерія), возложивъ эту обязанность вмѣстѣ съ совершеніемъ ежегодной тризны по убитымъ, на жителей Платей, какъ владѣльцевъ страны, гдѣ совершилось великое дѣло освобожденія. Платейская область признана была нейтральною землею и получила права автономіи, навсегда ограждающія ея независимость отъ притязаній

Эивъ (*), а городъ Платея назначенъ мѣстомъ собранія представителей греческихъ государствъ, заключавшихъ, по предствленію Аристиды, оборонительный союзъ, въ случаѣ новаго нападенія со стороны Персовъ, для чего союзники положили постоянно имѣть на готовѣ 10000 оплитовъ, 1000 конницы и 100 вооруженныхъ судовъ.

Отдавъ послѣдній долгъ своимъ товарищамъ, павшимъ на полѣ чести и раздѣливъ между собою добычу, побѣдители почли обязанностію наказать измѣнниковъ и съ этою цѣлью двинулись противъ Эивъ. Впрочемъ, къ чести ихъ, должно замѣтить, что они дѣйствовали не по внушенію безответной мести и, строго отличая злонамѣренность отъ заблужденія, обѣщали пощадить городъ, если имъ будутъ выданы главные сообщники Персидской партіи. Только по полученіи отказа, Павзаній приказалъ громить городъ и опустошилъ его окрестности. Наконецъ Эиванцы нашлись принужденными уступить. Всѣ зачинщики были выданы и получили достойное наказаніе, за исключеніемъ Аттегина, который спасся бѣгствомъ и дѣтямъ котораго Павзаній не сдѣлалъ никакого зла, объявивъ, что они, по самому возрасту своему, не могли учавствовать въ преступныхъ замыслахъ своего отца.

Въ тотъ самый день, когда союзники одержали побѣду при Платеѣ, флотъ ихъ, подъ начальствомъ Спартанца Леотихида и Аѳинянина Ксантиппа, покрылъ себя новыми лаврами у береговъ малой Азіи, близъ мыса Микале. Тщетно Персы, неожиданныя появленія греческой эскадры въ водахъ Іоніи, спѣшили укрыться подъ защиту сухопутнаго своего войска, оставленнаго Ксерксомъ для охраненія Малой Азіи и вытаскивъ на сушу свои корабли, оградилъ ихъ, со стороны моря искусственными укрѣпленіями. Эта преграда не остановила союзниковъ. Ободренные робостію противника, они смѣло ударили на воздвигнутыя имъ укрѣпленія и не

(*) Ср. Исторію Греціи Грота, томъ III, стран. 147—148.

смотря на отчаянное сопротивленіе Персовъ, которыхъ, по признанію Діодора (*) и самаго Геродота (**), много повредила измена Іонянъ, успѣли овладѣть какъ этими укрѣпленіями, такъ и находившимся подъ защитою ихъ непріятельскимъ флотомъ. Побѣда, одержанная Греками, хотя обошлась имъ не дешевою, была рѣшительна: большая часть персидской арміи легла въ этой несчастной битвѣ, въ томъ числѣ самъ главнокомандующій Тигранъ. Обремененные богатою добычею, побѣдители возвратились въ Самось, гдѣ начальники союзнаго флота имѣли разсужденіе о томъ, какъ устроить на будущее время судьбу Іоніи. Съ одной стороны они видѣли невозможность, по причинѣ дальняго разстоянія, защищать своихъ малоазіатскихъ соотечественниковъ, а съ другой боялись предать ихъ въ жертву мстительности Персовъ. Въ такихъ обстоятельствахъ, многіе ухватились за мысль поданную Пелопонезцами выгнать изъ торговыхъ городовъ тѣхъ Грековъ, которые помогали Персамъ и водворить въ ихъ владѣніяхъ Іонянъ. Но это предложеніе встрѣтило сильное сопротивленіе со стороны Аѳинянъ, видѣвшихъ въ уничтоженіи основанныхъ ими колоній, посягательство на честь своей метрополии. Пелопонезцы не настаивали и, ограничившись признаніемъ автономіи жителей острововъ, съ которыми заключенъ былъ союзъ, возвратились во свояси; Аѳиняне же, на обратномъ пути, вознамѣрились возстановить свое господство на Фракійскомъ Херсонесѣ и, послѣ взятія Геста, защищаемаго сильнымъ персидскимъ гарнизономъ, снова привели этотъ полуостровъ въ зависимость отъ Аѳинской республики.

Блестательный успѣхъ, съ которымъ Греція отстояла свою независимость, противъ соединенныхъ силъ почти всего Востока, вызываетъ невольное чувство уваженія къ доблестямъ ея защитниковъ. Но съ другой стороны долгъ безпристрастія не позволяетъ намъ доводить это чувство до вос-

(*) XI, 36. (**) IX, 103.

торженнаго энтузіазма по примѣру Плутарха и другихъ писателей, которые не находятъ словъ для того, чтобы достойно восхвалять поведеніе Грековъ въ эту тяжелую годину испытанія. Напротивъ, при изложеніи подробностей войны, основанныхъ на разсказъ почти современнаго писателя, мы имѣли случай замѣтить, что и у союзниковъ команда не всегда находилась въ рукахъ достойныхъ людей и что раздоры между ими не разъ подвергали величайшей опасности независимость Эллады. А посему нельзя не согласиться съ Гротомъ, что Греція спасеніемъ своимъ обязана сколько мужеству своихъ защитниковъ, столько же, если не болѣе, ошибкамъ Ксеркса, въ ослѣпленіи гордости, легкомысленно презрѣвшаго благоразумные совѣты и вообще дурному веденію войны со стороны Персовъ, которымъ хотя и нельзя отказать въ личной храбрости, но которые далеко отстали отъ своихъ противниковъ по части вооруженія, организаціи военнаго строя и распорядительности начальниковъ. И однако же, не смотря на столь важныя преимущества сравнительно съ непріятелемъ, Греки, едва ли бы успѣли отстоять свою независимость, если бы имъ не помогли разныя случайныя обстоятельства, или лучше сказать, не поблагопріятствовала сама судьба, въ открывшейся борьбѣ между востокомъ и западомъ, явно державшая сторону послѣдняго. Выше видѣли мы, какая робость обуяла союзниковъ, въ то время, когда они занимали позицію при Артемизіи, въ виду грозной армады Ксеркса и вотъ, для ободренія ихъ, является буря, отъ которой Персы потеряли болѣе 400 кораблей, и которая внушаетъ греческимъ военачальникамъ отвагу помѣряться съ непріятельскимъ флотомъ. Не найди планъ Мильтіада поддержки въ Полемархѣ Каллимахѣ, котораго голосъ, при раздѣленіи мнѣній между полководцами, составилъ большинство: лѣтописи греческой исторіи не были бы украшены описаніемъ подвиговъ Мараѳонскихъ побѣдителей, а Саламинская битва, по всей вѣроятности, имѣла бы другой исходъ, если бы Ксерксъ на нѣсколько часовъ отложилъ нападеніе: ибо тогда Пелопонезцы успѣли бы привести въ исполненіе за-

думанную ими ретираду. Тамъ спасаетъ Грецію случайно поданный лишній голосъ сановника, известнаго въ исторіи по одному только имени, а здѣсь легкомысліе и горячность Ксеркса, безразсудно бросившагося въ ~~сѣти~~ разставленныя ему проицательнымъThemistocleomъ. Всѣ эти подробности, коихъ число можно бы увеличить, не должны ли навести насъ на мысль, что само Провидѣніе направляло ходъ борьбы такимъ образомъ, что она должна была окончиться въ пользу Греціи, и, въ лицѣ ея, всего образованнаго человѣчества: хотя мы и далеки отъ мысли посягать на славу благородныхъ защитниковъ независимости Эллады, и отдаемъ полную справедливость великимъ заслугамъ Themistoclea, Aristida, и Miltiada, бывшихъ въ этой достопамятной борьбѣ достойными орудіями Промысла къ осуществленію Его благодѣтельныхъ и мудрыхъ цѣлей.

А РОСЛАВСКІЙ-ПЕТРОВСКІЙ.

ПРЕСТАВЛЕНІЕ СВ. ДИМИТРІЯ МИТРОПОЛИТА РОСТОВСКАГО,

И ОПИСЬ ОСТАВШАГОСЯ ПОСЛѢ НЕГО ИМУЩЕСТВА.

Законоучитель Демидовскаго Лицея и профессор Ярославской семинаріи, магистръ, протоіерей Іоаннъ Троицкій, съ просвѣщенной любознательностію занимающійся болѣе двухъ лѣтъ, по порученію отъ духовнаго начальства, собираемъ матеріаловъ для статистики и исторіи Ярославской епархіи, приобрѣлъ множество драгоценнѣйшихъ свѣдѣній по этому предмету, — въ частныхъ рукописяхъ, оффиціальныхъ бумагахъ, надписяхъ на разныхъ церковныхъ вещахъ, и въ другихъ источникахъ, которые проливаютъ яркій свѣтъ на многія стороны мѣстной исторіи, бывшія доселѣ темными. Редакція Ярославскихъ Губернскихъ Вѣдомостей привела въ извѣстность, изъ его собранія, найденное въ одномъ изъ архивовъ подлинное оффиціальное *«Дѣло о преставленіи блаженныя памяти преосвященнаго Димитрія митрополита Ростовскаго и Ярославскаго, и о описаніи оставшихъ послѣ его преосвященства книгъ, писемъ, денегъ и всякой рухляди, и объ отсылкѣ оныхъ книгъ и писемъ въ Москву въ Монастырскій Приказъ, и о прочемъ»*. *Дѣло* это началось 28 октября 1709 года и заключаетъ въ себѣ переписку Ростовскаго архіерейскаго дома съ правительственными мѣстами и лицами. Такъ какъ многія заключающіяся въ немъ свѣдѣнія доселѣ не были еще въ печати, то извлеченіе изъ вышеозначенной переписки, будетъ имѣть своего рода занимательность для просвѣщенныхъ читателей.

По преставленіи Святителя Димитрія, казначей Ростовскаго архіерейскаго дома послалъ къ Государю слѣдующее донесеніе:

«Великому государю царю и великому князю Петру Алексѣевичу, всеа великія и малыя и бѣлыя Россіи самодержцу. Богомолецъ твой, изъ Ростова, архіерейскаго дома казначей чернецъ Филаретъ, Бога мола, быть челомъ тебѣ. Извѣстно тебѣ, великій государь, буди, что богомолецъ твой государевъ, преосвященный

Димитрій, митрополитъ Ростовскій и Ярославскій, преселися въ ввчшій покой октября въ 28 день, на первомъ часу дни, сего 1709 года. А отписку велѣвъ подать въ Монастырскомъ Приказѣ боярину Ивану Алексѣевичу Мусину-Пушкину».

Въ тотъ же день подобная отписка послана съ бояриномъ Григорьемъ Парѣнтьевымъ къ Рязанскому митрополиту Стефану.

На вышеозначенное донесеніе казначея Филарета, послѣдовали къ нему изъ Монастырскаго Приказа двѣ грамоты:

«Лѣта 1709 года, октября въ 31 день, по указу великаго государя царя и великаго князя Петра Алексѣевича, всеа великія и малыя и бѣлыя Россіи самодержца, дома Ростовскаго архіерея казначею іеромонаху Филарету. Сего октября въ 31 день писалъ ты къ великому государю, что октября въ 28-мъ числѣ преосвященный Димитрій митрополитъ преставился. И какъ къ тебѣ сей великаго государя указъ придетъ, и ты-бъ его архіерейскую всякую денежную казну, и рухлядь, и книги и письма, что при немъ архіеревъ ни было, также и у монаховъ и у писцовъ книги жъ и писма, или что у нихъ ево архіерейское было, все собравъ и запечатавъ, поставилъ до его великаго государя указа въ ризницѣ, — а для переписки присланъ будетъ нарочный присылщикъ, — да о томъ къ великому государю писалъ бы и отписку велѣвъ бы подать въ Монастырскомъ Приказѣ боярину Ивану Алексѣевичу Мусину-Пушкину съ товарищами»....

«Лѣта 1709-го, ноября въ 1-й день, по указу великаго государя царя и великаго князя Петра Алексѣевича, всеа великія и малыя и бѣлыя Россіи самодержца, дома Ростовскаго архіерея казначею іеромонаху Филарету. Въ нынѣшнемъ 1709 году, октября 31 дня, писалъ ты къ великому государю, что октября же въ 28-мъ числѣ преосвященный Димитрій митрополитъ Ростовскій и Ярославскій преставился. И по полученіи сего великаго государя указа, тыло его преосвященнаго Димитрія митрополита, убравъ по архіерейскому чину и обыкновенію и съ подобающею честію, велѣвъ бы вынести на его архіерейскомъ дворѣ въ холодную церковь, и велѣвъ по вся дни служить литургии, и пѣть понахиды, и читать евангеліе и псалтырь, какъ и прежде сего бывало. А о погребеніи его архіерейскомъ ожидать его великаго государя указа».

Между тѣмъ, еще отъ 29 октября того же года, на другой день послѣ кончины Святителя, послана была *память* въ Ярославль,

къ іеромонаху домового двора Юнѣ, которою, по извѣщеніи о томъ, что «преосвященный митрополитъ, оставя свой архіерейскій престолъ, преселися въ вѣчность *въ началъ ночныхъ часовъ 28 октября*», предписано, по принадлежности, дать знать о томъ во весь Ярославскій уѣздъ и по всѣ станы духовнаго вѣдомства съ тѣмъ, чтобы повсюду,—въ соборахъ, при архіерейскихъ домахъ, въ монастыряхъ и приходскихъ церквахъ,—на литургіи, проскомидіи и въ паннихидахъ поминали усопшаго преосвященнаго Дмитрія по линіи съ прочими бывшими Ростовскими архіереями.

Черезъ два дня послѣ этой *памяти*, на извѣстительную отписку казначея Ростовскаго архіерейскаго дома, іеромонаха Филарета, посланную къ Рязанскому митрополиту Стефану, сообщено іеромонаху Филарету отъ подъячаго Московскаго архіерейскаго двора, Аванасія Иванова, что: а) преосвященный Стефанъ митрополитъ Рязанскій и Муромскій опредѣляется по двухъ недѣляхъ съ Москвы въ Ростовъ къ погребенію преосвященнаго Дмитрія митрополита, и чтобъ, отъ 1-го ноября считая по числамъ, Ростовской епархіи архимандриты и игумены въ Ростовъ были; б) 31 октября «преосвященный Рязанскій архіерей говорилъ, чтобы ему къ погребенію архіерейскому вхаты въ Ростовъ и взять Московскихъ монастырей властей и своего чину пѣвчихъ, но сего числа (*т-е. 1-го ноября*) болринъ Иванъ Алексѣевъ Мусинъ-Пушкинъ, по доношенію его архіерейскому, къ Рязанскому архіерею посылалъ дьяка Лукьяна Васильева, чтобъ онъ архіерей изволилъ вхаты въ Ростовъ по изволенію своему съ тѣми чинами, безъ которыхъ пробыть невозможно, а Московскихъ монастырей властей и своего чину пѣвчихъ не брать, для того, что въ Ростовъ будутъ архіереи и игумены и архіерейскаго чина пѣвчіе, и для того, чтобъ въ томъ въ подводахъ излишней тягости не было; в) «паче всего, будетъ еще что впредь, и не учинится ли какого намѣренія, ожидать указа, и онъ, о чемъ прикажутъ, будетъ писать для вѣдѣнія».

На указъ отъ 1-го ноября казначея Ростовскаго архіерейскаго дома донесъ на имя Государя, въ Монастырскій Приказъ, что «по представленіи преосвященнаго Дмитрія митрополита тѣло его архіерейское, убравъ по архіерейскому чину и обыкновенію и съ подобающею честію, вынесено было на домовомъ дворѣ въ холодную Спасскую церковь, что на сѣняхъ, и того жъ октября 30 числа сего 1709 года, въ пришествіе въ Ростовъ великія государыни благовѣрныхъ царицы и великія княгини Параскевіи Θεодоровны, по изволенію ея государыни, изъ Спасовы церкви то ея архіерейское

*

тѣло вынесено и поставлено въ Ростовъ въ соборной церкви выше-писаннаго числа, и повседневная служба, и паннихиды, и чтеніе евангелія и псалтыри, противъ прежняго обыкновенія, надъ нимъ архіереємъ отправляются».

Въ слѣдъ за тѣмъ, въ продолженіе прежней переписки, къ іеромонаху Филарету присланъ новый указъ:

«Лѣта 1709-го ноября въ 6 день, по указу великаго государя царя и великаго князя Петра Алексѣевича, всеа великія и малыя и бѣлыя Россіи самодержца, дома Ростовскаго архіерея казначею іеромонаху Филарету. Въ нынѣшнемъ 1709-мъ году, октября въ 31 день, посланъ къ тебѣ его великаго государя указъ и велѣно Ростовскаго архіерея его архіерейскую всякую денежную казну, и рубли, и книги, и писма, что при немъ архіерей было, также у монаховъ и у писцовъ книги-жъ, писма, или что его архіерейское было, все собравъ и запечатавъ, поставить до его великаго государя указа въ ризницѣ. И какъ къ тебѣ сей великаго государя указъ придетъ, и ты-бъ греческія и латинскія и словенскія печатныя, и писменныя въ переплетѣхъ всякія-жъ, и въ тетратѣхъ книги, и въ столбцахъ, хотя которыя и черныя, все переписавъ и, переписавъ, поставя свои руки и запечатавъ его архіерейскою печатью, прислалъ къ Москвѣ съ росписью, не оставляя ничего, чтобъ тѣ книги всеконечно присланы были сего ноября къ 15-му числу немедленно съ шарочными посылыщикомъ, и для того посланъ съ нимъ великаго государя указомъ Монастырскаго приказа подъячей Тимоѣей Кузминъ. А къ погребенію его преосвященства архіерея уготовилъ бы пива и медовъ, буде готовыхъ нѣтъ. А котораго числа тѣ книги съ нимъ подъячимъ и съ провожатыми посланы будутъ отъ тебя къ великому государю, писалъ бы, а отписку и книги съ росписью велѣлъ бы подать въ Монастырскомъ Приказѣ боярину Ивану Алексѣевичу Мусину-Пушкину съ товарищомъ».

Отъ 10-го ноября послѣдовалъ изъ Монастырскаго Приказа къ казначею Ростовскаго митрополита іеромонаху Филарету еще указъ, дополнительный къ предыдущему: «Сего ноября въ 9-й день писалъ ты къ великому государю и прислалъ преосвященнаго Дмитрія митрополита Ростовскаго и Ярославскаго духовную завѣщательную грамоту за его рукою. А въ ней написано, чтобъ по смерти тѣло его погребенію предати въ монастырь Іакова епископа Ростовскаго чудотворца во уголѣ церковномъ, гдѣ назначено. И какъ къ тебѣ сей великаго государя указъ придетъ, и ты бы велѣлъ къ погребенію архіерейскому устроить по завѣщанію его гробницу, и

могилу выслать камнемъ, въ церкви Іакова епископа Ростовскаго чудотворца, въ церковномъ углу, гдѣ въ духовной назначено, а къ погребенію его изготовилъ въ столовое кушанье противъ прежняго обыкновенія. А буде рыбы на—малъ, купить въ Ярославль осетра и стерлядей и прочихъ рыбъ, сколько пристойно. А сколько чего куплено и на сколько денегъ, о томъ писать имянно. А что на погребеніе прежнихъ преставльшихся архіереевъ бывало въ расходъ денегъ, и на какія дачи, выписавъ изъ расходныхъ книгъ имянно, да тое выписку за своею рукою прислать съ нарочнымъ посыльщикомъ, безъ замедленія по полученіи сего указа ни малаго времени, да о томъ къ великому государю писать. А отписку и выписку велѣлъ бы подать въ Монастырскомъ Приказѣ боярину Ивану Алексѣевичу Мусину-Пушкину съ товарищѣмъ.

Въ исполненіе послѣднихъ двухъ указовъ, казначей Ростовскаго архіерейскаго дома, по справкѣ съ расходными книгами, донесъ, по принадлежности, отъ 16 ноября, что «въ 199-мъ году, по преставленіи Ростовскаго митрополита Іоны, изъ домовоі казны на погребеніе, и на поминаеніе, и на всякія дачи было въ расходъ 871 рубль 12 алтынъ 2 деньги, а въ 1702 году, въ погребеніе и въ поминаеніе Ростовскаго митрополита Іоасафа было въ расходъ 200 рублей 28 алтынъ 5 денегъ». При семъ представлена въ Монастырскій Приказъ подробная выписка изъ дѣлъ о расходахъ на погребеніе преждебывшихъ митрополитовъ Іоны и Іоасафа, а при другомъ донесеніи, съ подъячимъ Тимоѣемъ Кузминымъ и съ провожатымъ изъ домовыхъ боярскихъ дѣтей Иваномъ Губастовымъ, послана библіотека святителя Димитрія съ каталогомъ и съ описью оставшагося послѣ него имущества. Въ разбираемомъ теперь дѣлѣ имѣются отпуски съ сихъ описей.

1) Расходы на погребеніе и поминаеніе митрополита Іоны.

Въ 199-мъ году, по преставленіи блаженныя памяти преосвященнаго Іоны митрополита, декабря въ 20-й день, взято въ расходъ изъ домовоі казны:

На выносъ, Ростовскихъ монастырей архимандритамъ и игуменамъ, и соборному протопопу съ братією, и градскимъ и увяднымъ попамъ, и діаконамъ и поддіаконамъ, и пѣвчимъ, и подъякамъ, и церковнымъ причетникамъ,—30 руб. 2 алтына 2 деньги.

На поминаеніе души его въ монастыри и градскимъ попамъ съ причетники въ сорокоустіе отъ первой четыредесятницы роздано 157 руб.

Ростовской соборной церкви протопопу съ братією, поддіаконамъ, и пѣвчимъ, и поддьякамъ отъ псалтирнаго чтенія (на двѣ четыредесятницы), и соборной церкви сторожамъ и звонарямъ, которые при гробѣ были,—всего 57 рублей.

На погребеніе его—жъ преосвященнаго Ионы митрополита преосвященному Иларіону митрополиту Суздальскому и Юрьевскому образъ Моленіе Ростовскихъ чудотворцевъ въ окладѣ, обьярь вишневая, камка червчатая, камка жъ цвѣтная, атласъ червчатый, шуба кунья подъ атласомъ, денегъ 50 руб.

Епархіи его Спаса-Еенмьева монастыря архимандриту образъ Моленія въ окладѣ же, образъ обьярь вишневая, денегъ 5 руб.

Фролищевы пустыни стронтелю образъ Леонтія въ окладѣ денегъ 5 руб.

Приказному его челоувку образъ да денегъ 4 руб.

Домовъ его всякихъ чиновъ людемъ: крестовымъ священникамъ и діаконамъ, поддіаконамъ и пѣвчимъ, и поддьякамъ, и дѣтямъ боярскимъ, и на наемъ подъ нихъ подводу, 61 р. 10 алтынъ.

Да Ростовскихъ монастырей архимандритамъ и игуменамъ, и соборной церкви протопопу съ братією, и поддіаконамъ, пѣвчимъ, и поддьякамъ и домового двора чернымъ священникамъ съ причетники, 63 руб.

Отъ второй и третьей и четвертой четыредесятницъ по немъ же архіеревъ Ростовскихъ монастырей властямъ, и попамъ, и діаконамъ, 150 руб.

Для поминовенія его—жъ архіерейскаго домового двора людемъ: дѣтямъ боярскимъ, и подьячимъ, и служебникамъ, и поддіаконамъ, и пѣвчимъ, и поддьякамъ, и звонарямъ, и сторожамъ, 289 руб.

И всего въ поминовеніе и въ погребеніе преосвященнаго Ионы митрополита изъ домовоі казны дано 871 руб. 12 алтынъ двѣ деньги».

2) *Расходы на погребеніе и поминовеніе митрополита Иосафа.*

«Въ 1702-мъ году, въ поминовеніе и въ погребеніе блаженный памяти преосвященнаго Иосафа митрополита, изъ домовоі казны взято въ расходъ:

Отъ псалтирнаго чтенія поддіаконамъ и пѣвчимъ 41 рубль.

Отъ погребенія его архіерея преосвященному Дмитрію митрополиту 30 рублей.

Ростовской епархіи архимандритамъ и игуменамъ, и протопопу съ братією, и домового двора и монастырей чернымъ попамъ и діаконамъ съ пречетники, и пѣвчимъ, и поддьякамъ, и домовымъ всякихъ чиновъ людемъ, 129 р. 28 алтынъ 5 денегъ.

И всего по Иоасафъ митрополитъ въ расходъ 200 рублей 28 алтынъ 5 денегъ.»

3) *Опись имущества, оставшагося послѣ Димитрія митрополита.*

«Послѣ блаженныя памяти преосвященнаго Димитрія, митрополита Ростовскаго и Ярославскаго, архіерейскаго *келейнаго* явилось:

Мандія камчатая луданная свѣтло-лазоревая, — скрыжали бархатныя, кругъ скрыжалей обложено плетенцемъ серебрянымъ, — подпушена камкою зеленою.

Ряса обьяринная зеленая, подложена кумачемъ зеленымъ.

Ряса камчатая темно-кропивная, подложена тафтою осиновою.

Ряса камчатая черная, куфтеръ, подложена дорогами двоелишными.

Три пуховика, въ томъ числѣ у одного наволочка кожаная полосатая, а два покрыты китайкою кропивною домовою.

Одѣяло теплое лисье хребтовое, покрыто парчею дарагиною полосатою (*на время взято ради студени въ дорогу*).

Одѣяло холодное выбойчатое, — подложено кумачемъ краснымъ, стегано на бумагъ.

Двѣ подушки пуховыя, — наволочки китаешныя кропивныя.

Четыре ковра персидскихъ.

Серебряной посуды:

Кружка съ личины, золочена на оба лица, — фунтъ 90 золотн.

Кубокъ съ кровлею, золочень на оба лица, — фунтъ 15 золотн.

Крестъ съ чепью золотые, съ мощми, — въ срединѣ и по сторонамъ камень яхонты, изумруды и лапы, — жалованье великаго государя благовернаго царевича и великаго князя Алексѣя Петровича всея Россіи.

Крестъ и чепь золотые съ каменьемъ.

Панагія съ чепью серебряная золочена, съ мощми; кругъ панагіи обнизано жемчугомъ крупнымъ и каменьемъ разнымъ.

Крестъ золотой гладкій; на немъ наведено червью крестное изображеніе; у него чепь серебряная.

Крестъ серебряный небольшой, съ финифтью золоченъ.
Вещей мѣдныхъ, оловянныхъ и другихъ (*):

Два косяка оловянныхъ.

Ковчегъ мѣдный позолоченъ; въ немъ мощи святыхъ.

Крестъ благословящій, — окладъ серебряный басемный.

Крестъ столовый рѣзной; подъ нимъ вырѣзана гора.

Зерцало въ ковчегъ.

Два глобуса (globus), небесный да земной, во станкахъ стол-
ярныхъ.»

Рядомъ съ описью *келейнаго* имущества, оставшагося послѣ Святителя Димитрія митрополита, помѣщена опись имущества *казеннаго*, которое въ официальное донесеніе Монастырскому Приказу не вошло (*сомнительно чтобы оно было казенное!!!*):

«Манеія тафтяная лимонная, — скрижали атласныя зеленыя, — подложена дарагами.

Треухъ соболій.

Трои рукавицы атласныя зеленыя, — въ томъ числѣ одни теп-
лыя, — исподъ бѣлый.

Шуба атласная зеленая, исподъ соболій пластинчатый.

Шуба камчатая вишневая, исподъ песцовый хребтовый бѣлый.

Ряса баберековая гвоздишневая, исподъ бѣлый.

Шуба атласная сахарная, исподъ бѣлый черевій, — ветха.

Ряса камчатая луданная обласчатая.

Шуба баберевая гвоздишневаго цвѣта, — исподъ лисій черевій.

Кафтанъ атласный вишневый, подложенъ киндякомъ осяновымъ.

Кафтанъ атласный, подложенъ киндякомъ лимоннымъ.

Кафтанъ баберековый черный, подложенъ киндякомъ темно-
лимоннымъ.

Кафтанъ камчатый чешуйчатый темно-гвоздичный, подложенъ
киндякомъ, — ветхъ.

4 подушки камчатыя пуховыя.

3 камлавки бархатныя, въ томъ числѣ одна теплая.

Завѣсь кизебацкій.

Коверъ персидскій.

(*) Въ официальномъ донесеніи, при которомъ препровождена послѣдняя опись въ Монастырскій Приказъ, о мѣдныхъ, оловянныхъ и рѣзныхъ вещахъ, такъ же о зеркалѣ и глобусахъ, не помнято, а въ отпускѣ съ описи противъ нихъ помѣчено: *казенныя*.

Подогы полотняный,

Завесь тафтяный, подложенъ крашенною.

7 зававсовъ суконовыхъ, въ томъ числѣ два красныхъ.

2 лэхани мѣдныхъ.

20 подсвѣчниковъ мѣдныхъ и 1 хрустальный.»

4) *Роспись книгъ келейныхъ.*

Блаженные памяти преставльшагося преосвященнаго Дмитрія митрополита Ростовскаго и Ярославскаго, лѣта Господня 1709-го:

Акта санкторумъ, книгъ 18 (*):

- 1) марта, томъ 1-й; 2) марта, томъ 2-й; 3) марта, томъ 3-й;
4) априля, томъ 1-й; 5) априля, томъ 2-й; 6) априля, томъ 3-й;
7) мая, томъ 1-й; 8) мая, томъ 2-й; 9) мая, томъ 3-й; 10) мая,
томъ 4-й; 11) мая, томъ 5-й; 12) мая, томъ 6-й; 13) мая, томъ 7-й;
14) януаря, томъ 1-й; 15) януаря, томъ 2-й; 16) февраля, томъ 1-й;
17) февраля, томъ 2-й; 18) февраля, томъ 3-й.

Сурія, книгъ 7:

19—25) томы 1-й, 2, 3, 4, 5, 6 и 7-й; сія книги Печерскія.

Младзяновскаго Казанія книгъ 4:

26—29) Младзяновскій томъ 1-й, 2, 3 и 4-й.

Корнелвуса книгъ 10:

- 30) Корнелвусъ а Ляпиде инъ 12 пророгасъ мѣнорей; 31) инъ
Еклес. етъ Кантика кантикорумъ етъ либрумъ Сапіентіе; 32) инъ
4 евангелія; 33) инъ провѣрбіа Саломонистъ; 34) инъ Еклес., кви
есть Сурахъ; 35) инъ 4 пророгасъ маіоресъ; 36) инъ Іосеѣ, Юди-
кумъ етъ либрумъ Регумъ; 37) инъ Пентатевхумъ; 38) инъ Акта
апостолорумъ етъ Епистолясъ, Кантика етъ Апокалипсимъ; 39) инъ
Епистолясъ диви Павли.

40) Комментаріусъ инъ либрумъ Іосеѣ, Юдикумъ етъ Регумъ.

41) Комментарія инъ Псалмось Давидикось.

42) Комментаріусъ инъ Псалмось.

43) Автоніусъ Агелюсъ инъ Псалмось.

44 и 45) Георгіусъ Гезерусъ инъ Псалмось, томъ 1-й и 2-й.

46 и 47) Дрекселъ книга 1-а и 2-я, томъ 1-й, 2-й, 3-й
и 4-й.

48) Гисторія Бизантиана.

49) Суплиція Севери Гисторія сакра (*libellus parvulus albus*).

50) Синопсисъ гисторіарумъ.

(*) Имена иностранныхъ книгъ писаны въ подлинникѣ Русскими буквами.

51) Компендіумъ гисторіе универсалісь абъ Августо Іоганно Лети.

52) Іоганнісь Клювері Епитоме гисторіарумъ.

53) Раціонаріумъ темпорумъ Петавіи Авреліаненсісь.

54) Театрумъ гисторикумъ Стратеманни.

55) Іоганнісь Генрици Алстедіи тезаврусь хронологіе (*преосвященнаго Рязанскаго*).

56) Скрипторесъ еклесіастици.

57) Сгнописісь гисторіе универсалісь Фридерици.

58) Гисторіа Георгіи Горніи.

59) Флоксули гисторіарумъ.

60) Ветисъ гисторика.

61) Юстинусъ Гисторикусъ.

62) Елогіа инъ сакрамъ гисторіамъ.

63) Епитоме гисторіарумъ Горации Турселіни.

64) Слейданусъ де 4 суммисъ имперіясъ.

65) Гисторіа пассіонісь Христи (*in albo libello*)

66) Гисторіе еклесіастице (*Печерская*).

67) Хрониконъ сакрумъ а мундо кондито.

68) Гисторіа вите етъ мортисъ (*ragvulus libellus albus*).

69) Евхологіонъ Греческій.

70) Пидефорусъ Печерскій.

71) Іозефусъ Юдеусъ.

72) Августинусъ Винценціусъ.

73) Норма евангелика инъ санкторумъ гестисъ.

74) Рочне Дзіее косціелне.

75) Опусъ хронографікумъ.

76) Плятина.

77) Боксгорніи гисторіа.

78) Санкти Цирілли арутка.

79) Томасъ Аквінась.

80) Петри Раванелли бібліотека сакра.

81) R. P. Де-Беза, книга 1-я, томъ 1-й и 2-й.

82) Тогожь творца книга 2-я, томъ 3-й и 4-й.

83) Мендозе книга 1-я томъ 1-й и 2-й.

84) Мендозе книга 2-я томъ 3-й.

85) Мануале.

86) Дезидерозусъ.

87) Гаравза.

- 88) Томасъ Аквинасъ ивъ Апокалипсимъ.
89) Суплементумъ хроникарумъ.
- 90) Иоганисъ Навклери хронографъ.
Меллиѳициумъ теологикумъ.
Теологіа, А. Д. Исаакъ Вандербургъ.
Герологіумъ привципумъ.
Клерикусъ сиве монахусъ ветусъ.
Слейданусъ кумъ цетерисъ.
Стриковскій.
Гвагвинъ.
Біелскій.
Базиліусъ магнусъ.
- 100) Диви Гуляріа епископи опера.
Беканусъ.
Полаивтеа.
Хронологіа Иоганисъ Бозіа.
Ономастиконъ.
Номенкляторъ библикусъ per alphabetum.
Вите санкторумъ патрумъ (*Печерская*).
Адрихоміусъ.
Звіерцадло прикладовъ.
Ботеръ.
- 110) Биберъ де Евхаристіа.
Геронимусъ Наталисъ.
Катехизисъ де фиде, Канизіа... соціетатисъ Іезу.
Беканусъ парвусъ.
Гигіастиконъ севъ вера раціо.
Инструкціо сацердотумъ Антоніа.
Феологіа пасторалисъ.
Компендіумъ Феологіе Христіане.
Граве югумъ суперъ пеккатумъ.
Феатрумъ политикумъ.
- 120) Монціанценусъ де Евхаристіа.
Тезисъ фундаменталисъ фидеи.
Либеръ де фиде.
Юстинусъ.
Иоаннесъ Бона-вентура, libellus parvulus.
Тезаврусъ индеѳиціенсъ, parvulus libellus.
Антилогіе севъ контрадикціонесъ, parvulus.

- Алеабетумъ.
 Мартирологіумъ.
 Либелакюсъ арсъ конкорданци.
- 130) Новумъ театрумъ.
 Θεολογία Χριστιανη.
 Коллектанее вариорумъ оперумъ.
 Αποκαλιπсисъ лятине етъ греце.
 Санктусъ Онофріусъ.
 Конфессіо фиден Лютерана.
 Епитафіумъ инъ обитумъ Герарди меркаторисъ.
 Θεοδурусъ Балсамонъ.
 Делинеационесъ сиве табуле тоциусъ орбисъ.
 Анеосъ хронологикосъ.
- 140) Рудимента лингве греце.
 Вите савкторумъ лятине, libellus pugulus.
 Псалтеріумъ грекумъ кумъ латино.
 Псалтеріумъ латинумъ кумъ полонино.
 Конрадъ Лютеранусъ.
 Кърменъ де пассіоне Христѣ.
 Францискусъ Толіетусъ.
 Перегринатца албо пелгримованья.
 Нова мья.
 В. Іоаннисъ Дамасцени опера омнія етъ Іоанисъ Кассіани.
- 150) Опусъ хронологикумъ универсале.
 Стефани Фабриціи конціонесъ инъ Псалмосъ.
 Пролоквіа доместика.
 Бароніи томусъ 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10, 11 и 12-й (въ
 6 книгахъ).
 Курціусъ.
- 160) Животы Swigtych.
 Животы Swigtych Xziedza Ikargy.
 Баровіусъ (*Монастыря Печерскаго*).
 Казанія двояке недзелне, Рихловскаго.
 Паміецъ о цнотахъ кроля Владислава.
 Три матки о похваляхъ кроля.
 Животы Swigtych mata ksiesska (*Печерская*).
 Буцелини парсъ секунда.
 Хрониконъ Каріонасъ.
 Животъ Przenauchwalebnieyszey P. Marcy.

170) Фундаментъ Галатовскаго.

Казанія о сумніенію.
 Старый Косціоль.
 Другій старый Косціоль.
 Жидь окрщоный.
 Нова мяра другая.
 Ноція 1-я и 2-я.
 Правдзива вѣра, Гизеля.
 Нова мяра третья.

180) Каміень.

Питанія рожне з'писма свіентего.
 Енциклопедіе том. 1, 2, 3, и 4-й, въ двухъ книгахъ.
 Людовжусь Доминиссанусь до христіана вѣта.
 Нотата перь алфаветумъ.
 Библиа гречески и латински и нѣмецки.
 Златоустъ Русскій на Двѣянія Апостольская.
 Служебникъ архіерейскій (писаный).
 Псалтирь преосвященнаго Лазаря Барановича.

190) Часословъ Львовскій.

Различныи вещи несправленныи.
 Златоустъ о священствѣ и соборъ Виленскій.
 Мессія.
 Небо новое.
 Отпись на Ипатіа, соборъ Флоренскій.
 Челобитная Савватіева.
 Чудеса святаго Николая.
 Максимъ Грекъ.
 Златоустъ къ Θεодору мнѣху отпадшему.

200) Тестаментъ Василя царя Греческаго.

Поученіе іереомъ и прочая вмѣствъ.
 Святый Григорій Бесѣдовникъ.
 Толкованіе на Апокалипсисъ, св. Андрея.
 Лимоваръ и Патерикъ Скитскій.
 Собраніе вещей различныхъ.
 Евангеліе страстное (*Печерское. Отдако въ соборную церковь,
 потому-что въ соборъ его нѣтъ*).
 Златоустъ Русскій на Павловы посланія.
 Мѣсяцы и лѣта, патріархи и митрополиты.
 Епистоляръ и памятникъ.

- 210) Збитень.
 Номоканонъ.
 Преніе Лихудіевыхъ со езуиты.
 Льствичникъ.
 Автописецъ, съ Печерскаго списанный.
 Вѣнецъ вѣры.
 Купель душевная.
 Игнатій и Іосифъ на раскольники.
 Овидіушъ.
 Хронографъ, съ греческаго переведенный, большой.
- 220) Діоптра.
 Андрей юродивый.
 Другій Андрей юродивый.
 Неисправленныя вещи различныя.
 Псалтирь Московская.
 Преподобный Сумеонъ новый богословъ.
 Часословъ Кіевскій большой.
 Миная одна тримѣсячная.
 Миная другая тримѣсячная.
 Миная третья тримѣсячная.
- 230) Миная четвертая тримѣсячная.
 Псалтирь и евангеліе и апостолъ вмѣствъ.
 Книга житій святыхъ, — декабрь, январій, февраль.
 Другая житій святыхъ, — мартъ, апрель, май.
 Третья, — июнь, июль, августъ.
 Хронографъ большой (*отъ Иларія казначя*).
 Руно орошенное.
 Палинодія.
 Соборъ Флоренскій.
 Жезлъ.
- 240) Зеркало, безыменнаго творца, на раскольниковъ.
 Иная, различныхъ вещей собраніе.
 О вѣрѣ, Василий ивкій.
 О антихриствъ.
 Букварь и заповѣди.
 Ученіе о собраніяхъ святой вѣры.
 Страсти Христовы, писаная книга.
 Книга глаголемая Исторія евангельская.
 Лѣтопись Русскій и собраніе различныхъ вещей.
 Постригъ.

250) Триолой Львовскій.

Триодъ цвѣтная.

Триодъ постная.

Патерикъ алфавитный.

Лѣтопись.

Другій Лѣтопись.

Исторія Скифѣйская.

Лѣтвничникъ, *Филовея архіерея Сибирскаго.*

Алфавитъ духовный, Парамись, Апологія.

Іовъ. Псалтирь, Екклесіастъ, Пѣсни пѣсней.

260) О пресуществленіи, и хронографъ, и прочая.

Кнапбушь.

Другій Кнапбушь.

Алваръ.

Алваръ другій.

Алваръ третій.

Алваръ четвертый.

Грамматика I Греческая Ласкарева.

Грамматика другая Греческая Львовская.

Грамматика Греко-Склявоника.

270) И иная Грамматика Греческая.

Лексиконъ Славено-Греко-Латинскій.

Лексиконъ другій Славенскій, Греческій и Римскій.

Лексиконъ третій Греко-Латинумъ.

Лексиконъ Славенскій.

Лексиконъ инъ Греко-Латинумъ.

Лексиконъ иный Латинно-Склявоникумъ.

Калепинъ.

Конкорданціе.

Библиа Польская.

280) Животи (*Печерская*).

Номенкляторъ.

Правдзива ввра Гизелева (*Димитріева книжка*).

Ламентъ.

Компендіумъ гисторіарумъ (*Кіевскаго Никольскаго монастыря*).

Житіе Пресвятой Богородицы, Польская.

Либерь «Іовъ» писаная.

Календаръ Польскій.

Цографікумъ.

- В Лидаціи де Беза, либри тресъ:
 (Томусъ 1-й).
 290) (Томусъ 2-й).
 (Томусъ 3-й).
 Савктусъ Грегориусъ Назідзенусъ, томусъ секундусъ.
 С. Григорій Назуанзинъ.
 Курціушь другій, Александра О—dziciach.
 Псалтирь и мѣсяцословъ.
 Октоихъ Печерскій малый.
 Псалтирь истолкованная, писаная, Могилловская, Силверста
 Троцевича игумена позыченая.
 Жигмунта короля Польскаго.
 Автописецъ въ тетрадахъ, *архіерейскихъ трудовъ*, три тысящи
 шесть сотъ лѣтъ.
 300) Юснѣъ Волоцкій.
 Розыскъ на раскольниковъ, три части.
 302) Житіа святыхъ, которые не положены въ Четіихъ-минеахъ,
 въ тетратахъ, на-было переписаны, съ намвреніемъ, дабы
 въ Четіихъ-минеахъ на своихъ мѣстахъ приложены были и
 напечатаны.
-

*Архивъ историко-юридическихъ свѣдѣній относящихся до Россіи,
издаваемый Николаемъ Калачевымъ, книги второй половина
первая 1855 года.*

Настоящая книга «Архива» открывается предисловіемъ самого редактора, въ которомъ онъ говоритъ о научной пользѣ рецензій, писанныхъ въ разныхъ журналахъ на первый томъ его изданія. Не хотимъ говорить о полнотѣ, съ какою сдѣлано это дѣло, обращаемся прямо къ самому дѣлу. Первая изъ рецензій излагаемыхъ редакторомъ «Архива», принадлежитъ г. Аванасьеву, «одному изъ даровитѣйшихъ рецензентовъ, занимающемуся преимущественно разъясненіемъ религіозныхъ вѣрованій нашихъ предковъ». Такъ какъ г. Аванасьевъ, по той же рекомендаціи редактора «Архива», «связываетъ разборъ свой (статья г. Соловьева очеркъ нравовъ, обычаевъ и религіи Славянъ, преимущественно восточныхъ, въ 1-мъ томѣ «Архива») съ рассмотрѣніемъ начала и развитія языческихъ вѣрованій у народовъ вообще и у Славянъ въ особенности», и такъ какъ этотъ разборъ, по той же рекомендаціи, «безспорно можетъ быть признанъ приобрѣтеніемъ науки», ибо въ немъ заключаются «новыя плодотворныя для науки розысканія», — то и мы считаемъ не возможнымъ дѣломъ оставить его безъ вниманія.

«Языческія вѣрованія, такъ начинается свой разборъ г. Аванасьевъ, у всѣхъ народовъ имѣютъ свою исторію; они создаются не вдругъ, а постепенно съ развитіемъ народной жизни, съ медленнымъ усвоеніемъ уму и памяти внѣшнихъ явленій природы. Первоначально религіозныя вѣрованія создаются одинаковымъ образомъ у всѣхъ различныхъ народовъ, потому что все основывается на непосредственныхъ чисто — естественныхъ

условіяхъ. Впослѣдствіи приводять рѣзкія отличія ради мѣстныхъ особенностей и разныхъ историческихъ вліяній и событий. Изложеніе догматическое, котораго держался г. Соловьевъ, не представляетъ въ данномъ случаѣ такого интереса, какъ изложеніе историческое».

И такъ здѣсь высказана сущность дѣла. Рецензентъ весьма справедливо различаетъ двѣ эпохи въ развитіи народныхъ вѣрованій, — первоначальную, доисторическую, гдѣ «религіозныя языческія вѣрованія создаются одинаковымъ образомъ у всѣхъ различныхъ народовъ, потому, что все основывается на непосредственныхъ чисто-естественныхъ условіяхъ», и послѣдующую эпоху, гдѣ въ вѣрованія народа «приводять рѣзкія отличія ради мѣстныхъ особенностей и разныхъ историческихъ вліяній и событий.» Задача, какъ видимъ, для мнѳологическихъ изслѣдованій поставлена вѣрно, и потому остается только у г. Аванасьева выслушать ея разрѣшеніе.

Вотъ это рѣшеніе:

Всякое развитіе начинается аб ово: какъ изъ непримѣтнаго зародыша вырастаетъ цѣлый организмъ, такъ изъ едва сознаваемыхъ зачатковъ какой-либо идеи образуется полная система. Обращаясь къ Славянскому язычеству, заключаемъ, что вопросъ религіи воплощалъ въ себѣ всѣ успѣхи народнаго развитія въ его стремленіи отъ непосредственности къ жизни ума и чувства. Первый шагъ этаго развитія долженъ былъ состоять въ смутно-зародившейся въ человѣкѣ мысли объ отношеніяхъ его къ міру окружающему. Славянинъ почувствовалъ, что есть что-то могучее, имѣющее сильное вліяніе на его собственное существованіе; отдѣлившіи себя отъ остальной природы, онъ увидѣлъ свою слабость и ничтожность предъ тою силою, которая заставляла его испытывать жаръ и холодъ, свѣтъ и отсутствіе свѣта, которая могла дать ему пищу и лишитъ пищи. Природа явилась ему и могучею силою, требующею полнаго и безотчетнаго подчиненія, и матерью, которая вскормила его собственной грудью. Онъ призналъ ее за нѣчто Высочайшее и повергся предъ нею съ смиреннымъ чувствомъ младенческаго благоговѣнія. Человѣкъ былъ еще дитя, которое впервые улы-

балось блестящей, красивой формѣ и впервые чувствовало боязнъ при взглядѣ на что нибудь безобразное или ему чуждое. Для него еще несуществовалъ анализъ. Вся природа представлялась цѣльною, единою; вся она являлась однимъ великимъ чудомъ; слово: «Божество», вылетѣвшее изъ устъ человѣка, обняло собою все богатство и все разнообразіе образовъ и силъ, составляющихъ природу. Отсюда понятно, что языческая мифологія начинается съ единобожія но единственно вслѣдствіе отсутствія анализа: божествомъ является недѣлимая природа. Слѣдовательно отъ этого представленія еще далеко до единобожія, признаваемого при конечномъ развитіи вслѣдствіе вліянія философскаго. Съ большими успѣхами ума, условливаемыми наблюдательностію и новостію впечатлѣній, человѣкъ начинаетъ знакомиться съ многоразличіемъ явленій природы, умъ вызывается къ работѣ, и понятіе о божествѣ дробится. Слѣдовательно, въ эпоху первоначальнаго язычества многобожіе указываетъ на большую или меньшую развитость народа. Исчерпавши источникъ познанія, заключенный въ живомъ наблюденіи явленій природы, умъ человѣческой обращается въ область чистаго мышленія, и тогда начинается отрицаніе многобожія.»

И такъ, по мнѣнію, г. Аванасьева, «первый шагъ въ развитіи религіи у язычника вообще и у Славянина въ особенности сдѣланъ былъ тогда, когда, выдѣливъ себя изъ общей массы природы, онъ почувствовалъ на себѣ вліяніе могучей силы природы и ее назвалъ своимъ божествомъ. Въ этомъ цѣлостномъ, чуждомъ всякаго анализа, представленіи природы и состоитъ божество доисторическаго язычника вообще и Славянина въ особенности. Второй моментъ этаго развитія является тогда, когда «человѣкъ начинаетъ знакомиться съ многоразличіемъ явленій природы, умъ вызывается къ работѣ, и понятіе о божествѣ дробится.» Къ какой сферѣ язычества г. Аванасьевъ относитъ этотъ второй моментъ, это очень неопредѣленно высказано имъ. Такъ, въ общемъ своемъ очеркѣ мифологическихъ основъ или (если не смѣшно сказать) въ своей философій мифологіи, г. Аванасьевъ относитъ его къ эпохѣ первоначальной, когда говоритъ: «Слѣдовательно въ эпоху первоначальнаго язычества многобожіе ука-

зываетъ на болѣшую или меньшую развитость народа». Въ самой же мнѳологіи, т. е. въ ея историческомъ изложеніи, тотъ же г. Аванасевъ говоритъ о неутратившемся еще преданіи о божествѣ, какъ общемъ, безъ всякаго опредѣленія его существа, а потому говоритъ и о неразвитости язычества у Славянъ во время Игоря, когда, на основаніи его же философіи мнѳологіи, пора бы не только раздробиться единому понятію о божествѣ—природѣ, но и привзойти бы рѣзкимъ отличіямъ въ религію Славянскихъ племенъ ради мѣстныхъ особенностей и разныхъ историческихъ вліяній и событій. Но не въ этомъ пока дѣло; взглянемъ на основной рычагъ, на основную точку отпавленія г. Аванасева въ его философіи мнѳологіи.

«Славянинъ почувствовалъ, что есть что-то могучее, вѣбующее сильное вліяніе на его собственное существованіе; отдѣливши себя отъ остальной природы, онъ увидѣлъ свою слабость и ничтожность предъ тою силою, которая заставляла его испытывать жаръ и холодъ» и пр. и пр. И такъ природа, даже опредѣленіе: матеріальное вліяніе природы то жаромъ, то холодомъ, то инымъ чѣмъ давала первый толчекъ Славянину къ движенію его религіознаго сознанія. Не забудемъ, что г. Аванасевъ выше сказалъ: «языческія вѣрованія *у всѣхъ народовъ*... создаются не вдругъ, а постепенно съ развитіемъ народной жизни, съ медленнымъ усвоеніемъ уму и памяти внѣшнихъ явленій природы.» И такъ матеріальное вліяніе природы то жаромъ, то холодомъ даетъ первоначальный толчекъ религіозному сознанію *у всѣхъ народовъ*. Не спрашиваемъ уже г. Аванасева, какимъ образомъ послѣ такихъ отдѣльныхъ, физическихъ вліяній у человѣка рождаются не отдѣльныя понятія о солнцѣ на пр., или о ночи и т. д., а возникаетъ одна мысль о природѣ, какъ божествѣ, и притомъ мысль чуждая всякаго анализа. Почему отдѣльныя физическія вліянія отложились именно въ религіозномъ сознаніи человѣка и получили надъ нимъ власть. Не спрашиваемъ г. Аванасева и о томъ, какъ послѣ отдѣльныхъ матеріальныхъ и обиходныхъ вліяній природы то пріятныхъ, то *непріятныхъ*, Славянинъ (а, по философіи мнѳологіи г. Аванасева, и всякій человѣкъ въ доисторическую эпоху), «самъ того не сознавая былъ поэтомъ, жадно всматривался въ картины обновляющейся природы, съ трепетомъ

ожидалъ восхода солнца и долго засматривался на старыя, на дѣйственные лѣса». Не спрашиваемъ, говоримъ, г. Аванасьева потому, что все это кажется противорѣчіемъ довольно далекимъ отъ сущности дѣла, хотя тѣмъ не менѣе противорѣчіемъ; притомъ все это фразы, болѣе или менѣе содержащія въ себѣ какіе-нибудь реальныя фрагменты мыслей, хотя такихъ фразъ у г. Аванасьева встрѣчается не мало въ его философскихъ изысканіяхъ. Обращаясь къ сущности дѣла. По философіи г. Аванасьева, религіозныя вѣрованія создаются не вдругъ... а съ медленнымъ усвоеніемъ уму и памяти внѣшнихъ явленій природы. Нельзя не видѣть, что точка отправленія для г. Аванасьева лежитъ очень поверхностно, въ родѣ того, какъ она лежала для философовъ сенсуалистической школы, признававшихъ душу человѣческую за *tabula rasa*, пока онъ какъ губка не унется въліяніемъ внѣшнихъ впечатлѣній, и не сложитъ ихъ въ кой-какія, болѣе или менѣе близкія къ дѣйствительности, вѣрованія. Вопросъ этотъ переходитъ въ область высшей философіи, и тамъ мнѣніе г. Аванасьева едва ли выдержитъ какую-нибудь критику; распространяться объ этомъ здѣсь не мѣсто. Напомнимъ только молодому изслѣдователю Славянской миѣологии тотъ слишкомъ старый фактъ, что не смотря на все различіе религій у различныхъ племенъ, — не смотря на такія даже религій, въ которыхъ не видно обожанія ни тепла, ни свѣта, ни солнца, не открыто на земномъ шарѣ еще такого народа, у котораго не было бы понятія о божествѣ. Ясно, что не внѣшняя природа съ ея явленіями, а внутренніе, реальныя факты сознанія и его переходы должны составлять тотъ берегъ, отъ котораго долженъ изслѣдователь отправляться въ своихъ миѣологическихъ изслѣдованіяхъ.

Если бы г. Аванасьевъ понялъ эту, такъ назвать, психологическую сторону миѣического процесса, и разграничилъ бы себѣ эпохи этого процесса во всемирной исторіи, то его фразы, что Славянинъ, самъ не сознавая того, былъ поэтомъ, жадно всматривался въ картины обновляющейся природы и т. д. не представлялись бы можетъ быть смѣшными, по крайней мѣрѣ отно-

сительно народовъ древности, и, можетъ быть, и относительно Славянина. Теперь же, читая этѣ фразы, хотя и предполагаешь что — конечно въ нихъ есть своя доля правды, но тѣмъ не менѣе истинно-миѣческихъ основъ ни въ нихъ ни около нихъ не видишь.

Мы изложили доселѣ первую половину дѣла, до котораго коснулся г. Аванасевъ, изложили первый, исходный моментъ Славянскихъ, а по г. Аванасеву, всѣхъ вообще языческихъ вѣрованій у всѣхъ народовъ.» Переходимъ ко второму моменту, какъ его учить насъ понимать г. Аванасевъ. Дѣло это дѣла-лообъ въ миѣологіяхъ, по ученію г. Аванасьева, такъ:

«Съ болѣеюспѣхами ума, условливаемыми наблюдатель-ностью и новостію впечатлѣній, человѣкъ начинаетъ знакомиться съ многоразличіемъ явленій природы, умъ вызывается къ работѣ, и понятие о божествѣ дробится (стр. IV.)» Спрашивается: о какой новости впечатлѣній и о новой наблюдательности мысли говорить г. Аванасевъ? Если онъ говоритъ о подмѣчаніи тѣхъ же вліяній природы то жаромъ, то холодомъ и т. д. то какимъ же образомъ въ первый моментъ развитія эти вліянія возбуждаютъ, въ человѣкѣ общее представленіе о природѣ, какъ божествѣ,— во второй же моментъ тѣже впечатлѣнія отлагаютъ въ душѣ человека представленіе частныхъ божествъ—сварога (неба движущагося) Дажь бога (свѣта солнечнаго, по г. Аванасеву), Сварожица (огня) и т. д.? Почему не частное слилось въ общее, какъ другимъ можетъ казаться, а общее разложилось на частное, какъ кажется г. Аванасеву? Или въ первое время жаръ и холодъ и т. п. давали только толчки чему то другому, не въ нихъ, а въ человѣкѣ лежащему, и потому на нихъ, какъ на нихъ, человѣкъ не обращалъ единичнаго вниманія? Чему же, г. Аванасевъ? Приводимъ эти вопросы, какъ доказательство того, какъ трудно выдти изъ области безконечныхъ споровъ и какъ трудно доказать, что нужно закрѣпить въ началѣ тотъ или другой фактъ когда утрачена живая, въѣ въѣшнихъ условій лежащая, основа миѣческаго развитія, которую просмотрѣлъ г. Аванасевъ. Но, можетъ быть г. Аванасевъ скажетъ, что въ этомъ

случаѣ послѣ до историческаго подготовленія народа въ обществѣ и современномъ появленію народа къ жизни миѣическомъ процессѣ анализъ общаго понятія о божествѣ—природѣ легко уже совершается при дѣйстви на челоѣка «мѣстныхъ особенностей и разныхъ историческихъ вліаній и событій.» Въ томъ то и дѣло, что во мнѣніяхъ г. Аѳанасьева нѣтъ нисколько серьезнаго, научнаго разграниченія частныхъ, такъ что, при всемъ желаніи добросовѣстно разсмотрѣть дѣло, не знаешь, что хотѣлъ сказать «одинъ изъ даровитѣйшихъ рецензентовъ.» Но положимъ, что такъ; въ такомъ случаѣ спросимъ г. Аѳанасьева: дѣйствительно ли мѣстныя вліанія возбуждаютъ челоѣка язычника къ анализу его общаго представленія о божествѣ — природѣ, или они имѣютъ вліаніе только на миѣологическую *практику*, — на созданіе и осуществленіе формъ богослуженія и сказаній о богахъ, а самый анализъ общаго понятія о божествѣ — природѣ совершается до выхода народа подъ «мѣстныя особенности и разныя историческія вліанія и событія?» Если нѣтъ, то предложимъ г. Аѳанасьеву еще однаъ и послѣдній вопросъ: если религіозныя вѣрованія исходятъ отъ благоговѣйнаго созерцанія челоѣкомъ природы, и уже впослѣдствіи «принимаютъ отличія мѣстныхъ особенностей и разныхъ историческихъ вліаній и событій,» то какъ понять этѣ двѣ природы, — одну—«мать,» которая «вскармливаетъ челоѣка своею грудью» другую — «мѣстную особенность», которая анализомъ ею возбуждаемымъ, терзаетъ сосцы, вскормившіе челоѣка? Мы думаемъ что природа, даже и въ самый первый періодъ доисторическаго развитія народовъ, когда они «кормятся ея грудью», «улыбаются красивой, блестящей формѣ», «жадно всматриваются въ картины обновляющейся природы, съ трепетомъ ожидаютъ восхода солнца», и т. д., не перестаетъ быть мѣстною особенностью, — по крайней мѣрѣ для Азіатца—Азіей, для Европейца—Европой, хотя и бессознательно. Впрочемъ, и это частность. Возвращаемся къ основѣ рецензіи г. Аѳанасьева, и вспоминая о ней, совѣтуемъ г. редактору «Архива» не снѣшить приговорами о новыхъ приобрѣтеніяхъ для науки и зацѣчаніями о ихъ плодотворности, возбуждать интересъ читателей, которые можетъ быть, найдутъ въ

ѣтихъ «пріобрѣтеніяхъ» только спутанность и отсутствіе истиннаго принципа.

Что касается до отношенія разбора г. Аванасьева къ статьѣ г. Соловьева, то обвинивши г. Соловьева въ догматизмъ изложенія, самъ г. Аванасьевъ явился гораздо болѣе догматикомъ, когда въ началѣ своего изслѣдованія подбросилъ себѣ какую-то физико-ивеологическую системку, какъ вязанку соломы на всякій случай.

Но довольно уже о статьѣ г. Аванасьева, теперь перейдемъ, по порядку, къ рецензіямъ на статью г. Калачова, о значеніи изгоевъ и состояніи изгойства въ древней Руси. Рецензію сію писалъ г. Погодинъ; онъ указалъ въ ней пропускъ нѣкоторыхъ существенныхъ свидѣтельствъ въ статьѣ Калачова, въ чемъ Калачевъ вполне соглашается, ибо требованіе г. Погодина такъ основательно и научно, что противъ него нѣтъ возможности спорить. Мало этаго г. Калачовъ даже признаетъ несостоятельность своего прежняго мнѣнія объ изгойствѣ, особенно врзумившись свидѣтельствомъ одного рукописнаго сборника, которое открылъ г. Буслаевъ, и, напечаталъ во 2 й половинѣ 2-й книги Архива. Но впрочемъ нежелая еще совершенно отступить отъ своего прежняго мнѣнія, и какъ бы неясно понимая дѣло, г. Калачовъ опять продолжаетъ: «Если однако предположить, что и подъ словомъ» изгойство «разумѣется этотъ же самый грѣхъ (т. е. грѣхъ взиманія лишнихъ денегъ съ откупающагося на свободу раба противъ той суммы, за которую онъ былъ купленъ отпускающимъ его на волю господиномъ), то еще остается неяснымъ, почему однимъ и тѣмъ же словомъ называлось и состояніе извѣстнаго лица, вышедшаго (волей или неволей) изъ сословія, къ которому прежде принадлежало, и означенный выше грѣхъ? Намъ кажется мы еще вправѣ спросить: почему изгой, въ значеніи лицъ вышедшихъ изъ извѣстнаго сословія, и «изгойство» въ значеніи новаго ихъ состоянія (состоянія изгоевъ) упоминается лишь въ памятникахъ XIII вѣка*), между тѣмъ какъ «изгойство» въ смыслѣ лихоимства встрѣчается уже въ рукопислахъ

*) Вѣроятно опечатка, нужно читать XII вѣка.

позднѣйшаго времени и все мѣсто объ немъ пропущено въ древнѣйшихъ спискахъ. Вопросанія Кюрикова; «почему въ уставѣ Всеволода Гавріила «изгон» называются людьми церковными, богадѣльными; почему въ уставѣ Ярославовомъ «о мостѣхъ» и въ уставѣ Смоленскаго Князя Ростислава они упоминаются состоящими подъ защитой и покровительствомъ Епископа? Вотъ основанія, почему мы все еще остаемся въ убѣжденіи, что самое состояніе изгойства когда нибудь считалось грѣхомъ, если въ переносномъ значеніи это было принято впоследствии также для означенія грѣха.» Вотъ подлинно поучительные вопросы и недоумѣнія; авторъ самъ уже сознался по разнымъ постороннимъ указаніямъ, что его мнѣніе объ изгойствѣ несостоятельно; а при всемъ томъ ему еще жалко разстаться съ своимъ дѣтнцемъ; ему кажется, что онъ имѣетъ еще основанія хотя сколько нибудь поддержать его. И основанія сіи будто бы слѣдующія: 1-е, неясно почему однимъ и тѣмъ же словомъ, изгойствомъ, называется и грѣхъ и состояніе извѣстнаго лица вышедшаго изъ сословія; но на дѣлѣ здѣсь нѣтъ ничего неяснаго: — изгоемъ между прочими назывался и освобожденный холопъ, пока онъ не вступилъ въ какое-либо сословіе свободныхъ людей, это состояніе холопа называлось изгойствомъ, самое освобожденіе холопа изъ неволи также называлось изгойствомъ, слѣдовательно платежъ денегъ за освобожденіе отъ холопства, назывался платежемъ за изгойство, а посему и грѣхъ взиманія лишнихъ денегъ за освобожденіе изъ холопства очевидно долженъ былъ называться взиманіемъ за изгойство, или какъ сказано въ сборникѣ: «всего же есть горѣ изгойство взимати», (т. е. грѣхомъ называлось неизгойство, а взиманіе лишнихъ денегъ за изгойство). 2-е, авторъ спрашиваетъ, почему изгойство въ значеніи состоянія изгоевъ упоминается лишь въ памятникахъ XII вѣка, а изгойство въ смыслѣ лихоимства только въ позднѣйшихъ рукописяхъ. Ничуть не бывало: взиманіе за изгойство въ смыслѣ лихоимства встрѣчается и въ памятникахъ XII вѣка, и именно въ вопросахъ Кюриковыхъ, самая выписка объ изгойствѣ, напечатанная г. Буслаевымъ во 2-й половинѣ 2-й книги Архива, взята изъ Кюрикова вопроса. Не напечатано же свидѣтельства объ изгойствѣ въ Калайдовичевомъ изданіи Кюрикова вопроса потому,

что это издание, какъ извѣстно, сдѣлано со многими пропусками противъ рукописи Синодальной библіотеки, съ которой печаталъ Калайдовичъ. 3-е, авторъ говоритъ почему изгой по уставу Всеволода Гавріила называются людьми церковными богадѣленными? Отвѣтъ на это простъ и ясенъ: изгой назывались людьми богадѣленными состоящими подѣ покровительствомъ церкви потому, что они будучи изгоями не причислялись ни къ какому сословию свободныхъ людей, а отнюдь не потому, что быть изгоемъ считалось злѣйшимъ грѣхомъ, ибо по церковнымъ правиламъ злѣйшіе грѣшники отлучались отъ церкви, а не причислялись къ церковнымъ людямъ. Такимъ образомъ предложенные г. Калачевымъ вопросы и недоумѣнія нисколько не поддерживаютъ его мнѣнія.

За рецензію на статью г. Калачева слѣдуетъ рецензія г. Булгарина на статью г. Погодина «о наслѣдственности древнихъ сановъ въ періодъ времени отъ 1054 до 1240 года;» тутъ же помѣщенъ и умѣренный истинно ученый отвѣтъ на эту рецензію, напечатанный въ свое время въ Москвитянинѣ.

Далѣе помѣщены выписки изъ рецензій г. Кавелина на первую книгу архива, гдѣ онъ, по поводу статьи г. Забѣлина о подлинномъ уложеніи Царя Алексѣя Михайловича, высказываетъ свое мнѣніе касательно редакціи уложенія. По мнѣнію г. Кавелина, уложеніе во 1-хъ составлено по указнымъ книгамъ составлявшимся въ прежнее время при разныхъ приказахъ, и во 2-хъ самый порядокъ главъ въ уложеніи расположенъ по старшинству приказовъ. Первое почти справедливо, по крайней мѣрѣ нѣтъ на своей сторонѣ много данныхъ, второе же есть чистая гипотеза, требующая еще многихъ доказательствъ, въ чемъ соглашается и самъ г. Кавелинъ....

Далѣе помѣщено нѣсколько дополненій къ указателю книгъ по Русской Исторіи, географіи, статистикѣ и Русскому праву, вышедшихъ въ 1848 году, составленному г. Капустинимъ, и помѣщенному въ первой книгѣ Архива. За симъ напечатано многословное введеніе г. Леонасьева къ составляемымъ указателямъ матеріаловъ и статей, напечатанныхъ въ разныхъ журналахъ по Русской исторіи, географіи, статистикѣ и Русскому праву.

Наконецъ, въ заключеніе своего предисловія, редакторъ помѣ-

стилъ нѣсколько словъ по поводу статьи г. Грановскаго «о родовомъ бытѣ у древнихъ Германцевъ», которая статья помѣщена въ настоящей книгѣ Архива. Но къ симъ нѣсколькимъ словамъ редактора мы обратимся тогда, когда будемъ говорить о статьѣ г. Грановскаго.

Послѣ предисловія настоящая книга Архива начинается статьею г. Зернина объ учрежденіи въ Россіи патріаршества. Статья эта написана дѣльно, занимательно, согласно съ показаніемъ источниковъ, безъ гипотезъ и толкованій съ натяжками. Г. Зернинъ, изъ словъ царя Θεодора Ивановича, сказанныхъ на Московскомъ соборѣ 1586 года, вывелъ правильное заключеніе, что главная причина учрежденія у насъ патріаршества таилась во внутреннемъ состояніи и взаимныхъ отношеніяхъ Греческой и Русской церкви, и, на основаніи такового заключенія, раздѣлилъ свой трудъ на два главныхъ отдѣла. Въ первомъ онъ показываетъ, какъ самое состояніе Византійской церкви въ XVI столѣтіи способствовало учрежденію у насъ патріаршенства: здѣсь онъ, на основаніи свидѣтельствъ Георгія Франца, Филиппа Киприянина и другихъ, излагаетъ краткій очеркъ исторіи Константинопольскаго патріархата отъ взятія Константинополя Турками до конца XVI столѣтія. Во второмъ отдѣлѣ авторъ объясняетъ, какъ все историческое развитіе нашей Іерархіи, особенно съ XIV вѣка, вело къ тому, что она должна была явиться вполне самостоятельною, какою она дѣйствительно явилась по учрежденіи патріаршества въ Москвѣ. Здѣсь онъ представляетъ краткій очеркъ историческаго развитія Русской Іерархіи до учрежденія патріаршества: въ основаніе своего очерка, онъ полагаетъ отношенія нашей Іерархіи къ Константинопольскому патріарху и къ великимъ князьямъ, и между прочимъ говоритъ не представляя доказательствъ, что митрополитъ Кіевскій и всея Руси былъ въ полномъ подчиненіи у Византійскаго патріарха, но до самаго XIV столѣтія власть его не подчинялась никакому высшему авторитету въ самой Россіи. Съ этимъ мнѣніемъ, представленнымъ безъ доказательствъ, наука не можетъ согласиться: историческіе памятники свидѣлствуютъ, что Митрополитъ былъ въ зависимости отъ великаго Князя и очень мало зависѣлъ отъ Константинопольскаго патріарха; между прочими памятниками на это

указываютъ уставы Владиміра равноапостальнаго и Ярослава великаго.

Въ изложеніи своего историческаго очерка съ XIV столѣтія, г. Зернинъ хорошо пользуется протоколами Константинопольскаго патріархата, относительно вопроса о раздѣлѣ Русской митрополіи и другихъ отношеній Руской церкви къ Константинопольскому патріарху.

Изложивъ очеркъ историческаго развитія русской Іерархіи до учрежденія патріаршества, авторъ переходитъ къ изложенію самаго учрежденія патріаршества въ Москвѣ и для сего сводитъ свидѣтельства отечественныхъ извѣстій съ извѣстіями Арсенія Архіепископа Елассонскаго бывшаго вмѣстѣ съ Константинопольскимъ патріархомъ Іереміею въ Москвѣ, при самомъ учрежденіи Московскаго патріаршества, и заключаетъ свою дѣльную статью показаніемъ того, какія съ учрежденіемъ патріаршества въ Москвѣ, установились отношенія между новымъ патріархомъ и подвластнымъ ему клиромъ, и какія отношенія установились между нашимъ патріархомъ и Византійскимъ.

За статью г. Зернина, слѣдуетъ статья самаго г. Калачева, подъ названіемъ, — *замѣтки* (статистическія и археологическія) *оъ Инсарѣ и ея уѣздѣ*. Статью свою г. Калачевъ раздѣляетъ на три отдѣла; въ первомъ излагаетъ очеркъ новаго Инсара и его уѣзда, т. е. говоритъ о церквахъ города, о рѣкахъ и рѣчкахъ, о мельницахъ и заводахъ, и вообще о промышленности жителей; потомъ говоритъ о самыхъ жителяхъ, ихъ происхожденіи, обычаяхъ, обрядахъ и повѣрьяхъ. По происхожденію, жители Инсары и Инсарскаго уѣзда составляютъ смѣсь Русскихъ съ Татарами и особенно Мордвою, встрѣчаются также и Мещеряки. Изъ Мордовскихъ обрядовъ, авторъ довольно подробно описалъ обряды брака и погребенія, и такъ называемый *келеметъ*, т. е. особенное языческое моленіе какому-то не видимому духу по окончаніи жнитвы, изъ Рускихъ обычаевъ и обрядовъ; авторомъ описаны также обрядъ на свадьбахъ, и опахиваніе селъ и деревень во время повальныхъ болѣзней; кромѣ того авторъ изчпляетъ разныя примѣты, относящіяся ко временамъ года и сельскимъ занятіямъ, употребляющіяся въ Инсарскомъ уѣздѣ, по которымъ простой народъ даетъ свои особыя названія тому или

другому дню въ году, испривѣръ: 4-е Марта называетъ Герасимомъ Грачевникомъ, 9-е Октября Матрены вверни оглобли и подобн.; всѣ сн названія дней, по народному календарю, употребительны во всей Россіи, гдѣ только обжилося чисто Русское племя, и указаніе на этотъ календарь въ Инсарскомъ уѣздѣ служитъ лучшимъ свидѣтельствомъ, что тамъ Русское племя уже довольно обжилося и сообщило свои обычаи и другимъ тамошнимъ племенамъ; далѣе, въ этомъ же отдѣлѣ, авторъ сообщаетъ нѣкоторыя свѣдѣнія о промышленности уѣздныхъ жителей, объ ихъ средствахъ къ образованію и о ходящихъ у нихъ преданіяхъ старины. Вообще этотъ отдѣлъ, составленный при помощи личныхъ наблюденій автора, занимателенъ и любопытенъ.

Второй отдѣлъ статьи авторъ озаглавилъ такъ: «Древній Инсаръ и Инсарская черта съ ихъ укрѣпленіями и остатками старины.» Здѣсь авторъ говоритъ, во первыхъ, о построеніи Инсара, и относитъ построеніе его ко времени около 1648 года, по всей вѣроятности въ одно время съ городами Саранскомъ, Керенскомъ и Корсунью. Городъ Инсаръ и приписанная къ нему линія или черта Инсарскихъ укрѣпленій, по свидѣтельству памятниковъ, построены для защиты внутренней Россіи отъ прежняго, обычнаго грихода Ногайцовъ со стороны рѣки Суры, по старинной Сурской дорогѣ. Инсарская черта, какъ укрѣпленная линія, не зависимо отъ города и остроговъ, построенныхъ близъ нея со стороны Русской, заключалась въ засѣкахъ по лѣсистымъ мѣстамъ и въ земляныхъ насыпяхъ или валахъ со рвами по мѣстамъ безлѣсныхъ; она, начинаясь отъ Инсара, по направленію къ Потышскому острогу, т. е. на сѣверовостокъ, доходила до засѣки или черты Саранской, съ которой она встрѣчалась въ Саранскомъ лѣсу; со стороны же противоположной, т. е. югозападной, продолжалась до черты Нижнеломовской, съ которой также сходилась въ одинъ пунктъ. Первоначальные поселенцы Инсара и его уѣзда были переведенцы и отчасти ссыльные изъ понизовыхъ городовъ, какъ Русскіе, такъ Татары, Мордва и Черемисы. Авторъ подробно описываетъ, какъ образъ переселенія тогдашнихъ переведенцовъ, такъ ихъ службу и содержаніе, а равно и самый городъ въ тогдашнемъ его состояніи и также остроги и самую черту. Всѣ сн описанія преимущественно заимствованы

770966A.

нитъ изъ пріемной описи Инсара, сдѣланной воеводой Сербинимъ въ 1687 году, напечатанной въ 14 книгѣ Временника, издаваемого Московскимъ Обществомъ Исторіи и Древностей Росс., и частію изъ наказа Инсарскому воеводѣ Князю Кугушеву. писаннаго въ 1684 году и напечатаннаго въ той же 14 книгѣ Временника.

Въ третьемъ отдѣлѣ авторъ говоритъ объ инсарскихъ воеводахъ и вообще о градскомъ и уѣздномъ управленіи до Петра Великаго. При помощи разныхъ актовъ, найденныхъ въ Инсарскомъ архивѣ, онъ успѣлъ отыскать имена почти всѣхъ Инсарскихъ воеводъ съ 1661 по 1700 годъ. При описаніи городского и уѣзднаго управленія авторъ слѣдовалъ наказу данному Инсарскому воеводѣ Князю Кугушеву въ 1684 году, и другимъ официальнымъ источникамъ; описаніе это весьма интересно, и служитъ прямымъ свидѣтельствомъ о строгомъ порядкѣ и отчетливости въ допетровскомъ управленіи областями на Руси. Мы искренно благодарны автору за этотъ добросовѣстный трудъ, и надѣемся что всѣ добросовѣстно занимающіеся Русскою исторіею прочтутъ настоящую статью съ удовольствіемъ и пользою. Жаль только, что въ нее вкрались нѣкоторыя недоумѣнія и неправильныя толкованія, такъ напримѣръ: на стр. 80 авторъ говоритъ: «полкъ назывался иначе строемъ, почему говорилось драгунскаго строю столько то человекъ, или солдатскаго строю такойто и подобн.» Строй никогда не означалъ полка; строемъ назывался тотъ или другой видъ вооруженія, а посему говорилось и писалось столько то полковъ драгунскаго или солдатскаго или рейтарскаго строю и подоб., или на стр. 81 авторъ пишетъ: «Не совѣмъ вѣроятно, что бы въ мѣстности занимаемой нынѣ Пензенской Губерніей, въ тотъ періодъ времени, о которомъ мы говоримъ (т. е. XVII вѣкѣ) было принято раздѣленіе земли по сошному письму, какое издревле встрѣчается въ Сѣверовосточной Руси; по крайней мѣрѣ въ Инсарскихъ памятникахъ находимъ уже всюду указаніе на перепись жителей по дворамъ, при чемъ упоминается о переписныхъ книгахъ 1678 года.» Но перепись по дворамъ никогда не противорѣчила сошному письму; въ городахъ шенно всегда сохи разкладывались на дворы; «говорилось столько то въ сохѣ дворовъ добрыхъ, среднихъ и

молодшихъ, столько то бобыльскихъ и проч.» Кроме того и не въ городскихъ земляхъ, по свидѣтельству многихъ дошедшихъ до насъ памятниковъ сохи, иногда разкладывались по дворамъ а не почетвертямъ. Слѣдовательно также было и въ Инсарѣ, и встрѣчающееся въ Инсарскихъ актахъ названіе посошные люди, именно означало людей взятыхъ на какую либо службу по сошной разкладкѣ. Или на стран. 85 авторъ пишетъ: «въ Инсарскихъ актахъ до насъ не дошло никакихъ свѣдѣній о томъ, былъ ли обычай со стороны новаго воеводы объявлять городскимъ и уѣзднымъ жителямъ о своемъ назначеніи.» Да напрасно было искать такихъ свѣдѣній, ихъ ни въ Инсарскихъ, ни въ другихъ актахъ (кроме Сибирскихъ и другихъ гдѣ жили ясашные инородцы), и быть не можетъ; ибо воеводы о своемъ назначеніи не объявляли жителямъ, имъ присылалась объ этомъ Государева грамота изъ того приказа, въ вѣдѣніи котораго находился городъ.

Но довольно объ Инсарѣ, перейдемъ къ прекрасной статьѣ г. Срезневскаго «Роженицы у Славянъ и другихъ языческихъ народовъ.» Г. Срезневскій начинаетъ свою статью тѣмъ, что значеніе роженицъ въ Славянской мифологіи можно видѣть какъ изъ упоминаній о нихъ въ древнихъ памятникахъ письменности, такъ и изъ народныхъ преданій. И въ слѣдъ за тѣмъ представляетъ выписки изъ древнихъ рукописей, гдѣ упоминается о роженицахъ, начиная съ паремейника 1271 года и оканчивая словарями Лаврентія Зизанія, Памвы Беринды и даже Алексѣева, всего представлено шестнадцать выписокъ; изъ нихъ одиннадцать свидѣлствуютъ о служеніи роду и роженицамъ, какъ идоламъ и бесамъ, которое служеніе состояло въ ставленіи трапезъ, въ возліянiяхъ, въ пѣсняхъ, въ стриженіи первыхъ волосъ съ новорожденныхъ младенцевъ. Изъ тѣхъ же одиннадцати выписокъ двѣ свидѣлствуютъ, о тождественности рода и роженицъ съ Еллинскими Артевидомъ и Артеидою, и Египетскимъ Ниломъ и огнемъ; потомъ четыре выписки изъ словарей представляютъ старинныя толкованія на слово *роженицы*; и наконецъ одно мѣсто, изъ Григорія Амартола, упоминаетъ о рождествномъ влшвеніи, т. е. о гаданіи по звѣздамъ о новорожденныхъ.

Послѣ письменныхъ памятниковъ, г. Срезневскій обращается

къ народнымъ преданіямъ о рожаницахъ, изъ коихъ видно: въ повѣрьяхъ Хорутанскихъ Словенцовъ, каждый человекъ при роженіи получаетъ себѣ звѣзду на небѣ и свою роженицу на землѣ, которая прорекаетъ ему судьбу; въ Болгарскихъ повѣрьяхъ роженицы извѣстны подъ именемъ орисницъ, которыя являются послѣ роженія младенца — и предназначаютъ ему судьбу счастливую или несчастную; у Чеховъ и Сербо-Лужичанъ они были извѣстны подъ именемъ судницъ, дѣвъ жизни, и подъ общимъ названіемъ дѣвицъ (*dzivice*), по повѣрью Истрианъ роженицы назывались чисте деклице, они живутъ въ пещерахъ и по трое приходятъ къ людямъ помогать имъ въ работѣ. Люди приносятъ имъ къ пещерѣ хлѣбъ и кладутъ у входа, но не руками, а чѣмъ нибудь; иначе роженицы не берутъ его.

Далѣе, авторъ переходитъ къ указанію, какія слова Греческія или Латинскія и Еврейскія переводились словомъ роженица, и въ паремийникѣ находитъ, что роженицею переведено Еврейское слово гадъ, Греческое *τύχη* и Латинское *fortuna*, а *fortuna*, у Римлянъ, какъ *primigenia*, была почитаема покровительницею всего раждающагося. И тутъ же разсматривая свидѣтельства о служеніи роженицъ, т. е. объ обѣдахъ, пѣсняхъ и возліаніяхъ, авторъ открываетъ, что роженицы были Славянскія *γενεθλίαι θεοί, γενεθλίιδες*. И такъ какъ роженицы въ Славянскихъ преданіяхъ называются дѣвами жизни, отъ которыхъ непосредственно зависѣла жизнь человека, а у Грековъ *γενεθλίιδες* причислялись иногда только въ значеніи, миръ-Паркъ; то авторъ обстоятельно доказываетъ, разборомъ самыхъ названій, что Славянскія роженицы и Греческіе миры-Парки и по названію и въ подробностяхъ вѣрованія и служенія сходны между собою.

Далѣе, авторъ представляетъ сближенія вѣрованій сходныхъ съ Славянскими роженицами у Кельтовъ, Германцовъ, Скандинавовъ и другихъ; и заключаетъ свою статью слѣдующими выводами и сближеніями, прямо вытекающими изъ предпосланныхъ изслѣдованій. «Съ почитаніемъ роженицъ соединено было вѣрованіе о вліяніи звѣздъ, вѣрованіе въ то, что можно родиться подъ счастливою или несчастною звѣздою, и съ этимъ вѣрованіемъ соединилось и предполагаемое искусство отгадывать будущее человека по звѣздамъ. То и другое сохранилось у всѣхъ Славянъ доселѣ.»

«Въ честь роженицъ была приготовлена трапеза. Такъ и въ древности ложе обѣда приготовляемо было въ богатыхъ домахъ при рожденіи дѣтей Юнонѣ Люцинѣ. Такъ въ старину и во Франціи — по сказанію Раймонда Прованскаго — приносилась треба Феѣ-Естереллѣ, покровительницѣ плодородія, на камнѣ, названномъ Lauza de la Fada. У Бретанцовъ долгое время оставалось въ обычаѣ приготовленіе обѣда для фей въ комнатѣ подлѣ той, гдѣ лежала родильница, и до сихъ поръ осталось повѣрье о ночныхъ обѣдахъ ихъ, совершаемыхъ при свѣтѣ мѣсяца. Норнамъ приготовляемы были также трапезы и подарки, Норнагестъ отъ нихъ получилъ свое имя. Изъ Бурхарда Ворискаго также узнаемъ, что тремъ сестрамъ паркамъ (parzen) приготовляли столъ съ тремя тарелками и тремя ножами. Эта трапеза роженицамъ названа въ памятникахъ *второю* и также *кутійною*: то и другое можно понимать въ одномъ смыслѣ, если вспомнить о *secunda mensa* древнихъ, за которою были плоды и вина. «Законный обѣдъ Роженицамъ, какъ и Роженицъ, былъ *безкровный*.»

«Роженицы представлялись или жительницами неба, или чаще жительницами горныхъ пещеръ. И въ пѣсняхъ Орфея, дѣвы судьбы рисуются одинокими жительницами пещеры (Тит. VIII. 2.). И норны Скандинавовъ являлись изъ залы у потока. *Utre fate* Романскіе обитали въ ущельяхъ горъ. Роженицы Кельтовъ *tylwyt-teg* живутъ, какъ говоритъ повѣрье Валлисцевъ, въ озерѣ у подошвы горы на границѣ *Wreskenockschige*. Прежде въ скалахъ, окружающихъ озеро, была дверь, которая открывалась первое Мая. Кто входилъ въ пещеру къ мерхамъ, того они радушно угощали и надѣляли предсказаніемъ будущаго.»

Настоящею прекрасною статьею г. Срезневскаго, кажется окончательно рѣшенъ вопросъ о Славянскихъ роженицахъ, по крайней мѣрѣ, по тѣмъ древнимъ свидѣтельствамъ и уцѣлѣвшимъ народнымъ преданіямъ и повѣрьямъ, которыя ищутся на лицо. Извѣстный нашъ зооморфическій изслѣдователь Славянской мифологіи г. Афанасьевъ пытался было сказать, что-нибудь новенькое объ этомъ предметѣ, въ своей статьѣ, «о значеніи рода и рожаницъ» помѣщенной въ слѣдъ

за статью г. Срезневскаго; но на дѣлѣ неудачно повторить только то, что уже сказано г-нѣмъ Срезневскимъ, и прибавляя нѣсколько своихъ фантазій, нисколько не относящихся къ вопросу, въ родѣ слѣдующихъ: «Славяне понимали душу тоюже все животворящею силою, безъ которой на землѣ невозможна ни какая жизнь. Это-сила *свѣта* и *теплоты*, которая разливается на всю природу солнцемъ, и символомъ которой на землѣ служитъ *огонь*. Душа собственно частица, искра этого небеснаго свѣта, которая даетъ тѣлу внутреннюю теплоту и жизнь. Еще теперь въ простомъ народѣ блуждающіе (болотные) и свѣтищіеся на могилахъ, въ слѣдствіе фосфорическихъ испареній, *огоньки* признаются за души умершихъ; въ одномъ мѣстѣ Тамбовской Губерній до сихъ поръ, по увѣренію поселянъ, видны *горящія свѣчи*, потому что тамъ хоронятъ удушенныхъ; въ другомъ мѣстѣ рассказываютъ, какъ на могилѣ безвинноповѣшеннаго *теплится свѣча*, пока не совершили по немъ поминокъ. Въ южной Днѣпровской Руси ходятъ рассказы о *синихъ огняхъ*, вспыхивающихъ на могилахъ и курганахъ; огни разводятся здѣсь *русалками*. Въ связи съ этимъ вѣрованіемъ находится представленіе солнца (Дажбога) дѣломъ людей и мнѣн о плодотворящемъ значеніи молніи (огненнаго змѣя).» Или еще на стр. 138. «Другое представленіе души звѣздою имѣетъ самую близкую связь съ представленіемъ души огнемъ, ибо звѣзды первобытный человекъ понималъ искрами огня, блиставшими въ вышинѣ неба; языкъ сохранилъ тому много яркихъ свидѣтельствъ. Оттого душа въ народныхъ преданіяхъ сравнивается точно также со звѣздою, какъ и съ огнемъ; а смерть уподобляется *падающей звѣздѣ*, которая теряясь въ воздушныхъ пространствахъ, какъ бы погасаетъ.»

Между представленіями души огнемъ и звѣздою, конечно есть еще отношеніе; можно также найти отношеніе между представленіемъ души звѣздою и между звѣздою на небѣ, которую, по вѣрованію языческихъ славянъ, каждый человекъ получаетъ при рожденіи; но это нисколько не относится къ рожаницамъ, ибо по тому же народному вѣрованію каждый человекъ получаетъ при рожденіи на земли свою рожаницу, по которому и каждому человеку при рожденіи дается своя звѣзда на небѣ; слѣдовательно сближеніе небесной звѣзды съ представленіемъ души

звѣздой, нисколько не относится къ вопросу о рожаницахъ рожаницы въ народномъ вѣрованіи представлялись не небесными звѣздами, а невидимыми существами живущими на землѣ, именно: дѣвами, въ родѣ шпръ-паркъ. или фей, норнъ и подобн. А по-сему всѣ старанія г. Аѳанасьева, о сближеніи представленій о душѣ съ небесною звѣздой, получасною, по народному вѣрованію, каждыиъ человѣкомъ при рожденіи, развѣ только запутываютъ вопросъ о рожаницахъ, но нисколько его не объясняютъ.

Судя по заглавію статьи «о значеніи рода и рожаницъ», г. Аѳанасьевъ долженъ былъ сказать что нибудь о *родѣ*; и онъ дѣйствительно сказалъ слѣдующее: «Розысканія наши приводятъ къ тому положенію (а надобно замѣтить, въ статьѣ г. Аѳанасьева доселѣ не было во все разысканій о родѣ,) что родъ и рожаницы были божества, олицетворявшія собою идеи судьбы. Въ нѣкоторыхъ церковнословянскихъ рукописяхъ и въ словѣ Данила Заточника, подъ именемъ рода разумѣется духъ, что вполнѣ согласуется съ областнымъ употребленіемъ этаго слова; въ Саратовской Губерніи *рода* означаетъ: видъ, образъ, а въ Тульской привиденіе, призракъ, Болѣе опредѣлительныхъ указаній на тѣ особенности, какія могли соединяться съ представленіемъ рода, мы не встрѣчаемъ.» И далѣе соображая, что рожаницы въ памятникахъ встрѣчаются во множественномъ числѣ а родъ постоянно въ единственномъ, заключаетъ такъ: «не олицетворялъ ли собою родъ—общаго понятія о судьбѣ (*fatum*), какъ о могучей силѣ, все производящей и всѣмъ правящей въ мірѣ?» и болѣе ничего

Послѣднею статьею въ 1-мъ отдѣленіи Архива, помѣщена дѣльная статья Профессора Грановскаго о *родовомъ бытѣ у древнихъ Германцевъ*. Статья эта, по объявленію издателя, написана собственно для Архива, и съ цѣлію положить твердую опору въ розысканіяхъ касательно вопроса о родовомъ бытѣ и родовыхъ отношеніяхъ въ древней Россіи. То есть, говоря иными словами г. Издатель, горячій защитникъ, такъ называемыхъ изслѣдованій о родовомъ бытѣ у Русскихъ, самъ сознается, что изслѣдованія сіи доселѣ еще не имѣли твердой опоры, а строились кой-какъ на пескѣ, или даже просто по образцу воздуш-

ныхъ замковъ, и что этой опоры намъ должно искать у Германцовъ. Оно и не можетъ быть иначе, толкованія о родовомъ бытѣ и родовыхъ отношеніяхъ въ древней Россіи, чисто Германское растеніе, подаренное намъ родоначальникомъ родовой школы Эверсомъ: слѣдовательно для Германскаго растенія нужна и Германская почва и Германскій климатъ; на святой Руси это растеніе, какъ чужеземное, всегда будетъ вянуть и блекнуть, какъ бы ни ужасивали за нимъ, какія бы теплички ни строили для него; въ теплицахъ оно еще можетъ расти, хотя также и не благоухающее; но лишь коснется его русскій воздухъ, лишь станетъ оно лицомъ къ лицу съ Русскою природою то ему нѣтъ уже болѣе жизни; Русская природа давить его. Въ Руской жизни, взятой просто безъ кривыхъ толкованій и натяжекъ, нѣтъ мѣста родовому быту, все исконное устройство Русскаго общества проникнутое чисто общиннымъ бытомъ, не представляетъ даже слѣдовъ того вліянія, которое бы долженъ былъ произвести родовый бытъ, ежели бы онъ когда либо владѣчествовалъ на святой Руси. Статья г. Грановскаго вполнѣ оправдываетъ замѣчаніе редактора, что опору изслѣдованіямъ о родовомъ бытѣ должно искать въ Германіи. А посему мы здѣсь выпишемъ кратко содержаніе сей статьи.

Г. Грановскій, сперва въ краткомъ очеркѣ представилъ два разныя направленія, существующія между Германскими учеными въ изслѣдованіяхъ объ общественномъ устройствѣ древней Германіи: направленіе старой историко-юридической школы Эйхгорна, доказывающей, что первоначальное устройство Германіи было общинное, и направленіе новой школы Зибеля, утверждающей, что у древнихъ Германцовъ было родовое устройство. Въ слѣдъ за симъ г. Грановскій прямо обращается къ книгѣ Зибеля «Entstehung des Deutschen Königthums», и обойдя разные выводы Зибеля, ограничивается разборомъ историческихъ свидѣтельствъ, которыми доказывается существованіе у Германцовъ родового быта со всѣми его послѣдствіями. И начинается извѣстіями, сохранившимися у Цезаря и Тацита, о современныхъ имъ Германцахъ, въ которыхъ прямо и ясно говорится, что Германцы въ то время не имѣли частной поземельной собственности, а владѣли землею съ обща родами, и члены родовъ ежегодно обязаны были

и жить между собою участки родовой земли, и вообще были народомъ только что переходящимъ отъ кочевой къ осѣдой жизни и малознакомымъ съ земледѣлiемъ; и тутъ же авторъ разбираетъ разные кривотолки Эйхгорновой школы объ извѣстiяхъ Цезаря и Тацита.

Далѣе авторъ переходитъ къ Германскимъ нарѣчiямъ, въ которыхъ сохранились еще неизгладимые слѣды давно умершаго порядка вещей, здѣсь онъ приводитъ нѣсколько словъ изъ древнихъ Германскихъ словарей, которые ясно указываютъ, какое сильное влiяние родовой бытъ имѣлъ на общественное устройство въ древней Германiи; по разборъ свидѣтельствъ письменности и языка, авторъ представляетъ изображенiе древняго устройства въ Германiи. Вотъ оно: «Древне-Германская община есть ничто иное какъ родъ. Члены рода живутъ сосѣдями въ деревняхъ или тодѣльными дворами на общей землѣ Маркѣ, обнесенной со всѣхъ сторонъ лѣсомъ, болотомъ или другою природною границею. Это граница рода: на нее положено заклятiе. Ее охраняютъ языческiе боги (являющiеся демонами послѣ введенiя христіанства) и безчеловѣчно жестокия постановленiя исключительно родовой общины. Смерть ожидаетъ инородца, самовольно переступающаго завѣтный рубежъ. Земля Марки окружена гибелью, по словамъ древней, приведенной Кемблемъ, пѣсни. Все лежащее въ предѣлахъ марки принадлежитъ роду. Почва дѣлилась на двѣ части: одна содержала въ себѣ усадьбы и пашни, въ которыхъ родичи должны были ежегодно жить, участками; въ другой заключались общiе выгоны, луга и лѣса. Слѣды этаго быта сохранились особенно долго на Скандинавскомъ полуостровѣ и до сихъ поръ еще несовершенно изгладились въ Германiи, не смотря на длинный рядъ вѣковъ, отдѣляющихъ насъ отъ той эпохи, когда Цезарь и Тацитъ записали извѣстiя, собранныя ими у Германцевъ.... Не собственность, а происхожденiе, принадлежность къ роду опредѣляли значенiе лица къ родовой общинѣ. Инородцу не было въ ней мѣста. Но родовыя связи заключались не въ одномъ кровномъ сродствѣ: родъ увеличивался не чрезъ нарожденiе только. Въ составъ его можно было вступить извнѣ, посредствомъ усыновленiя или брака. Вообще женщины служили часто посредницами и примирительницами родовъ,

смягчая ихъ начальную исключительность. Англо-Саксонская поэзія недаромъ называетъ женщину *freodowebbe*, ткущей миръ».«Слѣды родового устройства мы находимъ еще и нынѣ въ Германіи; такъ на Гундсрюкенѣ, въ округахъ Мерцигъ, Отвейлеръ и Скарлуи и теперь есть общины, въ которыхъ земля переходитъ отъ одного владѣльца къ другому, въ опредѣленные сроки отъ 3-хъ до 18 лѣтъ. Она не составляетъ частной собственности, и принадлежитъ селенію или общинѣ въ болѣе обширномъ смыслѣ. Въ Рейнской Баваріи встрѣчаешь такія же явленія».

Изложивши устройство древняго Германскаго общества, г. Грановскій приводитъ мнѣніе Зибеля о недостаточности Эверсова взгляда на родовый бытъ, выраженнаго въ его книгѣ *Das aelteste Recht der Russen*: вотъ слова Зибеля, «Эверсъ начинаетъ вездѣ съ отца семейства, у котораго родятся сыновья и внуки и такимъ образомъ расширяютъ домашній кругъ; но онъ упускаетъ изъ виду, что семейство до или-виѣ Государства основано на нравственномъ, а не на юридическомъ законѣ, и потому развиваетъ нравственныя, а не юридическія отношенія. Государства никакъ нельзя вывести изъ семьи, тѣмъ болѣе, что послѣднія является вполне только въ государствѣ, отъ котораго она получаетъ нужныя для нея вышнія существованія юридическія опредѣленія. Семейство превращается въ государство не вслѣдствіе увеличившагося числа членовъ, а чрезъ духовное усиленіе понятія о правѣ, сознательную или бессознательную волю участниковъ руководствоваться не одною родственною любовію, но еще гражданскими постановленіями. Такое стремленіе предполагается въ родѣ (*gens*), и потому мы можемъ назвать его прямо государствомъ; мы знаемъ, что родовая связь часто основана на вымыслѣ, но родовыя отношенія чрезъ это нисколько не слабѣютъ. Такъ какъ внутреннее начало этаго союза есть нѣчто духовное, относящееся къ области воли и договора, то оно можетъ быть выражено настоящими родственниками, какъ и посторонними дѣйствующими въ духѣ родства... Существенный признакъ и законъ родового государства состоитъ въ томъ, что воѣ его гражданскія учрежденія облечены въ формы семейства; отсюда оно заимствуетъ свой характеръ даже тамъ, гдѣ родо-

вые и животные союзы внѣшнимъ образомъ совпадаютъ между собою. Это первый шагъ, означающій въ естественномъ развитіи народовъ пробужденіе политическаго сознанія! Такимъ образомъ, по замѣчанію Зибеля, мнѣніе Эверса о родовомъ устройствѣ обществъ оказывается не состоятельнымъ; слѣдовательно также несостоятельно и мнѣніе нашихъ новыхъ изслѣдователей родоваго быта, которые въ слѣдъ за Эверсомъ толкуютъ, что родовой бытъ произошелъ изъ семейнаго путемъ естественнаго физическаго размноженія, безъ всякаго участія личной воли людей, что родъ есть само собою размножившееся семейство. Очень вѣрно сказалъ издатель Архива, что для нашихъ изслѣдователей родоваго быта нужна чужеземная опора; дѣйствительно, наши изслѣдователи, въ слѣдъ за Эверсомъ, толковали не разобравши дѣла, и строили какую-то родовую систему не справляясь, ни съ историческими ни съ общеюридическими данными, и очевидно достроились до того, что сами уже хотя и не всѣ, сознаются, что постройка эта никуда не пригодна, и нужно ее перестроивать съизнова. Дай-то имъ Богъ выстроиться по лучше; хотя при чужой помощи; а дѣло само по себѣ мудреное; признаки родоваго быта древней Германіи, выставленные въ статьѣ Грановскаго, плохіе имъ помощники: ибо сихъ признаковъ, въ древней Руси вовсе незамѣтно; мы объ нихъ не имѣемъ намековъ ни въ преданіяхъ, ни въ законахъ, ни въ древнихъ извѣстіяхъ. Всего вѣроятнѣе, что дѣльная статья Г. Грановскаго должна убѣдить нашихъ толкователей родоваго быта въ томъ, что родовой бытъ въ славянскихъ племенахъ былъ такъ давно, что у Славянъ, переселившихся съ Дуная на Русь, почти не осталось объ немъ и памяти, что на Руси Славяне, какъ колонисты, развивались на иныхъ началахъ общественнаго устройства, а не на родовыхъ, и что родовой бытъ къ собственно-Русской исторіи ни сколько не приложимъ, какъ несогласный съ обстоятельствами, при которыхъ развивалась Русская общественная жизнь.

Сама судьба литературы Русской исторіи, особая отъ судьбы литературы Германской исторіи, какъ бы заодно съ исторіею указываетъ на развитіе Руской жизни, неодинаковое съ развитіемъ Германской, въ Германіи исторія началась изслѣдованіями объ общи-

нахъ и яркахъ и дошла до родоваго быта; литература же Русской исторіи, коснувшись осмысленія внутренней жизни Рускаго общества, начала прямо изслѣдованіями о родовомъ бытѣ, и теперь обращается къ изслѣдованіямъ объ общинномъ бытѣ, которыя день отъ дня оказываются болѣе удобоприложимыми къ Русской исторіи, и болѣе согласными со всѣми памятниками дошедшими до насъ отъ прежней жизни Русскаго общества. Есть надежда, что добросовѣстные изслѣдованія о родовомъ бытѣ у разныхъ народовъ, подобныя изслѣдованію о родовомъ бытѣ у древнихъ Германцовъ, представленному г. Грановскимъ, наконецъ и горячихъ защитниковъ родоваго быта на Руси поставятъ въ невозможность прилагать начала этаго быта къ Русской исторіи. С.

КРЫМСКІЯ ПИСЬМА.

Въ Чуфутъ-кале я былъ еще два раза; послѣдній разъ сегодня, передъ вечеромъ, и сейчасъ только пріѣхалъ. Пропытый разъ видѣлъ Раввиа Бейма, о которомъ писалъ вамъ прежде. Онъ прелюбезный чело­вѣкъ, повелъ меня самъ въ древнія подземелья, или правильнѣе *поддутсыя*, потому что тамъ нѣтъ ни клочка земли: все голыя бѣлыя скалы и только. Эти подземелья были кажется тюрьмами у первыхъ обитателей Чуфутъ-кале; Раввинъ думаетъ, Скивовъ. Одинадцать ступеней ведутъ въ первую, почти квадратную комнату, имѣющую 9 шаговъ въ длину и 7 въ ширину. Посрединѣ оставленъ столбъ изъ тогоже камня и на немъ, въ низу, видны четыре ушка, также каменные, къ которымъ, надо полагать, привязывали преступниковъ. Для свѣту есть окна, въ которыя видишь скатъ горы и глубокую ло­щину, чуть ни въ верстѣ отдаленія. По этой горѣ теперь ведутъ траншеи — солдаты ползаютъ какъ муравьи. На днѣ лощины становятся туры, дѣлаютъ батареи и подвозятъ пушки. Изъ первой комнаты есть спускъ во вторую, куда ведутъ 5 каменныхъ ступеней. Вторая комната имѣетъ 15 шаговъ въ длину и 8 въ ширину. Также два окна и видъ изъ нихъ въ ту же лощину. У одной стѣны выдолблено нѣсколько какъ-бы ящичковъ, въ которыхъ что-то жгли. До сихъ поръ не сошли со стѣнъ слѣды копоти отъ дыма. Высота комнаты какъ той, такъ и другой почти два мотка роста. Какихъ трудовъ стоило высечь внутри скалы такія залы! Надписей нѣтъ нигдѣ. Стѣны постоянно сыры и подернуты плѣсенью. Страшно тамъ и теперь, когда знаешь, что выйдешь, чтожъ было тогда и для тѣхъ, кому суждено было здѣсь погаснуть? Послѣ пещеръ, мы осмотрѣли палатникъ надъ пракомъ дочери Тохтамыша. Беймъ сказалъ,

что ее похитил Генуэзецъ. Памятникъ же поставилъ сямъ Тохтамышъ - Ханъ, когда онъ взялъ Чуфутъ-каме. Раввинъ увѣряетъ, что надписи на гробъ суть молитвы о душѣ умершей и стихи изъ Алкорана. Имя ея было — Нэнэкаджанъ-Ханымъ. Я срисовилъ памятникъ. Оттуда мы пошли въ древнюю Каранскую Синагогу, построенную за тысячу лѣтъ передъ симъ. Она вся изъ бѣлаго камня, на колонкахъ, образующихъ, съ вѣшней стѣною Синагоги, родъ галлерей, или навѣса. Тутъ, во всю длину зданія, стоятъ каменные скамьи. Все пахнетъ древностью великой. Внутри — *Святая Святыхъ*, какъ называлъ намъ Раввинъ — родъ Иконостаса. Беймъ показалъ намъ древнюю *Книгу закона Моисеева*, написанную на безкошечномъ пергаменномъ свиткѣ, навертывающемся на особую скалку и сохраняемомъ въ продолговатомъ ящикѣ, который раскрывается на двѣ стороны. Письмо четко, красиво, но одни согласныя безъ гласныхъ, и безъ всякихъ знаковъ. Храмъ очень хорошъ и походить на храмъ. Войдя, чувствуешь присутствіе святыни. Для женщинъ есть особое мѣсто, на хорахъ, за рѣшеткой, сквозь которую снизу ничего не видно. Передъ комнатою, гдѣ молятся обыкновенно всѣ, стоя на ногахъ, есть какъ бы небольшія сѣни; тамъ стоятъ скамьи. «Это у насъ для старцевъ, которые не могутъ выставлять службы на ногахъ, сказалъ мнѣ Раввинъ: здѣсь же остаются и тѣ, кто чувствуетъ себя недостойнымъ переступить черезъ порогъ; у кого есть что-нибудь на совѣсти» — Когда мы вышли, я не могъ не замѣтить, что ключъ отъ Синагоги и воротъ положили тутъ же на каменномъ заборѣ. И никто его не трогаетъ! Вообще жизнь этого городка есть ничто удивительное. Что за простота и патриархальность! Когда я рисовалъ, ко мнѣ подходили молодые каранмы, въ національныхъ одеждахъ, говорили тихо — и тотчасъ уходили. Улицы преимущественно были пусты, какъ я замѣтилъ еще въ первый разъ. Иногда проходили мулъ съ двумя длинными ведерками, висящими у него по бокамъ въ родъ выюковъ, подлѣ шелъ каранимъ, въ бѣлой курткѣ и синихъ шароварахъ. Такъ возятъ на горы воду. Къ вечеру пригнали стада — овцы бѣжали въ калитки,

отворяшіяся тамъ и тамъ. Невиданныя, чудныя женскія лица выглядывали изъ тьмы отворящихся дверей; живая волна веселыхъ животныхъ перекатывалась черезъ порогъ— и снова хлопала калитка, и прятались черныя очи, которыя на долго могли заронить безпокойныя мечты въ сердце юноши.... Беимъ пригласилъ меня напитокъ чаю. Мы переступили опять его порогъ, за которымъ встрѣтилъ меня его жена, въ своемъ караимскомъ платьѣ, въ шитой золотомъ курточкѣ, въ густыхъ распущенныхъ косахъ и фескѣ. Прелестное созданіе, воспитанное чистымъ воздухомъ горъ, пугливое какъ горная серна, Ея чудесныя глаза всякой разъ потуплялись, когда я къ ней обращался.... Я провелъ одинъ изъ самыхъ пріятныхъ часовъ въ обществѣ Раввина и его серны. На столъ наставили разныхъ разностей, винограду, грушъ, варенья, икры, масла, меду — и все это необыкновенной свѣжести и вкуса. Моею лошадь держалъ у воротъ татарченокъ, взятый изъ Бахчисарая, какъ обыкновенно дѣлается. Стало уже темно и я выразилъ Раввину мое опасеніе, какъ бы не исчезъ съ лошадыю татарченокъ? «Нѣтъ, не бойтесь, отвѣчалъ онъ: этого не можетъ быть; они очень честны и на нихъ нельзя пожаловаться.» — Но какъ же я поѣду, въ совершенныхъ потьмахъ, по этимъ скаламъ надъ пропастью? — «Я самъ съ вами поѣду: мнѣ также надо въ городъ, отвѣчалъ Беимъ, и мы возьмемъ провожатаго съ фонаремъ!» Мы въ самомъ дѣлѣ выѣхали вмѣстѣ. Ночь была прехолодная. Жена Раввина вышла насъ провожать. Я просилъ ее уйти, боясь, что она простудится— и тутъ имѣлъ удовольствіе услышать изъ устъ ея родное слово: *ничего!* — Беимъ далъ мнѣ бурку, чѣмъ спасъ меня отъ лихорадки. Я не рассчитывалъ оставаться въ Чуфутъ-кале до ночи и потому не взялъ своей бурки. Было страшненько спускаться. Въ одномъ мѣстѣ я совсѣмъ струсилъ, слѣзь и провелъ коня шаговъ 20 въ поводу. Но Раввинъ все время вѣхалъ не слѣзая. У нихъ кони привычныя, особенныя....

Утромъ сегодня я былъ въ монастырѣ, въ горахъ, о которомъ я уже писалъ вамъ, отстоялъ тамъ обѣдню въ церкви,

высѣченной внутри скалы. Народу было очень много: все это пришло пѣшкомъ изъ Бахчисаран. При концѣ обѣдни я смѣрялъ хранину поперегъ шагами — оказалось 10 шаговъ. Вдоль было неловко мѣрять — на глазомѣрь будетъ шаговъ 15—20. Въ этотъ храмъ, снизу, гдѣ уже остаются лошадей, ведутъ 100 каменныхъ ступеней, также высѣченныхъ въ скалѣ.

Въ Каралезѣ я встрѣтилъ лошадь, на которой былъ въ сраженіи 4-го Августа; мнѣ захотѣлось ее купить, но казакъ мнѣ не продалъ, и какое же приводилъ препятствіе: говорить: *отъ родителей не приказано*. Какъ отпускали его съ Дону на войну, дали лошадь и наказали, чтобы, если будетъ живъ, на ней же и воротился. Я хотѣлъ его соблазнить, давая глупыя цѣны, которыхъ на самомъ дѣлѣ никакъ бы не далъ — но казакъ не соблазнился и стоялъ на своемъ: да нѣтъ, я не продамъ, потому отъ родителей не приказано! — Я рассказалъ объ этомъ ихъ сотнику Попову: онъ остался очень доволенъ казакомъ, и прибавилъ, что родители не только благословляютъ сына конемъ, при отправленіи его на бой, но нерѣдко отецъ надѣваетъ на него свой *последній* чекмень, въ которомъ окончилъ службу и который обыкновенно брегется для сына.

Еще перевелъ сонетъ Мицкевича: *pielgrzym — странникъ*.

Такъ, я достигъ давно желанной цѣли:

У ногъ моихъ цвѣтущій край земли,
И моря шумъ, и рвють корабли,
Бачаясь въ волнахъ какъ въ колыбели.

Но снятся мнѣ родимыя метели...

О Русь, лѣса дремучіе твои
Отрадишь и слаще сердцу цѣли,
Чѣмъ звонокіе Байдара соловьи.

И кажется мнѣ краше и дороже
Нѣмая ширь и глушь моихъ стѣнъ,
Чѣмъ пыльное цвѣтовъ душистыхъ ложе....

Такъ я любилъ на утрѣ лучшихъ дней,
Тамъ и она.... но снится ли ей тоже
Что снятся мнѣ о прошломъ и объ ней?

PS. Мы объѣдаемъ виноградомъ и плодами, но они очень дороги, совершенно Петербургская цѣна. Штабъ вѣчно испортить цѣны. А татары, что русскіе купцы, давай что хочешь, не откажутся. Погода стоитъ удивительная, но листъ уже желтвѣть. Юсафатову долину, въ первое мое посѣщеніе, я нашель зеленою; дубы стояли какъ весной, а теперь облетѣль почти весь листъ.

Получилъ я Іюльскую книгу Москвитянина. Въ письмахъ моихъ есть совершенно лишнія неудобныя вещи, которыхъ не желалъ бы видѣть въ печати; мало ли что я къ вамъ пишу.*

Жизнь наша идетъ по прежнему. Время стоитъ изумительное — Іюльскіе дни, вечера несравненные ни съ чѣмъ. Я ѣздилъ на дняхъ опять въ Чуфуть-кале, и, вмѣсто того, чтобы любоваться Тепекерманомъ сверху — вздумалъ на него подняться, но на силу отыскалъ дорогу, потому что татаринъ, провожавшій меня, не зналъ, или хитрилъ. На Тепекерманъ много любопытныхъ пещеръ, могилъ и даже есть подземныя развалины христіанскаго храма, гдѣ алтари высѣченъ изъ камня той же скалы, въ которой находится вся эта огромная пещера. На иныхъ обрывахъ, едва приступныхъ — высѣчены продолговатыя ямы, гдѣ были похоронены люди, но кому то нужно было потревожить покой ихъ костей. Все это разрыто и расброшено кругомъ. На одной я увидѣлъ позднѣйшую надпись карандашемъ: *миръ праху твоему!* — Видъ съ Тепекермана очаровательный; — видно Богъ знаетъ на какое разстояніе, но видно почти тоже, что и съ Чуфуть-кале. Есть пещеры, и въ нихъ правильныя, круглыя или четырёхугольныя комнаты, — у самаго

* Я оставлялъ ихъ съ намѣреніемъ, чтобы читатели удостовѣрились еще болѣе, посредствомъ ихъ, въ искренности, безыскусственности писемъ и отсутствіи всякихъ заднихъ мыслей: авторское самолюбіе вѣрно согласится принести въ жертву мой любезной корреспондентъ для такой цѣли. — Севастополь такъ намъ дорогъ, что всякая малѣйшая черта о немъ драгоценна. Я получилъ множество благодарностей за сообщеніе писемъ, — а для строгихъ литературныхъ судей повторяю здѣсь объясненіе, почему печатаю письма безъ всякихъ измѣненій и исключеній. М. П.

краю, и оконки их смотреть въ бездну. Это удобно для тѣхъ, у кого кружится голова, кто не можетъ глядѣть такъ. Плющъ занялъ дѣло рукъ человѣческихъ во имя природы, какъ выражается поэтъ. Темнозеленыя вѣтви его стелются подъ сводами и, кое-гдѣ въ ращелину, выползаютъ наружу. Я пробовалъ отдирать тонкія и красивыя вѣточки, но они не давались и тотчасъ рвались. Странное дѣло—чувствуешь жалость, разлучая вѣтку плюща съ любимымъ имъ стѣною. Точно все это живое, нибѣтъ души и способно скорбѣть. Десятки красивыхъ ящерицъ выются по скаламъ; едва подойдешь — вдругъ зашуршитъ по листьямъ и бросится въ разныя стороны пугливая семья. Мѣстами встрѣчается дерево, выросшее посрединѣ старой залы. Оно выперло вершиной потолокъ, или самъ онъ рухнулъ — и дерево смотритъ изъ ямы, какъ изъ горшка. Все это проситъ кисти, проситъ поэтическаго слова, стиха. Мицкевичъ очеркнулъ въ своихъ сжатыхъ сонетахъ довольно картинъ, но сколько ли осталось? Я имѣю возможность нерѣдко его повѣрять. Должно признаться, что муза его часто мило лжетъ. Все это хорошо и восхитительно въ кабинетъ, въ Россію, гдѣ-нибудь вдали изъ Крыма.... Мнѣ кажется, если описать просто, какъ видишь — безъ всякой восточной натяжки — и тогда картина не потеряетъ ничего. За чѣмъ выдумывать бездонную пропасть, гдѣ ее на самомъ дѣлѣ нѣтъ. Что жъ тогда скажешь о дѣйствительной пропасти? Вро-чемъ стихи такъ очаровательны, что я съ однимъ моимъ пріятелемъ, выросшимъ въ Польшѣ, часто повторяю ихъ утромъ, или вечеромъ, на своемъ балконѣ, когда пробуждается или засыпаетъ Бахчисарай. Ханскій дворецъ, со всеми его красными внутренними строеніями, какъ-разъ противъ нашихъ оконъ, внизу, подъ ногами. Мы видимъ все движеніе во дворѣ — толпы военныхъ, привады почтовыхъ троекъ.... а индѣ, по садовой дорожкѣ, бредетъ солдатъ, раненый подъ Севастополемъ, — зачерпнуть воды изъ того фонтана, который когда то брызгалъ на рѣзвыхъ одалыкѣ. Странныя мысли приходятъ на умъ, когда глядишь на все это. Чего не передумается. Есть у Мицкевича сти-

хотворение *Vakxuvaraq*, гдѣ говорится о дворцѣ. Я началъ было его переводить, но вышло со всемъ иное: —

Проснулись вновь дворца тѣмныя сѣни:
 Въ жилищѣ непробудной тишины,
 Въ чертоги сладострастія и лѣни
 Повѣло дыханіе войны.
 Гдѣ обвѣялъ высекоствольный тонолъ
 Веселыхъ одамыкъ игривую семью —
 Сидитъ солдатъ, раненный въ бою,
 И видитъ въ снахъ своихъ гремящій Севастополь, . . .
 О мраморъ старыхъ плитъ рукой онъ оперся. . . .
 Тамъ прежде билъ фонтанъ и царствовала нѣга. . . .
 Вдругъ — слышитъ онъ — гремитъ почтовая телега,
 И русскій колокольчикъ залился —
 И сердце екнуло у русскаго солдата;
 И сонъ другой онъ видитъ на яву —
 И Русь широкую, и матушку-Москву;
 Передъ нимъ жена и малыя ребята —
 И слезы каплютъ на траву. . . .

Когда я спускался съ Тепекермана — мнѣ вздумалось спросить у проводника-татарина, не знаетъ ли онъ, что значить по-русски Тепекерманъ?—Татаринъ отвѣчалъ: по-татарски—Тепекерманъ, по-русски — Тепекерманъ, — все равно! «Я попробовалъ представить ему примѣръ, что значить перевести слово съ одного языка на другой: вотъ видишь сказалъ я ему: по-вашему Чатырдахъ — по-нашему—Чатырь-Шатерьъ; дахъ-гора; Чатырь-дахъ — Шатерь-гора; Людахъ;—аю-медвѣдь, дахъ-гора; Людахъ-медвѣдь гора. Что же значить Тепекерманъ? — Татаринъ съ прежнимъ спокойствіемъ отвѣчалъ: «по-татарски Тепекерманъ, по-русски — Тепекерманъ, — все равно!» Дальше спрашивать было конечно лишнее. — Это впрочемъ былъ собственно цыганъ, а не татаринъ. Здѣсь есть по деревнямъ и въ самомъ Бахчисараѣ отатарившіеся цыганы, которыхъ трудно отличить отъ татаръ. Они одѣваются по-татарски, говорятъ также по-татарски. Вѣроятно и вѣры татарской. Иногда измѣняетъ имъ лицо, которое и смуглѣе, и имѣетъ особое выраженіе

Въ Севастополь что то тихо. Ужъ давно не слышно выстрѣловъ. — Ждемъ къ себѣ Государя. Метуть улицы, чистятъ берега ручья, называемаго рвчкой Чурукъ-су, что значить *Гнилая рѣка*. Эту рѣчку мнѣ случалось во многихъ мѣстахъ перепрыгивать.

Нѣсколько времени тому назадъ, говорили, что непріятель оставилъ Байдарскую долину. На дняхъ была у насъ маленькая рекогносцировка — и, въ этой долинѣ, опять видѣли отряды французовъ.

Давнымъ давно хотѣлъ вамъ написать замѣчательное окончаніе одного частнаго письма, пришедшаго къ намъ еще въ Севастополь. Я записалъ тогда въ бумажникъ и теперь набрелъ на эту выписку. Градской Глава, кажется Воронежскій, Николай Никитичъ Рубцевъ, дѣлая какое то пожертвованіе, въ заключеніе выражается такъ: «свидѣтельству всѣмъ доблестнымъ защитникамъ форта мое глубочайшее, почтительнѣйшее уваженіе и всѣмъ отъ начальника до послѣдняго рядоваго. каждому до земли троекратно кланяюсь.»

Одна изъ страницъ *моихъ писемъ* напомнила мнѣ моего пріятеля М., съ которымъ я пріѣхалъ въ Кишиневъ изъ Москвы. Все ищу его и спрашиваю живъ ли онъ? 4-го числа Августа онъ былъ въ дѣлѣ. Артиллеріи крѣпко доставалось. Въ дѣлѣ я его не видалъ. Когда я жилъ на Коварнѣ, М. ходилъ ко мнѣ и восхищался моею жизнью. Особенно его плѣняло купанье. Какъ придетъ — такъ бухъ въ воду и плаваетъ цѣлый часъ, какъ рыба.

Приписка къ письму отъ 28-го Октября.

Государь пріѣхалъ сегодня во второмъ часу. Замѣчательное обстоятельство: тотчасъ послѣ того, какъ Онъ изъ церкви прошелъ въ домъ, назначенный для Его помѣщенія, — надъ этимъ домомъ явилось 22 орла, которые кружили долго и потомъ полетѣли, по направленію къ Евпаторіи. Немного погодя явилось опять столько же (и все со стороны Севасто-

поля), и опять покружили надъ Его домомъ — и полетѣли къ Евпаторіи. Надо замѣтить, что до сихъ поръ орловъ здѣсь было очень мало. Во все время, какъ мы здѣсь живемъ, пролетѣло орла два-три. Государь ѣздилъ на Качу и вечеромъ воротился въ Бахчисарай. Въ городѣ была иллюминація изъ разноцвѣтныхъ фонарей и плашекъ. Высокіе минареты, освѣщенные только сверху, по галлерей, — представляли огненные вѣнцы, сіяющіе въ воздухѣ. На горахъ зажгли смоляныя бочки. — По городу носятъ каски, вѣютъ солданы и блещутъ эполеты, давно нами невиданные.

Бѣсятъ меня цѣны на фрукты, возвышающіяся съ каждымъ днемъ. Груши дошли до 25 коп. сер. фунтъ — это всего три или четыре груши. Виноградъ дошелъ до 12 коп. ф., виноградъ, который привозится возами и которымъ запружены подмостки фруктовыхъ лавокъ. Но это предсмертныя цѣны — увы! плоды уже начинаютъ здѣсь умирать — хорошія груши трудно находить; бѣлый южнобережскій виноградъ давно исчезъ. Скоро пропадетъ и черный.

—

15-го Октября 1855 г. Бахчисарай.

Недавно попалъ я къ Татарамъ на одинъ обрядъ. Выбирая какъ то вечеромъ живописныя точки для видовъ, я услыхалъ громъ особенной музыки. Она гремѣла въ одномъ татарскомъ домѣ. Я сейчасъ пошелъ туда; у воротъ толпилось нѣсколько татаръ: монькюнъ бахмайлъ? (Можно посмотреть?) спросилъ я, думая, что это свадьба. «Монькюнъ, Монькюнъ, Ваше Блгородіе! «Я отдалъ бурку первому татарину, нѣсколько не опасаясь, что она пропадетъ (о ворахъ между татарами не слышно во все) — и вошелъ. Вся комната была наполнена сидящими на полу татарами. Посрединѣ стоялъ столъ съ разными закусками. Въ углу гремѣли музыканты — неизбѣжныя цыганы, двѣ скрипки и два бубна. Раздавался однообразный неслыханный мотивъ. 10-ти-лѣтній мальчикъ, съ которымъ совершенъ былъ обрядъ, сидѣлъ въ альковѣ каминна. Музыка и шумъ пирующихъ не давали ему спать

въ этомъ все мудрое учрежденіе этаго пира. Прежде обыкновенно пировали три дни и три ночи на пролетъ. Гости смѣняли гостей. Могъ перебивать весь городъ, а мальчикъ все сидѣлъ тутъ и дремалъ, но не спалъ. Спать въ первые дни послѣ обряда — вредно.... особые разносильщики *водки* (водку, говорятъ, не запрещалъ Магометъ) подавали ее приходящимъ, и гости клали за это что-нибудь на тарелку въ пользу *мастера*, который сидѣлъ тутъ же на первомъ мѣстѣ. Я хотѣлъ сѣсть между татарами на полу, на разостланныхъ войлокахъ, но меня усадили между атаманами, распорядителями пира. Мальчика также угощали поминутно всякими сластями, и старались развлекать и занимать, но я замѣтилъ, что онъ больше дремалъ, и былъ прехорошенькой. Да и вообще всѣ присутствующіе были молодецъ къ молодцу. — Не налюбуюсь ихъ жизнію. Нищихъ нѣтъ, воровъ нѣтъ, праздныхъ нѣтъ. Всякой чѣмъ-нибудь да занятъ. Ребятишки таскаютъ воду въ дома, держутъ офицерамъ лошадей, предлагаютъ что-нибудь нести за вами, если вы что купили въ лавки. У одного нашего офицера нѣсколько такихъ мальчугановъ исправляютъ всѣ домашнія работы, вмѣсто его деньщика, и куда деньщику! — Чистятъ сапоги, платье, ставятъ самоваръ, подають умываться. Я спрашивалъ: даетъ ли онъ имъ что? — Ничего. — У меня замѣчательный человекъ хозяинъ: онъ былъ женатъ на одной, имѣя средства содержать десять, и лишился ея. Теперь живетъ вдовцомъ, и не намѣренъ жениться, хотя еще очень молодъ. Вчера былъ у меня въ первый разъ, и мы пробѣсѣдовали довольно долго. Препочтенный малый. Хвалилъ Штабъ и говорилъ, что они очень довольны его пребываніемъ.

Время у насъ удивительное. Что нынче былъ за день! зелени еще много. Порхаютъ бабочки. — Выстрѣловъ въ Севастополь что то не слышно съ недѣлю. Вчера вечеромъ палили немного; сегодня опять тихо.

ДЪДУШКА - ДВОРНИКЪ

(Изъ воспоминаній институтки).

Съ воспоминаніями дѣтства у меня тѣсно связанъ образъ высокаго, сгорбленнаго старика лѣтъ 60-ти съ длинными, бѣлыми, какъ снѣгъ, волосами и бородой. Этотъ старикъ былъ дворникъ, нанятый батюшкою еще до женитьбы. Когда я родилась, онъ жилъ у насъ уже лѣтъ 12-ть, и заслужилъ всеобщую любовь. Это было самое доброе, кроткое, трудолюбивое существо. Я сдѣлалась его любимицею, а сама привязалась къ нему всею душою. И хотя няня пугала меня его съдой бородой, увѣряя, что это бубыка, но я смѣло шла къ нему на руки, и играла его бородой и волосами.

Впоследствии, я узнала, что дѣдушка нездѣшній, (у насъ старика всѣ звали дѣдушкой), что онъ пришелъ въ Москву издалека, ходилъ сперва наниматься по домамъ, но его никто не бралъ, что, наконецъ, онъ пришелъ къ батюшкѣ и слезно просилъ его принять въ услуженіе, увѣряя, что будетъ стараться всею силою, и что Богъ наградитъ добраго барина за то, что онъ пріютитъ его, горемычнаго. Батюшка сначала колебался, но слезы старика, его прекрасное, доброе лице убѣдили моего отца, и дѣдушка поселился у насъ.

Я начала помнить себя съ 5-ти лѣтъ, но всѣ происшествія этаго періода моего дѣтства сблизись и перепутались въ моей памяти до одного яснаго, зимняго дня, который потому такъ мнѣ памятенъ, что я была тогда въ первый разъ наказана за непослушаніе.

Это было въ срединѣ Января; день былъ солнечный, но очень холодный; дѣдушка сметалъ съ крыши снѣгъ. Я, не смотря на запрещеніе матушки и няни, выбѣжала въ

сны, поглядѣть, что дѣлаетъ дѣдушка. Мнѣ стало жаль старика. «Поди, дѣдушка, въ кухню, погрѣйся, ты озябъ». сказала я. «Охъ, красавица ты моя, не заботься обо мнѣ, не стою я того! Поди, матушка, поди домой, не заморозь на холоду свое личико!» «Право, дѣдушка, ты озябъ, погрѣйся минутку, послѣ опять придешь!» «Нѣтъ, матушка-барышня, ужъ это не дѣло, ходить поминутно по кухнямъ, да грѣться! Сдѣлаю, пойду». «Ну такъ я буду ждать тебя.» Старикъ усмѣхнулся своей добродушной улыбкой, и хотѣлъ что-то сказать, но въ это время пришла няня и увела меня на верхъ, къ матушкѣ. И я была наказана. Вечеромъ, долго и напрасно, ждала я, когда дѣдушка позоветъ меня слушать сказки, которыя онъ прекрасно рассказывалъ. Ужъ передъ ужиномъ пришла няня и сказала, что дѣдушка простудился, а теперь у него жаръ и бредъ, и онъ не узнаетъ никого. Я отправилась къ нему. Старикъ лежалъ въ своей маленькой комнаткѣ на лавкѣ; глаза его были полузакрыты, дыханіе тяжело и прерывисто, однакожъ узналъ меня. «Дай Богъ вамъ здоровья, добрая барышня, что не забыли старика. Дайте голубушка, ручку поцѣловать! Вотъ умру скорѣ, не приведетъ Богъ полюбоваться когда вырастетъ моя красавица!» «Богъ милостивъ, дѣдушка, ты выздоровѣешь.» «И, матушка, довольно я помаялся на бѣломъ свѣтѣ, пора и въ могилу! Старъ я, слабъ я, кому нуженъ?» «Кто же мнѣ станетъ безъ тебя сказывать такія хорошія сказки?» спросила я, едва сдерживая слезы. «Да вотъ развѣ сказки-то....» сказалъ дѣдушка и призадумался. «Да я, золотая моя, оставляю табъ за то мои книги, книги хорошія, (дѣдушка былъ человекъ грамотный) вотъ ты ихъ и будешь читать, да можетъ вспомнишь и меня: вотъ, молъ, это дѣдушкины книги, это, молъ, дѣдушка мнѣ ихъ далъ, чтобъ я его вспоминала; въ память мнѣ ихъ далъ....» Я зарыдала, но старикъ ничего уже не слышалъ и началъ бредить. Книги, сынъ, внучата, я, перемѣшались въ его воображеніи.

Прошло нѣсколько дней, дѣдушка оправился и началъ по немногу работать. Часто батюшка приказывалъ ему оставить работу и лечь, но старикъ былъ упрямъ и гово-

рилъ обыкновенно, что и такъ его, стараго, приютить, дай Богъ ему здоровья, добрый баринъ, что онъ не скотина какая-нибудь неблагодарная, и не станетъ ѣсть даромъ хлѣбъ. Какъ только онъ со всѣмъ выздоровѣлъ, то размель въ саду дорожку. «Вотъ, барышня, я тебѣ дорожку размель, чтобы тебѣ, моей ласточкѣ, было гдѣ погулять.» «Благодарствуй, дѣдушка; только зачѣмъ ты, такой большой, трудишься!» «Дорожку-то для тебя размель, такъ и тружусь! Богъ съ тобой, барышня, какой тутъ трудъ? Ты вотъ лучше погуляй, а я сяду, да посмотрю!» И старикъ сѣлся и смотрѣлъ на меня, и каталъ мнѣ изъ снѣга шарики.

«Радъ ли ты, дѣдушка, что выздоровѣлъ?»

«Что за радость, барышня! И ноги болятъ, и голова болить, и спина болить! Лучше бы убраться на покой! Жаль мнѣ только оставить тебя. Посмотрѣлъ бы, кажись, посмотрѣлъ, какъ ты большая-то выростешь. Жаль еще внучать малыхъ. Все нѣтъ, нѣтъ, да пошлешь имъ деньжонокъ, а то, что они безъ меня-то будутъ....» «А сына жаль!» «Сына! да, и его жаль:.... Да Богъ съ нимъ: недобрый онъ человекъ!» «Ну, а его жену?» «Сноху то? Ее, сердечную, очень жаль! Да ужъ пора бы и ей въ мать сыру землю; еле, еле, таскается, — не помсга она своимъ дѣтушкамъ.» И старикъ задумался, и на его длинную бѣлую бороду потекли слезы.

«Дѣдушка, что-же ты мнѣ книги-то обѣщаль?» сказала я, желая отвлечь его отъ грустной души. «Книги-то? Да книги хорошия, я тебѣ сейчасъ принесу.» И, чрезъ полчаса, старикъ явился съ книгами, это были: Евангеліе, краткая Священная Исторія, и Подражаніе Христу, былъ и Пѣсенникъ. Онъ отдалъ мнѣ всѣ, исключая Евангелія, которое досталось ему отъ дѣда.

Я упомянула, что дѣдушка хорошо рассказывалъ сказки. Много разъ, въ послѣдствіи, слышала я ихъ отъ нянекъ и отъ другихъ старухъ, но все не-то. Дѣдушка рассказывалъ ихъ съ увлеченіемъ, пускался въ импровизацію, и, какъ Гома Григорьевичъ Гоголя, никогда ни одной не рассказывалъ въ другой разъ одинаково: непременно что-нибудь или перемѣнить, или прибавить.

Люблю я вспоминать эти длинные, зимніе вечера! Бывало, я и маленькій братъ, усядемся въ дѣтской, и призовемъ дѣдушку. Онъ войдетъ, помолится предъ образомъ и станетъ у стола. «Ты, дѣдушка, сядь на диванъ» скажетъ братъ. «И нѣтъ, баринъ, я постою.» «садись, дѣдушка, садись!» пристану я. Наконецъ онъ усядется. Я всегда садилась противъ него, и почти противъ окна, которое закрывалось ставнями очень неплотно, и изъ него видалась бѣлая полоса свѣга, казавшаяся мнѣ саваномъ.

Вотъ перекрестится дѣдушка и начнетъ. Глаза у него заблестятъ, его сгорбленный станъ выпрямится. Иногда онъ описываетъ намъ садъ съ золотыми яблоками и жаръ-птицей, заповѣдныя луга Царь-дѣвицы или теремъ Марьи-царевны. Слова у него такъ и льются; неразговорчивый дѣдушка сдѣлается краснорѣчивъ. Мы притаимъ дыханіе и слушаемъ. Свѣчка нагоритъ, няня захрапитъ на лежанкѣ, ей вторить своимъ мурлыканьемъ изъ угла бѣлый котъ, да стучитъ мѣрно маятникъ. А тамъ, въ тѣни, на диванѣ, едва освѣщаемыя слабымъ отблескомъ нагорѣвшей свѣчи, сидимъ мы, прижавшись другъ къ другу, и незнаю, замѣчаетъ ли насъ дѣдушка!.... Звучно раздается его голосъ, на лицѣ его дрожитъ бѣдный лучъ свѣта: оно, отбѣненное длинными прядями бѣлыхъ волосъ и, бородой, прекрасно въ эти минуты.

Мы сидимъ тихо, боимся пошевелиться, и въкъ готовы слушать вдохновеннаго дѣдушку: но няня просыпается, удалитъ насъ ужинать. Мы поблагодаримъ дѣдушку. Онъ уйдетъ. И долго долго еще, бывало, не могу заснуть я подлѣ вліаніемъ его сказокъ.

Въ годъ моего рожденья, дѣдушка, пришедъ въ Вербное Воскресенье отъ заутрени, посадилъ въ саду вербу: она разрослась и стала прекраснымъ, тѣнистымъ деревомъ. И какъ-же дѣдушка ухаживалъ за ней! Не знаю почему-то ему казалось, что моя судьба тѣсно связана съ ней. Если была холодная весна, и на вербѣ долго не показывались листья, дѣдушка считалъ это дурнымъ предзнаменованіемъ для меня, и не помнилъ себя отъ радости, когда замѣчалъ на ней первый листокъ. Что бы было теперь съ дѣдушкой, если-бы

онъ увидалъ, что его любимицу - вербу сломило грозой? ..

Настало лѣто, я выучилась читать и, съ 8-ми лѣтъ, чтеніе сдѣлалось лучшимъ моимъ удовольствіемъ. Часто читала я дѣдушкѣ вслухъ. Книгъ было у батюшки много, я брала потихоньку и безъ разбора.

Дѣдушкѣ рѣдко которыя нравились; многихъ онъ и не понималъ, я тоже. Но однажды, когда батюшки не было дома, я забралась въ его кабинетъ, и первал, попавшаяся мнѣ на глаза книга, была: «Вечера на хуторѣ близъ Диканьки». «Вечера, должно быть хорошо и страшно», подумала я. Съ мыслью о вечерѣ и ночи всегда соединялась у меня мысль о мертвецахъ и привидѣніяхъ. Я взяла поскорѣе книгу и побѣжала къ дѣдушкѣ. «Дѣдушка, что ты будешь дѣлать нынче вечеромъ?» «Башмаки шить, барышня!» Онъ шилъ въ свободное время башмаки своимъ знакомымъ, только очень неудачно. «А сказки сказывать не будешь?» «Нѣтъ, матушка: башмаки къ спѣху нужно шить.» Это значило, что онъ не расположенъ былъ рассказывать.

«А хочешь я тебя почитаю?» «Какъ не хотѣть, барышня, я всегда хочу!»

Вечеромъ я пришла съ книгой, и мы отправились съ дѣдушкой подъ вербу. было свѣтло, тепло, тихо. Съ цвѣтника дометалъ до насъ запахъ душистыхъ цвѣтовъ, на поверхности небольшого пруда купались двѣ утки, на балконѣ распѣвала моя неугомонная канарейка. Я начала читать. И сѣдому старику и 8-ми лѣтней дѣвочкѣ были понятны и близки сердцу эти свѣжія, живыя, граціозныя творенія. Старикъ боялся дышать, удерживалъ кашель, чтобъ не проронить ни одного слова. Я давно кончила, а онъ все сидѣлъ въ раздумьи. «Кто же написалъ это, моя барышня?»... спросилъ онъ, какъ бы очнувшись.» Пасичникъ Рудый пѣнько. «отвѣчала я.» Мудрено прозвище! а кто-же онъ, барышня?» «Не знаю, дѣдушка.» «Прочти-ка начало, можетъ и узнаешь.» Я прочла знаменитое предисловіе. «Видишь»; дѣдушка, онъ былъ такой-же простой старичокъ, какъ и ты. «Дѣдушка и рукой. махнулъ. «И, барышня, гдѣ такой! И умный-то онъ былъ, и говорить хорошо умѣлъ.» «Вѣдь и ты умный, дѣдушка, и

ты говоришь славныя сказки.» Старикъ печально улыбнулся. «Какая ты еще маленькая, моя барышня!» сказалъ онъ качая головой. Когда объ книги были прочтены, дѣдушка долго сидѣлъ погруженный въ какую-то думу, потомъ махнулъ рукой, промолвивъ: «Гдѣ ужъ мнѣ, старому!» И пошелъ въ свою каморку, оставивъ на травѣ недошитый башмакъ, чего прежде съ нимъ никогда не случалось.

Послѣ того, онъ только однажды позвалъ меня съ братомъ подъ вербу; сталъ рассказывать какую-то прекрасную легенду, увлекся, — но вдругъ остановился тяжело вздохнулъ, опять прошепталъ: «Гдѣ ужъ мнѣ,» докончилъ вяло, сухо, и ушелъ, не простясь съ нами. Съ тѣхъ поръ уже никогда не слышали мы его сказокъ. Прошелъ еще годъ, я очень выросла; начали ужъ поговаривать объ отдачѣ меня въ институтъ, котораго я боялась больше всего на свѣтѣ. Училась я плохо, не смотря на превосходную память. Лѣнь страшная овладѣвала мной всегда при видѣ учебной книги. Меня стали чаще наказывать. Все это очень печалило дѣдушку; часто онъ просилъ меня заняться уроками и бросить книги, мѣшавшія мнѣ хорошо учиться. «Барышня моя хорошая, брось ты лѣнь свою!» говорилъ онъ: «Вѣдь это тебя уму-разуму учатъ. Вѣдь для твоего же добра это дѣлаютъ!» «Все такъ, дѣдушка, да учиться-то очень скучно!» «И, голубушка моя, приневожь себя маленько. Послѣ стернётся слюбится.» Но всѣ увѣщанія дѣдушки пропадали втунѣ.

«Что это дѣдушка такой скучный?» спросилъ однажды меня батюшка. «Не знаю папа!» отвѣчала я, самодовольно улыбувшись. Не знаю почему-то мнѣ казалось, что печаль дѣдушки происходитъ отъ того, что меня хотятъ отдать въ институтъ.

Въ тотъ же день, возвращаясь изъ сада и проходя мимо дѣдушкиной компатки, я услышала, что онъ плачетъ. Я потихоньку подошла и взглянула въ дверную щель. Дѣдушка молился, стоя на коленяхъ, и горько плакалъ, стараясь удерживать рыданья, чтобы никто не слышалъ. Мнѣ сдѣлалось очень грустно; я даже заплакала, такъ мнѣ было жаль дѣдушку. И долго потомъ не могла я заснуть въ

моей маленькой кроватки. Во всю ночь, сонъ мой тревожилъ образъ сгорбленнаго, сѣдаго старика, молящагося со слезами.

На другой день, рано утромъ, я побѣжала въ садъ съ намѣреніемъ узнать о причинѣ дѣдушкиныхъ слезъ. Онъ разметалъ въ саду дорожки, и, по обыкновенію, приветствовалъ меня своей ласковой улыбкой, и подарилъ мнѣ маленькую синицу, которую поймалъ въ западню. Я такъ обрадовалась птичкѣ, что позабыла и дѣдушку, и его горе. Часа черезъ два радость моя утихла, и мнѣ снова стало жаль дѣдушку, и снова захотѣлось узнать, объ чемъ онъ плакалъ.

«Дѣдушка, голубчикъ, исполни мою просьбу!» кричала я, вбѣгая въ садъ, въ которомъ дѣдушка вырывалъ дурную траву изъ цвѣтника. «Снигирия-то поискать, барышня? Да вишь ихъ нѣтъ теперь! Я лучше другую синицу достану». «Нѣтъ, дѣдушка, не снигирия, а совсѣмъ другое!» «Что же, моя ласточка?» Мнѣ было совѣстно сказать старику, что я подсмотрѣла слезы, которыя онъ старался скрыть отъ всѣхъ, наконецъ, любопытство превозмогло, и я спросила. «Вѣрно у тебя, дѣдушка, большое горе, что ты все такой скучный, и такъ горько плакалъ вчера и молился?» Дѣдушка смутился. «Кто же тебѣ сказалъ это, барышня!» «Дѣдушка, прости меня! Я вчера услышала, что у тебя кто-то плачетъ и подсмотрѣла.» «Да что горе! Много у меня разнаго горя, и вся жизнь-то моя горе! Пора бы старымъ костямъ въ могилу, моя хорошая! Хороша жизнь, коли радость есть, а безъ радости на что она! Помолись, барышня, за меня, грѣшнаго! У тебя еще Ангельская душа. И изъ-за твоей-то святой молитвы услышитъ Богъ и мою недостойную!» И слезы навернулись на глазахъ старика. Я всѣми силами старалась не плакать. «Да какое же горе у тебя, дѣдушка?» «Разное горе, много у меня горя!» «Что же ты никогда не говорилъ мнѣ объ немъ?» «И барышня моя добрая! ну зачѣмъ бы сталъ я тебѣ говорить? Какое тебѣ дѣло до моего горя? На скучилъ бы я съ нимъ тебѣ, да не только тебѣ, маленькой, а и всякому другому.» «Грѣхъ тебѣ, дѣдушка, это говорить! Ты вѣдь знаешь, какъ я тебя люблю. И те-

перь мнѣ такъ тебя жаль, что все на свѣтъ готова сдѣлать, только бы помочь тебѣ!» «Я знаю, красавица моя, что душечка-то у тебя добрая, жалостливая, знаю, что любишь меня, старика, да не спрашивай меня объ горѣ, я и самъ забуду объ немѣ!» И дѣдушка усмѣхнулся сквозь слезы и замолчалъ. Втуль пропали всѣ мои просьбы; дѣдушка не сказалъ ничего.

Работать продолжалъ онъ, по прежнему, и съ виду казался веселымъ и покойнымъ. Но не долго онъ крѣпился. Горе взяло свое: онъ сгорбился еще болѣе, на лицѣ появились новыя морщины; прекрасные, блестящiе умомъ, глаза его ввалились и потухли.

Батюшка нанялъ другаго дворника, а дѣдушку оставилъ жить у насъ, строго запретивъ ему работать. Старикъ не слушался, батюшка дѣлалъ ему выговоры, и не знаю, чѣмъ бы это кончилось, если-бы дѣдушка не сдѣлался боленъ. Я какъ-то пришла его навѣстить и нашла его покойнымъ и веселымъ. Онъ чрезвычайно мнѣ обрадовался: цѣловалъ мои руки, смѣялся и крестился. Я съяла возъ него. «Ну, дѣдушка, расскажи-же мнѣ свое горе; я никому не скажу.» «Дай мнѣ насмотрѣться то на тебя, моя хорошая!» Но я просила неотступно. «Да видишь, барышня,» сказалъ наконецъ старикъ: «Пришла некрутчна; староста то взѣмлся на моего сына за недоимокъ, да и хотѣлъ отдать внука моего любимаго въ солдаты, а даже и очередь-то не его?» «Что-жъ, дѣдушка, не отдашь?» «Нѣтъ; я скопилъ деньжонокъ, да и уплатилъ недоимокъ. Недоимокъ-то былъ небольшой. Да и сынъ ходилъ къ нему съ повинной головой, прощенiя просилъ. Ну онъ и оставилъ внука-то; ужъ не требуетъ теперъ.» «Ну чтоже, дѣдушка, ты теперъ ужъ не хочешь умереть!» «Умереть-то? Нѣтъ, барышня, какъ не хотѣть! Пора-бы!» «Отчего-же ты никому объ этомъ не говоришь?» «Охъ голубушка моя, кому нужно чужое горе.» «А мнѣ-то?» «А тебѣ не хотѣлось; зналъ, что будешь плакать, да жалѣть меня.» «А хотѣлось тебѣ въ деревню, проститься съ внукомъ.» «Ахъ, барышня, какъ хотѣлось-то! Душу-бы, мажись, отдашь, только-бы увидать его, родимаго!» «Отчего-

же ты не ѡхаль?» «Совѣстно было проситься у барина; видить Богъ, какъ совѣстно. Вижу, баринъ добрый, изъ милости держить старика, а я тутъ еще по деревнямъ ѡздить буду!» «Да вѣдь папа пустиль бы тебя!» «Знаю, что пустиль-бы! Да я-то что за дармовѣй такой? Вотъ и началъ я работать, чтобы хоть немного въ работъ-то, да въ усталости горе позабыть, анъ вотъ и свихнулся! А вчера и вѣсточка отъ внука пришла, что не возьмутъ, молю меня, дѣдушка, въ солдаты. Точно что отлегло у меня отъ сердца и полегчило маленько.» Мнѣ и самой сдѣлалось весело, когда я узнала что дѣдушкина бѣда миновалось, что онъ, по прежнему, будетъ здоровъ и веселъ. Точно камень спалъ у меня съ сердца, я даже выучила урокъ отъ радости.

Дѣдушка сталъ поправляться. Разъ какъ-то поѣхали батюшка съ матушкой въ гости. Это было наканунѣ какого-то праздника, слѣдовательно уроковъ учить къ завтрашнему дню было не нужно. Я взяла въ батюшкиномъ кабинетѣ Лермонтова и пошла въ садъ. Вечерью. На улицѣ и въ саду все было тихо. Мнѣ сдѣлалось немного страшно, но сейчасъ-же вернуться домой не хотѣлось, потому что няня и братья подумали-бы, что я боюсь. И такъ я пошла прямо къ вербѣ, подъ которой дѣдушка сдѣлалъ для меня маленькую дерновую скамеечку. Подхожу; смотрю на скамейкѣ сидитъ дѣдушка. Я очень обрадовалась, подкралась потихоньку и села возлѣ него. Дѣдушка вздрогнулъ. «Кто тутъ?» «Это я, дѣдушка.» «Вотъ благодарствуй, моя красавица, что не забываешь меня! Да ты только это по добротѣ своей дѣлаешь, а тебѣ чай скучно со мной? Ты ужъ вотъ какая большая, да умница, а я и старъ, и глупъ, и сказокъ не умѣю сказывать.» Голосъ его звучалъ какъ-то печально на послѣднихъ словахъ. Не знаю, отчего дѣдушка съ недавняго времени началъ думать, что мнѣ бываетъ скучно съ нимъ. «Ну что-жъ, дѣдушка, я сказокъ я не прошу, а вотъ ты лучше Расскажи мнѣ свою жизнь,» сказала я, и не рада была своей просьбѣ, такъ стало мнѣ совѣстно моего любопытства. Я думала, что дѣдушка станетъ уговариваться, но онъ, сверхъ всякаго ожиданія, тотчасъ-же согласился. «Рассказать-

то, я пожалуй расскажу, моя ясочка, да вѣдь тебѣ скучно будетъ слушать.

И радость-то у меня была мужичья, и горе-то мужичье. Скучно, право, будетъ тебѣ!»

«Повѣрь, дѣдушка,» сказалъ, подходя къ намъ, мой старшій братъ-студентъ, «что всякое горе одинаково, и нѣтъ разницы между радостью или печалью мужика и господина.»

«Да вотъ вы, сударь, думаете такъ, а другіе говорятъ, что мужикъ, молъ, глушь, что онъ ничего не понимаетъ и ничего не можетъ чувствовать.» Расскажи-же, дѣдушка, и я послушаю, сказалъ братъ, усаживаясь возлѣ меня, и закуривая сигару. Дѣдушка началъ рассказывать, но на самой срединѣ рассказа я заснула, склонивъ голову на плечо брата. И теперь не могла-бы повторить его здѣсь, но мнѣ помогъ въ этомъ братъ, записавшій его со словъ дѣдушки. Передаю его здѣсь такъ, какъ онъ былъ записанъ у брата.

«Я родился чрезъ двѣ недѣли послѣ смерти моего отца,» такъ началъ дѣдушка: «матушка моя была очень добрая женщина, но, послѣ смерти отца, стала какая-то чудная. Не то, чтобы она помѣшалась, нѣтъ, а такъ на нее нашло что-то. Осталась-то она вдовой лѣтъ 18-ти, и цѣлый годъ была сама не своя. Все, бывало, плачетъ, да цѣлуетъ меня. Отъ людей пряталась. Сядетъ если на лавку, такъ и сидеть цѣлый день, уставить глаза на стѣну и не пошевелится. Невѣстки заставятъ ее вѣсть, ну такъ повѣсть, пошлютъ работать — пойдеть, работаетъ, только все у ней изъ рукъ валится. Вотъ и прошелъ годъ, матушкѣ стало лучше, прошло еще полгода, совсѣмъ оправилась. Стали къ ней и женихи свататься, да она все не шла. Присватался къ ней одинъ парень, богачъ изъ всего села, и началъ ее уговаривать свекоръ: «баба,» говорить: «ты еще молодая, семейство у меня, говоритъ, большое; сыновья жалуются, говорятъ, самимъ вѣсть-пить надо; своя семья у каждого.» Подумала, подумала матушка, да и вышла. И что за парочка была она и вотчимъ! Она, — бѣлая, румяная, высокая, статная, съ голубыми глазами, съ длинными черными косами, брови дугой. Онъ былъ первымъ красавцемъ изъ всего

села и походилъ немного на покойнаго батюшку. Семейства у него было только одинъ старикъ-отецъ. И матушкѣ другихъ дѣтей, кромѣ меня, Богъ не далъ. И вотчимъ, и отецъ его полюбили меня, какъ роднаго. Полюбилъ и я ихъ, и звалъ все дѣдушкой, да тятенькой. Дѣдушка мой былъ человекъ грамотный, и зимой, въ праздникъ все, бывало, читаетъ, а лѣтомъ ходитъ въ лѣсъ, да собираетъ разныя травы, потомъ сушитъ ихъ и лечитъ ими людей, и больной скотъ, и часто помогаль. На селѣ у насъ считали его знахаремъ. Видъ у него былъ такой важный, да строгій. Сперва я самъ его боялся. Да разъ какъ-то въ воскресенье подрался съ ребятами на лугу; ихъ было штукъ 5, а я одинъ. И вѣрно поколотили бы они меня порядкомъ, да подоспѣлъ дѣдъ. Какъ крикнетъ онъ на нихъ! Они давай Богъ ноги. Я, видя, что они трусились, побѣжалъ было за ними, но онъ остановилъ меня: «Богъ съ ними, Николушка, пойдешь-ка лучше со мной въ лѣсъ!»

Страшно мнѣ сначала было идти съ старикомъ, потомъ я сдѣлался посмѣливъ, и взялъ его за руку. Какъ только вошли мы въ лѣсъ, дѣдушка велѣлъ мнѣ собирать травы, какія попадутся, безъ разбора; сталъ собирать и самъ. Я трудился прилежно, потъ лилъ съ меня градомъ. Наконецъ дѣдъ выбралъ мѣстечко подъ деревомъ и позвалъ меня: «Сядь, внучекъ, отдохни; ты чай усталъ, родимый!» И онъ отеръ мнѣ съ лица потъ, и поцѣловалъ меня, и погладилъ по головѣ. Мнѣ стало что-то весело; я такъ обрадовался его ласкѣ, что даже заплакалъ «Что ты плачешь, Колушка!» «Да видишь-ли, дѣдушка, я боялся тебя, думалъ, что ты не любишь меня,» сказалъ я, утирая слезы, «вотъ ты поцѣловалъ меня, я и подумалъ; что ты меня полюбилъ, да обрадовался, да и заплакалъ.» Старикъ засмѣялся, покачалъ головою и утеръ мнѣ слезы, потомъ вынулъ изъ котомки печенія лица, лепешку и молоко въ флягъ. «На, крошкѣ, ѣшь!» Я сталъ ѣсть, а дѣдушка тѣмъ временемъ разбиралъ траву, которую я нарвалъ, и почти всю побросалъ; свою же раздѣлилъ, связалъ въ пучечки и спряталъ въ котомку. Вечеромъ мы воротились домой. Съ тѣхъ поръ, я души не

чайлъ въ дѣдушкѣ. Каждый праздникъ, каждое воскресенье лѣтомъ ходили мы въ лѣсъ. Онъ училъ меня находить полезныя травы, показывалъ какія къ чему пригодны, выучилъ молиться. А какъ рассказывалъ онъ сказки, баринъ, что твой *пасымыжъ!* Бывало, страхъ беретъ, когда начнетъ говорить про чуда лѣсныя, жутко, а такъ и тянетъ въ лѣсъ, и все чудиться, что вотъ - вотъ увидишь русалку зеленоволосую или лѣснаго, косматаго дѣда.

Зимую онъ училъ меня читать и писать и подарилъ мнѣ Евангеліе. Цѣлый день въ праздникъ, бывало, читаю я его дѣдушкѣ. Больше всего любилъ онъ слушать страданія Христовы. И я, дитя неразумное, и онъ старикъ старій, обнимемся, бывало, да и рыдаемъ, и рыдаемъ. «А вѣдь очень больно было Христу?» спрошу я со слезами. «Ахъ, Николушка родинный, какъ больно-то, какъ больно-то!» И опять завлачемъ. Вотъ я оправлюсь, дочту и сяду подлѣ дѣдушки, а онъ, такой угрюмый, сидитъ и все молчитъ.

Отъ товарищей я со всѣмъ отбился, да они и не любили меня, и звали все маленькимъ знахаремъ. Росъ я скоро, и красивъ больно былъ, весь, говорятъ, въ отца. И силенъ былъ, только здоровья Богъ не далъ, и часто бывалъ я боленъ. Ужъ какъ же ходилъ за мной дѣдушка! Цѣлыя ночи просиживалъ, давалъ мнѣ пить свои травы и вымечивалъ меня. Мнѣ было не больше 12-ти лѣтъ, когда умеръ мой добрый вотчимъ. Не долго, послѣ него, помаялась и матушка. Какъ свѣчка истаяла она, и, когда вышелъ вотчиму 40-й день, положили и ее рядомъ съ нимъ. Я опять захворалъ съ горя, думалъ не вынесу. Горько плакалъ надо мной дѣдъ. «Умрешь, Колушка, говорилъ онъ, останусь я одинъ, какъ какая нибудь забытая въ полѣ былица, и умру я, и глазъ будетъ не кому закрыть!» Дни и ночи сидѣлъ онъ надо мной, не ѣлъ, не пилъ и не спалъ. Наконецъ горячка миновалась, и я выздоровѣлъ. Дѣдушка пошелъ со мной къ Троицъ, поблагодарить Угодника Сергія. И стали мы жить хорошо и покойно. Я выросъ. Пошелъ мнѣ уже 17-й годъ. Разъ какъ-то пошли мы съ дѣдушкой въ лѣсъ. Собирая траву, я по немногу отдалился отъ него, и напалъ на грибы,

а грибы-то были бѣлые; вотъ я собиралъ ихъ, да все больше и больше уходилъ въ самую чащу. Дѣдушка охотникъ былъ до грибовъ, я и аукнулъ его — не откликается. Аукнулъ раза три — все молчать, я и испугался, подумалъ что зашелъ очень далеко, и дѣдушка начнетъ вскаты мѣня, и пошелъ назадъ. Зашелъ-то я недалеко, да сердце мое не чуяло бѣды! Дѣдушка лежалъ подъ кленомъ, блѣдный, какъ я не знаю что, съ закрытыми глазами. Я заплакалъ, бросился къ нему, сталъ его цѣловать. Дѣдушка открылъ глаза, взглянулъ на меня и усмѣхнулся. Плохо мнѣ, родной мой, знать не жилецъ я на бѣломъ свѣтѣ! Хотѣлось бы мнѣ попричаститься, да исповѣдаться! Сила-то у мѣня было добрая, я и снесъ слабаго дѣдушку домой на рукахъ, и сбѣгалъ за священникомъ. Дѣдушка исповѣдался и причастился. «Внучекъ мой милый, сказалъ онъ, и совѣстно мнѣ просить тебя, да не могу больше крѣпиться: — снеси меня въ лѣсъ, душа просится.» Рыдая, взялъ я дѣдушку на руки, принесъ въ лѣсъ и положилъ подъ клень.

Здѣсь старикъ остановился: слезы душили его «Подожди маленько, баринъ, сказалъ онъ брату, я квасу напьюсь и сейчасъ же приду.» И дѣдушка поспѣшно ушелъ: онъ не любилъ, чтобы видѣли его слезы. Черезъ нѣсколько минутъ онъ возвратился уже гораздо спокойнѣе, и хотѣя во время разсказа голось его иногда дрожалъ, но онъ уже не плакалъ,

«Вотъ и положилъ я его подъ клень, а онъ и сказалъ мнѣ: сядь, Колушка, возлѣ меня. Но я перекрестился и всталъ на коѣнни. Вотъ онъ и говоритъ: «я, говорятъ любилъ тебя больше всего на свѣтѣ, теперь я умру и оставляю тебя одного; слушай же, что я буду говорить тебѣ, и объ чемъ тебѣ буду просить».

«Не умирай, не покидай меня, бѣднаго!» говорилъ я, а слезы такъ и лились у меня, такъ и лились. «Не плачь, внучекъ, не надрывай своего сердечка, побереги слезы для другаго горя потяжелей. Будь добръ, не дѣлай никому зла, — и весело будетъ тебѣ умирать, и Ангелы Божьи по радуются твоей смерти. Вотъ и я хорошо-бы умеръ, да больно жаль тебя, сердечнаго, и слезы показались на глазахъ у дѣдушки.

«Еще, Колушка, прошу тебя — не забывай, что я тебя говорилъ объ травахъ. Это пригодится и тебѣ и другимъ. Еще хотѣлъ было попросить... Дѣдушка замолчалъ, видно совѣстно. ему было еще просить. «Говори, родной, прошепталь я, все сдѣлаю!» «И дѣдушка началъ говорить, а голосъ-то у него такъ и дрожить.» «Ахъ, Колушка, Колушка! прошу тебя, не налагай никогда руки на тварь, не проливай никогда крови созданія Божьяго! Богъ за это благословить тебя, какъ благословилъ и меня, старика. Только одно горе послалъ Онъ мнѣ въ молодости-когда умерла жена, да другое горе на старости-когда умерли сынъ съ невесткой, да вотъ послѣднее третье горе—теперь: я радъ, что умираю, но горько мнѣ оставить тебя.» И заплакалъ я, и зарыдалъ, и далъ ему зарокъ не налагать руки на тварь, не проливать крови никакого созданія Божьяго. И дѣдушка поцѣловалъ меня и благословилъ со слезами. Въ это время солнце заходило, и деревья стали точно золотыми. «Вотъ зайдетъ солнце, умру» сказалъ дѣдушка, прочти, Никола: *«вѣкъ отпущавши раба Твоего, Владико....»* Я сълъ читать, дѣдушка крестился, потомъ легъ навзничъ, усмѣхнулся, лицо у него сдѣлалось такое свѣтлое, веселое — и умеръ. Я плакалъ, бился головой о землю, и пробылъ бы тутъ ввѣкъ, да дядя нашли меня, унесли покойника, и увели меня домой. Дѣдушку похоронили; я думалъ, что умру, но горе несломилло меня: я остался живъ.

Тоска была мнѣ одному страшная. Я снова сошелся съ товарищами, и они полюбили меня. Сталъ я иногда показываться и въ хоровахъ; пѣсни пѣлъ я лихо, и меня выбрали запѣвалой. Я веселился, работалъ до упаду, а все было что-то грустно! Однажды какъ-то пришли наши молодцы звать меня на посидѣлки. Я долго отпѣкивался, не хотѣлось, что-то сердце было, словно бѣду какую чувало. Да вишь, баринъ, мастеръ я былъ разныя сказки сказывать, не то что теперь: ну и стали они приставать; гордецомъ называть, дѣдъ, говорятъ, все виновать больно, мнѣ было слышать, что дѣда бранать, всталъ и пошелъ я съ ними. Посидѣлки были у старости. Приходниъ. Дѣвокъ много,

Барин подселъ къ нимъ, подчуютъ орехами; прайками; пошли разговоры, хохотъ, начались пѣсни. Вотъ Ѳеодоръ Алексѣевъ и говоритъ: «А не хотите-ли, дѣвушки, сказокъ послушать?» «Хотимъ! Хотимъ!» закричали всѣ, «кто-же сказывать будетъ?» «Николай Кирилловъ!» сказали молодцы; «онъ славно сказываетъ.» Я не соглашался, совѣстно было при всѣхъ. «А будь добръ скажи!» проговорилъ кто-то сзади меня такимъ тихимъ, серебрянымъ голосомъ, точно что ущемило меня за сердце, я вздрогнулъ и обернулся—сзади меня сидѣла старшая старостина дочь. Я видѣлъ её въ первый разъ потому, что она была больна, съ тѣхъ поръ какъ я началъ показываться въ хороводы. Смотрю: сидитъ она и усмѣхается, и смотритъ на меня. Блѣдная, баринъ, блѣдая, какъ полотно; и загара къ ней не приставало; глаза свѣтлые, блѣдно-голубые, ласковые; веселье; брови темныя, точно пшурочки; дугой; губы алыя; волосы дышчатые, коса длинная до пятъ; руки блѣды какъ у барышни какой-нибудь; сама высокая, тоненькая, привѣтливая.... Остановился я; глазъ не могу отвести, точно ошеломило меня. И вспомнилъ я дѣдушкины сказки, и выбралъ одну изъ нихъ, такую печальную... «Какъ простился казакъ съ молодой женой и поѣхалъ на войну. Долго воевалъ онъ съ басурманами, и убили его. Услыхала про-то молодая жена и родила прежде времени дочку; дочка умерла некрещенная. За ней съ горя умерла и мать. И встрѣтился на томъ свѣтъ казакъ съ красавицей женой, и грустно стало имъ безъ дочки; и стали души ихъ искать некрещенную душу дочки своей. И все ходятъ они теперь, и все ищутъ её, безпріютные....»

И говорилъ я; слова такъ и лились, откуда что бралось. Всѣ притихли, слушаютъ.... Кончилъ, смотрю: не отводитъ отъ меня глазъ и затяла дыханіе старостина дочь; замолчала я. Опять пошелъ вокругъ меня и говоръ и смѣхъ; слышу благодарятъ меня, а я слова вымолвить не могу; словно онѣмѣлъ съ концомъ сказки.

Съ тѣхъ поръ сталъ я ходить на посидѣлки каждый вечеръ, и все рассказываю; бывало, сказки, и грустныя и

смѣшныя. Задумывается она при грустныхъ, хохочетъ при смѣшныхъ до упаду, и все смотритъ на меня, а слова не скажетъ. Не могу никакъ и я заговорить съ ней, языкъ не ворочается.

Грустно мнѣ было какъ умеръ дѣдушка, а теперь на свѣтъ-бы не глядѣлъ: все хожу да смотрю, не покажется ли гдѣ она. Въ церкви, бывало, глазъ съ нея не сведу, а она стоитъ, молиться усердно, а на меня и не смотритъ. Вотъ наступилъ и Свѣтлый Праздникъ. Святая то была самая поздняя. Все зацвѣло у насъ въ лѣсу и въ полѣ. Отстоялъ я заутреню и подошелъ христосоваться съ старостой. Стоитъ онъ съ женой, съ дочерьми; стоитъ и Оля, да такая блѣдная, еле на ногахъ держится. Я поцѣловалъ и далъ ей яичко. Покраснѣла она, какъ заря румяная, и закрылась рукавомъ. Тутъ показалось мнѣ, что Оля любитъ меня, и такъ мнѣ стало весело, словно сердце хотѣло выпрыгнуть отъ радости.

У насъ всегда засылаютъ къ отцу дѣвушки, на которой хотѣтъ жениться, сватовъ, а я самъ пошелъ къ старостѣ. Прихожу, помолился, поклонился ему. «Отдай за меня свою дочку Семень Григорьевичъ!» Староста обрадовался: я былъ чуть-ли не самый богатый женихъ на селѣ. «Отчего не отдать? Отдамъ! Да только которую? Машу или Сашу!» «Нѣтъ, Семень Григорьевичъ; коли милость будетъ, такъ Олянку! Жить безъ нея не могу, руки на себя, кажись, готовъ наложить!» «Да вѣдь Оля-то у меня хвора, больная.... Неволить за тебя я ее не буду, а коли пришелся ты ей по сердцу бери!» «Да ты спроси у ней, Семень Григорьевичъ...» А самому точно что шепчетъ, что пришелся я Олѣ по сердцу. Староста сказалъ: «ну хорошо; пойду спрошу ее!» и ушелъ. А Оля сидѣла въ свѣтелкѣ, не здоровилось ей, и въ хороводы не пошла. Жду я, не знаю самъ, что со мной дѣлается: то задрожу, то покраснѣю, то поблѣднѣю. Смотрю, идетъ староста, ведетъ Олю и говоритъ: «Ну, Николай Кириллычъ, Оля полюбила тебя; будьте вы женихомъ и невестой!» И сложилъ наши руки, и заставилъ насъ поцѣловаться. Я себя не помнилъ отъ

радости, и Оля была такая веселая; только на левой щеке загорьлся у ней яркій румянецъ; Оля закашлялась, приложила платокъ ко рту, — смотрю на платокъ кровь.... Духъ у меня захватило со страху и я промолчалъ.

Помолвили насъ, и свадьбу положили играть послѣ Троицына дня. «А давно у васъ, Ольга Семеновна, идетъ кровь горломъ?» спросилъ её однажды. «Да, мѣсяца съ два; и грудь больно!» Но, не смотря на болѣзнь, Олинька всегда была такая веселая; развеселить, бывало, и меня, когда случится мнѣ раздуматься объ ея болѣзни и взгрустнется. Предчувствовала видно бѣдняжка, что недолго ей пожить, да полюбоваться на свѣтъ Божій!

Вотъ, на другой день нашего обрученья, она присылаетъ ко мнѣ маленькаго братишку, «завтра, молъ, Воскресенье, Николай Кириллычъ, пойдемте по-грибы.» Я говорю: «очень радъ.» «На другой день стою я у обѣдни, а Оля стоитъ въ уголкѣ и все молится на колѣняхъ, и все плачетъ. Думалъ, думалъ, объ чемъ-бы ей плакать? Придумать не могу. А она разрыдалась такъ, что изъ церкви вышла прежде конца обѣдни. Спрашиваю я её потомъ: «объ чемъ это вы такъ плакали за обѣдней, Ольга Семеновна?» а она засмѣялась, да и отвѣчаетъ: «все будете знать, скоро состаритесь!» Пообѣдавъ у старосты, пошелъ я съ ней въ лѣсъ.

Оля обвила мнѣ шею своей бѣлой рукой, — да и говоритъ: «Покажи мнѣ, мой ненаглядный, гдѣ умеръ твой двдушка?» У меня клень, подъ которымъ онъ умеръ, былъ замѣченъ. Я подвелъ Олю къ нему. «Вотъ гдѣ Олинька!» «Сядемъ здѣсь, я устала; не въ мочь идти больше.» Сѣли. Самъ я гляжу на нее, а сердце такъ и ноетъ: вижу, что таетъ она какъ свѣчка восковая. Видитъ она, что я грустенъ, да и спрашиваетъ: «А будешь ты плакать, коли я умру?» А у самой голосъ такъ и дрожить. Я молчу, чувствую, что заплачу, если слово выговорю. А она опять. «Также будешь плакать, какъ плакалъ объ двдушкѣ?» «Я умру, Оля, прошепталъ я, ты не оставляй меня!» Она засмѣялась «У! какой, сейчасъ и повѣрила! Нѣтъ, я жить хочу, жить буду!» Да такъ грустно это сказала, что у меня опять навернулись

на глазахъ слезы. Воротились мы въ село, я отвелъ ее до- мой и пошелъ къ себѣ. Пришла ночь. Не спалось мнѣ, по- шелъ и съѣлъ я на лавочку у воротъ. Всѣ огни въ избахъ потушли, всѣ на селѣ заснули, — не спалъ только я одинъ; тоска нашла на меня страшная, а отчего-бы кажется? «Оля любить меня, въ будущее воскресенье наша свадьба; домъ у меня какъ полная чаша, воленъ я какъ птица небесная, а тоска камнемъ давить меня: странное дѣло!» Разсуждаю такимъ образомъ, вдругъ идетъ ко мнѣ Оля. Я ее оклик- нулъ — не отвѣчаетъ. Только взглянула на меня, да усмѣх- нулась, а сама такая блѣдная, да прозрачная, что видно ее на сквозь. «Куда-бы это она шла?» подумалъ я, и побѣ- жалъ за ней, а ея ужъ и слѣдъ простылъ. Хотѣлъ было идти къ старостѣ, навѣдаться, куда она пошла, да подумалъ, что вѣрно у него всѣ спятъ, а Оля ушла куда-нибудь потихоньку, такъ ее пожалуй еще разбранять, а она и такъ, бѣдненькая, чуть дышетъ. Не знаю какимъ образомъ за- спнулъ я. Вдругъ слышу кто-то толкаетъ меня, проснулся, смотрю— Олинъ маленькій братишка. «Ступай, Николай Ко- рилычъ, сестрицъ очень худо. Цѣлую ночь мы не ложились; она все бредила, металась, теперь всѣхъ узнаетъ и проситъ позвать тебя.» Я не дослушалъ его и побѣжалъ сломя го- лову. Вхожу, — лежитъ моя Олинъка. Распушены ея длин- ные косы, глаза свѣтятся будто звездочки, на щекахъ ру- мянецъ. Никогда не бывала она такъ хороша. Увидала она меня и позвала къ себѣ. Не знаю, какъ я не упалъ. Подо- шелъ. Сняла она обручальное кольцо съ пальца, и говоритъ: «Вотъ тебѣ назадъ твое кольцо, мое солнышко! забудь меня, не плачь, не горюй обо мнѣ!... Мнѣ трудно было жить на свѣтѣ, грудь мѣшала мнѣ жить! Все ныла она у меня и болѣла, а последнее время стало мнѣ еще хуже, да только я ничего не говорила: жаль было тебя! Теперь прощай, не поминай меня лихомъ! Да еще, ненаглядный мой, краса- вецъ мой, успокой меня, дай хорошо умереть! Общай мнѣ, что женишься на сестрѣ моей, Сашѣ. Она давно любить тебя я про- то узнала вчера печально..» Я не отвѣчалъ. Не могъ я, даже для ея спокойствія, общаться взять ея сестру за себя. Она

покачала головой, подозвала къ себѣ мать, отца, сестеръ, брата и простилась съ ними. Потомъ простилась и со мной, и надѣла на руку Сашѣ свое обручальное кольцо. Потомъ улыбнулась, точь въ точь, какъ въ прошлую ночь, когда проходила мимо меня, перекрестилась и отдала душу Богу. Тутъ только понялъ я, что не Олиньку видѣлъ я ночью, а душу ея.— Мать, отецъ, все родные плакали объ ней, — не плакалъ только я. Стали пѣть панихиду, я сталъ въ углу и крестился, не понимая, что дѣлаю. Положили Олю въ гробъ; а я все еще не вѣрилъ, что она умерла. Она лежала точно живая, и ее долго не хоронили, думали, что обмерла. На третій день посинѣли у ней губы, а на четвертый понесли ее въ церковь и отиѣли. Я все таки не плакалъ. Стали прощаться, я то же простился. Всѣ дивились мнѣ, называли деревомъ. Заколотили Олю и понесли на погостъ. Я посмотрѣлъ на гробъ и засмѣялся. Зарыли ее, отслужили панихиду и пошли поминать, а я остался на свѣжей Олинькиной могилѣ. Напрасно звали меня поминать, — я не шелъ, хотѣли было отвести силой, но я растолкалъ всѣхъ. Наконецъ меня оставили и разошлись. Тутъ только понялъ я, что никогда больше не увижу моей невесты, и мнѣ стало тяжело и страшно. Слезы, можетъ быть, спасли бы меня; дѣдушка говаривалъ, что отъ слезъ горю легче, но я не могъ плакать — и помѣшался....

Не знаю долго-ли пробылъ я помѣшаннымъ. Говорятъ года два, но мнѣ кажется, что больше. Все жилъ я въ лѣсу, да на Олиной могилѣ. Сдѣлался такой страшный, худой: щеки ввалились, глаза тоже, обросъ весь волосами, а одежда стала лохмотьемъ. Бывало играю съ ребятишками, щелкаю орѣхи, валяюсь въ грязи. Забылъ, какъ зовутъ меня, забылъ, что и Оля была на свѣтъ.... Въ праздникъ все село, бывало, надо мной смѣется, и я, не понимаю ничего, а тоже смѣюсь.

Вотъ какъ-то схватилъ я передъ Святой лихорадку, (помѣшанный, разумеется, не поберегся) и сдѣлалась у меня горячка: на стѣны бросался, вотъ до чего дошло! Думали, что умру, какъ звѣрь какой нибудь, безъ покаянія, не узнавая никого, но молодость взяла свое: полегчало немного.

Разъ лежу я, пришелъ въ себя, и слышу, — звонять къ заутренѣ. Это было Свѣтлое Христово Воскресенье. Моя изба была какъ разъ возлѣ церкви, и вижу я: идутъ со свѣчами, ноютъ, образа несутъ. Я всталъ и поднялъ окно, на меня пахнуло весеннимъ воздухомъ и услыхалъ я: «Христось Воскресе!» Тутъ я все вспомнилъ, что и Оля умерла давно, давно, что и я когда-то христосовался съ ней въ Свѣтлый праздникъ: все вспомнилъ, — и заплакалъ, и сталъ молиться.

Вотъ пришелъ ко мнѣ христосоваться и староста съ семействомъ. А онъ всегда ходилъ ко мнѣ, со смерти Оли, и носилъ мнѣ куличъ, и пасху, только прежде я никогда не узнавалъ его. И видятъ они, что я плачу. Стали они со мной христосоваться, подошла и Саша, такая худая, и вижу я Олинъкиво кольцо на рукѣ у ней, и стало мнѣ её жалко, и вспомнилъ я зарокъ моей невесты — жениться на ея сестрѣ. Она покраснѣла и говорить: «Христось воскресъ, Николай Кириллычъ!» Я поцѣловалъ её, да и говорю: «А помните. Александра Семеновна, Олинъкинъ зарокъ?» Всѣ и рты разинули. Я-же совсѣмъ забылъ, — или даже и совсѣмъ не зналъ, что былъ сумасшедшимъ. Когда я помѣшался, то забылъ все, что было прежде, такъ и теперь, когда выздоровѣлъ со всѣмъ забылъ, что былъ безъ разума. И показалось мнѣ, что какъ будто вчера умерла моя Олинъка и завѣщала мнѣ жениться на своей сестрѣ.... Скоро всѣ узнали, что я, слава Богу, выздоровѣлъ. А я то, бывало, такъ какъ вспомню, что Оля умерла, — плачу, плачу, и все служу по ней панихиды. Не забылъ я также и ея просьбу: и помолвили меня съ Сашей. А Саша была хороша, и на свою покойную сестру похожа не много, только черноволосяя, да черноглазая. И какъ любила она меня, какъ рада была нашей помолвкѣ! Смотрить, бывало мнѣ въ глаза, да смѣется отъ радости, да краснѣетъ. Славная была дѣвушка! Я старался всегда быть при ней веселымъ и не поминать объ Олѣ, да она сама заговаривала и часто звала меня къ ней на могилку.

Женился я. Свадьбу отпировали весело, а на другой день пошли къ старостѣ. Гляжу ушла куда-то жена, а домой

надо идти; искалъ её, искалъ по селу, а на могилу-то совѣстно идти. Пожалуй ея тамъ нѣтъ, и обидиться, и подумаетъ: ишь, отъ молодой жены, бѣгаетъ на могилу! Смотрю, идетъ наконецъ Саша, скучная, расплаканная. «Откуда?» спрашиваю; не говорить, отвернулась. «Откуда-же?» присталь я. «Отъ сестрицы Ольги.» Поцѣловалъ я Сашу крѣпко, и, съ той поры полюбилъ ее.

Жили мы счастливо. Черезъ годъ родилась мнѣ дочка, вылитая покойница Оля. Мы ее назвали Ольгой.

Оля была преумная, пресмышленная дѣвочка; я, бывало, наглядѣться на нее не могу. Еще черезъ годъ родила Саша сына—Ивана. Все у меня спорилось: домъ первый на селѣ, жена—красавица души во мнѣ не слышитъ, дѣтки, точно Ангелы Божьи, всѣ любятъ на нихъ, Благословеніе Божье было надо мной, за то, видно, что я свято хранилъ зарокъ данный дѣду: во всю жизнь мухи не убилъ. И жили мы такъ лѣтъ съ шесть. Олъ минуло 5 лѣтъ, а Ванѣ 4-ре. Вотъ разъ приходитъ тестъ звать къ себѣ на именины, а именинникъ-то онъ былъ на Симеона Богопримца. Мнѣ не здоровилось что-то, да и идти не хотѣлось, а жена пристаётъ: пойдёмъ, да пойдёмъ, а то батюшка обидиться! Пошли и дѣтей взяли. Весело было у тестя! Попойка страшная! Пѣсни, хороводы затѣялись. И я повеселялъ, собралъ молодежь, сказки сталъ сказывать, да такія смѣшныя, что парни, дѣвки и молодки со смѣху помирали; смѣялась немало и жена, а Оля съ Ваней играли съ ребятишками въ старостиныхъ сѣняхъ; сѣни - то у него были большія. Домой мы пошли чуть-ли не въ полночь. Иду домой, Олю несущу на рукахъ, а она и шепчетъ мнѣ: «горлышко, тятя, болятъ!» и горячія такія у ней рученки. Принесъ я ее въ избу, положилъ подъ образа. Все проситъ она пить, и все не напьется. Головка точно въ огнѣ горитъ, а въ горлѣ точно хрипитъ что. Малины далъ ей напиться, виномъ всю вытеръ. «Да что, Олинъка, отчего горлышко-то у тебя заболѣло?» спрашиваю ее. «Да вотъ видишь-ли, тятя, играла я съ ребятками въ сѣняхъ, набѣгались мы, вспотѣли, я и попросила пить. Дали мнѣ квасу,

да такого холодного. Я пила, пила, горлышко и заболело! Хотѣлъ я ей поставить горчицы; все село обгаль, вѣтъ нигдѣ! Цѣлую ночь металась и бредила Оля, а къ утру поутихла и заснула. Я измучился, прилегъ около нея, и тоже началъ было засыпать—вдругъ, слышу, закричала моя Оля, потомъ захрипѣла. Я вскочилъ, подбѣжалъ къ ней, а она ужъ и не дышетъ. Я такъ и гранулся оземь, плакалъ, плакалъ.... Жена тоже плачетъ горько, еще пуще душу раздираетъ.... Да что и говорить, баринъ мой хорошій! Пошло на меня горе за горемъ. Жена сдѣлалась больна, цѣлый годъ прохворала, а потомъ въ Ольгинъ день пошла, больная, отслужить панихиду по сестрѣ и дочери, а день-то былъ сырой, дождливый; ноги промочила, расхворалась еще больше, а черезъ мѣсяць и душу Богу отдала! Остался я какъ бобыль какой! Только и радости, что слыть. Но видно не на радость, а на новое горе далъ мнѣ его Господь: буянъ и неслухъ былъ онъ страшный! Бить я его не билъ, а бывало все старался лаской, все уговаривалъ — не умиається. Я его хочу за работу, да за ученье присадить, а онъ и говоритъ: «И, тятенька, малъ я еще, глушь! Гдѣ мнѣ работать, гдѣ мнѣ учиться!» А самъ мальчикъ 14 лѣтъ и преумный. А тутъ еще горе: пришелъ къ намъ Французъ. Выжегъ онъ все село и деревни, чрезъ которыя проходилъ въ нашей сторонѣ, но людей не тронулъ, Вѣдало насъ зло: по міру вѣдь должны были идти! Все выжегъ, поганый нехристь! А нашъ баринъ въ ту пору былъ въ соседней деревнѣ, ратниковъ набиралъ. Пошли къ нему мы всѣмъ міромъ; взяли косы, топоры, рогатины и просимъ слезно: «Баринъ батюшка, будь милостивъ: возьми и насъ въ ратники: бить хотимъ Француза!» И баринъ сказалъ: «Будь по вашему! Пойдемте бить Француза!» Ну, и начали! Засядемъ, бывало, въ лѣсъ, а отрядъ ихъ, окаинныхъ, и идетъ; вотъ и бросятся на нихъ наши, и пошла потасовка!... Иной разъ поколотятъ нашихъ, а иной самимъ такъ жарко станеть, что только давай Богъ ноги! Я никогда неходилъ на охоту: это такъ наши молодцы называли свои схватки съ басурманомъ. Разъ какъ-то стоялъ я на часахъ, да до-

раздумался, дѣда вспомнилъ. Вотъ, молъ, говорилъ покойникъ, не налагай руки на тварь, не проливай крови Божьяго созданья! И зарокъ съ меня взялъ, и не переступалъ я того зарока, а Богъ не благословилъ меня! Сперва умерла невестка, потомъ любимая дочь, тамъ жена. Сынъ никуда не годенъ, изба сгорѣла, мѣзье тоже. И взяло меня зло: пойду-же, думаю, завтра на басурмана, побью его, проклятаго, отведу душу. Пошли на утро наши въ засаду, пошелъ и я съ ними. Сидимъ за кустами и видимъ: плутъ Французъ — мы на нихъ! Сперва ихъ будто что ошеломило, такъ удивились, а потомъ и бросились на насъ — мы приняли ихъ на рогатины. На мою долю пришелся такой худенькій, да молоденькій, годковъ 18 небольшие. Я было хотѣлъ его пырнуть ножомъ, да взглянулъ на него — лежитъ онъ и милости не просить; вспомнилъ я просьбу дѣда и подумалось мнѣ: «Кому же ты зло-то дѣлаешь! Вѣдь если не ты, такъ его убьетъ другой! Вѣдь это ты зло дѣлаешь своей душѣ, да дѣдовой!» И пустилъ его на всѣ четыре стороны. Французъ не сказалъ ни слова, но только взглянулъ на меня такъ, что душа моя обрадовалась будто невестъ чему, и показалось мнѣ, что сдѣлалъ я добро и для дѣдушкиной души, что лучше это для нея всякой панихиды. Съ той поры держалъ я караулъ, варилъ кашу и никогда не ходилъ въ засаду. Наши свѣялись надо мной, трусомъ называли, а я только отмалчивался, и никому не сказалъ объ зарокѣ. Пожалуй еще, подумалъ я, надъ дѣдомъ смѣяться будутъ! Басурмановъ выгнали изъ Москвы и все пошло своимъ чередомъ. Баринъ у насъ былъ добрый и на обстройку далъ. Сталъ я работать, сынъ подросъ, дурь съ него не много сошла, угомонился, помогать мнѣ сталъ. И такъ жили мы помаленьку. Я старѣлъ, сынъ росъ и сталъ молодцомъ. Былъ ему годъ этакъ 20-й, когда онъ задумалъ жениться. Приходитъ ко мнѣ и говорить: «Благослови меня, батюшка, жениться хочу,» а я: «на комъ?» «Да на дочери Гаврилы Иваныча!» А Гаврила былъ нашъ сосѣдъ. Зналъ я, и очень любилъ его дочь — Катю. Не то, чтобы хороша она была, да такая умница, тихая, работница. «Да точно ли она тебѣ нравится, Ванюша?» «Очень, батюшка!»

«Ну, Богъ съ тобой! Пойду сватомъ къ сосѣду Гаврилъ.» Прихожу. «Богъ въ помочь, Гаврила Иванычъ?» «Богъ въ помочь, Николай Кириллычъ?» Сѣли, говоримъ о томъ, о сѣмъ, я и началъ: «А я къ тебѣ сватомъ, Гаврила Иванычъ; у тебя есть товаръ, у меня купецъ: отдай свою Катю за моего Ивана.» Сосѣдъ согласился, поладили, да и обвѣнчали. Свадьба была превеселая. Стали молодые жить, да поживать. Катя правомъ была настоящій Ангелъ. Два года жили они такъ хорошо, что дай Богъ всякому! Родились мнѣ внуки—два мальчика, да скоро умерли. Катя плачетъ, ей жаль; а Иванъ мой и ухомъ не ведетъ. «Очень радъ, говорить, съ дѣтьми только лишнія хлопоты. Да имъ-же и лучше тамъ! Самъ ты, батюшка, говорилъ это вчера Катъ, когда она плакала.» И такъ, два года жили они хорошо. На третій сталъ мой Иванъ пить, а пьяный-то буянить, ругаетъ всѣхъ, бить началъ жену. Она, голубушка моя, все молчитъ, не пожалуется никогда. Бывало, бьетъ онъ ее, а она-то боится, чтобы я не увидалъ, и просить его: «Бей меня сколько хочешь, да только не при свекрѣ! И такъ много у него горя, а тутъ узнаетъ про сына роднаго, что пьяница и жену до полусмерти валаетъ, каково ему, сердечному, будетъ!» А пусть увидитъ! Боюсь я его!» Все это я слышу; сердце-то у меня ноетъ, разрывается; да что будешь съ нимъ дѣлать? И уговаривалъ я его, и грозилъ ему, и просилъ, а онъ все хуже, да хуже. Къ Троицъ мы съ Катей пошли помолиться за него, грѣшнаго, а онъ безъ насъ куръ даже всѣхъ въ кабакъ переносилъ, до того дошелъ! Я и рукой махнулъ.

Сперва-то жили мы вмѣстѣ и тягла вмѣстѣ обрабатывали, а тутъ я отдвинулъ его. Стали у нихъ дѣти родиться. Теперь-бы Катя и рада была ихъ перехоронить, — бѣдность страшная, — да не мрутъ. Избенка-то у нихъ была сдѣлана кое-какъ, и ужъ покачнулася на сторону. Лошадь пала, корову продали; землю онъ обрабатывать не хотѣлъ, а батрака нанять не на что. Сталъ было я имъ помогать, да горе съело у меня силу. Жаль стало Катю и внучатъ, опять взялъ я ихъ къ себѣ. Сдвѣлся я разъ боленъ, Катя ходила за мной какъ дочь родная, а Иванъ тѣмъ временемъ увелъ корову, продалъ въ другое село, да и сталъ гулять

на вырученныя денежки. Катерина видитъ, что корова долго не идетъ, пошла къ пастуху, — а пастухъ и говоритъ ей: «да твой мужъ за ней приходилъ.» Нашла въ кабакъ мужа: — «Гдѣ корова?» «Какая корова!» «Извѣстно свекрова! Свою-то ты вѣдь пропилъ!» — «Знать не знаю, вѣдать не вѣдаю!» «А деньги гдѣ взялъ?» «На улицѣ нашель!» А его друзья—пріатели какъ захохочуть, да и начали Катю виномъ подбивать. Заплакала, бѣдная, пришла ко мнѣ, такъ и такъ говорить. «Ну, что дѣлать, Катя, Богъ съ нимъ!» говорю я. Потомъ свелъ онъ потихоньку и другую корову, а деньги пропилъ; лошади три были—всѣ пали. «Что горе-то мыкать, подумалъ я, онъ вѣдь не дитя какое неразумное! Добра отъ него ждать ужъ нечего!» Поцѣловалъ Катю, внучать малыхъ, отпросился у барина на оброкъ и пришелъ въ Москву. Баринъ, тятенька вашъ, взялъ меня въ дворники; и служилъ я ему покуда хорошо; да пришло новое горе: староста то, мой свать, умеръ и выбрали на его мѣсто другаго. Сынъ съ новымъ-то не поладилъ, да и недомка за нимъ была. Вотъ староста и хотѣлъ внука, кормильца всей семьи, отдать въ солдаты, не въ очередь. Помѣшала мнѣ служить барину болѣзнь проклятая! Что я теперь?словно щепка какая ненужная, — работать не могу! А вѣдь мнѣ только еще съ небольшимъ 60 лѣтъ. У насъ на селѣ въ 60-то лѣтъ есть много славныхъ работниковъ, а я на что похожъ, куда гожусь? Эхъ, баринъ! Не старость сгорбила и засушила меня, а горе лютое!» Такъ заключилъ старикъ свой разсказъ.

Наступила осень и дѣдушка, не смотря на запрещеніе батюшки, не смотря на то, что былъ новый дворникъ, сталъ снова работать въ саду. Часто уставалъ бѣдный дѣдушка и садился отдыхать на лавочку, и работая кряхтитъ, бывало, охаетъ. «Что это ты мучаешься, голубчикъ—дѣдушка! Ступай отдохни!» скажетъ ему мамаша. «И, барыня матушка! И такъ даромъ ѣмъ вашу хлѣбъ-соль, да ужъ и листьевъ не расчисить! А барышня вонъ лягушекъ боится. Ну что если онъ заберутся въ листья, что будетъ съ ней, сердечной, какъ прыгнетъ на нее зеленоглазая? А вотъ я листья-то расчищу, они и

уберутся опять въ прудъ.» И дѣдушка снова начиналъ работать и снова уставалъ.

Зимой прїѣхалъ къ нему сынъ. Въ первый разъ увидалъ его дѣдушка, съ тѣхъ поръ какъ жилъ у насъ. Иванъ былъ высокій, статный мужикъ, но волосы его мѣстами уже совершенно посѣдѣли, лице было у него красное, почти багровое; всѣ черты лица и глаза были чрезвычайно сходны съ дѣдушкиными. Словомъ, онъ былъ-бы очень хорошъ, если бы не багровый цвѣтъ лица, — печать пьянства. Дѣдушкѣ старикъ забылъ все горе, причиненное ему сыномъ, бросился къ нему на шею, разцѣловалъ его, и я видѣла, что многихъ усилій стоило ему не заплакать. Сынъ то-же, кажется, былъ радъ видѣть отца. Когда старикъ не много поуспокоился, то увелъ сына въ свою комнату. Оказалось въ послѣдствїи, что Иванъ прїѣзжалъ за деньгами. Дѣдушка, не смотря на неоднократныя обѣщанїя самому себѣ никогда не давать Ивану денегъ, разжалобился и отдалъ почти все, что успѣлъ скопить, оставивъ для себя какую-то малость. Черезъ 2 дня Иванъ уѣхалъ обратно въ деревню. Прошла недѣля, — отъ сына нѣтъ никакого извѣстїя! Дѣдушка, всегда писавшїй самъ въ деревню, попросилъ меня написать къ сыну, говорилъ, что совсѣмъ ослѣпъ и самъ писать не можетъ. Ему хотѣлось узнать, какъ поступилъ сынъ съ деньгами, хороша-ли у него новая лошадка и можно-ли на данныя деньги поправить и избу? Письмо было отослано, но отвѣта онъ не получалъ цѣлый мѣсяцъ. Тоска нашла на дѣдушку; ходилъ онъ точно самъ не свой. «Что, дѣдушка, опять вѣрно у тебя горе!» Тутъ дѣдушка, скрывавшїй, что отдалъ сыну деньги, рассказалъ мнѣ все: «Да что, барышня, прибавилъ онъ въ заключенїе, боюсь я, не обманулъ-бы меня мой Иванъ? Ну какъ прогуляетъ онъ мой деньги? Вѣдь не денегъ мнѣ жаль, а внучать жаль! Вѣдь это я для нихъ берегъ, а онъ умаслилъ, да почти все и взялъ!» Наконецъ дѣдушка получилъ письмо и страшно обрадовался. Надѣлъ очки, сталъ читать ... но горько было разочарованїе бѣднаго старика! Ему писала невестка, что Ивана, послѣ его прїѣзда изъ Москвы, она почти и не видала, что только показалъ онъ ей деньги,

да сказать: «теперь прощай, то-то загуляю!» Да и былъ таковъ! А имъ по прежнему есть почти нечего, и если-бы не старшій сынъ Николая, тотъ самый, котораго хотѣли отдать въ солдаты, то давно бы ей съ малыми дѣтьми нужно ити по міру. Горько заплакалъ дѣдушка, когда кончилъ письмо. У меня сердце разрывалось отъ жалости. «А вѣдь какъ просилъ-то, говорилъ онъ въ раздумьи, качая головой, какъ просилъ! Не для себя, говорить, а для дѣтей, да для жены, вѣдь есть имъ нечего, батюшка! А самъ, говорить, и пилъ теперь оттого, что взялся нечѣмъ. А вотъ какъ будутъ деньги, да все исправлю, клянусь, говорить, въ ротъ не возьму проклятаго вина! Повѣрилъ, ей Богу, повѣрилъ, старшій дуракъ! Да вѣдь жаль, вѣдь сынъ онъ мнѣ родной! Да только-бы мнѣ Катю отослать, а я-то, съ дуру, отдалъ ему въ руки.» И долго горевалъ дѣдушка, но старался казаться веселымъ, говоря, что слезами горю не поможешь. Но горе было сильнѣе его усилій: дѣдушка исхудалъ, какъ спичка, едва ходилъ и всю зиму прохворалъ. Когда бывало батюшка подарить ему денегъ въ праздникъ, то, онъ не беретъ и обыкновенно говорить: «Вы, баринъ, не давайте мнѣ, старому дураку денегъ! А, если милость будетъ, то перешлите, по почтѣ, невѣсткѣ съ внучатами, а я, глупый, опять пожалуй брошу ихъ на вѣтеръ!» И батюшка, жалѣя старика, посылалъ деньги его внучатамъ.

«Вѣдь не то, барышня, мнѣ больно, что обманулъ онъ меня, сказалъ онъ мнѣ онаяжды, Богъ съ нимъ! Отъ него я ужъ ничего не жду кромѣ горя, да горько мнѣ то, что внучатамъ то есть нечего; и все виновать я: отдалъ ему избу, все обзаведеніе, деньги, которыя успѣлъ скопать, а имъ, бѣднѣмъ, не осталось ровно ничего... Богъ меня накажетъ за это, барышня! Вѣдь зналъ я его, зналъ, что вретъ, — не исправится; да плачетъ, просить. Вѣдь сынъ родной. Думаю: «Авось!» да и отдалъ. Охъ, матушка-барышня моя хорошая, какъ тяжело-то мнѣ! На свѣтъ-бы не глядѣлъ!»

Настала весна. Дѣдушка какъ будто сдѣлался повеселѣе, и когда установилась хорошая погода, дѣдушка поправилъ скамеечку подъ вербой, расчистилъ дорожки и звалъ меня въ садъ. Я вышла и, прежде всего, увидала на вербѣ за-

падню и въ ней трехъ чижей. А дѣдушка обрывалъ съ вишни сухія вѣтки и старался показать, что не замѣчаетъ меня. Я обрадовалась чижами, которыхъ очень любила, но болѣе всего тронула меня заботливость дѣдушки. Я вспомнила, что и прошлымъ лѣтомъ, когда хотѣли отдать въ рекруты его любимаго внука, когда онъ былъ боленъ, то все таки поставилъ западню и поймалъ мнѣ синицу. «Барышня голу-бушка!» сказалъ онъ мнѣ, когда я его поблагодарила: «Хочу я у барина въ деревню проситься; какъ ты думаешь, пустить?» «Разумѣется пустить. Да не хочешь ли я его попрошу?» «И радъ-бы, барышня, сердечно радъ, да видишь-ли, поймалъ я тебя чижей, такъ я боюсь, моя ясочка, чтобы не подумала ты, что я ихъ для того тебѣ поймалъ, чтобы то барина-то попросила!» «Какъ это тебѣ не совѣстно, дѣдушка, такъ думать обо мнѣ? Ты помнишь, тогда больной, и горе у тебѣ большое было, а поймалъ мнѣ синицу и другихъ вѣтвицъ послѣ ловилъ. Вѣдь не просилъ-же ты меня тогда, не просишь и теперь,—я сама вызвалась!»

«Дай Богъ тебѣ здоровья, добрая барышня!» И дѣдушка хотѣлъ мнѣ поклониться въ ноги, но я удержала его. «Не грѣхъ-ли это тебѣ, дѣдушка?» «Да я ужъ очень радъ-то, золотая моя! Такъ и тянетъ меня въ деревню. Съ прошлаго лѣта все собираюсь проситься, да совѣстно! Не дѣлаю я ничего, только вмѣ да пью. А тутъ еще по деревнямъ развѣзжать!» «Не безпокойся, дѣдушка! Папа не подумаетъ объ тебѣ ничего дурнаго, и непременно отпустить!» И дѣйствительно, батюшка отпустилъ его и далъ на дорогу денегъ. Дѣдушка началъ собираться, и хотѣлъ было идти пѣшкомъ, а деньги, данныя батюшкой ему на дорогу, отвести внучатамъ. Его едва могли уговорить. За день до его отъезда, пошла я вечеромъ въ садъ; дѣдушка опять что-то работалъ въ цвѣтникъ «Да оставь, дѣдушка, сказала я, сдѣлаютъ и безъ тебя!» «Что, барышня, можетъ быть въ послѣдній разъ удастся мнѣ поработать здѣсь!» «Отчего-же въ послѣдній? Вѣдь ты недолго тамъ пробудешь и вернешься опять!» «Әхъ, барышня, барышня! Кто знаетъ? Посмотри, какой я старый, сѣдой, сгорбленный, долго-ли свихнуться! Да и въ деревню-то ужъ больно хочется! Никогда такъ не хотѣлось, а на сердцѣ

словно камень какой лежитъ, — новую бѣду вѣрно оно чувствуетъ.» «Богъ милостивъ, дѣдушка! Сердце часто ноетъ попустому!» «Нѣтъ, красавица моя, сердце мое всегда говорить правду. Бѣда будетъ, — чувствуетъ оно!» Я замѣтила, что лицо дѣдушки омрачилось и перемѣнила разговоръ. «Когда-же ты поѣдешь, дѣдушка?» После завтра, барышня! Попутчиковъ нашель, такъ они после завтра ѣдутъ, ну и я съ ними!»

На завтра, вечеромъ, дѣдушка пришелъ прощаться съ батюшкой и матушкой, и благодарилъ ихъ со слезами «за все ихъ великія милости,» какъ онъ выразился. Потомъ спросилъ гдѣ я? Ему сказали, что въ саду и онъ отправился въ садъ. Я сидѣла, по обыкновенію, подъ вербой и читала. Дѣдушка подошелъ сзади такъ тихо, что я и не замѣтила его. Вдругъ мнѣ послышалось что кто-то плачетъ за вербой, я обернулась и увидѣла дѣдушку. «Помѣшалъ я тебя, моя барышня, да ты прости меня! Вѣдь я проститься пришелъ; да вотъ все и стоялъ, смотрѣлъ на тебя. Въ послѣдній ужъ можетъ разочекъ. И дѣдушка опять заплакалъ, заплакала и я. «Пріѣзжай къ намъ опять, дѣдушка голубчикъ! Я буду ждать тебя. А то вѣдь если ты скоро не пріѣдешь, то я пожалуй и никогда тебя больше не увижу, потому что въ Августъ меня отдадутъ въ институтъ». «Если живъ буду, то пріѣду моя ласточка, если-жъ умру — не поминай меня лихомъ!» И онъ хотѣлъ поцѣловать мою руку, но я остановила его и поцѣловала въ губы. «Прощай, дѣдушка! Да не обмани-же смотри, — пріѣзжай!» Коли живъ буду, безпрѣменно пріѣду!» И дѣдушка, взявъ въ свои исхудалыя руки мою голову, поцѣловалъ меня, перекрестилъ и сказалъ голосомъ, прерывающимся отъ слезъ: «Ты прости меня, барышня, за мою дерзость! Я мужикъ-дуракъ, да ужъ больно люблю-то тебя! Кажись Олю, дочь родную, не больше любилъ. И у насъ на селѣ говорятъ, что благословіе старика на прощаніи приноситъ счастье, кто-бы онъ не былъ, мужикъ-ли, господинъ-ли. Вотъ я и благословилъ тебя на счастье. Тутъ подошелъ къ намъ батюшка и спросилъ, зачѣмъ онъ проситъ у меня прощенія. Я не могла выговорить слова, слезы душили меня, но за меня отвѣчалъ дѣдушка. «Да вотъ за что, баринъ, поцѣловалъ я вашу дочку, да

перекрестилъ на счастье, ну и стало мнѣ совѣстно, что я, мужикъ, лгу съ благословеніемъ!» Батюшка засмѣялся и сказалъ: «Полно старина! Ты любилъ ее и она любила тебя. Ты на рукахъ еще ее нянчилъ, почему же не благословить тебѣ ее на прощанье?» Старикъ отеръ слезы, поклонился батюшкѣ и мнѣ, и ушелъ. На другой день я встала очень рано, чтобы еще разъ проститься съ дѣдушкой, но его ужъ не было. Няня сказала мнѣ, что дѣдушка еще съ вечера простился со всѣми, просилъ беречь его вербу, поправлять дерновую скамейку и расчищать передъ ней сухія листья, потому что въ нихъ можетъ забраться лягушка, а барышня боится ихъ. Поужинавъ, онъ взялъ свою котомку и ушелъ въ садъ. Дворникъ видѣлъ, что онъ молился подъ вербой, и на утро, когда онъ пошелъ за водой, дѣдушка просилъ его отпереть ворота и ушелъ.

Черезъ нѣсколько времени, батюшка получилъ на мое имя письмо. Оно было отъ внука дѣдушки. Въ немъ дѣдушка поручалъ ему сказать мнѣ, что не даромъ сердце его чуяло бѣду: что старшаго его внука отдали въ солдаты, что онъ очень боленъ, и на всякій случай исповѣдался и причастился, и что-бы помолилась я объ его смерти, да о помилованіи его грѣшной души отъ огня вѣчнаго. Батюшка, прочитавъ письмо, сказалъ: «жаль старика! Вѣрно ему ужъ не встать!» Цѣлый мѣсяцъ потомъ не было никакого извѣстія объ дѣдушкѣ.

Разъ какъ-то, въ одинъ изъ самыхъ жаркихъ Іюльскихъ дней, когда зной былъ невыносимъ, сидѣла я подъ тѣнью вербы и раздумалась объ дѣдушкѣ. Вдругъ вижу въ ворота входитъ какая-то богомолка, худая, загорѣлая, и, не нашедъ никого на дворѣ, идетъ ко мнѣ въ садъ. Я спрашиваю — кого ей нужно. «Не этотъ-ли домъ господина П.?» «Этотъ!» «Кабы вы, сударыня, сказали мнѣ, гдѣ тутъ найдти хозяйскую дочку?» «Я хозяйская дочь, да за чѣмъ тебѣ?» «Ахъ, матушка-барышня, меня просилъ зайти къ вамъ, когда буду въ Москвѣ, мой свекоръ, Николай Кириллычъ, котораго вы все звали дѣдушкой.» Я чрезвычайно обрадовалась, усадила ее, не смотря на сопротивленіе, на скамейку, и начала расспрашивать объ дѣдушкѣ, но она, не отвѣчала на мои во-

просы, развязала свою котомку и подала мнѣ Евангеліе. «Вотъ онъ вамъ, сударыня, книгу прислалъ.» «Что это значитъ?» спросила я съ удивленіемъ, вспомнивъ, какъ дѣдушка дорожилъ этой книгою—подаркомъ своего дѣда, «развѣ онъ ужь не пріѣдетъ къ намъ?»

«Не пріѣдетъ, барышня!» отвѣчала она, и голосъ ея задрожалъ. Я невольно поблѣднѣла, на глазахъ у меня навернулись слезы. «Да ужь живъ-ли онъ?» прошептала я, боясь взглянуть на богомолку. «Померъ, барышня моя милая, померъ!» Отвѣчала она рыдая. Въ это время въ садъ вошла мамаша. «Что это за женщина?» спросила она меня. «Дѣдушка умеръ!» отвѣчала я, плача. Тутъ богомолка начала рассказывать мамашѣ, кто она, откуда и зачѣмъ пришла. И матушка, и батюшка, много жалѣли добраго старика; я-же была неутѣшна. Я еще не теряла никого изъ людей близкихъ мнѣ или любимыхъ мной. Никогда мнѣ не приходила въ голову мысль, что умретъ мой милый, добрый старикъ; его смерть была моею первой потерей, моимъ первымъ, истиннымъ горемъ, и потому, можетъ быть, никто его такъ не жалѣлъ, никто объ немъ такъ не плакалъ, какъ его маленькая любимица!

Богомолку начали спрашивать, какъ онъ умеръ и когда. «Да ровно черезъ день послѣ того, какъ послалъ вамъ письмо. На другой день, послѣ письма, ему немного полегчало. Пошелъ онъ, отслужилъ панихиду по невѣсткѣ, дочери и женѣ; приходитъ съ погоста взмученный такой. «Ты-бы легъ, батюшка!» говорю я. Послушался-легъ, и говорить мнѣ, да такъ тихо, такъ тихо, что едва разслышишь. «Катя, а Катя, поди-ка ко мнѣ!» Я подошла. «Вотъ, Катя, видишь эту книгу, говорить; ты хотѣла, говорить, этимъ лѣтомъ идти къ Троицъ. Пойдешь-то ты Москвою въ Крестовскую заставу, такъ недалеко будетъ занести ее моею барышнѣ.» А ужь я знала какой барышнѣ и куда: онъ мнѣ и прежде и въ послѣдній разъ, какъ былъ, все говорилъ объ васъ, да и письма-то я посылала сюда же. «Да ты-то, батюшка, вѣдь самъ хотѣлъ ѣхать!» промолвила я. «Раздумалось что-то, Катя!» сказалъ онъ, да и усмѣхнулся такъ грустно, такъ грустно, что меня точно что ущемило за сердце. На другой день, послѣ этаго, говорить мнѣ рано поутру: «Я пойду, Катя, до могилы; помолюсь, говорить, тамъ;» а онъ всегда на мо-

гилахъ мѣлился, потому что погость-то близехонько отъ насъ. «Скоро ты придешь, батюшка?» спросила я. «Скоро, Катя!» да поцвловалъ меня и перекрестилъ, перецвловалъ и моихъ дѣтокъ, и говоритъ намъ: «Пусть васъ Богъ благословить, какъ благословляетъ старый дѣдъ,» и ушелъ. Ждемъ мы его обѣдать—не идетъ. Я думала не зашелъ-ли куда; и пообѣдали мы одни. Ужь и смеркаться начало, а свекра нѣтъ, какъ нѣтъ. Пошла я его отыскивать по всему селу. Больной, думаю, не случилось-бы чего съ нимъ! Иду я черезъ погость-то, и вижу, что стоитъ онъ на могилкѣ на колѣняхъ и молиться. Я подошла поближе. «Батюшка, говорю, домой пора; роса на землю пала, холодно!» Не отвѣчаетъ свекоръ и не оборачивается. Я подумала, что онъ тугъ на ухо, и не слышитъ меня, и хотѣла взять его за руку,—смотрю, а —рука-то окостенѣла, — свекоръ умеръ. Закричала я, заплакала, прибѣжала въ деревню, призвала сосѣдей, ну и принесли его въ избу, да на третій и порохонили. «А Иванъ плакалъ?» спросила я. «Мужъ-то мой? И матушка, куда ему плакать? Едва отыскали проститься съ отцомъ, а тамъ опять ушелъ, да напился; съ горя, говорить!»

А хорошо похоронили дѣдушку? «Да чѣмъ было хорошо, похоронить-то? Собрала кой-что на сѣль, да тѣмъ и похоронила.» «Да ты бы прислала къ намъ! Батюшка очень любилъ дѣдушку, и вѣрно съ удовольствіемъ далъ-бы ему на похороны!» «Да кого было мнѣ прислать-то, барышня милая? Не къмъ вѣдъ мнѣ взяться-то? Да и свекоръ еще когда не посыпалъ къ вамъ письма, какъ только причастился подозвалъ меня къ себѣ и крѣпко на крѣпко запретилъ посыпалъ къ вамъ, когда умереть.»

«И такъ, говоритъ, много милостей видѣлъ я отъ нихъ, а те еще и на похороны давай! Нѣтъ говоритъ, голубка—Катя, послѣдняя моя будетъ воля и послѣдняя моя къ тебѣ просьба: не посылай просить къ моему доброму барину мнѣ на похороны!» почти зарокъ взялъ съ меня, ну я и не послала.

Богомолка отдохнула у насъ, и, вечеромъ, не смотря на мою просьбу остаться ночевать у насъ, поплелась потихоньку къ Троицъ.

Л. П.—ВА.

КАЛЛИСТРАТЪ ИВАНЫЧЪ.

ИЗЪ ВОСПОМИНАНІИ МОЕГО ПРІЯТЕЛЯ.

ПОВѢСТЬ.

(Посвящена графу Александру Карловичу Сиверсу).

Глава I.

Я былъ круглымъ сиротой, когда, лѣтъ двадцать тому назадъ, окончилъ курсъ наукъ въ N—ской губернской гимназіи.

Отецъ мой, въ послѣднія минуты своей жизни, поручилъ меня своему близкому родственнику, пожилому холостяку, отставному ротмистру Петру Кузьмичу Калибердѣ, которому, до моего совершеннолѣтія, передалъ въ полное и безъотчетное распоряженіе небольшой нашъ хуторъ съ усадьбой и нѣсколькими десятинами лѣса. Хуторокъ этотъ, по прозванію Бабунинь, лежалъ верстахъ въ восьмидесяти отъ губернскаго города N, и въ тридцати отъ уезднаго нашего городка Небрывалаго.

Двоюродный дядя мой Петръ Кузьмичъ души во мнѣ не слышалъ, и любилъ, какъ собственнаго сына; тѣмъ не менѣе однакожь, желая прежде всего воспользоваться давно ожидаемой свободой, я, получивъ аттестатъ, не слишкомъ торопился въ свой хуторъ, хотя бричка и тройка лошадей были уже присланы за мною.

На первыхъ порѣхъ нанялъ я себѣ небольшую квартиру, и поспѣшилъ заказать лучшему въ городѣ портному статское платье самаго послѣдняго фасона. Однакожь, въ ожиданіи пока оно будетъ готово, я не рѣшался выходить на улицу, узнавъ, что въ городъ N пріѣхалъ близкій нашъ сосѣдъ, помещикъ Каллистратъ Ивановичъ Мійборода: мнѣ страхъ какъ

не хотѣлось встрѣтиться въ моемъ гимназическомъ костюмѣ съ дочерью нашего сосѣда, хорошенькой Маргаритой, окончивавшей въ то время свое воспитаніе въ пансіонѣ мадамъ Ларошъ, единственномъ въ цѣломъ городѣ. Я живо еще помнилъ, какъ мой красный воротникъ вызывалъ неразъ плутовку Маргариту на самыя злыя насмѣшки надо мною, и не могъ никакъ забыть, какъ она, гуляя со мною въ послѣдній разъ въ березовой рощѣ въ Каллистратовкѣ (въ деревнѣ Каллистрата Иваныча, всего черезъ рѣчку отъ нашего хутора), въ то время, когда я робко и несвязно начиналъ намекать ей про мою пламенную любовь.... она разсмѣялась такъ звонко, что мнѣ стало даже какъ-то неловко, и, указывая своимъ крохотнымъ пальчикомъ на мой красный воротникъ, назвала меня, негодная дѣвочка, молокососомъ. Этого еще мало! Когда я, разсердившись за это обидное названіе, невѣжливо бросилъ ее въ рощѣ, и, заложивъ руки въ карманы, надменно сталъ шагать по направленію къ Каллистратовкѣ, насвистывая что-то сквозь зубы, она, эта злая дѣвчонка Маргарита, пустилась за мною въ-догонку, и, хохоча во все горло, принялась громко напѣвать мнѣ во-слѣдъ слѣдующіе преобидные стишонки, ея самую на этотъ случай придуманные:

Несносное творень!
 Гимназы ученикъ!...
 Вѣдь все твое имѣнье—
 Красный воротникъ!...

Однакожь, какъ ни былъ я золъ на шалуницу Маргариточку, все-таки нетерпѣливо желалъ поскорѣе съ нею увидѣться, а потому, лишь только портной принесъ новое платье, я тотчасъ же надѣлъ его, подвигаясь, раздушился и, довольный собою, отправился отыскивать квартиру Каллистрата Иваныча. Принявъ гордую осанку, я выступалъ по улицамъ преважно, словно индѣйскій пѣтухъ, вполне сознавая, что теперь вовсе ужъ не похожъ на молокососа.

Путь мой лежалъ чрезъ городовую площадь, очень просторную, довольно многолюдную. Мнѣ оставалось уже пройти

по ней нѣсколько шаговъ, чтобъ завернуть въ сосѣдную улицу, какъ вдругъ, оглянувшись случайно назадъ, я замѣтилъ моего стараго знакомаго Каллистрата Иваныча, стоявшаго вдали возлѣ одного огромнаго воза съ сѣномъ, и, какъ казалось, спорившаго съ мужикомъ. Въ ту же минуту у меня родилось неодолимое желаніе подсмотреть втихомолку, что подѣлываетъ и какъ ведетъ себя почтенный владѣтель Каллистратовки въ нашемъ губернскомъ городѣ. Мнѣ было хорошо извѣстно, что онъ терпѣть не могъ посѣщать всѣ вообще сколько-нибудь значительные города, по той простой причинѣ, что въ нихъ, на каждомъ почти шагу, приходилось ему получать щелчки своему самолюбію. Въ узданный городишко, на примѣръ въ нашъ Небывалый, ѣздилъ онъ еще охотно: тамъ, по крайней мѣрѣ, смѣло могъ онъ показываться на улицахъ въ своей парадной венгеркѣ, и ходить по городу своимъ величавымъ шагомъ, отнюдь не рискуя подпасть злой насмѣшкѣ какого-нибудь празднаго скалозуба....

Надо сказать, что въ послѣдній годъ моего пребыванія въ гимназій, желая прилежнѣе позаняться дѣломъ, я не ѣздилъ въ свой хуторъ ни на святки, ни на свѣтлую недѣлю, и, такимъ образомъ, не видалъ Каллистрата Иваныча цѣлохонькій годъ, въ продолженіе котораго я успѣлъ уже порядочно возмужать, и вообще немало измѣнился; Маргариточку же видѣлъ въ послѣдній разъ, когда мать ея, Меланья Сидоровна, привозила ее съ рождественскихъ святокъ изъ дому въ пансіонъ, и то, впрочемъ, самое короткое время.

Теперь, въ новомъ моемъ статскомъ костюмѣ, встрѣтившись съ нашимъ дорогимъ сосѣдомъ на городской площади, я могъ навѣрное предположить, что онъ не узнаетъ меня съ перваго разу. Я же, не смотря на отдѣлявшее насъ довольно большое разстояніе, сейчасъ же узналъ его.

Каллистрату Иванычу было уже въ то время по крайней мѣрѣ лѣтъ шестьдесятъ, но онъ все еще смотрѣлъ такимъ молодцомъ, что, просто, чудо, а это неразъ давало ему случай прихвастнуть своими физическими достоинствами. Такъ, на примѣръ, всякому, кто хоть разъ видѣлъ Каллистрата Ива-

ныча, казалось, что въ немъ росту никакъ не болѣе двухъ аршинъ и десяти вершковъ, а нѣкоторые его знакомые утверждали это какъ неоспоримый фактъ, основываясь на показаніи одного извѣстнаго въ Небываловскомъ уездѣ знатока и любителя лошадей, по прозванію Золотопупъ-Годовасенко, такъ сказать, набившаго глазъ определять съ-разу, однимъ, по видимому мимолетнымъ взглядомъ, ростъ не только жеребцовъ и матокъ, но и всякаго животнаго вообще. И вотъ этотъ-то Золотопупъ-Годовасенко сказывалъ неразъ, и со свойственной ему горячностью, что онъ «честью можетъ завѣрить, что у Мійбороды всего только десять вершковъ!» А Каллистратъ Иванычъ также горячо увѣрялъ, что въ немъ никакъ не менѣе двѣнадцати вершковъ, и въ доказательство, однажды у себя въ домъ, при большомъ стеченіи гостей, вынесъ изъ своего кабинета длинную, предлинную мѣрку, на которой, большими буквами, дѣйствительно было написано: «мѣрка росту поручика Кал. Ив. Мійбороды; снята въ 18.. году; 2 ар. 12 вер.», и показывалъ эту мѣрку каждому изъ своихъ гостей, въ полной увѣренности, что при этомъ очевидномъ, какъ говорилъ онъ, аргументъ, всякое сомнѣніе должно было разсѣяться. Но каково же было его удивленіе, когда одинъ изъ его сосѣдей, помѣщикъ Стеблянка, человекъ чрезвычайно подозрительный, преравнодушно взглянувъ на картонную мѣрку, объявилъ громогласно, что не мѣшало бы при всѣхъ проверить ростозмѣрненіе. Это неумѣстное сомнѣніе помѣщика Стеблянки, какъ и надо было ожидать, привело владѣтеля Каллистратовки въ крайнюю обиду; но, умѣя владѣть собою, онъ только взглянулъ свирѣпо на недоувѣрчиваго гостя, и сказавъ отрывисто сквозь зубы:—«стану я врать!» величественно отнесъ свою мѣрку на ея обычное мѣсто....

Помѣщикъ Мійборода былъ и въ самомъ дѣлѣ высокаго роста, необыкновенно плечистъ, плотенъ, словомъ, съ виду очень кзистъ. Отъ сознанія ли собственнаго своего достоинства, или по другой какой-нибудь причинѣ, онъ любилъ придавать своей фізіономіи какое-то величавое выраженіе, которму, однакожъ, сильно мѣшала маленькій, очень странно

организованный носъ, какъ-то некстати торчавшій къверху на самомъ своемъ кончикѣ, словно кто-нибудь щелкнулъ снизу вверхъ по этому носику, отчего кончикъ его, выпрыгнувъ изъ общаго уровня, такъ себѣ и остался на вѣки въ видѣ какой-то невзрачной шишечки. Эта, совершенно случайная, игра природы была, какъ надо полагать, исключительною причиною того, по видимому, страннаго обстоятельства, что владѣтель Каллистратовки неохотно слушалъ, а иногда и просто сердился, если при немъ заводили рѣчь о какихъ бы то ни было носсахъ, и она же служила неразъ мѣткою цѣлью для злыхъ насмѣшекъ, этихъ вѣчныхъ хохотуній, тогдашнихъ деревенскихъ барышень...

Каллистратъ Иванычъ былъ уже почти съдъ и порядочно лысъ по обѣимъ сторонамъ своего высокаго лба, хотя никакъ не хотѣлъ сознаться, что это у него лысины. — «Это у меня такъ отъ природы, говорилъ онъ обыкновенно, — совсемъ не лысина, а такъ себѣ»....

У него были большіе, умные сѣровато-голубые глаза и огромнѣйшіе усы, къ верхней губѣ подстриженные, а по угламъ рта винтообразно спускавшіеся ниже подбородка.

Вообще говоря, лицо Каллистрата Иваныча Мійбороды, быть можетъ отъ внутренняго самодовольства, всегда почти было свѣтло и какъ-то лучезарно, и весь онъ имѣлъ въ своей величавой особѣ что-то завлекательное.... такъ, по крайней мѣрѣ, говорили, знавшія его, степныя барыни.

Глава II.

Въ тотъ день, когда я встрѣтился съ Каллистратомъ Иванычемъ на нашей городской площади, онъ былъ одѣтъ въ свою любимую и парадную венгерку, съ кренделеобразно нашитыми снурками на груди. Онъ стоялъ среди воевъ съ сѣномъ, величаво опершись на большую сучковатую палку, и безпрестанно оправляя, висѣвшій у него на груди, бѣлый крестикъ.

Мой старый знакомый служилъ еще при Суворовъ и былъ когда-то храбрымъ воинъ. Онъ, по справедливости, гордился прежнею своею службою, и, при случаѣ, самъ рассказывалъ, что батюшка — Суворовъ знавалъ его лично, а однажды, вызвавъ его передъ фронтъ и ласково потрепавъ по плечу, сказалъ съ улыбкой: «Помилуй Богъ, ты Мійборода богатырь.... право, богатырь!»

Приблизившись на нѣсколько шаговъ къ Каллистрату Иванычу и втершись въ толпу, я сталъ изподтишка наблюдать за нимъ.

Закинувъ немного назадъ свою голову, онъ пристально глядѣлъ на разноцвѣтный флагъ, рѣвшій въ воздухѣ надъ большимъ досчатымъ балаганомъ, наскоро сколоченнымъ на другомъ концѣ площади.

— Э! да это должно быть комедія! вдругъ сказалъ онъ громко, и, моргнувъ своими длинными усами, торопливо пошелъ по направленію къ балагану. «Ну, посмотримъ, что ты будешь тамъ дѣлать!» подумалъ я, отправляясь вслѣдъ за моимъ знакомымъ.

Не смотря на большую толпу народа, Каллистратъ Иванычъ, ловко проталкиваясь, шелъ впередъ очень скоро. Но вдругъ какой-то усатый солдатъ, безцеремонно любезничая съ торговкой пирожками, рѣшительно загородилъ собою дорогу почтенному владѣтелю Каллистратовки, который, немного сморщивъ лобъ, принужденъ былъ наконецъ остановиться.

Остановился и я.

— Купите бо, господинъ служивый, горячихъ пирожковъ.... Ей же ей, пирожки хороши! говорила торговка, относясь къ солдату.

— Э-эхъ ты, смазливенькая! замѣтилъ тотъ, тронувъ слегка пальцемъ за щеку торговки. Право-ей, смазливенькая! добавилъ онъ, протягивая руку къ пирожкамъ.

— Купите, кавалеръ, купите! продолжала торговка, сунувъ настойчиво лотокъ съ пирогами подъ самый носъ солдата.

— А небось, красотка, хороши твои пирожки, а? лукаво спросилъ кавалеръ, заглядывая торговкѣ въ глаза, а самъ

схватилъ съ лодка одинъ пирогъ въ лѣвую руку, правую ловко обхватилъ толстую талию красавицы.

Лицо моего стараго знакомаго внезапно просвѣтлѣло, и онъ, какъ бы съ намбрениемъ обождать, чѣмъ дѣло кончится, оперся на свою сучковатую палку и выставилъ одну ногу впередъ.

Торговка, слегка отталкивая отъ себя навязчиваго солдата, продолжала упрашивать:

— Купите бо горячихъ пирожковъ! купите!

— Ужь и покупать! съ упрекомъ сказалъ неугомонный усачъ, наклонясь къ лицу торговки. — Вѣдь ты, краля, и даромъ дашь пирожковъ.... А? дашь пирожковъ даромъ? продолжалъ онъ, понизивъ голосъ, а потѣмъ, лукаво подмигнувъ глазомъ, сдѣлалъ своей собесѣдницѣ какой-то непонятный жестъ рукою.

— Молодецъ служака! вдругъ раздался веселый и звучный голосъ владѣтеля Калистратовки. — Такъ и слѣдуетъ доброму воякѣ: коли-руби да и дѣло съ концомъ!... Дай мнѣ только, братику, дорогу!

Солдатъ торопливо посторонился, и мой знакомый, расталкивая толпу, скорыми шагами пошелъ далѣе.

Лишь только мы приблизились къ балагану, Калистратъ Иванычъ, не обращая на меня никакого вниманія, тотчасъ же принялся разсматривать огромныя вывѣски, развѣшанныя при входѣ.

— Фу-у ты пропасть! да это звѣринѣцъ! сказалъ онъ громко, приподнявъ свою сучковатую палку.

— Еще-съ не начиналооъ! кажись, сейчасъ начнется-съ! почтительно замѣтилъ какой-то купчикъ, стоявшій при входѣ въ балаганъ среди многочисленныхъ и разнородныхъ зрителей, ожидавшихъ открытiя звѣринца.

— Мы подождемъ! мы подождемъ! весело сказала [мой старый знакомый, ближе еще подходя къ вывѣскамъ.

Втершись въ толпу, я еще внимательнѣе сталъ наблюдать за владѣтелемъ Калистратовки.

— Фу, ты пропасть! да здесь и слонъ есть! началъ онъ вслухъ, взявъ сучковатую палку подь мышку и радостно потирая руки.

— Эка махинище какое! продолжалъ онъ, разсматривая съ большимъ вниманіемъ нарисованнаго на вывѣскѣ слона, обхватившаго своимъ хоботомъ какого-то черномазаго негра, съ явнымъ намѣреніемъ швырнуть его подь самое небо.

— Наконецъ-то и мы слона увидимъ! сказалъ Каллистратъ Иванычъ, и, довольный своими наблюденіями, перешелъ къ другой вывѣскѣ.

— У-у! страшилище какое! продолжалъ онъ, притронувшись своею палкой до чрезвычайно какъ живо раскрашеннаго изображенія преогромной змѣи, разинувшей свою страшную пасть, изъ которой, къ ужасу боязливыхъ зрителей, торчалъ длинный, красный и раздвоенный языкъ. — Народъ, мало по малу, началъ подходить къ звѣринцу, и нѣсколько человекъ окружило моего стараго знакомаго, все еще продолжавшаго открыто высказывать свои наблюденія.

— А ты что, голубчикъ, попался, а? спрашивалъ Каллистратъ Иванычъ, передвинувъ свою палку на третью вывѣску, изображавшую разъяреннаго тигра, наткнувшагося на всемя скаку на длинную пику какого-то иноземца въ чалмѣ.

— Такъ тебѣ и надо, полосатая бестія: не ѣшь, проклятая, людей! язвительно добавилъ владѣтель Каллистратовки, и въ толпѣ послышался одобрителный смѣхъ....

— Пожалуйте, господа! ужь все готово.... пожалуйте! пискливымъ голосомъ вдругъ закричала какая-то сильно набѣленная, толстая госпожа, внезапно появившаяся въ дверяхъ звѣринца.

Толпа въ ту же минуту бросилась ко входу.

— Мадама! *же су при ун биле...* только пожалуйте, *плу вить!* сказалъ повелительно владѣтель Каллистратовки, и, получивъ билетъ, опрометью бросился къ дверямъ балагана. Взявъ билетъ, я последовалъ за нимъ.

Дверь у входа была довольно узка, и второпяхъ Каллистратъ Иванычъ какъ-то зацѣпился за гвоздь, торчавшій

въ боковой дверной перекладинѣ, отчего одинъ рядъ кренделеобразныхъ шурковъ, оторвавшись отъ венгерки, началъ болтаться на груди, не мало взволнованнаго этою непріятною нечаянностью, почтеннаго владѣтеля Каллистратовки. Онъ не вытерпѣлъ и, поспѣшно оправляясь, сказалъ довольно громко: «по дѣломъ тебѣ, старый дуракъ: не спѣши какъ оглашенный!...»

Я стоялъ въ двухъ шагахъ отъ Каллистрата Иваныча, когда открылось представленіе.

— Птица пеликанъ.... началъ однообразнымъ голосомъ одинъ изъ прислужниковъ содержателя звѣринца, замѣчательный своими огромными рыжими усами и преглушымъ выраженіемъ лица.

— Птица пеликанъ! повторилъ онъ еще громче, стоя за досчатою перегородкой, и указывая длинной тросточкой на клетку, въ которой дѣйствительно стояло два пеликана, преимущественно опустившихъ къ низу свои коллосальные носы. Пеликаны эти не совсѣмъ привѣтливо, и даже, казалось, какъ-то мрачно глядѣли на докучливыхъ зрителей.

Мой старшій знакомый стоялъ впереди всѣхъ, возлѣ самой перегородки, и, по видимому, уже успокоился послѣ непріятнаго случая съ своими кренделеобразными шурками.

— ...Набираетъ въ ротъ цѣлыя десятки маленькихъ рыбокъ, продолжаетъ тотъ же господинъ.

— Э! вотъ она птица-пеликанъ! громко замѣтилъ Каллистратъ Иванычъ, и, чтобы лучше удостовѣриться, что это были и въ самомъ дѣлѣ пеликаны, а не другія какія-либо птицы, тронулъ одного изъ нихъ за носъ своею сучковатою палкой, а когда пеликанъ, разсерженный этою неожиданною дерзостью суворовскаго богатыря, приподнялъ крылья, и, разинувъ свой большущій ротъ, зашипѣлъ, владѣтель Каллистратовки громко разсѣялся, и шутки ради, показалъ пеликану языкъ.

Многіе изъ зрителей, замѣтивъ эту невинную продѣлку моего стараго знакомаго, отъ души расхохотались, и самъ господинъ съ рыжими усами, желая скрыть невольнаго проры-

вавшийся на его глупой физиономіи веселый смѣхъ, прикрылъ рукою свой ротъ и поспѣшно перешелъ къ слѣдующей клеткѣ.

— Звѣрь двуутробка! началъ онъ опять, стараясь придать своему лицу прежнее серьезное выраженіе. — Имѣеть на брюхѣ мѣшокъ, въ которомъ носить своихъ дѣтенышей...

Каллистратъ Иванычъ, нагнувшись къ клеткѣ, окинулъ двуутробку быстрымъ взглядомъ съ ногъ до головы.

— Гдѣ же тамъ мѣшокъ? спросилъ онъ недоувѣрчиво, и, не получивъ ни отъ кого отвѣта, сомнительно покачалъ головою, проговоривъ сквозь зубы: гм! никакого тамъ мѣшка не видно... выдумалъ же Богъ знаетъ что такое!

— Крапчатая гѣна! звѣрь лютой и опасный! продолжалъ господинъ съ рыжими усами. — Когда не находитъ себѣ пищи, отрываетъ трупы изъ могилъ и поѣдаетъ ихъ....

— Ухъ, морда! замѣтилъ владѣтель Каллистратовки, погрозивъ на гѣну своею сучковатою палкой.

— Африканскій левъ... началъ было опять господинъ съ глупой физиономіей.

— А гдѣ же грива? перебилъ его нетерпѣливый Каллистратъ Иванычъ.

— Грива растетъ у него по четвертому году, а этому всего три года, относясь къ моему знакомому, добавлялъ тотъ же господинъ, а потомъ, перейдя къ слѣдующей клеткѣ, продолжалъ:

— Ихневмонъ или фараонова мышь! злѣйшій врагъ крокодила: выѣдаетъ у него яйца....

— Ишь ты, плутъ! улыбаясь, замѣтилъ Каллистратъ Иванычъ, и тронулъ слегка фараонову мышь своею палкой. Но вдругъ, какъ бы проникнутый внезапнымъ лучемъ сомнѣнія, спросилъ: — Да какъ же это?... у крокодила-то?

— Мандрилъ или лѣсной чортъ! продолжалъ господинъ съ рыжими усами, не удостоивъ отвѣтомъ любознательнаго владѣтеля Каллистратовки. — Презлое животное!

— Прямой чортъ! сушья ракалія! замѣтилъ Каллистратъ Иванычъ, погрозивъ на мандрила своею палкой.

— Бразильскія обезьяны!..

— Чтò, кусается? перебилъ мой знакомый, подходя къ одной маленькой обезьянѣ.

— Нѣтъ, она не опасна! важно отвѣтилъ господинъ съ рыжими усами и преглупой физиономіей.

Владелецъ Каллистратовки тотчасъ же приблизился къ клеткѣ и началъ ласкать обезьяну.

— У ты.. у ты.. у ти, мая махонька! у ти, каналъ-ченокъ мой, милочка моя! приговаривалъ онъ, глядя рукою обезьяну, и какъ-то особенно унѣжня свой черезчуръ басистый голосъ.

Проказливая обезьянка, вѣроятно разчувствованная ласками своего знакомаго, быть можетъ въ знакъ признательности, высунула изъ клетки свою длинную лапку, и, схвативъ Каллистрата Иваныча за оборванный снурокъ на венгеркѣ, стала тащить его къ себѣ. Такая шутливая приветливость со стороны неразумнаго животнаго видимо подѣйствовала на нѣжное сердце владельца Каллистратовки, и онъ, поспѣшно пошаривъ въ карманахъ своихъ широкихъ «невыразимыхъ», вытащилъ оттуда яблоко и кусочекъ пряника, и отдавая все это ласковой обезьянѣ, предварительно ущипнулъ ее за мордочку....

— А чтò же слонъ?... слонъ?... слонъ-то! какъ бы схватившись, внезапно спросилъ Каллистратъ Иванычъ, обращаясь къ господину съ рыжими усами, уже принявшемуся за выдвиганіе ящичковъ съ змѣями и крокодиллами.—Шутка, подавайте намъ сюда слона!

Тотъ, къ кому относились эти слова, немного смѣшался, однакожь довольно спокойно отвѣчалъ:

— Слона, господинъ, нѣту.... Слонъ на дорогѣ издохъ!

— Какъ нѣту? спросилъ мой знакомый, выпрямившись и значительно повысивъ голосъ. — Какъ нѣту слона, когда онъ нарисованъ на вашей выѣскѣ, а?

— Право, слонъ издохъ.... началъ болѣе робкимъ голосомъ господинъ съ рыжими усами.

— Да не можетъ быть! За чѣмъ же у васъ вывѣска есть, когда слова и духа нѣтъ, а? продолжалъ владѣтель Каллистратовки, грозно подходя къ этому господину.

Тотъ, попятившись назадъ и замѣтно оробѣвъ, повторилъ еще разъ:

— Ей Богу, издохъ на дорогѣ!

— Э, штуки, братъ—мусю! *се не вѣре*, то-есть ты, братику, не ври! продолжалъ мой знакомый, все болѣе и болѣе воспламеняясь.—У васъ, вѣрно слова-то вовсе и не было! вы, вѣрно, только надуваете, а?

— Вѣрно, не было! должно быть, надуваютъ! послышалось въ толпѣ.

— Хозяина слѣдовало-бъ-съ поколотить-съ! смиренно замѣтилъ какой-то купчикъ съ русой окладистой бородою.

Это живое участіе зрителей еще болѣе подстрекнуло нашего суворовскаго богатыря.

Выставивъ одну ногу впередъ, онъ рѣшался, по видимому, на какой-то отважный подвигъ, и глаза его метали молніи. Въ этомъ положеніи владѣтель Каллистратовки по-истинѣ былъ грозенъ, и всѣ зрители, съ боязливымъ любопытствомъ, взирали на величавую его осанку....

Медлить было нечего: дѣло принимало крутой оборотъ, а потому я счелъ за лучшее теперь же подойти къ моему старому знакомому.

— Каллистратъ Иванычъ! вы, вѣрно, не узнаете меня? сказалъ я, приближаясь и протягивая ему руку.

Окинувъ меня съ головы до ногъ самымъ свирѣпымъ взглядомъ, онъ сердито спросилъ:

— Вамъ что нужно, милостивый госу....

Но не докончивъ своего вопроса, вдругъ захохоталъ, и, схвативъ меня въ свои могучія объятія, притиснулъ къ своей груди съ такою силою, что я чуть было не крикнулъ отъ боли.

— Васютка! ты ли это, плутъ? Вотъ не ожидалъ тебя здѣсь встрѣтить.... право—ей, не ожидалъ! Да тебя, просто, узнать нельзя, Франтъ такой, настоящій жантилонъ, право! говорилъ мой знакомый, безпрестанно меня цѣлуя.

— Какъ это ты попалъ сюда? продолжалъ онъ, не выпуская меня изъ своихъ объятий.

— Въ твоёмъ пансіонѣ мнѣ сказали, что ты уже уѣхалъ домой...

— Да, лошади уже прѣехали за мной, отвѣчалъ я, покраснѣвъ немного.

— Какъ же это ты, братику Василю, до сихъ поръ не завернулъ ко мнѣ на квартиру, а?... забылъ что-ли, своихъ сосѣдей?

— Я сегодня только узналъ, что вы прѣехали въ городъ, отвѣчалъ я, покраснѣвъ еще болѣе.

— Ну, ладно! идемъ же теперь ко мнѣ! перебилъ Калистратъ Иванычъ, и, взявъ меня за руку, потащилъ къ выходу.

— А ты, братику, живя съ моей Маргариткой въ одномъ городѣ, за цѣлые полгода ни разу не навѣстилъ ее... молодецъ! подходя къ дверямъ балагана и грозя на меня пальцемъ, продолжалъ мой знакомый.—Постой, что-то она скажетъ тебѣ за это!...

— Да право, Калистратъ Иванычъ, началъ было я, немало сконфузясь:—мнѣ все время было некогда... да изъ пансіона насъ никуда не пускали...

— Добре, добре! знаю, знаю тебя, плуть! перебилъ онъ, приподнимая занавѣску, прикрывавшую двери балагана.

— Ужь ты, братику, какъ тамъ не вертись, а получишь отъ моей Маргаритки нагонку...

— Добраго нагоняя получишь! прибавилъ онъ, осторожно просовываясь въ дверь. Но вдругъ, какъ бы вспомнивъ что-то, приостановился на минуту, и, оборотясь къ господину съ рыжими усами, несомнѣнно еще успѣвшему очнуться отъ недавняго испуга, и робко слѣдившему за уходившимъ владѣтелемъ Калистратовки, сказалъ сердито:

— Ну, братъ—мусю! счастье твое! и, погрозивъ на него своею сучковатою палкой, вышелъ со мною изъ балагана.

Глава III.

Каллистратъ Иванычъ Мійборола давнымъ давно проживалъ уже въ нашемъ Побываловскомъ уездѣ. Сколько мнѣ было извѣстно, Каллистратовку получилъ онъ въ приданное за Меланьей Сидоровной, на которой, ужь лѣтъ двадцать, былъ онъ женатъ. Самая же Каллистратовка была, до его женитьбы, небольшой и вовсе неустроенной деревушкой, прозывавшейся, по фамилиі отца Меланьи Сидоровны, Передереевкой.

Многіе справедливо изумлялись тому примѣрному и, можно сказать, необыкновенному согласію, въ какомъ постоянно жили между собою наши близкіе сосѣди, и право, не смотря на слишкомъ тогда еще дѣтскія мои лѣта, не разъ любовался я нѣжнымъ ихъ обхожденіемъ другъ съ другомъ. Мнѣ немного страннымъ однакожь казалось, что старый мой знакомый становился особенно любезенъ съ доброю подругой своей жизни во время обѣдовъ или ужиновъ, и преимущественно, когда тотъ или другой уже приближался къ концу.

— Душечка! говорилъ, напримѣръ, Каллистратъ Иванычъ, обращаясь къ Меланьѣ Сидоровнѣ и указывая вилкой на соль: — Придвинь ко мнѣ солонку!..

А самъ, старый плутъ, очень хорошо знаетъ, что жена ни за что на свѣтѣ не придвинетъ къ нему солонки.

— Нѣтъ, голубчикъ, ужь что хочешь, а соли не дамъ! нѣжно улыбаясь, отвѣчаетъ бывало Меланья Сидоровна.

— Отчего же и нѣтъ? спрашиваетъ Каллистратъ Иванычъ, лукаво притворяясь.

— А ты и не знаешь! ласково замѣчаетъ Меланья Сидоровна, и, кокетливо покачавъ головою, добавляетъ нѣжно: — плутишка ты этакой! .

— Да мы, мамочка, не поссоримся! продолжаетъ коварный супругъ, наклонивъ голову немного на-бокъ и умильно посматривая на жену.

— Ой, поссоримся!

— Ой, нѣтъ!

— Ой, поссоримся!

— Да нѣтъ же! нѣтъ! нѣтъ! повторялъ разнѣженный владѣтель Каллистратовки, перевѣсившись на стулъ, и принимаясь цѣловать свою жену.

Въ другое время и разговоръ былъ иной.

Вдругъ моему знакомому вздумается бывало щегольнуть предъ женою своими познаніями во французскомъ языкѣ, которыми, правду сказать, владѣлъ онъ черезчуръ плохо, быть можетъ потому, что, какъ самъ онъ рассказывалъ, языкъ этотъ взялъ онъ на пугундеръ съ бою, въ стычкахъ съ проклятыми басурманами.

— *Ma шеръ; доне муа ди... ди ква!* начиналъ, напримѣръ Каллистратъ Иванычъ, относясь къ своей женѣ и указывая ей на графинъ съ квасомъ.

— Охъ, ты мой французикъ! замѣчала та, придвигая къ мужу графинъ.

Этимъ обыкновенно дѣло и оканчивалось, если хозяйка дома была, какъ говорится, не въ духъ. Но случалось нерѣдко, что подавъ графинъ съ квасомъ, она бывало и потреплетъ еще бѣлыми своими пальчиками по круглой шеѣ своего супруга. Подобная женнина ласка всегда особенно какъ-то разнѣживала владѣтеля Каллистратовки, и, въ этомъ случаѣ, склонивъ обыкновенно голову немного на-бокъ, онъ покручивалъ свои усы и съ злохитрой улыбкой обращался къ женѣ съ слѣдующимъ вопросомъ, умильно утоня свой басистый голосъ:

— *Мадамъ! ну... о журдуи ан... сабль?..*

Трудно понять, что онъ хотѣлъ сказать этой, какъ ему казалось, французской фразой, а потому и неудивительно, если Меланья Сидоровна, на подобный вопросъ, съ хитрой гримаской, всегда отвѣчала:

— Душечка! я не понимаю, что это ты говоришь...

— Эхъ, ты простота! замѣчалъ обыкновенно владѣтель Каллистратовки, принимаясь цѣловать руку жены.

— Отвѣчай: *вуй мусю... саль ву пль!...*

И когда Меланья Сидоровна, съ самой очаровательной улыбкой, повторяла послѣднія слова своего мужа, онъ неистово начиналъ хохотать, и, потирая руки, подпрыгивалъ на стуль, радуясь отъ всего сердца, что такъ ловко поддѣлъ простоту....

Вотъ еще примѣръ супружеской любви Каллистрата Иваныча.

Какъ-то вздумалось ему отростить себѣ бакенбарды въ силу того убѣжденія, что они должны были придавать его фizioноміи еще болѣе достоинства. Вздумано-сдѣлано. Бакенбарды выросли на-славу и составили предметъ особенной заботливости нашего сосѣда, подвергаясь раза два въ недѣлю самой тщательной обработкѣ бритвой, ножницами и пахучей фаброй. Сколько я могъ замѣтить, Каллистрату Иванычу немало доставляло удовольствія самое разнообразіе въ формѣ и направленіи этихъ бакенбардъ: одну недѣлю, напримѣръ, тянулись они отъ ушей прямехонько до его огромныхъ усовъ, покрывая густыми волосами обѣ его щеки; на другую недѣлю, смотришь, бакенбарды эти снизу уже подбриты и получили какую-то клинообразную форму, а въ иное время, ни съ того, ни съ сего, они съ-уживались до крайней возможности и казались издали двумя тоненькими полосками, на подобіе ленточекъ.... Однимъ словомъ, владѣтель Каллистратовки очень любилъ и нѣжилъ свои бакенбарды.

Вдругъ Меланья Сидоровна замѣтила однажды своему супругу, что бакенбарды вовсе ему не къ лицу, что они только старѣютъ его десятью годами, что лицо его будетъ даже благообразнѣе, если онъ сбрышетъ эти «несносныя» бакенбарды, и что тогда она охотнѣе станетъ цѣловать его въ гладенькія, чистенькія щечки.... На другой день бакенбардъ какъ не бывало!

Живя въ такомъ согласіи съ своею женою, нашъ сосѣдъ, по всей справедливости, не могъ под-часъ не соболѣзновать о томъ, что у него, кромѣ Маргариты, не было дѣтей, и мнѣ неразъ доставалось слышать, какъ онъ горько жаловался

моему дядь, что судьба не посылает ему давно желаннаго наследника. За то, какъ онъ любилъ свою Маргариту!...

Еще, когда она была крошечной дѣвочкой, Каллистратъ Иванычъ поминутно возилъ съ нею, нянчился по цѣлымъ часамъ, ласкалъ и баловалъ безпрестанно, и даже первый принялся учить ее трудному искусству ходить, не падая.

Въ воображеніи моемъ и теперь еще живо представляется, какъ почтенный владѣтель Каллистратовки, стоя въ нѣсколькихъ шагахъ отъ Маргаритиной кормилицы, раздвигаетъ свои руки и начинаетъ, бывало, шевелить своими пальцами, видимо зазывая въ свои богатырскія объятія крошку Маргариту, поддерживаемую своею толстою и краснощекою кормилицей.

— Ко мнѣ! ко мнѣ, малюкъ! говоритъ онъ нѣжно, обращаясь къ малюткѣ и не переставая шевелить пальцами.

Ребенокъ, шаткій еще въ ногахъ, стоитъ себѣ въ большомъ раздумьи, и, закинувъ назадъ головку, поглядываетъ на свою кормилицу, какъ бы испрашивая ея совѣта—пускаться ли въ опасный путь, или лучше остаться на мѣстѣ....

— Ну же, Маргаритка! ну же, душечка! скорѣе ко мнѣ! скорѣе!... А я дамъ тебѣ конфетку.... видишь, вотъ я дамъ тебѣ конфетку! уговариваетъ нѣжный отецъ робкую малютку, и, пошаривъ въ карманахъ, дѣйствительно вытаскиваетъ оттуда конфетку.

Завидя сладкую приманку, ребенокъ начинаетъ понемногу расплываться со стороны на сторону, и отирается, наконецъ, къ своему папѣ, переваливаясь съ ножки на ножку.

Кормилица же, стоя позади, разставляетъ свои полныя руки въ видѣ двухъ дугъ, чтобы, въ случаѣ нечаяннаго паденія, подхватить ребенка налету....

Случалось иногда, что маленькая Маргарита, послѣ долгаго размышленія, раздумывала, наконецъ, пускаться въ такое трудное и опасное путешествіе, и вдругъ, для собственной потѣхи, начинаетъ бывало присѣдать на одномъ мѣстѣ и кричать, похлопывая своими рученками: «ма-ма! па-па! ба-ба!» Тогда чадолюбивый Каллистратъ Иванычъ рѣшительно терялъ всякое хладнокровіе, и, бросаясь на злополучную Маргари-

точку, словно волкъ на барашка, схватывалъ ее на руки, цѣловалъ немилосердно, и, придерживая одною рукою, подбрасывалъ ее вверху, приговаривая: «вотъ такъ! вотъ такъ! вотъ такъ тебѣ, канашка!» И часто бѣдному ребенку отъ подобныхъ ласкъ своего папаши приходилось очень плохо, хоть плачь и кричи, и Маргариточка принималась кричать и плакать, протягивая къ кормилицѣ свои ручонки...

Но мой старый знакомый умѣлъ сейчасъ же утѣшить маленькую плаксуню.

— Чего же плакать? чего-о-о-же плакать?... чего?... чего-о? говорилъ онъ, обращаясь къ дочери и утоняя свой басистый голосъ до крайней возможности.—Смотри, вотъ я тебѣ штуку покажу.... Хочешь я покажу тебѣ штуку?...

И почтенный владѣтель Каллистратовки, надувъ свои тучныя щеки, слегка ударялъ по нимъ своими огромными кулаками, и, барабаня въ то же время пальцемъ по своей губѣ, приговаривалъ: «бурррумъ.... башки-букашки! бурррумъ.... беньки-букеньки!... агу!... что?» и слезинки, только-что блестяшія на густыхъ рѣсницахъ хоршенькой Маргариточки, мгновенно исчезали, и она весело начинала улыбаться, счастливое дитя!...

Глава IV.

Теперь, когда не мало уже времени пожилъ я на свѣтѣ, при воспоминаніяхъ о невозвратимомъ и давно минувшемъ дѣтствѣ, мнѣ часто приходитъ на мысль: отчего это, въ дѣтствѣ моемъ, никто такъ не интересовалъ меня, какъ нашъ сосѣдъ Каллистратъ Иванычъ Мійборода? Чтѣ заставляло меня, въ то незабвенное время, съ особенною охотою слѣдить за всѣми его поступками, подмѣчать самыя мелкія его привычки?

Мнѣ кажется теперь, что Каллистратъ Иванычъ, съ своею обычной важною осанкой, съ своею почтенною наружностью, могъ внушить всѣмъ намъ, знавшимъ его, ребятишкамъ и дѣвчонкамъ, если не безъотчетную боязнь, то одно

лишь безмолвное уваженіе къ своей почтенной особѣ.... А на дѣль выходило иное: всѣ мы души не слышали въ «нашемъ» Каллистратъ Иванычъ, и любили его со всею живостью безхитростнаго дѣтскаго сердца, и когда, въ самомъ разгарѣ веселыхъ нашихъ забавъ, заслышимъ бывало, что онъ идетъ къ намъ, мы тотчасъ же бросали всѣ наши игры и стремглавъ неслись къ нему навстрѣчу, немилосердно крича и хлопая ручонками отъ восторга....

— Смирно-о-о! кричитьъ бывало Каллистратъ Иванычъ, цѣлуя васъ поочередно. — Мальчики сюда, а барышни садись по мѣстамъ и смотри!

Всѣ безпрекословно повинуются и съ нетерпѣньемъ ждутъ дальнѣйшихъ приказаній Каллистрата Иваныча.

— Бери оружіе! продолжалъ онъ, обращаясь къ мальчикамъ и раздавая: кому линейку, кому палку, а иному — просто прутъ, выдернутый изъ метлы или вѣника.

Разставивъ шалуновъ въ одну шеренгу, владѣтель Каллистратовки становится самъ передъ фронтомъ, съ чубукомъ вмѣсто шпаги, и начинаетъ командовать:

— Руки по швамъ! слушать команду!... скорымъ шагомъ... ма-а-аршъ!

А самъ преисправно маршируя впереди, и начнетъ бывало поддѣлываться подъ барабанъ: «тра... тра... тра-та-та!» а потомъ, переходя къ боевой музыкѣ, подражаетъ трубѣ: «пру... тпру... бри-и-и!» отъ самой толстой ноты до неизменно тонкой, «и такъ, право, славно: настоящая труба!» наввно замѣчали веселыя дѣти.

Въ другое время, Каллистратъ Иванычъ окружить бывало себя толпою дѣтишекъ и принимается забавлять ихъ разными фокусами, большею частію собственнаго изобрѣтенія.

Возьметъ, напримеръ, да и вальпитъ себя на средній палецъ правой руки хлѣбный шарикъ или ключекъ бумажки; выставитъ этотъ палецъ на кончикъ стола и приложитъ заурядъ еще и указательный.

— Смотрите! говоритъ онъ дѣтямъ, готовымъ по своей

★

неопытности, поддаться хитрому обману: вотъ шарикъ на правой сторонѣ... видите?

— Видимъ! видимъ! кричатъ нетерпѣливыя дѣти.

— Ну-съ, смотрите же хорошенько!... Алонь марширтъ.... разъ, два.... три!

И при этомъ коварный Каллистратъ Иванычъ, подбросивъ пальцы вверхъ, прячетъ проворно налету указательный подъ столъ, а второй отъ мизинца ловко прикладываетъ къ пальцу съ шарикомъ, вслѣдствіе чего шарикъ этотъ, къ невыразимому удивленію маленькихъ зрителей, оказывается не на правой какъ прежде, а на лѣвой сторонѣ.

— А? вотъ штука, такъ штука! замѣчаетъ Каллистратъ Иванычъ, и видя, что дѣти разинули рты, самодовольно улыбается.

— Да какъ же?... какъ это вы дѣлаете?.. Душечка Калли... Каллистратъ Иванычъ, покажите намъ, какъ это вы дѣлаете! самымъ умоляющимъ голосомъ начинаютъ просить любопытныя дѣти.

— Ишь чего, курноски, захотѣли!... Сами отгадайте, плутишки вы этакіе! отвѣчаетъ онъ бывало, мимоходомъ ущипнувъ за упругую щечку какого-нибудь слишкомъ уже навязчиваго плутишку.

— Нѣтъ! нѣтъ! Калли... Каллистратъ Иванычъ! Душечка, милочка!... покажите! снова пристають дѣти.

Но Каллистратъ Иванычъ, вѣроятно желая продлить свое удовольствіе, долго оставался глухъ и непреклоненъ къ мольбамъ легковѣрныхъ зрителей...

Какъ-то разъ, помню, когда онъ слишкомъ уже долго не склонялся на наши просьбы, Маргариточка, тогда еще крошечная, кругленькая и розовая дѣвочка, первая принялась за попытки къ разгадкѣ такой замысловатой штуки, и Каллистратъ Иванычъ хоготаль отъ чистаго сердца, поглядывая на ея, совершенно напрасныя, усилія.

— Алонь марсиртъ!... лязъ... два.. тли! повторяла то-ненькимъ и застѣнчивымъ голосомъ, немало сконфуженная

своею неудачей, маленькая Маргарита, и высоко-высоко подбрасывала свою пухленькую ручку; но увь! шарикъ слетѣлъ, наконецъ, на полъ, а на столъ — при звонкомъ и дружномъ хохотѣ насмѣшливыхъ зрителей — вмѣсто двухъ пальцевъ очутилась вся круглая ручонка окончательно растерявшейся Маргариточки...

Скажѹ кстати, что не только дѣти нашего круга, но и въ самой Калистратовкѣ, всѣ безъ исключенія дѣти мужиковъ любили своего стараго барина или пана, какъ они его называли.

Нашъ сосѣдъ любилъ иной разъ, особенно въ лѣтній вечерокъ, пройтись по своей деревнѣ, и нерѣдко, во время этихъ прогулокъ, бралъ съ собою и меня, если только въ то время я случался у него подъ рукою.

Хитрые мальчашки и дѣвчонки, издали завидѣвъ идущаго пана, поспѣшно выбѣгали изъ своихъ избъ и заранѣе становились рядкомъ у самой дороги, смиренно сложивъ свои руки на груди.

Лишь только Калистратъ Ивановичъ приближался, всѣ они, пренизко ему кланяясь, начинали преуморительно скалить зубы, нераздъ слыхавъ отъ своего пана, что онъ любитъ веселыхъ дѣтокъ, а кислыхъ рожъ терпѣть не можетъ.

— А шо? обращался обыкновенно владѣтель Калистратовки къ одному изъ мальчугановъ, ласково трепя его по щекѣ. — Чи батько дома?

— Ни, панѣ, батька нема, отвѣчалъ тотъ, низко кланяясь.

— А де-жь?

— Въ пѣли.

— А маты? продолжалъ спрашивать Калистратъ Ивановичъ, пошаривая въ карманахъ.

Смотришь, уже нашего пана окружаетъ цѣлая толпа дѣтей, и онъ, съ замѣтнымъ удовольствіемъ, принимается раздавать: кому пряникъ, кому грушу или сливу, другому кусочекъ сахару, а иному и конфетку, а самъ, между про-

чить, одного поглядить по головкѣ, другаго сметка ущипнуть за щеку, а третьяго, отъ нечего дѣлать, тихонько побарабанишь пальцемъ по лбу....

Глава V.

Но пора возвратиться къ нашему повѣствованію.

Отъ города N до самаго хутора Бабунина, я ѣхалъ въ коляскѣ Каллистрата Иваныча, и, разумѣется, былъ очень доволенъ, что провелъ цѣлый день въ такомъ близкомъ соседствѣ съ хорошенькой Маргаритой. Бричка, присланная за мною, съ моимъ Семеномъ и Маргаритиной горничной, Матрешей, слѣдовала за нами.

Дорога въ Каллистратовку пролегла чрезъ нашъ хуторъ, а потому Каллистратъ Иванычъ, не смотря на позднюю пору, заѣхалъ на полчаса къ моему дядюшкѣ, поговорилъ, посмѣялся, и, взявъ съ насъ слово прійти обѣдать на другой день въ Каллистратовку, уѣхалъ домой. Впрочемъ, и безъ всякаго приглашенія, дядя Петръ Кузьмичъ не замедлилъ бы явиться къ своему милому куму, (онъ крестилъ Маргариту), потому что оба они, какъ я, кажется, уже замѣтилъ, жили между собою на самую пріятельскую ногу. Это были, что называется, закадычные друзья, быть можетъ потому, что оба они служили когда-то въ военной службѣ, оба были уже люди пожилые, сходились во многихъ своихъ привычкахъ, и любили подчасъ пошутить и посмѣяться. Вслѣдствіе этого не проходило и дня, чтобы наши кумовья не видались другъ съ другомъ, тѣмъ болѣе, что оба они были страстные охотники поиграть на бильярдѣ, а у Каллистрата Иваныча былъ отличный бильярдъ.

— Ну что, Вася, можетъ уже пора и ужинать, а тамъ... того... и на боковую?... а то, я думаю, тебя... того... порядкомъ порастрясло дорогою? спросилъ дядя, проводивъ своего кума

— Я, милый дядюшка, вовсе не усталъ: всю почти дорогу я... спалъ, запынчалъ, отвѣчалъ я

— Что ты! какой тамъ сонъ! усмѣхнувшись, сказалъ дядя, и, обхвативъ меня рукою вокругъ шеи, поцѣловаль въ лобъ. — Ты, я думаю, цѣлую дорогу... того... какъ его... все съ Маргариточкой... того... ха, ха, ха!...

Онъ разсмѣялся, а я, не находя, что отвѣчать, покраснѣлъ до самыхъ ушей.

За ужиномъ, дядя не переставаль подтрунивать надо мною, то-и-дѣло разспрашиваль про Маргариту, и, видя мое смущеніе, хохоталь, почесывая свою лысину. Къ счастью, ужинъ скоро окончился, а съ нимъ прекратились и мои мученія. Я поспѣшилъ улечься въ постель, чтобы помечтать на свободѣ. Потушивъ свѣчу, долго лежалъ я съ закрытыми глазами, вспоминая прошлое, вдаваясь въ тревожныя мечтанія и сильно досадуя на самого себя....

— Отчего я такъ покраснѣлъ, говорилъ я себѣ, лежа въ постели и по временамъ кусая ногти.— Отчего я такъ глупо покраснѣлъ, когда Каллистратъ Иванычъ вышелъ со мною изъ звѣринца, привелъ меня къ себѣ на квартиру и представилъ Маргариточку? Отчего я такъ растерялся и не могъ сказать ни одного слова, когда она, лишь только меня увидѣла, смѣясь, подбѣжала ко мнѣ, и, схвативъ меня за ухо своими хорошенькими пальчиками, сказала, плутовка: «А!... такъ-то вы, милостивый государь, помните своихъ друзей: за цѣлые полгода не могли найти свободнаго часа, чтобъ навѣстить меня!»

— Хорошенько его негоднаго! хорошенько! подхватилъ неумолимый Каллистратъ Иванычъ, обнимая и лаская свою дочку, а потомъ, обратясь ко мнѣ, прибавилъ: А ты что стоишь? или не знаешь военнаго порядка и должнаго кургизанства: она дереть тебя за уши, а ты возьми да хорошенько поцѣлуй ее!...

Эти слова окончательно меня сконфузили, и хотя Маргариточка первая подставила мнѣ свои алыя губки, я едва-едва осмѣлился прикоснуться къ нимъ своими толстыми губами, и, покраснѣвъ какъ маковъ цвѣтъ, сталъ безтолково суетиться, не зная, куда бы положить свою фуражку. И хоть бы тебѣ

одно слово!... О, стыдъ! Неужели до сихъ поръ я еще такой ребенокъ, что въ подобныхъ случаяхъ не могу найтись и поддержать свое достоинство? Ай, ай, срамъ какой!..

— Вотъ, напримѣръ, хоть бы и дорогой, говорилъ я мысленно, поворотившись на своей постель лицомъ къ стѣнѣ. — Бхали мы вмѣстѣ. Въ коляскѣ сидѣло насъ трое: Каллистратъ Иванычъ съ Маргариточкой назади, а я спереди. День былъ жаркій, и мой сосѣдъ вскорѣ началъ дремать, то-и-дѣло кивая въ разныя стороны своего головою. Маргариточка, замѣтивъ это, прыгнула съ своего мѣста и стала уговаривать своего папѣ улечься спокойноѣ.

— Васи, я вижу, вовсе спать не хочется, сказала она, взглянувъ на меня лукаво: а я не прочь немножко полежать... Вы, душечка папѣ, ложитесь здѣсь, а я пересяду на передокъ и улгусь на колънахъ у Васи.

— Хорошо, Базиль? спросила она, обращаясь ко мнѣ.

— Отчего же, недурно! отвѣчалъ я, улыбаясь. — Я буду сидѣть смирно, и вы можете уснуть спокойно...

Маргариточка заботливо уложила Каллистрата Иваныча въ подушки, а сама, сѣвъ со мною рядомъ, взяла въ руки подушку, и, обратясь ко мнѣ, въ полголоса спросила: — А можете вамъ, Базиль, будетъ тяжело?

Мнѣ ужасно захотѣлось сказать ей какую-нибудь любезность, но, взглянувъ на моего сосѣда, мнѣ, не знаю почему, показалось, что онъ притворялся и вовсе не спалъ, а потому желаніе мое осталось безъ исполненія, и я могъ только отвѣтить: — Вѣдь я вамъ уже сказалъ, что мнѣ будетъ покойно...

— Мерси! шепнула она, и, положивъ подушку на мои колъни, легла на нее и, какъ мнѣ показалось, тотчасъ же начала дремать.

Желая прислужиться, я принялся отмахивать платкомъ мухъ, навязчиво летавшихъ надъ головою Маргариты. а послѣ, повинувшись какому-то пріятному влеченію, нагнулся и сталъ всматриваться въ ея хорошенькое личико.... Вдругъ Маргарита поворотила свою голову, и я очутился такъ близко отъ ея лица, что маленькій вздернутый ея носикъ, предметъ

особеннаго моего вниманія, слегка прикоснулся къ моему длинному носу, а коралловый ея ротикъ, чудный свѣженькій ротикъ, почти касался моихъ губъ, такъ-что, отъ теплаго ея дыханія, мнѣ показалось, что какъ будто бы кто провелъ по моимъ губамъ паутинкой... Въ то же время хорошенькая Маргарита, глядя на меня своими полусонными глазами, улыбнулась и чуть-слышно сказала:

— А, да какъ хорошо, Базиль, спать у тебя на колынахъ!...

Я было принялъ рѣшительное намѣреніе поцѣловать этотъ очаровательный, полураскрытый ротикъ, такъ мило произнесшій дорогія слова, но, не знаю почему, мнѣ вдругъ сдѣлалось такъ неловко и стыдно, что я въ ту же минуту отказался отъ своего намѣренія... Странное дѣло, право! При встрѣчахъ и прощаніяхъ съ Маргариточкой, Каллистратъ Иванычъ всегда заставлялъ насъ цѣловаться, и мы, съ грѣхомъ пополамъ, цѣловались. Но отчего же это, когда случилось бывать намъ наединѣ, мною вдругъ одолевала такая непонятная конфузливость, что, не смотря на самое пламенное желаніе, я никакъ не могъ рѣшиться поцѣловать ее?.. Вотъ и теперь, напримѣръ, что мнѣ мѣшало, не только разъ, но и десять, двадцать разъ поцѣловать милую Маргариточку: теперь я уже видѣлъ хорошо, что Каллистратъ Иванычъ вовсе не притворялся, а спалъ богатырскимъ сномъ, такъ-что храпомъ своимъ заглушалъ стукъ колесъ... Но я окончательно растерялся, когда, взглянувъ на Маргариту, замѣтилъ, что она насмѣшливо на меня смотрѣла и какъ-будто собиралась сказать: — «Э! да ты, братъ, все тотъ же молокососъ, что и прежде бѣмь!...»

Думая и мечтая такимъ образомъ, я, наконецъ, заснулъ.

Глава VI.

На другой день, часовъ въ двѣнадцать утра, я и дялюшка Петръ Кузьмычъ, вооружившись огромными палками, отправились пѣшкомъ къ нашимъ сосѣдямъ. Хотя намъ нужно

было пройти не болѣе, какъ съ версту, однакожь шли мы едва передвигая ноги, во-первыхъ, потому-что время было страшно жаркое, а во-вторыхъ, дядя мой и не могъ ходить иначе, благодаря своему черезчуръ тучному туловищу, съ трудомъ, казалось, державшемуся на коротенькихъ ножкахъ. Онъ ни за что не рѣшился бы пройти пѣшкомъ и четверть версты, еслибъ не повиновался непрекословно внушеніямъ узднаго нашего медика, присовѣтывавшаго ему какъ можно больше движенія.

Издали мы еще замѣтили, что объ наши сосѣдки поджидали уже насъ на крыльцѣ, и Маргариточка, лишь только завидѣла насъ, тотчасъ же побѣжала къ намъ навстрѣчу, почтительно поцѣловала моего дядю, а своего крестнаго отца, въ плечо, и взявъ меня за руку, потащила къ дому.

— Смотрите, душечка мамаша, какъ нашъ Базиль выросъ! сказала она, проворно всбираясь со мною на крыльцо.

— И похорошѣлъ! добавила добрая Меланья Сидоровна, дружески протягивая мнѣ объ руки.

— Здравствуй, голубчикъ Вася! здравствуй милый!... Давно ужъ не видала я тебя! говорила она, крѣпко цѣлуя мои щеки, лобъ, глаза.

Въ робкомъ смущеніи, я бормоталъ только какія-то несвязныя привѣтствія и съ большимъ чувствомъ лобызалъ блестящіе перстни, красовавшіеся на пальцахъ правой руки Меланьи Сидоровны.

— Здравствуйте, куманекъ, какъ поживаете? обратилась она потомъ къ моему дядѣ, который, страшно пыхтя отъ усталости, взошелъ уже на крыльцо.

— Живемъ, кумушка, поменьку! отвѣчалъ тотъ, съ изумительнымъ проворствомъ подходя къ рукъ Меланьи Сидоровны.

— А гдѣ же нашъ старый гусь?... Вѣрно ужъ того ...

— Того какъ его! передразнивая дядю, сказалъ вдругъ Каллистратъ Иванычъ, выходя изъ комнаты.

— Ты что, братику, вѣчно запаздываешь? продолжалъ онъ, скорчивъ сердитую мину. — Приходишь, когда у меня

уже кушанье на столъ.... Вотъ я оставлю тебя сегодня безъ обѣда!

— Эхъ, ты... старый хвѣтъ! отвѣчалъ дядя, обхвативъ одною рукою широкую талию своего кума.

— Да хоть бы еще часа два, три насъ не было, такъ ты все-таки... поф!... того....

— Того! у тебя все того да какъ его, пузанъ ты этакой, замѣтилъ Калистратъ Иванычъ, заложивъ на спину руки и пристукивая ногой.

— Да полно вамъ тараторить.... сядемъ-ка лучше за столъ и будемъ кушать! перебила Меланья Сидоровна, все еще не выпуская моей руки.

— Что дѣло, то дѣло! замѣтилъ Калистратъ Иванычъ, проворно подходя къ Маргариточкѣ.

— *Мадмуазель!* сказалъ онъ, ловко расшаркиваясь передъ дочерью и уставивъ правую руку кольцомъ. — *Донс муа вотръ менъ!*

Потомъ, поворотивъ голову, обратился къ намъ:

— Ты, барабанъ, бери свою кумушку, а ты, котъ Васька, ступай въ авангардъ.... для тебѣ и дамы вѣтъ!...

И, пустивъ меня впередъ, владѣтель Калистратовки повелъ Маргариту въ комнаты, и, приставивъ кулакъ къ губамъ, громко началъ трубить военный маршъ, пристукивая своими каблуками, а дядюшка Петръ Кузьмичъ, конвоируя свою куму, вторилъ хозяину дома гомерическимъ хохотомъ.

Ежедневные обѣды въ Калистратовкѣ были разнообразны въ своемъ однообразіи, и я зналъ наперечетъ любимыя кушанья хозяина дома, изъ которыхъ одно непременно появлялось за столомъ: это, во-первыхъ, сырники со сметаною, то-есть, сваренныя въ водѣ лепешки изъ муки и творога, ромбoidalной формы, перекрещенныя продольными и поперечными линіями, прорѣзанными ножомъ искусницы-кухарки; во-вторыхъ, блинчики изъ крупчатой муки, поджаренные въ маслѣ и свернутые на подобіе только что вымытаго и выглаженнаго носового платка, принесеннаго отъ прачки; наконецъ, вареники: сегодня—бѣлые, изъ пшеничной муки, со

сметаню, завтра — сырье, изъ гречневой, также со сметаной. Последнее было по-истинѣ самое любимое кушанье владѣтеля Каллистратовки. Всемъ его знакомымъ это было хорошо известно, и если ему случалось быть гдѣ-нибудь въ гостяхъ, за обѣдомъ или ужиномъ непременно являлись вареники. Сколько я помню, мой старѣй знакомый обладалъ особенною, такъ сказать, методою ядѣнія варениковъ, по крайней мѣрѣ, я до сихъ поръ не могу забыть того веселаго смѣха, какой возбуждалъ бывало онъ между барышнями, если случалось ему, ничего не подозревая, кушать свое любимое блюдо у кого-нибудь изъ сосѣдей при большомъ стеченіи гостей. Стоило только Каллистрату Иванычу взяться за вилку съ невиннымъ намѣреніемъ уколоть его вареникъ, смиренно лежавшій передъ нимъ на тарелкѣ въ многочисленной кучѣ своихъ жирныхъ собратій, — всѣ барышни, сколько бъ ихъ ни было за столомъ, и начать бывало кивать сначала головками, потомъ потихоньку поталкивать другъ дружку ногами, перемаргиваться глазками, а наконецъ, едва сдерживая порывистый смѣхъ, начинаютъ прыскать своими розовыми губками, стыдливо прикрывая ихъ носовыми платочками.... Простодушный Каллистратъ Иванычъ, ровно ничего не подозревая, съ особенною силою ударялъ бывало по варенику своею вилкой и, проткнувъ его насквозь, обмакивалъ въ сметану, а потомъ причмокнувъ губами, проворно отправлялъ несчастнаго въ свой ротъ. Но тутъ любопытство насмѣшливыхъ зрительницъ возбуждалось до невротіи, и плутовскіе глазки ихъ искрились живымъ вниманіемъ.... Проглотивъ вареникъ, владѣтель Каллистратовки сильно причмокивалъ губами, какъ бы давая знать остальнымъ вареникамъ, лежавшимъ предъ нимъ на тарелкѣ, что ихъ неминуемо ждетъ участь злосчастнаго ихъ собрата, безвозвратно уже погибшаго. После чего вдругъ высккивалъ языкъ Каллистрата Иваныча и, съ немощною быстротою, начиналъ отмахивать кончикомъ своимъ, съ-права на лѣво и съ-лѣва на право, по краямъ подстриженныхъ его усовъ, а потомъ, сдѣлавъ свое дѣло, какъ ни въ чемъ не бывалъ, также мгновенно отправлялся восвояси... подобно тому,

какъ въ известной игрушкѣ, прихвативъ пальцемъ пружинку, и вдругъ, откуда не возьмись, къ услугамъ вашимъ выскакиваетъ крохотная мышь или змѣйка, и, какъ бы отрекомендовавшись предъ любопытнымъ зрителемъ, по мановенію того же пальца, быстро отскакиваетъ назадъ и мгновенно скрывается отъ глазъ изумленнаго ребенка....

Но возвращаюсь къ моему разсказу.

— Ну что, братику, теперь можете сыграть и въ бильярдчикъ? спросилъ Каллистратъ Иванычъ моего дядю, лишь только встали мы изъ-за стола.

— Отчего же и нѣтъ.... сыграемъ! сыграемъ! отвѣчалъ тотъ, потирая отъ удовольствія руки.

И оба кума, перегоняя другъ друга, отправились въ бильярдную.

— Пойдемъ за ними: посмѣемся! сказала, протягивая мнѣ руку, Маргариточка.

Наши два кума никогда не играли въ бильярдъ на деньги, а всегда на-пролѣзъ, и такъ-какъ каждому изъ нихъ пролѣзть подъ бильярдомъ стоило немалыхъ трудовъ, то оба они употребляли все усилія, чтобы не проиграть партіи.

Когда мы съ Маргаритой вошли въ бильярдную, дядя Петръ Кузьмичъ успѣлъ уже выставить шаръ, а Каллистратъ Иванычъ предварительно потеръ свой кій терпужкомъ и мѣломъ, и потомъ, обращаясь къ своему партнеру, замѣтилъ:

— Эхъ, здорово, братъ Пегруха, играть на бильярдъ: такой моціонъ славный!.. И за тѣмъ, ловко вѣпивъ красный шаръ въ продольную лузу, онъ снова прицѣлился и сдѣлалъ киксъ.

— Ха, ха, ха!.. Будетъ тебѣ моціонъ, какъ ползешь подъ бильярдомъ! ги! ги! смѣясь, сказалъ дядя, и, перегнувшись сколько могъ за бортъ, въ свою очередь сталъ прицѣливаться.

— Бей по желтому! бей по желтому! вдругъ закричалъ владѣтель Каллистратовки, съ изступленіемъ стуча кѣмъ объ полъ.—Говори тебѣ: валяй по желтому!..

— Какое тутъ по жолтому! съ видомъ истиннаго знатока, замѣтилъ дядя, и, просунувъ кій за поясицу, повернулся спиной къ бильярду. Жолтый не уйдетъ.... а мы хватимъ этакъ.... того.... карамбольчикомъ краснаго!

— Ой, полъзешь! ой, полъзешь, Петруха! право, полъзешь! въ свою очередь, съ видомъ отличнаго игрока, замѣтилъ владѣтель Каллистратовки.

Дядя, поскользнувшись и потерявъ равновѣсіе, далъ промахъ.

— А что? говорилъ тебѣ! закричалъ Каллистратъ Иванычъ, и, не утерпѣвъ, подпрыгнуть отъ радости.— Задамъ же я теперъ тебѣ форнапиксу.... задамъ!.. И, воодушевившись неудачей противника, владѣтель Каллистратовки, пошелъ лупить шары въ продольныя и поперечныя лузы, и въ скоромъ времени выигралъ партію.

Я часто и теперъ еще вспоминаю, какъ намъ было весело съ Маргариточкой при окончаніи каждой партіи. Если, бывало, ее проигрывалъ Каллистратъ Иванычъ, и, слѣдовательно, ему приходилось совершать трудное путешествіе на-четверенькахъ, онъ всегда сердито ворчалъ на моего дядю, и неразъ отъ души досадовалъ, видя, какъ тотъ надъ нимъ подсмѣивался. Но, сохрани Боже, если дядя, проигравъ партію, начиналъ кряхтѣть и охать, принаравливаясь, какъ бы удобнѣе совершить это несносное путешествіе, почтенный владѣтель Каллистратовки терялъ тогда рѣшительно всякое хладнокровіе и выходилъ даже изъ границъ приличія: немилосердно кричалъ ура, хохоталъ во все горло, нестово стучалъ кіемъ и каблуками, и даже удивительно какъ ловко и проворно вертѣлся на одной ножкѣ, похлопывая ладонью объ ладонь....

И когда ввечеру возвращались мы домой, мнѣ то-и-дѣло приходили на умъ уморительныя гримасы нашего сосѣда, и я смѣялся всю дорогу, такъ-что дядя Петръ Кузьмичъ, увлекшись моимъ смѣхомъ, самъ, наконецъ, принимался хохотать со мною....

Глава VII.

Прошло уже недѣли три съ тѣхъ поръ, какъ прѣхалъ я изъ губернскаго города N въ нашъ хуторъ Бабунинъ. Впродолженіе всего этого времени, мало заботясь о будущемъ, я пользовался настоящимъ со всею находчивой свободой и воспріимчивостью юноши, полного еще свѣжихъ силъ и теплыхъ чувствъ. Мнѣ некогда было тогда много думать о будущемъ: всѣ мысли мои были подавлены какимъ-то особеннымъ чувствомъ къ Маргариточкѣ, которое, въ простоту сердечной, я не называлъ еще любовью.... Правда, еще въ гимназій принялъ я рѣшительное намѣреніе служить въ военной службѣ: меня, какъ и большую часть моихъ товарищей, сильно привлекали шпоры, эполеты и нарядные мундиры, а рассказы Каллистрата Иваныча и моего дяди про ихъ былую военную жизнь, про походы, обильные приключеніями, про удалыя пирушки, еще болѣе подстрекали мое воображеніе.

Сознавая пристрастіе большей части прекрасаго пола ко всему блестящему, мнѣ хотѣлось поскорѣ надѣть на себя красивый мундиръ, чтобы довершить побѣду надъ молодымъ сердцемъ моею хорошенькой сосѣдки. Но разстаться съ нею такъ скоро я не могъ; мнѣ хотѣлось покориться одной лишь необходимости, и увхаты изъ Бабунина тогда только, когда Маргарита опять возвратится въ свой пансіонъ, гдѣ ей оставалось пробыть еще одинъ годъ. Но вдругъ предположенія мои измѣнились... Какъ-то разъ, помню наканунѣ какого-то праздника, пошелъ я въ Каллистратовку. Дяди моего не было въ то время дома: онъ увхалъ, по своимъ дѣламъ, верстъ за тридцать къ одному помѣщику, и предполагалъ воротиться не раньше, какъ дня черезъ два.

Это было въ іюль. Погода была чудно хороша, и въ тепломъ воздухѣ, послѣ недавняго проливнаго дождя, чувствовалась какая-то живительная свѣжесть...

Маргариточка, вѣчно веселая и беззаботная, встрѣтила меня на балконѣ, и, приветливо подавъ руку, пригласила

идти съ нею въ садъ. Конечно, я охотно согласился. Проходя мимо небольшой бесѣдки, окруженной со всѣхъ сторонъ густою сиренью, мы услышали голосъ Каллистрата Иваныча.

— Папѣ въ бесѣдкѣ, я, вѣрно, учить Федей! тихо сказала мнѣ Маргарита. — Прокрадемся потихоньку и посмотримъ, что они тамъ дѣлають....

И, свернувъ съ дорожки, она стала осторожно пробираться къ бесѣдкѣ, раздвигая своими блѣдыми руками мокрые кусты сирени, съ которыхъ поминутно на ея свѣжее личико падали свѣтлыя дождевыя капли.... Хотя мнѣ вовсе не хотѣлось мочить своего новаго платья, однакожь я безпрекословно отправился за Маргариточкой, стараясь какъ можно осторожнѣе раздвигать вѣтви.

Бесѣдка была сплетена изъ лозы, и стѣнки ея, перебитыя плетнемъ, сквозили такъ, что подкравшись къ ней втихомолку, мы могли слышать и видѣть все, что въ ней происходило.

Маргарита не ошиблась: въ бесѣдкѣ дѣйствительно былъ ея папѣ съ маленькимъ Федей.

Федей, полный и рывый мальчуганъ, былъ сынъ ключницы Арины, пользовавшейся особенною благосклонностью Медяны Сидоровны. Каллистратъ Иванычъ, видя его ежедневно въ комнатахъ, привыкъ къ нему, часто ласкалъ и даже баловалъ, а когда Федей минуло восемь лѣтъ, самъ взялся учить его грамотѣ. Странно однакожь было видѣть, что, во время своихъ учебныхъ занятій съ Федей, мой старый знакомый становился совершенно инымъ человекомъ и какъ-будто считалъ непремѣннымъ долгомъ разыгрывать предъ своимъ ученикомъ роль необыкновенно строгаго наставника, вѣроятно, въ силу того справедливаго убѣжденія, высказаннаго имъ неразъ громогласно, что ученьемъ шутить отнюдь не должно....

— Посмотри, Вася, какъ папѣ преважно сидитъ! улыбаясь, шепнула мнѣ Маргарита, дернувъ слегка за рукавъ моего сюртука.

Я осторожно просунулъ голову къ самой бесѣдкѣ, и увидѣлъ слѣдующую сцену.

Федя, съ печальнымъ видомъ разложивъ на столъ всь принадлежности горестнаго своего ученія, усься, наконецъ, на стулъ противъ своего наставника, который, сидя къ намъ спиною, казалось, съ особеннымъ вниманіемъ разсматриваль бѣлую крышку сосноваго стола, возлѣ него стоявшаго, испещренную во многихъ мѣстахъ чернильными крапинами и пятнами, средь которыхъ индѣ выглядывало писанное каракулями, начатое, но неконченное слово, или дрожавшее, еще несмѣлою рукою проведены были неровные штрихи, или, вдругъ, мелькала какая-нибудь невзрачная фигурка, робкими очертаніями своими напоминавшая человѣческой носъ, собаку, пѣтуха, а индѣгда и цѣлаго человѣка.

— Ну, начинай! вдругъ повелительно сказалъ Каллистратъ Иванычъ, обращаясь къ Федѣ и набивая табакомъ свою трубку.

— Буки... рцы... азъ.... бра-а! однообразнымъ и плаксивымъ голосомъ, началъ Федя.

— Стой! сего не треба! перебилъ грозный наставникъ, пустивъ изо рта густую струю дыма прямехонько въ лицо своего ученика. — Ты не говори: буки, рцы, азъ....а такъ-таки съ разу махай: бра-а!

— Бра! повторилъ Федя.

— Бре! добавилъ нетерпѣливый Каллистратъ Иванычъ.

— Бре-е! сказалъ Федя, и остановился.

— Ну, чтожь? .. бри, бро! торопилъ Каллистратъ Иванычъ.

— Бри-и-и! самымъ тоненькимъ голоскомъ началъ было Федя, но вдругъ ему стало, казалось, такъ жалко самого себя, что слезы невольнo навернулись на его рѣсницахъ, и онъ, съ сильнаго горя, поперхнулся.

— Ну, что разрюмился? спросилъ раздасадованный наставникъ, замѣтивъ, что Федя начиналъ уже плакать. И вотъ, казалось, ужъ онъ готовъ былъ погладить своего ученика по головкѣ, приласкать маленькаго лѣнливца, уже рука его стала шарить машинально по карманамъ, вѣроятно, съ намѣреніемъ выгнать оттуда конфетку, пряникъ или что-нибудь другое

лакомое, какъ вдругъ, на бѣду злосчастнаго Федя, Калистратъ Иванычъ какъ будто вспомнилъ, что ученьемъ шутить не должно, и рука его, уже совсѣмъ было готовая подарить лѣнница лаской, мгновенно выдернулась изъ кармана и приняла угрожающее положеніе...

— Руки по швамъ! закричалъ грозный наставникъ. — Слезы долой! Читать мнѣ бойко, бодро, безъ запинки.... а не то—секанція будетъ!

Федя поспѣшно утеръ слезы рукавомъ своей рубашонки, и, по прежнему пискливымъ голосомъ, началъ читать:

— Бри-и-и!

— Ври-и-и! раздалось надъ самымъ моимъ ухомъ.

Огшатнувшись немного назадъ, я взглянулъ на Маргариту.

— Ври-и! звонкимъ и протяжнымъ голосомъ, передразнивая Федю, повторила она.

Калистратъ Иванычъ, узнавъ голосъ дочери, проворно вскочилъ со стула, и, второпяхъ опрокинувъ его, выбѣжалъ изъ бесѣдки.

— Ахъ, ты негодная! такъ ты подсматриваешь за нами, закричалъ онъ, направляя свои шаги въ нашу сторону.

Маргарита громко разсмѣялась, а я, увлекшись ея приѣромъ, захохоталъ во все горло.

— А! такъ васъ тутъ двое! хорошо же! дайте только поймать васъ! продолжалъ Калистратъ Иванычъ, не безъ труда къ намъ пробираясь

— Ой, не поймаете! ой, не поймаете насъ, папá! весело смѣясь, говорила Маргариточка, и, схвативъ меня за руку, потащила на дорожку.

Преслѣдователь нашъ, видя, что мы поворотили въ другую сторону, самъ перемѣнилъ направленіе, и, относясь къ Федѣ, успѣвшему уже выбѣжать изъ бесѣдки, и подсакивавшему отъ радости на одномъ мѣстѣ, сказалъ:

— А ну, Федька, сюда! давай ловить ихъ!...

И, пустивъ своего ученика впередъ, почтенный наставникъ, сбросивъ съ себя на время свою обычно-важную осанку

и подобравъ фалды сюртука, во всю прыть пустился за нами въ догонку, крича изо всѣхъ силъ:

— А ту его! а ту!... та-та-та! .

— Не поймаете! не поймаете! отвѣчали мы, не переставая что есть духу бѣжать по дорожкѣ.

Мы ужъ добѣжали было до скамейки, что стояла подъ высокимъ каштаномъ, какъ вдругъ Федя, слишкомъ усердно преслѣдовавшій насъ, споткнулся и упалъ. Мы остановились.

— Ну что, молодецъ заоралъ носомъ, а? сказалъ Каллистратъ Иванычъ, сильно пыхтя и утирая платкомъ испачканное въ мокромъ пескѣ Федино лицо.—Ничего, дружище, до свадьбы заживетъ!... Маргариточка, замѣтивъ, что папа ея усталъ до крайности и не въ состояніи уже былъ шалить съ нами, побѣжала къ нему навстрѣчу, а онъ, оставивъ Федю, схватилъ Маргариту за обѣ руки и принялся нещадно цѣловать ея, то и дѣло притрагиваясь своею небритой бороною къ нѣжнымъ ея щечкамъ.

— Вотъ тебѣ! вотъ тебѣ, плутовка! приговаривалъ онъ, не переставая тереть бѣдное личико Маргариты своею колючею бороною.

— Душечка папаша, не буду, право, не буду! ласкаясь, говорила шалунья.

— А съ тобою, котъ Васька, я еще послѣ раздѣляюся! прибавилъ онъ, тихонько дергая меня за ухо.

— Теперъ мнѣ некогда: нужно еще кончить урокъ вотъ съ этимъ пискуномъ!...

— Ну, карапузъ, алонъ учиться! сказалъ въ заключеніе Каллистратъ Иванычъ, и, взявъ своего ученика за руку, отправился съ нимъ къ бесѣдкѣ.

Глава VIII.

— Сядемъ вонъ тамъ на скамейкѣ .. отдохнемъ немножко! когда ушелъ Каллистратъ Иванычъ, обращаясь ко мнѣ, сказала Маргарита, и, проворно подбѣжавъ къ скамейкѣ подъ высокимъ каштаномъ, сѣла.

★

— Мамаша говорила, что пойдетъ въ садъ, продолжала она, когда я усѣлся возлѣ нея на скамейкѣ:—а здѣсь ее нѣтъ.... Вѣрно, ушла на птишню!

И, прислонивъ свою блокурую головку къ шерховатому стволу кашгана, она кокетливо стала опрaвлять свои шелковистые волосы.

Въ эти минуты Маргариточка была чудо-хороша. По крайней мѣрѣ, мнѣ казалось тогда, что въ цѣломъ мѣрѣ нѣтъ подобной красавицы, и любуясь ея свѣжимъ дѣтскимъ личикомъ, раскраснѣвшимися отъ сильнаго движенія, я невольно восхищался моею хорошенькой Маргариточкой: мысленно я давно уже называлъ ее моею...

— Какая ты миленькая сегодня! сказалъ я, съ увлеченьемъ глядя въ свѣтлые Маргаритины глазки.

— Право? перебила она насмѣшливо, опрaвляя черную бархатную ленточку, висѣвшую у ней на шеѣ. — Скажите, пожалуйста, какъ вы любезны сегодня!

— Нетолько право, но ей Богу, ты прехорошенькое созданіе! продолжалъ я, придвигаясь къ ней поближе и взявъ ее за руку.

— Пожалуйста, безъ нѣжностей, Базиль! отвѣчала Маргариточка, поспѣшно выдернувъ руку и немного сморщивъ свои тонкія брови. — Вѣчно ты съ своими любезностями, съ комплиментами... вѣдь это, право, скучно!...

Я надулся.

— Послушай, Вася, помолчавъ немного, ласково начала Маргариточка. Правду ли говорилъ Петръ Кузьмичъ, что ты хочешь скоро опредѣлиться въ гусары?

— Чтожь тутъ удивительнаго? разумеется, правду.... отвѣчалъ я, стараясь казаться разсерженнымъ. А тебѣ, развѣ, не нравятся гусары?

Отчего жъ, не нравятся.... Мнѣ всѣ военные очень нравятся; мнѣ ужасно не хочется, чтобы ты поступилъ теперь въ гусары....

— Почему так? спросилъ я, немало удивленныйъ словами Маргариточки. Развѣ военный мундиръ будетъ мнѣ не къ лицу?

— Не то, чтобъ не къ лицу, а все-таки не мѣшало бы тебѣ поступить прежде въ студенты...

— Еслибъ ты видѣлъ сына мадамъ Ларошъ! продолжала она, всплеснувъ руками. Онъ ужь два года студентъ, а такой умненькой... такой, право, душка!

— А гдѣ это успѣли вы узнать его, позвольте васъ спросить, Маргарита Каллистратовна? насмѣшливо сказалъ я, чувствуя, что ревность начинаетъ уже прокрадываться въ мое сердце.

— Странно, право; еще бы не знать его! продолжала Маргариточка, потушивъ глаза и принимаясь щипать кончикъ своего носоваго платка. Вѣдь я вротанцовала съ нимъ двѣ кадрили на торжественномъ актѣ... Да!

— Ну те-съ. Чтожъ, онъ хорошъ? высокъ ростомъ?.. блондинъ или брюнетъ? не безъ горечи спрашивалъ я, заглядывая въ большіе глаза Маргариты.

— Разумѣется, блондинъ! отвѣчала она, и лукаво взглянувъ на мои, черные какъ смоль, волосы, прибавила съ усмѣшкой. Я брюнетовъ не люблю, они все такіе злые!...

— Покорно васъ благодарю за комплиментъ! отвѣчалъ я, поклонившись.

— Не стоитъ благодарности... кушайте на здоровье! сказала Маргариточка; но вдругъ, весело разсмѣявшись, схватила меня за руку и ласково прибавила. Ну, полно ссориться изъ-за пустяковъ... прости меня, я нарочно, чтобы посердить тебя!.. Право, онъ не столько хорошенькой, сколько умненькой, а главное такъ говорить мило!... а все оттого, что учится въ университетъ!..

— Будто я и не могу поступить въ университетъ! замѣтилъ я обиженнымъ тономъ. Вѣдь у меня есть медаль, и если захочу, меня пріймутъ туда безъ экзамена...

— Тѣмъ хуже для васъ, перебила Маргариточка, слегка качая своей крошечной ножкой. Тебѣ ничего не стоитъ по-

ступить туда, а ты уже хочешь служить.... Какъ будто ты не можешь поступить въ гусары послѣ университета?

— Разумѣется, могу.... отвѣчалъ я, кусая губы.

— Право, прибавила она, немного помолчавъ, еслибъ мнѣ можно было выйти теперъ за-мужъ, я ни за что въ свѣтъ не взяла бы себѣ въ женихи того, кто не учился въ какомъ нибудь высшемъ заведеніи.... Ни за что! право, ни за что! повторила она, закинувъ назадъ свою свѣтлорусую головку; но вдругъ, указывая пальцемъ на широкій листъ каштана, свѣсившійся надъ нею, весело сказала: посмотри, Базиль, какія хорошенькія эти капли, и какъ онѣ блестятъ на солнцѣ!

Привставъ со скамьи, я протянулъ руку, и, ущипнувъ пальцами за кончикъ каштановаго листа, не знаю для чего, потянулъ его къ себѣ. Вдругъ цѣлый дождь посыпался на насъ.

Мargarита поспѣшно вскочила, и, утирая платкомъ мокрое свое лицо, съ замѣтной досадой сказала:

— Ахъ, какой ты, право, несносный, Вася! вѣчно сделаешь какую нибудь шалость!...

— Шалость! повторилъ я, разсерженнымъ голосомъ. Какъ будто не могъ я сдѣлать это нечаянно!...

И, надувъ губы, я снова сѣлъ на скамью и отворотился отъ Margarиты.

Она взглянула на меня, взяла за руку, и, пожимая ее, сказала вкрадчиво:

— Ну, полно, полно, Базиль! вѣдь я пошутила.... не сердись пожалуйста!... Ты самъ, бѣдненькій, весь обрызгался! продолжала она, принимаясь заботливо вытирать платкомъ мое измокшее платье. Пойдемъ-ка лучше на птишню: тамъ, вѣрно, теперъ мамаша, и ты увидишь моихъ миленькихъ цесарокъ.... Ахъ, какая тамъ есть одна курочка съ махватыми лапками просто прелесть! говорила она, взявъ меня за руку и таща за собою на птишню....

Въ этотъ же самый день я рѣшился поступить въ лицей, и когда, по возвращеніи дяди Петра Кузьмича, я объявилъ ему о моемъ намѣреніи, онъ охотно на это согласился.

Глава IX.

— Ну, братику, затѣялъ ты дѣло доброе! сказалъ, обращаясь ко мнѣ Каллистратъ Иванычъ, когда, наканунѣ моего отъѣзда изъ Бабунина, ввечеру, сидѣли мы въ саду нашихъ сосѣдей, и пили чай.

Еще передъ обѣдомъ пришли мы съ дядей въ Каллистратовку, давъ слово провести тамъ этотъ день.

Дядя Петръ Кузьмичъ все время замѣтно грустилъ, не смотря на старанія Каллистрата Иваныча чѣмъ-нибудь развеселить своего кума.

На сердцѣ у меня было также нелегко, особливо, когда я примѣтилъ, что Маргариточка, по прежнему, была весела и даже, какъ мнѣ казалось, еще веселѣе обыкновеннаго: цѣлый день трунила надо мною, смѣялась отъ всякой бездѣлицы, а когда мы, какъ я уже сказалъ, сидѣли въ саду за чаемъ, она, взявъ чашку въ руки и высоко поднявъ ее надъ своею головою, такъ мило протанцовала вокругъ чайнаго стола какой-то испанскій танецъ, выученный ею въ пансіонѣ, что всѣ мы пришли отъ нея въ восторгъ, а Меланья Сидоровна, не утерпѣвъ, бросила разливать чай, вскочила съ своего стула, и, взявъ Маргариточку руками за обѣ щеки, прижала ея хорошенькую головку къ своимъ губамъ, и цѣловала ее съ такимъ чувствомъ, что, право, мнѣ стало даже завидно...

— Adieu! сказала Маргарита, раскланиваясь предъ всею компаніей. Пора поиграть на фортепянь...

— Да ты, душечка, пораствори оконна въ залѣ, замѣтила Меланья Сидоровна: чтобы и намъ было слышно...

— Слушаю-сь! улыбаясь, отвѣчала Маргариточка, и, сдѣлавъ реверансъ, весело побѣжала къ дому.

— Ну, братику, затѣялъ ты дѣло доброе! когда она ушла, сказалъ Каллистратъ Иванычъ, обращаясь ко мнѣ и прихлебывая чай изъ своего стакана. Служить, Богъ дастъ, еще успѣешь: время не уйдетъ... а поучиться уму-разуму,

право, дѣло доброе!... Только, мнѣ кажется, лучше бы было, еслибъ ты поступилъ куда-нибудь въ университетъ, вѣдь тамъ, говорятъ, даютъ большой чинъ, нежели въ лицей....

— Я и самъ было думалъ такъ, вѣшался дядя Петръ Кузьмичъ. Да думаю себѣ: хлопецъ.... того.... молодой, прѣдетъ въ незнакомый городъ, знакомыхъ никого нѣтъ, такъ.... того.... неловко. А въ W живетъ съ своею женою Андрей Ивановичъ.... Мы съ нимъ когда-то были большіе пріатели.... авось.... того.. . приласкаетъ Васю!...

— Какой это Андрей Ивановичъ?

— А Вутневичъ.... тотъ, что служилъ со мною въ *** уланскомъ полку....

— Вутне-евичъ! сказалъ Каллистратъ Ивановичъ, ударивъ кулакомъ по столу.

— Ба, ба! не тотъ ли это, что женился на Палагѣ Никитишнѣ Вертихвостовой?

— Тотъ самый... А ты его знаешь?

— Самого-то его не знаю, да Палагею Никитишну знаю больно хорошо: вѣдь я за нею когда-то ухаживалъ и даже было посватался....

— Bravo! перебила Меланья Сидоровна.—А ты, голубчикъ, до сихъ поръ мнѣ ничего объ этомъ и не говорилъ!

— Эхъ, душечка! отвѣчалъ Каллистратъ Ивановичъ, цѣлуя руку жены.—Вѣдь всѣхъ своихъ старыхъ плутней не припомнишь!

— Благо было ихъ много! замѣтила Меланья Сидоровна, погрозивъ пальцемъ на мужа.

— Таки покутили на своемъ вѣку!... не правда-ли, старина? хе, хе! спросилъ Каллистратъ Ивановичъ у своего кума.

— Уфъ, покутили! задавали... того.... фарнапиксу.... ги, ги! развеселясь, сказалъ дядя.

— Да какъ же это ты, Петруха, не знаешь моей любовной исторіи съ Палагеей Никитишной, ась? продолжалъ нашъ сосѣдъ, набивая табакомъ свою трубку.—Развѣ я тебѣ никогда не рассказывалъ?

— А можетъ и рассказывалъ да самъ же ты говоришь, что всѣхъ твоихъ старыхъ.... того.... грѣховъ не припомнишь! смѣясь отвѣчалъ дядя Петръ Кузьмичъ, намазывая масломъ огромный ломоть булки.

— А нуте-съ, Калистратъ Иванычъ, расскажите-ка намъ, какъ это вы тамъ приволакивались за вашей... какъ ее.... Пашетой, что-ли! сказала Меланья Сидоровна, придвигаясь къ мужу.

— Хорошо, Малаша, я расскажу, а потомъ уже кстати расскажу, какъ и за тобой ухаживалъ.... хорошо? ха, ха, ха!...

И владѣтель Калистратовки расхохотался.

— Ну, ужъ это будетъ совершенно лишнее! замѣтила Меланья Сидоровна, немного покраснѣвъ и кокетливо покачавъ головою.

— Да ты, Малашечка, пожалуйста, не сердись.. Ужъ это дѣло прошлое!... Я былъ тогда еще молокосось, а она— настоящее ребя....

— Ну, ну, ну, старый хрѣнь, не оправдывайся! перебилъ дядя Петръ Кузьмичъ, прихлопнувъ кулакомъ по спинѣ своего говорливаго кума.—Катай.... того.... безъ всякихъ предисловій!...

— Ну, хорошо... слушайте же! началъ владѣтель Калистратовки, направивъ прямо на своего кума густую струю табачнаго дыма.

— Одинъ годъ какъ-то полкъ нашъ стоялъ въ Житомирѣ. Тамъ-то познакомился я съ отцемъ Палагеи Никитишны.... У него былъ въ городѣ свой домъ, и мы часто приходили къ нему повсть, попить, а иной разъ и поплясать.... Кто съ кѣмъ, а я все съ Палашей тары да бары, да баць! и врѣзался въ нее по уши.... Такая, правду сказать, была она смазливецькая, что и трудно было удержаться....

— Что ты такъ косо смотришь на меня, а? прерывая свой рассказъ, обратился къ женѣ Калистратъ Иванычъ.

— Продолжайте-съ! продолжайте! отвѣчала она, кивая головою,—мы слушаемъ!...

— Ну-съ, началъ онъ опять, съ улыбкой глядя на жену, думаю себѣ, что тутъ закладывать дѣло въ долгій ящикъ: объяснюсь съ Палашенькой поскорѣе... Самъ то я, знаете, былъ тогда молодчина хоть куда... не тебѣ пара, старому хрычу! (Послѣднія слова относились къ моему дядѣ). Валлій съ Богомъ, Каллистраша! говорю себѣ, и, надѣвъ новенькіе эполеты, нафабривъ усы и прихорошившись какъ слѣдуетъ, маршъ!... Самъ то я зналъ уже, что Палаша была одна только дома, а батюшка и мать ея уѣхали куда-то за-городъ на именины; горничная Палаша давно уже была подмазана мною, и передавала все, что въ домѣ дѣлалось... Вотъ вхожу въ залу. Никого нѣтъ! Я къ гостиной, да въ двери, знаете, зыркь!... Смотрю: Палаша моя сидитъ за пяльцами у окна и что-то вышиваетъ. Я... того... подкрался къ ней на цыпочкахъ, пригнулся да какъ гаркну по военному надъ самымъ ея ухомъ:—«Палагея Никитишна, чи вы меня любите?»...

— Ура! ха, ха, ха!... браво! браво! разразясь страшнымъ хохотомъ, закричалъ дядя Петръ Кузьмичъ. — Вотъ.... того... какъ его.... хи, хи! охо охо!... хо!...

— Пойдите, куманекъ, пускай кончитъ! нетерпѣливо сказала Меланья Сидоровна, слегка ударивъ рукою по плечу моего дядю.

— Она какъ вскочитъ со стула, продолжалъ Каллистратъ Иванычъ, повисивъ голову, — да какъ вскрикнетъ: «ахъ, какъ вы меня испугали!»...

А сама стала такая блѣдная, какъ вотъ эта скатеретка... Я бухъ на колѣни... схватилъ ее за руку, да и ну еще разочекъ: «душечка Палашенька, чи вы меня любите?» и чтобъ зарядъ мой не пропалъ даромъ, я чмокъ ее въ ручку... Она только тяжело дышетъ, а ручка такъ и трепещетъ, какъ пойманная живая рыбка... Была не была! думаю себѣ... Вскочилъ съ колѣнъ, схватилъ Палашу за талию да и чмокнулъ ее прямо въ губки...

— Чтожь вы думаете, братики мои, чѣмъ дѣло кончилось? коварно улыбаясь, заключилъ Каллистратъ Иванычъ. — Какъ

тамъ не красѣла и не блѣднѣла Палаша, а все-таки меня, молодца, поцѣловала!..

— Ну, кумъ, а потомъ что?... подсмѣиваясь спросилъ дядя.

— Да что? Вышло чортъ знаетъ что! отвѣчалъ тотъ, вытряхивая пепель изъ трубки. Поправилась потомъ одна проклятая полочка.... Уфъ, баба! вспомнить не могу!...

— Ахъ, ты вѣтренникъ! такъ-то вель ты себя до нашей свадьбы!.. такъ-то!.. такъ-то!.. говорила Меланья Сидоровна, вскочивъ со стула и дергая своего мужа за ухо.

— Ой, ой, ой! Малаша!.. не буду! право, не буду! кричалъ владѣтель Камлистратовки, стараясь высвободиться изъ рукъ жены. Перестань, Малаша!.. а то, право, начну рассказывать, какъ съ тобою объяснялся.... И еще что-то расскажу, добавилъ онъ, грозя пальцемъ на жену.

— Рассказывай, старый плуть! Рассказывай! смѣясь, говорила Меланья Сидоровна, продолжая драть своего мужа за ухо.

Вдругъ изъ растворенныхъ оконъ залы пронеслись по саду звуки фортепьяна, и такіе, мнѣ показались, заунывные, такіе грустные, что у меня сжалось сердце....

Я поспѣшно всталъ и отправился въ комнаты.

Уже смеркалось. Я потихоньку вошелъ въ залу. Всѣ окна были растворены, и теплый лѣтній вѣтерокъ навѣвалъ въ комнаты ароматическій запахъ цвѣтовъ....

Маргариточка, съ большимъ чувствомъ, играла какою-то милую, но грустную пьесу.

Чуть слышно сълъ я у раствореннаго окна, и, облокотясь на подоконникъ, сталъ внимательно вслушиваться въ игру Маргариточки, и задумался....

— Неужели, говорилъ я себѣ мысленно, глядя тоскливо въ окно на синюю даль небосклона: неужели и въ этотъ послѣдній вечеръ, я не добыю у нея рѣшительнаго признанія!.. Конечно, я почти увѣренъ, что она меня любитъ; но что это за любовь? Отчего она, эта вѣтренная Маргарита, зная, что завтра я уѣзжаю, и быть можетъ, на долго,

отчего она целый день сегодня была так рыва, весела... Было ли это притворство? Но ей только четырнадцать летъ, а въ такіе годы врядъ ли можно такъ искусно притворяться!..

Вдругъ Маргариточка вскочила съ табуретки, захлопнула фортепянь, подошла ко мнѣ, взяла двумя пальцами за мой подбородокъ и заговорила, качая своею блокурой головкой и протягивая слова на-распѣвъ:

— Ми-пый мой, Вася, пригорю-юнился!.. Онъ в-ѣдетъ завтра... ѣдетъ дале-еко!.. Ему уже хочется плакать, бѣ-ѣд-ненькому! ги! ги!..

— Я не думалъ, Маргарита... началъ было я, сильно раздсадованный ея шутками.

— Чего ты не думалъ? чего ты не думалъ, а? перебила она, проворно садясь возлѣ меня на стулъ и взявъ меня за обѣ руки.

— Какъ тебѣ, право, не стыдно Маргариточка! продолжалъ я, не столь уже твердымъ голосомъ. Я не думалъ, чтобы ты предъ моимъ отъѣздомъ была такъ весела, какъ сегодня... никогда не надѣялся!.. Мнѣ все казалось, что ты сколько вибуди меня любишь!..

— Не сколько вибуди, а очень даже люблю! это, кажется, должно быть тебѣ давно уже известно!

— Что это за любовь! отвѣчалъ я, печально кивнувъ головою. Развѣ это любовь?..

— Какъ же мнѣ, по твоему, нужно еще любить?

— Э, полно! замѣтилъ я, махнувъ рукою. Это не любовь!.. Когда я начинаю только говорить съ тобою про мои чувства къ тебѣ, ты вѣчно начинаешь шутить... подсмѣиваться надо мною... называешь меня мальчишкой, молоко... сосомъ!..

Маргариточка плутовски улыбнулась.

— Чего жъ тебѣ, наконецъ, хочется отъ меня? спросила она, не переставая улыбаться.

Я рѣшился поворотить дѣло круто.

— Маргариточка! сказалъ я нѣжно, съ чувствомъ пожимая ея руку. Еслибъ ты знала, какъ я тебя люблю!... Еслибъ я былъ увѣренъ, что ты меня также любишь.... я бы... я.... женился бы на тебѣ!...

При этихъ словахъ, Маргариточка, вскочивъ со стула и закрывъ лицо руками, начала вдругъ такъ звонко и весело смѣяться, что я не на шутку сконфузился.

— Ха, ха, ха!... вотъ мило!... ха, ха!... вотъ забѣвно! говорила она, ставъ передо мною и продолжала смѣяться. Выйти мнѣ теперь за-мужъ!... ха, ха, ха!...

— Ради Бога, тише: ты кричишь такъ громко, что насъ могутъ услышать! трусливо сказалъ я.

— Да, право, смѣшно!... какъ же это можешь ты на мнѣ жениться, когда завтра уѣзжаешь въ лицей? продолжала она въ полголоса, все еще не переставая смѣяться.

— И сама-то я, недѣли черезъ двѣ, должна быть опять въ пансіонъ.... да и за-мужъ, право, мнѣ еще вовсе не хочется!...

— Я совсѣмъ и не думалъ теперь жениться, сказалъ я, съ досады кусая ногти: я хотѣлъ только сказать, что еслибъ ты меня любила какъ слѣдуетъ, я женился бы на тебѣ, кончивъ курсъ въ лицей.... Но ты, я вижу, вовсе меня не любишь! прибавилъ я, уныло опустивъ голову и тяжело вздохнувъ.

— Право, ты вздоръ говоришь, Базиль! перебила Маргариточка, облокотившись на окно. Вы, мой милый студентикъ, я вижу, немножко замечтались сегодня....

— Ахъ, вонъ уже наши идутъ въ комнаты! добавила она, поспѣшно отходя отъ окна. Пойдемъ къ намъ навстрѣчу!... Я боюсь, чтобъ намъ не было еще какой бѣды съ нашей любовью.... Идемъ скорѣе, Базиль!...

И, схвативъ меня за руку, Маргариточка, напѣвая какую-то веселую пѣсенку, потащила меня въ садъ....

Глава X.

На другой день, часовъ въ десять утра, все уже было готово къ моему отъезду. Совсѣмъ уложенная бричка, запряженная тройкой лошадей, стояла уже у подъезда возлѣ небольшого и ветхаго домика въ нашемъ хуторѣ.

Каллистратъ Иванычъ, Меланья Сидоровна и Маргариточка прѣхали еще разъ проститься со мною, и навезли мнѣ на дорогу булокъ, пирожковъ, кренделей и разныхъ разностей.

Настала, наконецъ, минута разставанья. Помолившись предъ образами, всѣ мы, по старинному обычаю, присѣли и, не говоря ни слова, съ печальными лицами, просидѣли такъ нѣсколько минутъ.

Каллистратъ Иванычъ, сказавъ: «пора!» первый поднялся съ своего мѣста. За нимъ всѣ встали, и я началъ прощаться.

Дядя Пётръ Кузьмичъ, съ чувствомъ, обнялъ меня, и, благословивъ, крѣпко прижалъ къ своей груди. Когда онъ меня цѣловалъ, не одна слеза упала изъ его глазъ, и мокрой тепловатой струйкой скатилась по его печальному лицу.

Меланья Сидоровна безпрестанно утирала платкомъ свои глаза, а Маргариточка, стоя у окна, задумчиво склонила голову.

Съ душевнымъ волненіемъ я простился со всѣми.

— Эхъ, други, не горюйте! сказалъ Каллистратъ Иванычъ, выходя на крыльцо, и стараясь казаться спокойнымъ, хотя дрожавшій голосъ неволью измѣнялъ ему.

— Вѣдь посмѣтрите, какимъ молодцомъ воротится онъ къ вамъ!...

— Вѣдь на слѣдующій годъ ты, вѣрно, прикатишь къ намъ на каникулы, а? спросилъ онъ, горячо меня цѣлуя.

— Если Богъ поможетъ, прѣду... непременно прѣду! отвѣчалъ я, взволнованнымъ голосомъ.

— Ужь мы тебя всѣ будемъ ждать съ нетерпѣніемъ.... прѣзжай, братику, непременно!...

— Ну, Матюга, подкатывай! прибавилъ онъ, адресуясь къ кучеру, сидѣвшему уже на козлахъ.—А мы еще разъ поцѣлуемся!...

Я снова сталъ прощаться, и когда подошелъ къ Маргариточкѣ, печально стоявшей поодаль, мнѣ сдѣлалось вдругъ такъ тяжело на сердце, что губы мои задрожали, и я чуть было не заплакалъ.

— Цѣлуй ее, Васька! цѣлуй по-крѣпче! приказывалъ Калистратъ Иванычъ, толкая меня на Маргариту, и я, обхвативъ стройную талию милой сердцу моему сосѣдки, прильнулъ къ ее коралловымъ губкамъ со всею страстью влюбленнаго юноши.... Она замѣтила мое смущеніе, подмѣтила слезу, блеснувшую на моихъ рѣсницахъ, и погрозила пальцемъ, но съ такою непонятною улыбкой, что мнѣ стало и горько, и досадно....

Съ стѣсненнымъ сердцемъ, я отошелъ отъ нея, и хотѣлъ уже садиться въ бричку, какъ вдругъ Маргариточка подбѣжала ко мнѣ, и, схвативъ за руку, поспѣшно сказала:

— Пойдите, Вася! пойдите!... Я забыла сказать вамъ что-то по секрету!

— Ахъ вы, цыплята! прошу покорно.... такъ у васъ завелись уже секреты? закричалъ Калистратъ Иванычъ.

— А вы какъ думали, папá?... о! у насъ есть много секретовъ!... звонко засмѣявшись, отвѣчала Маргарита, и потомъ, наклонясь къ моему уху, тихо прибавила:

— Я вижу, ты уже собираешься плакать, Вася.... Знаешь что? Если ты будешь горевать, я перестану тебя любить.... Стыдно студенту хныкать!... Я хотѣлъ что-то отвѣчать, но только пружалобно покачалъ головою.

— Прощайте! едва выговорилъ я, поспѣшно садясь въ бричку.

— Пойдите, Вася! пойдите!.. еще одно слово! торопливо сказала Маргариточка, вскакивая на ступеньку брички, и, взявъ меня обѣими руками за голову, наклонила ее къ своимъ губамъ, и чуть слышно прошептала:

— Помни, Вася, что когда кончишь курсъ и воротишься къ намъ, я... выйду за тебя за-мужь!...

И, поцѣловавъ меня въ лобъ, она проворно соскользнула со ступеньки и взбѣжала на крыльцо.

— Ну, ну... съ Богомъ!... Прощай, братику, да насъ не забывай! закричалъ Каллистратъ Иванычъ.

— Прощай, Вася! Береги... того... свое здоровье! увещевалъ дядя Петръ Кузьмичъ.

— Прощай, милый Вася! Дай Богъ тебѣ тамъ счастья! напутствовала меня добрая Меланья Сидоровна, утирая платкомъ мокрые отъ слезъ глаза.

Adieu, Basile! Не забывайте....

Бричка, двинувшись съ мѣста, сильно затарахтѣла, и я не дослышалъ послѣднихъ словъ милой моей Маргариточки...

ВНУТРЕННЯЯ ИЗВѢСТІЯ.

Выставка сельскихъ произведеній въ Костромѣ и Лебедянн. Представленныя произведенія. Награды — Колонизація русскихъ степей. Первое переселеніе, въ 1766 году. Заселеніе Кавказской и Ставропольской губерній. Число переселенцевъ 1784 года. Заселеніе Екатеринославской и Таврической губерній стараньемъ Потемкина. Указъ Императрицы Екатерины II, о переселеніи государственныхъ крестьянъ. *Ходоки или садчики*. Причины медленности переселенія. Ходъ переселенія крестьянъ со времени учрежденія Министерства Государственныхъ Имуществъ. Выгоды переселенія. Еврейскія колоніи Екатеринославской губерніи. Купецъ изъ Евреевъ Моргаловскій. Число немецкихъ колоній. Первые заграничныя колонисты при Алексѣ Михайловичѣ. Колонизаціи при Петрѣ I, Аннѣ Иоанновнѣ, Елизаветѣ Петровнѣ. Манифестъ Екатерины II о переселенцахъ. Частныя колоніи, въ особенности въ Ингерманландіи. Вызватели иностранцевъ. Узаконеніе о колонистахъ Императора Павла. Колонія при Александрѣ I. Колонія при Императорѣ Николаѣ I. Въ какихъ губерніяхъ находятся иностранныя колоніи.— Извѣстіе о селѣ Домниинъ и объ исправленіи въ ономъ церкви, гдѣ похороненъ прахъ Ивана Сусанина.

Заканчивая предъидущую нашу статью описаніемъ выставки сельскихъ произведеній Вятской губерніи, мы упомянули, что такія же очередныя выставки были въ Костромѣ и Лебедянн. Очередныя выставки сельскихъ произведеній для человека, слѣдящаго за ходомъ развитія промышленности въ Россіи, весьма интересны, какъ выраженія той степени земледѣльческой, фабричной и заводской производительности, до котораго достигло въ настоящую минуту наше любезное отечество; они ясно представляютъ, въ какой мѣрѣ въ низшихъ слояхъ общества развернулось чувство изящнаго, всегда соединеннаго, или лучше сказать, выходящаго изъ внутренняго образованія человека, а поэтому этотъ признакъ умственнаго образованія народа очень важенъ для мыслителя.

По распоряженію Министерства, послѣдняя выставка сельскихъ произведеній въ Костромѣ, назначена была, въ послѣдней половинѣ сентября 1854 года, для губерній: Костромской, Ярославской, Владимірской, Тверской и Вологодской.

На выставку доставлено было: отъ 7 помѣщиковъ, 97 вещей; отъ 135 государственныхъ крестьянъ, 219 вещей; отъ 27 удѣльныхъ крестьянъ, 51 вещь; отъ 3 мѣщанъ, 4 вещи; отъ 3 купцовъ, 7 вещей; отъ завѣдывающаго Кологривскими казенными имѣніями, помощника, Окружнаго Начальника Войнова, 48; отъ помощника Костромскаго Окружнаго Начальника, 2; изъ общественнаго сада состоящаго при Федоровскомъ волостномъ правленіи, 5 вещей; всего отъ 178 лицъ и мѣстъ, 433 предмета; въ томъ числѣ изъ другихъ губерній, привезено было отъ Суздальскаго помѣщика Уманова, 13 предметовъ.

Всѣ эти предметы были раздѣлены на шесть отдѣленій:

I.) Произведенія земледѣлія: хлѣбъ разнаго рода въ снопахъ и зернахъ, кормовыя травы, огородныя и волокнистыя растенія. Изъ числа этихъ предметовъ заслужили особенное вниманіе слѣдующія:

а) *Хлѣбъ въ снопахъ.*

1.) Рожъ г. Дмитріева необыкновеннаго роста и полноты колосьевъ.

2.) Ячмень великанъ его же Дмитріева и ячмень Гималайскій г. Шипова.

3.) Въ небольшихъ пучкахъ представленныя, отъ г. Дмитріева и Шипова лезъ и отъ перваго снопы кукурузы.

б) *Хлѣбъ въ зернахъ.*

1.) Ржи одинадцать образцовъ, а именно: шесть представленные отъ крестьянъ, кустовая рожъ г. Дмитріева, яренская рожъ г. Степанова и яренская рожъ г. Воинова.

2.) Пшеницы лучшей четыре образца: франконская озимая г. Дмитріева, былотурка уд. кр. Сергѣя Гусева, и обыкновенная, одного уд. и одного гос. крестьянъ.

3.) Овса лучшаго пять образцовъ: англійскій г. Поливанова, арабскій г. Воинова, кустовой гос. кр. Федорова, англійскій уд. Кунова и обыкновенный Федорова.

4.) Ячменя, признаны лучшими пять образцовъ: ячмень великанъ г. Дмитріева, гималайскій г. Шипова, голый г. Степанова и три обыкновенныхъ выставленные отъ государственныхъ крестьянъ.

с) *Гороха* — признанъ хорошимъ одинъ образецъ: полевой скороспѣлый г. Купріянова.

d) *Полба* — заслужила вниманіе г. Дмитріева и гос. кр. Васильева.

e) *Хмеля* — признанъ лучшимъ одинъ образецъ гос. кр. села Куникова Соколова.

f) Изъ *кормовыхъ травъ* — найдены хорошиими: клеверъ и тимофеева трава, представленныя отъ г. Шипова, а также клеверъ г. Степанова.

g) Изъ *огородныхъ растений* — представленъ отъ двухъ крестьянъ лукъ; призванъ лучшимъ лукъ, уд. кр. Грофима Рябова.

h) Изъ представленныхъ образцовъ *льна*, обратили на себя особенное вниманіе: г. Шипова по крѣпости, шелковитости и близинѣ фабриканта Василья Зварыкина, гос. кр. Грѣхова и уд. кр., вдовы Анны Дорофеевой.

i) *Льняного стѣмени* — замѣчательнъ одинъ образецъ, уд. кр. Максима Михайлова.

j) Отъ Владимірскаго помѣщика Михаила Иванова Уманова присланы были въ папушкахъ восемь образцовъ *табаку*, разведеннаго имъ въ собственномъ имѣніи въ Юрьевъ-Польскомъ уѣздѣ болѣе десяти лѣтъ на одной десятинѣ и, для посѣтителей выставки, присланъ былъ въ особомъ ящикѣ, крошенный, въ сигарахъ, папирсахъ и въ порошокъ нюхательный. Табакъ этотъ, для улучшенія котораго не употребляется никакихъ соусовъ, можетъ быть во всеобщемъ употребленіи. Сверхъ того отъ г. Уманова присланы были въ кадкѣ просоленные огурцы необыкновенной величины, около аршина, которые разводятся въ парникѣ.

II.) Льняная пряжа, холсты, порины, полотены, столовое бѣлье, сукна и шерстяныя валеныя произведенія, въ числѣ 110 номеровъ.

III.) Металлическія вещи, земледѣльческія орудія и модели. Представленныя съ чугуно-литейнаго завода полковника Дм Пав. Шипова, слѣдующія вещи заслужили всеобщее одобреніе: 1) душникъ для механическихъ печей съ водою, 2) семь рельсовъ, 3) 15 малетовъ для накатки узоровъ на мѣдныхъ валахъ, 4) машина зуборѣзная въ 250 р. сер., 5) трепальная машина въ 35 р. сер., 6) каминъ въ 40 р. сер., 7) два вала зеленой мѣди въ 16 р. сер., 8) линейка англійской стали въ 16 р. сер., 9) двѣ пепельницы въ 6 р. сер. и 10) гвозди. Равномѣрно заслужили одобреніе: 1) изобрѣтенная Ярослав. мѣщ. Иваномъ Смирновымъ, ввѣльная машина, оцѣненная владѣльцемъ въ 25 р. сер.; 2) представленныя помѣщикомъ Степановымъ распашникъ для картофеля, американская одноконная борона, американская раздвижная, переверотная борона и модель молотилки съ билами; 3) издѣлія Костр. мѣщ. Алексѣя Дурлянина въ двухъ образцахъ: издѣліе иконостасныхъ церковныхъ вещей, тумбовая штука рѣзнаго мастерства и пьедестальная штука рѣзнаго мастерства съ позолотою; 4) модель мукомольной и пильной мельницы съ масло-

*

бойною, дѣйствующая однимъ и тѣмъ же приводомъ, принадлежащая гос. кр. Василью Ефимову, купленная полковникомъ Пасынковымъ за 8 р. 50 к. сер., и 5) пряжа гос. кр. Якова Ѳедорова.

IV.) Кожи, овчины, замши и одни полусапожки. Предметовъ четвертаго отдѣленія на выставку представлено было незначительное количество, хотя Костромская губернія славится своими кожевенными издѣліями, и есть главное депо кожаныхъ и ременныхъ вещей, а также и сапожнаго товара для нашихъ войскъ. Изъ представленныхъ немногочисленныхъ образцовъ, заслужили особенное вниманіе черные и бѣлые опойки гос. кр. Ипата Иванова.

V.) Деревянная и глинная посуда, желѣзные вещи, какъ-то: рѣзецъ, замки, запоры, подковы, косы, серьги, кольца; воскъ и медь, всего 48 нумеровъ. Изъ нихъ заслужили одобреніе: 1) кирпичи съ завода г. к. Платона Иванова; 2) желѣзные издѣлія гос. кр. Гаврилова, Васильева и Померанцева; 3) желтый воскъ уд. кр. Гусева и Иванова; 4) рѣзецъ, для вырезанія знаковъ на бочкахъ, уд. кр. Антонова.

VI.) Рогожи, лапти, варъ, сургучъ, сурикъ, скипидаръ, свѣчи и химическіе составы, съ завода дѣйствительнаго статскаго совѣтника Шипова, находящагося въ Кинешемскомъ уездѣ, а именно: 1) гарансинъ, 2) черный купоросъ, 3) бурый металлическій уголь, 4) уголь березовый въ кускахъ, 5) уголь березовый толченый, для очищенія жидкостей, 6) пригорѣлая уксусная кислота, 7) порошокъ сатурный (пригорѣло-уксусная кислая извѣсть), 8) черный сахаръ, сатурнъ, 9) чистая уксусная кислота, 10) бѣлый сахаръ, сатурнъ, 11) Шиповская соль, замѣняющая въ морданахъ и другихъ красильныхъ составахъ сахаръ-сатурнъ съ большею выгодною для фабрикантовъ.

Кромѣ этихъ вещей, г. Шиповымъ представлены другія вещи, добываемыя въ его имѣніи, какъ-то: чугунная руда, колчеданъ, корень марены, смолы для осмолки судовъ, деготь колесной. Всѣ эти вещи г. Шипова, и въ особенности гарансинъ, заслужили всеобщее одобреніе, равнымъ образомъ заслужили вниманіе: 1) свѣчи Костромскаго купца Геннадія Колодезникова и гос. кр. Никитина, 2) сурикъ гос. кр. Ѳедорова, 3) деготь гос. кр. Трифонова и 4) шахматная рогожи уд. кр. Константинова.

По разсмотрѣніи всѣхъ этихъ предметовъ, на основаніи отзыва экспертовъ, Комитетъ опредѣлялъ удостоить славующіе лица медалями:

Золотая медаль: Костромской губерніи, Кинешемскому помещику, капитану 2 ранга Семену Прокофьевичу Дмитріеву, за разведенную имъ въ имѣніи, превосходную по росту и величинѣ ко-

лосьевъ, рожь, пшеницу и ячмень, и за другія отлично-хорошія семена разнаго рода.

Большія серебряныя медали: 1-я, дѣйствительному статскому совѣтнику Александру Павловичу Шипову, за разведенный имъ въ имѣніи Костромской губерніи, Кинешемскаго уѣзда, превосходной по крѣпости, шелковитости и бѣлизнѣ ленъ и разнаго рода зерновой хлѣбъ; 2-я, гос. кр. Чернозаводской конторы Дмитрію Грѣхову за очень хорошее тонкое полотно, какъ въ выбѣленномъ, такъ и сырцовомъ видѣ, и выдѣлку очень хорошаго льна.

Малыя серебряныя медали: 1-я, Владимірскому помѣщику, М.И. Уманову, за разведеніе съ успѣхомъ разныхъ сортовъ курительнаго табаку и выдѣлку изъ онаго нюхательнаго; 2-я, гос. кр. Костромской губерніи села Куникова Андрею Коковиллову, за отлично-хорошій, крупный хмѣль, примерно и въ большомъ количествѣ разведенный; 3-я, Московскому купцу 3-й гильдіи Ивану Попову, за хорошее приготовленіе пряжи и за ткацкое производство въ Костромскомъ уѣздѣ, весьма хорошей доброты и въ значительномъ количествѣ, фламскаго полотна и ревендука.

Сверхъ того многія удостоены были отъ Комитета выставки похвальными листами и денежными преміями, между прочими:

Коллежскому совѣтнику М. М. Поляванову за весьма хорошее производство столоваго бѣлья изъ русской пряжи, въ Костромской губ. въ Юрьевецкомъ уѣздѣ, Костром. мѣщ. А. Дурлявину, за отлично-хорошую и отчетливую рѣзную на деревѣ работу, прочное и чистое золоченіе деревянной церковной утвари; Костром. округа, села Яковлевскаго, гос. кр. Сосипатру Дмитріеву, за отличнаго достоинства скатерти, салфетки и полотенцы; той же округи, деревни Качалокъ, кр. Григорью Андрееву, за полотна и салфетки хорошаго достоинства и хорошаго произведенія; деревни Ѳеодосѣева, той же округи кр. Василью Ефимову, за модель мукомольной и пильной мельницы съ маслобойной, дѣйствующей однимъ и тѣмъ же приводомъ; уд. кр. Ѳеодору Антонову, за кленовыя ложки съ рѣзбою и позолотою.

Денежныя преміи: уд. кр. Реунову, за рѣзецъ для вырѣзанія знаковъ на бочкахъ; гос. кр. Якову Ѳеодорову, за прялку, отчетливо сдѣланную.

Лебедянская выставка сельскихъ произведеній для губерній: Тамбовской, Рязанской, Тульской, Орловской и Воронежской, была открыта 22 сентября 1854 года, послѣ молебствія съ водосвѣтіемъ,

въ присутствіи г. Директора Департамента Сельскаго Хозяйства, тайнаго совѣтника Левшина и Членовъ Комитета Выставки.

Выставка въ этомъ году была небогата числомъ представленныхъ произведеній; причинами тому были: дурной урожай хлѣбовъ въ 1854 году и затруднительная перевозка произведеній, по продолжавшимся около полутора мѣсяца дождямъ, которые испортили дороги и сверхъ того замѣдило уборку хлѣба съ полей. Всѣ предметы, представленные на выставку, были раздѣлены на отдѣленія.

Въ 1 отдѣленіи, помѣщены произведенія земли въ сырѣмъ ихъ видѣ, какъ-то: всѣ роды воздѣлываемыхъ хлѣбовъ, кормовыхъ травъ, масличныя растенія, предметы садоводства и огородничества:

Пшеницъ озимыхъ представлено было 11 образцовъ различныхъ сортовъ, отъ помѣщиковъ и государственныхъ крестьянъ; нѣкоторые изъ нихъ въ зернѣ и снопахъ. Пшеница въ семь году была гораздо мельче обыкновеннаго. Лучшею пшеницею были Рязанскихъ помѣщиковъ Коренева, такъ называемая имъ *панферовка*, Н. П. Шишкова и Лебедянскаго пом. Д. В. Наумова—красноколоска.

Пшеницъ яровыхъ было представлено 10 образцовъ, всѣ посредственнаго качества, кромѣ пшеницы гос. кр. Черноусова; она была отличной доброты.

Ржи озимой выставлено было отъ помѣщиковъ и государственныхъ крестьянъ 13 образцовъ, изъ которыхъ нѣкоторые были въ снопахъ и зернахъ. Особенно отличалась ростомъ (до 2¹/₂ арш.) князя А. М. Голицына.

Овса было отъ 15 представителей различныхъ сортовъ, какъ-то: бервикъ, берли, арабскій, камчатскій, венгерскій и русскій. Овсы родились въ этомъ году лучше другихъ хлѣбовъ, что видно было, какъ по представленнымъ образцамъ зерна, такъ и по колосу сноповъ; лучшими изъ нихъ были князя А. М. Голицына, всомъ 36 фунтовъ въ мѣрѣ, и М. И. Давыдовскаго «берли» всомъ въ 36¹/₂ фунтовъ. Особенно же замѣчательнымъ былъ овесъ арабскій въ снопахъ, отличавшійся своею богатою волотью; но по темному цвѣту своему, какъ необыкновенному, онъ въ торговлѣ не имѣетъ цѣнности, хотя, по удостовѣренію представителей, какъ по качеству соломы, такъ и умолоту, почитается выгоднымъ въ хозяйствѣ.

Гречиха была только отъ 4-хъ представителей, по причинѣ скуднаго урожая этого хлѣба и поздней отъ дождя уборки; лучшею же была гос. кр. Водопьянова.

Просо было двухъ сортовъ: красное отъ 5-ти представителей, и бѣлое, по названію фарфоровое, отъ центральной Липецкой фермы;

изъ образцовъ краснаго проса отличались полнотою зерна Елецкаго округа гос. кр. Миленина. Хотя бѣлое просо, при обработкѣ его въ пшено, гораздо выгоднѣе, однако, по бѣлому цвѣту, его неохотно покупають, ибо требуется болѣе желтаго цвѣта.

Эmerz прислано было отъ Борисоглебскаго пом. Х. П. Козлова, нѣсколько колосьевъ; по новости сего хлѣба, въ здѣшнихъ мѣстахъ неразводимаго, польза этого растенія не могла быть опредѣлена.

Гороха было выставлено различныхъ сортовъ 9-ть образцовъ, изъ коихъ было *крупнаго* 2, *мелкаго* 4, и такъ называемаго *персидскаго* четверть — граннаго 3. Всѣ образцы гороха были средняго качества; лучшими изъ нихъ признаны: крупный Борисоглебскаго помѣщика Х. П. Козлова, мелкій гос. кр. Гаманова и ровный Веневскаго помѣщика Похвиснева; что же касается до четырехъ граннаго персидскаго, то эксперты, не видя онаго въ продажѣ, не могли опредѣлить его пользы.

Масличныя растенія. *Конопля* выставлена была отъ 5-ти представителей; особенно высокимъ ростомъ, до 3-хъ аршинъ, отличалась выставленная Данковскимъ пом. княземъ Л. М. Голицынымъ; сѣмя же лучшимъ признали Ефремовскаго помѣщика Давыдовскаго и гос. кр. Минина.

Льняное сѣмя отъ одного представителя посреднее.

Сѣмя китайской рѣдьки отъ 4-хъ представителей; лучшимъ признано центральной Липецкой фермы и Н. П. Шишкова.

Мака было 4-ре образца, изъ коихъ эксперты признали лучшимъ макъ бывшаго воспитанника Липецкой ц. фермы гос. кр. Булычева.

Горчица представлена была въ 6-ти образцахъ; лучшими были: желтая отъ ц. Липецкой фермы и бѣлая Рязан. помѣщ. Коренева.

Раисъ былъ въ 2-хъ видахъ, отъ центральной фермы и Рязанскаго помѣщика Коренева, разнаго качества.

Кормовыя травы. Сѣмена, *краснаго клевера* были выставлены отъ 3-хъ представителей; сыромолотныя Лебеянскаго помѣщика Д. В. Наумова, признаны лучшими, всѣ въ мѣрѣ были 54½ фунта. Посѣвъ клевера особенно на сѣмена распространены наиболѣе въ Елецкомъ уездѣ.

Тимофеевой травы также было три образца; лучшія сѣмена были воспитанника центральной Липецкой фермы Ливенскаго округа гос. кр. Булычева. Во многихъ хозяйствахъ тимофеева трава высушивается вмѣстѣ съ клеверомъ, что нѣкоторымъ образомъ обезпечиваетъ укусы на зеленый кормъ, и болѣе для свина.

Шпергель или *торицы* представлена отъ 6-ти хозяевъ, качествомъ сѣмена были почти одинаковы. Посѣвъ торицы распространяется даже и на черноземной почвѣ, на которую хозяева высѣвають ее въ пору для корма скота или скашиваютъ на сѣно.

Вика или *кормовой горошекъ*, отъ 5-ти представителей; отъ 2-хъ бѣлый, который имѣеть то превосходство, что зерна его идутъ въ пищу людямъ, почему приносятъ двоякую пользу; лучшимъ признанъ Веневскаго помѣщика Д. В. Похвиснева.

Чечевича было 4-ре сорта; лучшею признана брабантская, его же г. Похвиснева.

Кукуруза кормовая и другихъ сортовъ представлена была въ 4-хъ сортахъ; гг. Коренева и Козлова признаны лучшими. Къ сожалѣнію, по отзыву хозяевъ, кукуруза въ здѣшнемъ краѣ не можетъ быть кормовымъ растеніемъ.

Крапъ, коренья и растенія, представлены были Рязанскимъ помѣщ. Кореневымъ; самое растеніе, какъ видно, было довольно высоко, но доброту кореньевъ, по одному виду, опредѣлить невозможно.

Желтничъ или *дикій шафранъ*, отъ него же г. Коренева.

Табакъ отъ 9-ти представителей въ папушкахъ и нюхательный въ картузахъ. Изъ листовыхъ табаковъ американскихъ, лучшими оказались, по виду, сбора 1853 и 1854 годовъ Лебедянскаго помѣщ. Н. И. Александрова и Тульской помѣщ. Н. И. Сухотиной, и русский, такъ называемый табакъ мохарка, двороваго челоуѣка Осипа Никифорова, и нюхательной табакъ, домашняго издѣлія Липецкой помѣщ. Т. Д. Левшиной.

Корнеплодные растенія. Картофель въ образцахъ, лучшимъ признанъ красный Лебедянскаго помѣщ. Д. В. Наумова и бѣлый Лебедянскаго же помѣщ. Н. А. Соймонова; красный картофель меньше подверженъ болѣзнямъ, хотя и не такъ урожаенъ.

Сахарная свекловица была представлена отъ гос. кр. Лебедянскаго уѣзда, села Пароя, Семена Фролова, Василія Языкова и Данковскаго уѣзда, села Черехвали, Егора Гаманова и Ивана Зайцева; она была почти одинаковаго качества. Воздѣлываніе свекловицы, въ упомянутыхъ селеняхъ, быстро распространяется по сосѣдству оныхъ съ свекло-сахарными заводами, доставляя выгоду не только тѣмъ домохозяевамъ, которые ее воздѣлываютъ, но кромѣ того доставляется много заработковъ жителямъ тѣхъ и другихъ селеній обоюго пола, безъ отлучки отъ своихъ семействъ.

По части *садоводства*: были представлены только разныхъ сортовъ яблоки, изъ коихъ отличались превосходствомъ и величиною

'Гульского мѣщ. Николая Булыгина, имѣющаго въ 'Гулѣ огромный питомникъ яблонь, грушъ и плодовыхъ кустарниковъ, что было видно изъ его преисъ-куравта; за тѣмъ очень хорошими были, апортовыя и антоновка гос. кр. Елецкаго уезда И. Минина.

Огородныхъ овощей также было немного; болѣе замѣчательны были *тыква*, до 2-хъ пудовъ вѣса, Елецкаго купца Ростовцева.

Новозеландскій шпинатъ, отъ Рязанскаго помѣщика Коренева.

Растительный мозгъ, разнаго рода капуста и коренья были представлены отъ Лебед. помѣщ. И. А. Соимонова. Данковскій помѣщ. Н. И. Шамаковъ представилъ новое огородное многолѣтнее растеніе, замѣняющее шпинатъ, фитолакка (*Phitholassa esculenta*), сѣмена котораго и были розданы желающимъ. Много было представлено сѣмянъ огородныхъ растений отъ центральной фермы, Рязанскаго помѣщика г. Коренева и Борисоглѣвскаго г. Козлова.

Всѣхъ предметовъ по сему отдѣленію было 180.

Во второмъ отдѣленіи были земледѣльческія орудія и машины.

Сѣяльная машина Г. Гриневецкаго, по простотѣ, удобству и дешевизнѣ, быстро распространяется въ хозяйствахъ; она была награждена отъ Лебедянскаго общества въ 1853 году золотою медалью, а на состязаніи, бывшемъ при Московскомъ Обществѣ Сельскаго Хозяйства, на сонсканіе предложенной золотой медали, она превзошла своими хорошими качествами, другіе сѣялки и соответствовала всѣмъ предложеннымъ въ программѣ условіямъ весьма удовлетворительно.

Сортировка Вараксина, за простоту устройства и отличнаго исполненія своего назначенія, награждена въ 1852 году серебряною медалью.

Сѣялка для свекловицы Г. Гриневецкаго, награждена въ 1852 году, на Московской выставкѣ, серебряною медалью.

Жатвенная машина Мак-кормина, сдѣланная по образцу привезенной съ лондонской выставки, гдѣ заслужила первую премію; по отзыву Гг. членовъ Лебедянскаго общества, она хотя и исполняетъ свое назначеніе, но не можетъ быть принята въ хозяйствахъ, какъ по тяжести своей, такъ и по сложному устройству, подверженному частымъ ломкамъ, которыя не во всякомъ хозяйствѣ могутъ быть исправлены.

Американской плугъ Старбурна. Оригиналъ его доставленъ съ лондонской выставки А. И. Камелевымъ; здѣсь на выставкѣ были уже три экземпляра этого орудія отъ центральной Липецкой фермы, Н. П. Шишкова и П. И. Ростовцева, что уже самое доказываетъ

быстрое его распространіе. Дѣйствительно, по свидѣтельству членовъ Лебед. общ. Сел. Хоз., этотъ плугъ можетъ быть предпочтенъ прочимъ для обработыванія распашной земли.

Пропашникъ Безбія также привезенъ съ Лондонской выставки; по отзыву хозяевъ, очень удобенъ для пропашки и разрыхленія земли между картофелемъ и свекловицею, но, по цѣнности своей, скоро можетъ быть введенъ въ общее употребленіе.

Американская маслобойня, по простотѣ и удобству, уже довольно распространилась въ хозяйствахъ, чему служитъ доказательствомъ то, что она была выставлена отъ трехъ представителей.

Лопка, замѣняющая при кошеніи хлѣба крюкъ, введенная въ употребленіе Веневскимъ помѣщикомъ Поханцевымъ, и, по испытаніи на въздѣхъ хозяевъ въ 1853 году у г. президента Лебедянского Общества Сельскаго Хозяйства, награждена отъ общества серебряною медалью. По простотѣ и дешевизнѣ сего орудія, облегчающаго трудъ, она распространяется быстро.

Молотильная машина, американскаго устройства, доставленная Тульскимъ оружейникомъ Н. М. Коноваловымъ, отличалась прочностью и дешевизною (180 руб. серебромъ), что даетъ возможность имѣть ее хозяевамъ средняго состоянія. Въ особенности правильному ходу привоза способствуетъ устройство возилъ, поставленныхъ не прямо на горизонтальномъ колесѣ, а утвержденныхъ въ особой чугунной коробчкѣ.

Турбина, швырялка или центробѣжка (такъ называютъ ее въ сахарныхъ заводахъ), для отдѣленія кристалловъ отъ патоки и пробѣжки сахара, представлена была отъ сына Елецкаго почетнаго гражданина П. И. Ростовцева; сдѣлана довольно хорошо и прочно, по цѣнѣ своей не такъ дорога. Замѣчено было, что если бы вмѣсто чугунныхъ зубьевъ, на большомъ колесѣ были поставлены деревянные, то машина шла бы легче.

Пильный снарядъ, хотя не есть новостъ, замѣчательнъ тѣмъ, что сдѣланъ былъ гос. кр. Лебедянскаго уезда Николаемъ Стрѣльниковымъ.

Глыбодробъ совершенно новаго устройства: это обыкновенный деревянный катокъ, въ діаметрѣ 7 вершковъ, на которомъ насажены спирально желѣзныя скобки (4 вершка длины и $1\frac{1}{2}$ вершка ширины каждая скобка); онъ сдѣланъ изъ рѣзнаго желѣза и верхній край ихъ заостренъ.

Борона г. Высоцкаго имѣетъ видъ трапеціи; 13 зубьевъ дѣлаютъ борозды въ $1\frac{1}{2}$ вершковомъ разстояніи одну отъ другой;

очень удобна для выкорачиванія изъ пашни пырейныхъ корней, но для одной лошади довольно тяжела.

Борона трех-угольная. Она сдѣлана изъ рисунка американской бороны, имѣеть два шарнера на среднихъ брускахъ: почему она, сгибаясь при неровности пашни, даетъ возможность зубьямъ прорываться землю какъ въ небольшихъ углубленіяхъ, такъ и на возвышенностяхъ. Три послѣднія орудія представлены были Данковскимъ помѣщикомъ Н. П. Шишковымъ.

Улучшенная соха съ деревяннымъ отваломъ гос. кр. Лебедянского уѣзда Н. Стрѣльникова, по испытаніи, оказалась довольно удельствительною, но требуетъ сильной рабочей лошади.

Шраубциинги сдѣланы были по американскому рисунку новаго устройства, зажимающія при склейкѣ дерева совершенно параллельно; признаны болѣе удобными прежнихъ въ столярной работѣ, по своей простотѣ и пользѣ; представлены были отъ Данковского помѣщика Н. П. Шишкова.

Модели: 1) молотильной машины, вмѣстѣ съ вѣялкою и зерносушительною, 2) жома и 3) сноповаго овина, были представлены отъ Новосильскаго помѣщика Г. А. Мясоѣдова. Комитетъ выставки, по однимъ моделямъ, не могъ опредѣлить вполне ихъ достоинства, но обратилъ вниманіе на трудъ изобрѣтенія.

Модель воскобойни представлена гос. кр. Катковымъ.

Модель водоподъемной машины представлена отъ гос. кр. Лебедянского уѣзда Луки Сотникова и модель водяной - мельницы, отъ гос. кр. Сапрыкина.

Изъ сихъ трехъ послѣднихъ моделей, по мнѣнію Комитета выставки, можетъ быть приложена къ дѣлу лишь воскобойня; прочія же не заслуживаютъ вниманія, но въ видѣ поощренія имъ присуждена денежная премія.

Стѣнные деревянные часы представлены отъ гос. кр. Гоманова; хотя сдѣланы довольно грубо и вѣрность хода ихъ сомнительна, однако трудъ и мысль крестьянина устроить часы обратили на себя вниманіе Комитета выставки.

По сему отдѣленію было представлено 27 предметовъ.

Третье отдѣленіе, заключало въ себѣ сырыя произведенія въ дальнѣйшей обдѣлкѣ.

Особенное вниманіе Комитета выставки обратилъ на себя *пшеничный крахмалъ*, представленный отъ Данковского помѣщика Н. П. Шишкова, въ 3-хъ видахъ, на манеръ англійскаго, берлинскаго

и 2-й сортъ. Выдѣлываніе крахмала представляетъ особую выгоду въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ пшеница бываетъ дешева.

Картофельнаго крахмала было представлено четыре образца, отъ четырехъ представителей, всѣ очень хорошаго качества, но лучшими изъ нихъ признаны Данковскихъ помѣщиковъ кн. Л. М. Голицына и Н. П. Шишкова. Простота производства крахмала изъ картофеля и выгоды отъ него получаемыя, такъ уже умножили число заводовъ, что цѣна картофельнаго крахмала очень понизилась, но за всѣмъ тѣмъ заводчики находятъ пользу доставляемую воздѣлываньемъ картофеля въ полеводствахъ.

Свекловичный сахаръ отъ Н. П. Шишкова и съ завода кн. Васильчиковой, оба проблены центробѣжной силой; лучшимъ же былъ признанъ сахаръ Н. П. Шишкова.

Масло изъ китайской рѣдьки, Лебедян. помѣщ. Н. И. Александрова.

Масло изъ раиса Рязанскаго помѣщика Коренева, оба отличнаго качества.

Кровельная бумага представлена была отъ трехъ представителей, обдѣланная по способу Н. П. Шишкова, цементомъ; лучшею оказалась князя Л. М. Голицына, отъ него же представлена была кровельная бумага въ сыромъ видѣ, картузная и оберточная; всѣ очень хорошаго качества.

Бичева для судовыхъ парусовъ и для обшивки ихъ, представлена была отъ гос. кр. В. Каткова и Трубищенныхъ, отличной доброты; лучшею признана В. Каткова.

Мочальные кульки представлены были отъ гос. кр. Медвѣдева, очень хоршей работы.

По сему отдѣленію представлено 19 предметовъ.

Четвертое отдѣленіе заключало въ себѣ пряжу изъ льна, пеньки и шерсти, полотна, холсты, крестьянское сукно, нонитки и пестрядь.

Первое мѣсто занимало полотно и салфетки отличной тощины Данковскаго помѣщика князя Л. М. Голицына; пряжа была всѣмъ въ 4 и 6 золотниковъ талька; за тѣмъ лучшими были домашнія издѣлія филейныя и песцовыя вязанныя косынки и ковры Елецкой помѣщицы Тарасовой.

Холсты были представленъ отъ 80 представителей.

Кружева были представлены отъ 16 представителей; лучшими признаны гос. кр. А. Агафиной и М. Пабошиковой.

Одѣла были присланы отъ четырехъ представителей; лучшими оказались гос. кр. М. Мышковой и М. Пановой.

Нитки и пестрядь были представлены отъ 30 представителей.

По сему отдѣленію представлено было 149 предметовъ.

Пятое отдѣленіе заключало въ себѣ крестьянскую одежду, юбки, кумаки, чулки и проч.

Крестьянки Тамбовской губерніи славятся юбочнымъ и кумачнымъ тканьемъ; въ Москвѣ мы видали эти полосатыя шерстяныя ткани употребляемая во многихъ домахъ вмѣсто половинокъ. Лучшими изъ этихъ издѣлій были работы гос. кр. Т. Гарасовой, А. Стрѣльниковой, А. Дмитріевой и П. Селезневой.

Чулки были представлены отъ гос. кр. М. Ивановой.

Дворовая женщина г. Дошнянскаго Аграфена Нестерова выставила лошадиную вязаную попону, которая была немедленно куплена однимъ коннозаводчикомъ.

Сапоги были довольно удовлетворительной работы; лучшія — гос. кр. Василя Луговнинова (слѣпаго).

Въ этомъ отдѣленіи было 44 предмета.

Въ *шестомъ отдѣленіи* были издѣлія изъ дерева и желѣза, тутъ же помѣщались издѣлія глиняныя.

Государственный крестьянинъ Василій Нагибинъ представилъ мундштуки, подковы, удила и прочія конныя вещи отличной работы.

Карета, тарантасъ и телега гос. кр. Лебедянскаго уѣзда Ѳ. Стрѣльникова были вещи прочно сдѣланныя, карета поэтому вышла очень тяжела.

Черепица весьма удовлетворительнаго качества, доставленная отъ крестьянина Харлама Бабрышева, ясно говорили, что у насъ вездѣ есть подъ руками матеріалъ, который можетъ замѣнить соломенные крыши.

Домашній рогатый скотъ, составлялъ *седьмое отдѣленіе*. Это отдѣленіе было весьма бедно, по случаю недавно прекратившагося скотскаго падежа около города Лебедяни; было представлено отъ Лебедянскаго помѣщика Наумова семь штукъ — его коровы, телки и бычекъ не были тѣ значительныя большія скотины, которыя туземцы привыкли видѣть выходящими изъ конюшенъ покойнаго А. А. Пашкова, и порода которыхъ сдѣлалась извѣстна подъ именемъ *Пашковской*.

Награды были присуждены малыя серебряныя медали, въ видѣ поощренія. 1) Лебедянскому помѣщику Д. В. Наумову, за скотъ

2) Лебедянскому помѣщику Н. И. Александрову, за табакъ; 3) Тульскому оружейнику Коновалову, за молотильную машину и 4) сыну Елецкаго почетнаго гражданина П. И. Ростовцову за турбину и плугъ Старбурна.

Выставка, по случаю окончанія ярмарки и малаго числа посвѣтелей, была закрыта 27 сентября 1854 года.

Описаніе этихъ двухъ выставокъ мы заимствовали изъ журнала М. Г. И.; изъ этого же прекраснаго журнала мы будемъ имѣть честь сообщить свѣдѣнія о мѣрахъ принимаемыхъ правительствомъ къ переселенію государственныхъ крестьянъ.

Въ государствахъ, обладающихъ обширными землями, составляетъ весьма любопытный для историка предметъ, порядокъ ихъ заселеній,—колонизація. Отличительная черта исторіи нашей колонизаціи состоитъ въ томъ, что она всегда совершалась при ближайшемъ, можно сказать непосредственномъ участіи, правительства. Когда Россія, при незначительномъ населеніи, заключалась еще въ предѣлахъ нынѣшнихъ внутреннихъ губерній, Московской и прилежащихъ къ ней, тогда земли раздавались правительствомъ съ дозволеніемъ «называть крестьянъ». Въ XVI вѣкѣ, русскіе проникли въ отдаленную Сибирь и здѣсь, съ XVII вѣка, колонизація начала совершаться исключительно подъ непосредственнымъ распоряженіемъ правительства, которое предписывало воеводамъ заботиться объ устройствѣ такъ называвшейся десятинной государевой пашни: «на угрожихъ мѣстахъ крестьянъ въ пашню строити, и называть въ пашню, въ крестьяне вольныхъ гуляющихъ людей, изъ подмоги и изъ льготы». Въ началѣ XVII вѣка, русскія поселенія уже существовали на отдаленномъ востокѣ, на верховьяхъ Лены; а между тѣмъ ближайшія области, весь нынѣшній Новороссійской край, значительная часть Воронежской, Саратовской, Ставропольской, Астраханской губерній, все заволжье были еще въ гражданскомъ смыслѣ пустынею,—достояніемъ бездомныхъ кочевниковъ. Правда, и сюда проникали уже русскіе населенія, но это дѣлалось только вслѣдствіе влеченія къ раздолью и простору (*).

Когда съ одной стороны буйная вольница запорожская и дикія орды татарскія должны были уступить, окруженные со всѣхъ

(*) Въ южной степи русскій элементъ началъ проникать съ расселенія по ней казаковъ. Мартынъ Борневскій еще въ XVI вѣкѣ упоминаетъ о весьма богатомъ и обширномъ хуторѣ одного русскаго, находящагося въ глубинѣ тогдашней Очаковской области, нынѣшней Херсонской губерніи.

сторонъ правильною силою гражданскою, а съ другой на юго-востокъ отъ нее бѣжавшій, по той же силѣ, Ханъ-Убаши очистилъ отъ послѣдней калмыцкой кибитки Саратовское Заволожье, весь этотъ обширный край сдѣлался полнымъ, безспорнымъ достоянствомъ мирной осплодотворенности, прочнаго водворенія для трудолюбія и гражданской жизни.

Для колонизаціи столь огромнаго пространства были употреблены правительствомъ и собственныя внутреннія средства: переселенія государственныхъ крестьянъ изъ внутреннихъ губерній, раздача земель частнымъ владѣльцамъ для заселенія, и наконецъ вызовъ переселенцевъ изъ чужихъ краевъ, болѣе людныхъ.

Начало этого рода переселеній, какъ мѣры правительственной, относится къ 1756 году, когда коллегія экономіи, завѣдывающая поступившими въ казну отъ монастырей имѣніями, представила сенату свое предположеніе, въ отвращеніе неудобствъ, происходящихъ отъ малоземельности нѣкоторыхъ селеній ея вѣдомства, переселить извѣстное число крестьянъ на другія, болѣе обильныя землею мѣста. Какъ въ то же самое время производилось переселеніе волжскихъ казаковъ изъ Астраханской губерніи на берега Терева, то сенатъ и приказалъ перевести на эти земли, изъ экономическихъ вотчинъ, 2.000 душъ, съ тѣмъ, чтобы оставшіеся платили за нихъ государственныя подати и оброчныя деньги. Самымъ переселенцамъ дана была льгота отъ податей на полтора года; на коллегію экономіи возложена была обязанность снабдить ихъ всеми пособіями, нужными для первоначальнаго обзаведенія. Въмѣстѣ съ симъ, сенатъ, не ограничивался этою частною мѣрою, предписалъ коллегіи пріискать удобныя къ поселенію экономическихъ крестьянъ мѣста и составить объ этомъ предметѣ подробное и общее предположеніе. Коллегія не замедлила исполнить это предписаніе, и съ 1781 года, получила разрѣшеніе переселить крестьянъ своего вѣдомства, числомъ до 24.000 душъ, на порожнія и удобныя къ хлѣбопашеству мѣста въ губерніяхъ Азовской и Новороссійской; при чемъ принято было за правило давать переселенцамъ льготу отъ податей на полтора года съ тѣмъ, чтобы въ теченіе сего времени подати платились за нихъ жителями прежняго ихъ селенія.

Въ 1782 году, новымъ мѣстомъ для переселенія назначена была Кавказская или нынѣшняя Ставропольская губернія, составляющая обширную степь, простирающаяся по линіи Моздокской. Вслѣдъ за тѣмъ, именно въ 1784 году, по поводу просьбы Орловскихъ од-

подворцевъ переселиться на Кавказскую линію, право на переселеніе распространено на всехъ вообще государственныхъ крестьянъ, съ представленіемъ тѣхъ же льготъ отъ платежа податей и съ назначеніемъ сверхъ того переселенцамъ въ Кавказскую губернію по 20 руб. на подставку дворовъ.

Въ теченіе одного 1784 года переведено было въ Кавказскую губернію:

Изъ Намѣстничества Тамбовскаго	270	душъ.
Курскаго	2 649	—
Пензенскаго	564	—
Воронежскаго	362	—
Орловскаго	17	—

Итого 4,382 души.

Въ 1785 году туда же переселено было изъ Пензенскаго и некоторыхъ другихъ Намѣстничествъ 1,800 человекъ однодворцевъ и государственныхъ крестьянъ.

Вскорѣ открылись для переселенія новыя обширныя пространства: Екатеринославское намѣстничество и Таврическая область. Оживленіе этого края была предметомъ особеннаго вниманія князя Потемкина, и съ этою цѣлю устраивали здѣсь, по его приказанію, новыя селенія, какъ русскихъ крестьянъ такъ и колонистовъ, вызванныхъ въ Россію изъ разныхъ частей Германіи.

Въ 1787 году, послѣ посѣщенія Новороссійскаго края самой Императрицею, переходъ малоземельныхъ крестьянъ въ Екатеринославское намѣстничество и Таврическую область разрѣшенъ былъ именнымъ Ея указомъ, въ которомъ между прочимъ сказано:

«Удостоверившись собственнымъ нашимъ обозрѣніемъ въ плодоносія пространствъ земель, въ намѣстничествѣ Екатеринославскомъ и области Таврической, и въ разныхъ выгодахъ, для обывателей сихъ странъ, отъ мѣстнаго положенія протекающихъ, и вѣдая, что въ числѣ селеній вѣдомства директора домоводства по разнымъ губерніямъ находятся и такія, кои не изобилуютъ количествомъ земли, съ умноженіемъ же народа являющую въ томъ нужду нивтъ могутъ, признали Мы за благо предписать нашимъ генералъ-губернаторамъ и правящимъ ту должность, дабы отъ нихъ объявлено было надлежащимъ порядкомъ поселянамъ вѣдомства директора домоводства разнаго званія, наипаче же такъ селеній, кои въ

землях нужду ощущаютъ, что они могутъ переселиться на земли плодородныя. въ Екатеринославскомъ наместничествѣ и Таврической области состоящія (*)».

Къ исполненію воли Императрицы приступлено было немедленно, и, уже въ 1787 году, дозволено было изъ Курской губерніи переселить въ Екатеринославское наместничество 1,546 душъ государственныхъ поселянъ.

Съ этого времени переселенія государственныхъ крестьянъ продолжались уже постоянно, какъ въ послѣдніе годы царствованія Императрицы Екатерины II, такъ и при Ея преемникахъ, Императорахъ Павлѣ и Александрѣ. Только, на короткое время и по особымъ обстоятельствамъ, было приостанавливаемо иногда правительствомъ дѣйствіе этой мѣры. Такъ въ 1788 году, по случаю второй Турецкой войны, и только на время войны, запрещено было переселять крестьянъ изъ губерній внутреннихъ въ южныя, пограничныя и дозволены только переселенія въ Саратовское наместничество, какъ во внутреннюю губернію.

Въ 1824 году, Высочайше утвержденнымъ 22 марта положеніемъ комитета министровъ, переселенія разрешены во всю вообще губернію, въ которыхъ по числу душъ государственныхъ крестьянъ, причиталось въ сложности по 15 или 8 десят. земли на душу. Тогда же издано было и общее положеніе о переселеніи малоземельныхъ государственныхъ крестьянъ, которое, вмѣстѣ съ правилами постановленными въ 1831 году, вошло въ первое изданіе Св. Законовъ.

Таковъ, въ краткихъ чертахъ, ходъ законодательства о переселеніи государственныхъ крестьянъ до 1838 года, т.-е. до учрежденія Министерства Государственныхъ Имуществъ, которое вскорѣ убѣдилось, что мѣры, сюда относящіяся, требовали еще многихъ дополненій, для отвращенія всѣхъ затрудненій, сопряженныхъ съ передвиженіемъ иногда весьма многочисленныхъ партій переселенцевъ, и для возможнаго обезпеченія ихъ положенія въ первое время водворенія.

Одно изъ главныхъ затрудненій состояло въ томъ, что удобныя для поселенія пространства не были приведены въ извѣстность; затрудненіе это было замѣчено правительствомъ еще въ 1812 году, но къ устраненію его, до 1838 года, не было принимаемо особенныхъ мѣръ.

(*) Полное Собр. Законовъ Россійской Имперіи.

Земли, на которых крестьяне желали водворяться, не только не распределялись на участки, но и не описывались, не снимались на планы. От этого происходило, что переселившиеся крестьяне иногда весьма долго должны были ожидать, на новых местах, отмежевания и отвода земли, оставаясь в это время без приюта и способов содержания. Иногда медленность в назначении и отводе участков была так значительна, что истощало терпение крестьян, и принуждала их возвращаться на прежние места жительства. Случалось наконец и то, что крестьяне произвольно избирали участки для переселения, и водворялись часто на землях, находившихся уже во владениях или пользовании других. Владальцы этих земель в таком случае изгоняли пришельцев или заводили с ними продолжительные тяжбы, равно раззорительныя для обеих сторон.

Не получая надлежащаго содѣйствія со стороны мѣстнаго начальства, крестьяне возлагали нерѣдко заботу присканія участков на своихъ повѣренныхъ, которымъ вѣрялись совершенно, и которые обманывали ихъ часто самымъ безсовѣстнымъ образомъ. Такъ, въ Бессарабской области эти повѣренные извѣстны подъ названіемъ *хадаковъ* или *садчиковъ*, заботясь единственно о собственныхъ выгодахъ, проживали въ городахъ на счетъ своихъ вѣрителей, между тѣмъ какъ эти послѣдніе цѣлыми караванами оставались долгое время въ открытой степи, безъ всякаго приставища. Отъ этого происходило, что изъ переселенцевъ болѣе половины водворялись прочнымъ образомъ, а остальные вели скитальческую жизнь, подвергаясь болѣзнямъ и значительной смертности.

Обративъ, съ самаго начала, должное вниманіе на устраненіе столь важныхъ неудобствъ, Министерство опредѣлило прежде всего привести въ положительную извѣстность снятіемъ на планы и хозяйственнымъ описаніемъ, всѣ свободныя земли, способныя для заселенія. Земли эти предположено было раздѣлить на участки, извѣстной мѣры, въ такомъ видѣ, чтобы каждый представлялъ всѣ удобства къ учрежденію новыхъ селеній, съ опредѣленіемъ числа семействъ, какое на нихъ можетъ быть водворено. Въ губерніяхъ, гдѣ свободныя земли составляютъ обширныя пространства, предположено было нарѣзывать ихъ подъ цѣлыя общества, раздѣляя на нѣсколько селеній. Наконецъ, подъ новыя водворенія, положено было назначать не однѣ излишнія при обществахъ и свободныя казенныя земли, но, при ихъ недостаткѣ, и статьи оброчныя.

Исполненіе этихъ предположеній замедлило ходъ переселеній. Прежде всего необходимо было устроить бытъ множества крестьянъ, уже переселившихся до учрежденія Министерства, но еще не успѣвшихъ водвориться по причинамъ вышеозначеннымъ. Для того, чтобы предоставить мѣстнымъ начальствамъ достаточное къ тому время, Министерство ограничилось, въ 1838 году, разрѣшеніемъ небольшихъ выпусковъ для водворенія при селеніяхъ старожиловъ, распорядившись между тѣмъ о приведеніи въ извѣстность свободныхъ земель и произведеніи имъ съемки. Съ этою целью отправлены были партіи топографовъ и землезвровъ въ губерніи: Саратовскую, Оренбургскую, Екатеринославскую и Кавказскую об ласть а также въ губерніи Сибирскія. вмѣствъ съ этимъ Министерство приступило къ собранію свидѣній о числѣ крестьянъ, нуждающихся въ земляхъ, и занялось улучшеніемъ самаго порядка переселенія. Пока эти свидѣнія еще не были собраны, а предварительныя мѣры не исполнены, невозможно было и думать о производствѣ переселеній въ значительномъ объемѣ. По этому-то, въ теченіе 1838 года, разрѣшено было переселить въ многоземельныя губерніи 4,063 души муж. пола, а дѣйствительно переселилось и водворилось на новыхъ мѣстахъ жительства только 2,290 душъ.

Тѣ же причины, которыя помѣшали въ 1838 году дать надлежащій ходъ переселенію, ограничивали приложеніе этой мѣры и въ слѣдующемъ году 1839. Въ теченіе этого года допускаемъ былъ выпускъ переселенцевъ большею частію для приселенія къ многоземельнымъ селеніямъ старожиловъ; изъ числа выпущенныхъ въ этомъ году крестьянъ, переселилось дѣйствительно только 2,917 душъ.

Въ 1840 году, число переселенцевъ значительно увеличилось; хотя участки, для нихъ назначенные, не были совершенно изготолены, однако, водвореніе большей части прежнихъ переселенцевъ и снятія на планъ значительныхъ пространствъ земель въ Саратовской и Астраханской губерніяхъ, представили уже возможность назначить заранѣе къ 1840 году довольно большой выпускъ крестьянъ на переселеніе. Впрочемъ, въ 1840 году, продолжали еще существовать препятствія къ издлежащему устройству и развитію переселеній. Снятыя земли въ Саратовской и Оренбургской губерніяхъ не были окончательно раздѣлены на участки и распределены по назначенію; многія изъ оныхъ оказались притомъ неудобными къ переселенію. Кромѣ того, по случаю преобразованія Оренбургскаго линейнаго войска, запрещено было принимать переселенцевъ въ по-

*

граничные уезды этой губернии. Посему въ обѣ эти губерніи предположено было перевести только известное число крестьянъ въ теченіе 1840 и 1841 годахъ и приостановить послѣ того дальнѣйшія туда переселенія. Въ Екатеринославскую губернію, гдѣ только была начата съемка земель, переселеніе также не могло быть разрѣшаемо, кромѣ Малороссіянъ, для которыхъ эта губернія исключительно была назначена съ тѣмъ, чтобы въ каждомъ участкѣ оставляема была десятая доля, для однодворцевъ западныхъ губерній. Только въ Кавказскую область дозволены были переселенія всѣмъ, и хотя въ ней не была приготовлена съемка отдѣльныхъ участковъ, однако находились при селеніяхъ старожиловъ, многочисленныя земли, на которыхъ и разрѣшалось переселеніе. Свободными также для всѣхъ оставались губерніи Западной Сибири, въ которыя впрочемъ, по ихъ отдаленности, немногія изъ крестьянъ изъявляли желаніе переселиться. Не смотря на всѣ эти препятствія число переселенцевъ въ 1840 году, было однако-же гораздо значительнѣе, чѣмъ въ прежнее время; всего переселилось въ этомъ году 11.961 человекъ.

Въ 1841 году, число переселенцевъ было еще значительнѣе: оно достигало до 16,449 душъ. Вслѣдствіе неурожаа бывшаго въ этомъ году, подано было 63,569 просьбъ о переселеніи. Большая часть этихъ просьбъ конечно не могла быть удовлетворена, тѣмъ не менѣе переселеніе произведено было въ гораздо значительнѣйшемъ числѣ, противъ прежнихъ годовъ. Въ Ставропольской губерніи, по прежнему, переселенія не встрѣчали никакихъ препятствій, и въ нея разрѣшено было выпустить 3,802 души. Въ Саратовскую и Оренбургскую губерніи, переселены были: во-первыхъ, отпущенные туда еще въ предшествовавшемъ году крестьяне, и во-вторыхъ, пришедшіе туда для заработковъ изъ разныхъ губерній 763 души. Большое число переселенцевъ изъ малороссійскихъ губерній водворено было также въ губерніи Екатеринославской.

Въ 1842 году, вслѣдствіе значительнаго выпуска переселенцевъ въ предшествовавшіе два года, прежнія затрудненія возобновились: земли, приведенныя въ извѣстность, были всѣ заняты; Палаты, въ губерніяхъ многоземельныхъ, были обременены двами о водвореніи новыхъ переселенцевъ. Поэтому число переселенцевъ стало опять уменьшаться, и на первый разъ сократилось на половину; въ 1842 году переселено было только 8,860 душъ. Кромѣ того, въ этомъ году началось и въ двухъ последовавшихъ годахъ продолжалось, водвореніе, назначенныхъ по Высочайшему повелѣнію къ переселенію въ эту губернію, 4,500 душъ западныхъ однодвор-

цевъ изъ губерній: Подольской, Волынской, Гродненской, Витебской, Могилевской, Кіевской и Виленской. Переселенія въ губерніи Саратовскую и Оренбургскую были снова пріостановлены, потому что первую постигъ въ 1841 году неурожай, а во-второй Палата исключительно была озабочена переселеніемъ 9,000 душъ крестьянъ съ земель, назначенныхъ по Высочайшему повеленію, казакамъ Оренбургской линіи, на земли, лежащія внутри губерніи, оставшіяся послѣ казаковъ.

Въ 1843 году число переселенцевъ простиралось до 5,782 душъ. По прежнему, не былъ дозволенъ выпускъ крестьянъ въ губерніи Саратовскую и Оренбургскую, и кромѣ того Министерство принуждено было оставить всякое переселеніе большими массами въ губернію Екатеринославскую, куда переселялось болѣе 23,000 малороссійскихъ казаковъ и крестьянъ, а также упомянутыхъ выше западныхъ однодворцевъ, и свободныхъ земель, приведенныхъ въ извѣстность, уже болѣе не оказалось. Въ Астраханской губерніи еще производилось генеральное межеваніе, такъ что и въ нее разрѣшалось переселеніе только въ частныхъ случаяхъ; что касается до губерній Кавказской области и Сибирскихъ губерній, то и въ нихъ не могло быть допущено переселеніе массами, такъ какъ земли, только что взмѣренныя и только что распределенныя на участки, не получили еще окончательнаго назначенія, за недоставленіемъ удостовѣренія со стороны мѣстнаго начальства о совершенной ихъ удобности къ заселенію.

Въ этомъ году Министерство, обладая значительнымъ изъ опыта извлеченнымъ запасомъ свѣдѣній о потребности и затрудненіи столь сложной мѣры, начертало, для удовлетворенія первыхъ и отстраненія послѣднихъ, дополнительныя правила о переселеніяхъ государственныхъ крестьянъ и особенно въ видахъ устройства лучшаго порядка, какъ во время путевого слѣдованія людей на мѣста новыхъ поселеній, такъ и при самомъ ихъ водвореніи. Составленныя съ сею цѣлію правила, по разсмотрѣніи въ Государственномъ Совѣтѣ, удостоены Высочайшаго утвержденія въ 8-й день апрѣля 1843 года. Правилами этими опредѣлена прежде всего цѣль переселенія, и за тѣмъ указаны порядокъ отвода земель и рода самаго переселенія.

Цѣль переселеній двоякая: а) чтобы сельскимъ обществамъ, нуждающимся въ землѣ, предоставить съ выходомъ переселенцевъ, потребное количество оной на остальные души и б) чтобы излишнія руки въ однихъ мѣстахъ обратить въ другія, къ воздѣлыванію пространствъ внутри лежащихъ.

На семь оснований, переселение дозволяется: а) изъ одного общества въ другое той же губерніи въ томъ случаѣ, когда одни общества терпятъ недостатокъ въ землѣ, а въ другихъ находится оной будетъ болѣе узаконенной пропорціи, или когда само общество будетъ ходатайствовать о водвореніи на земляхъ его новыхъ семействъ, какъ напр. желающихъ жить совместно съ родственниками; б) въ другія губерніи изъ малоземельныхъ сельскихъ обществъ, имѣющихъ въ сложности менѣе 5 десятинъ земли на душу; в) для предупрежденія самовольнаго переселенія и разстройства вообще переселенцевъ при переходѣ на новыя мѣста, земли, назначенныя подъ заселенія, предварительно снимаются на планы и раздѣляются на участки такъ, чтобы каждый участокъ былъ доволенъ для водворенія сельскаго общества и заключалъ въ себѣ отъ 4,000 до 4,500 десятинъ, съ отдѣленіемъ $\frac{1}{8}$ части въ запасъ для прибылыхъ душъ и $\frac{1}{10}$ для отставныхъ и безсрочно-отпускныхъ солдатъ; въ западныхъ же губерніяхъ участки назначаются въ такомъ размѣрѣ, чтобы на каждомъ изъ нихъ можно было бы поселить столько крестьянъ, сколько нужно для составленія особаго хозяйства.

Относительно порядка переселенія, постановлено позволять оное не прежде, какъ по принятіи надлежащихъ мѣръ къ обезпеченію переселенцевъ въ продовольствіи во время пути и въ первое время по прибытіи ихъ на мѣсто новаго водворенія; для этого палатамъ государственныхъ имуществъ вмѣнено въ обязанность, на счетъ особъ ассигнуемыхъ суммъ, заготовлять общественные плуги или сохи и рабочій скотъ, и на мѣсто новаго переселенія выслать предварительное нужное число работниковъ, которые весною должны были запахать и засѣять поля, или часть оныхъ и накосить сѣна въ количествахъ достаточномъ для прокормленія скота въ первую зиму. Палаты сверхъ того обязаны заботиться о предупрежденіи другихъ нуждъ переселенцевъ; въ случаѣ недостатка воды, устраивать колодцы; при немѣннн въ окрестностяхъ мельницы, заводить ихъ на счетъ хозяйственнаго капитала.

Государственнымъ крестьянамъ, переселяющимся добровольно и съ разрѣшенія начальства, предоставляются слѣдующія пособія: Изъ наличныхъ запасныхъ магазиновъ того общества, откуда они переселяются, весь причитающійся на ихъ душу хлѣбъ; на мѣстѣ водворенія выдается по 100 корней льса на каждый дворъ и 20 руб. сер.; а если льса нѣтъ—то 30 руб. сер. на каждый дворъ безвозвратно, изъ особаго капитала, ассигнуемаго ежегодно по смятъ Министерства. Они снабжаются, на счетъ того же капитала, пахатнымъ

орудіемъ и рабочимъ скотомъ, на каждаго хозяина по парь воловъ; сверхъ того имъ предоставлены слѣдующія льготы: освобожденіе на 6 лѣтъ отъ воинскаго постоя, на 8 лѣтъ въ податяхъ и натуральныхъ повинностяхъ, съ тѣмъ однако же, что переселенцы въ теченіе послѣднихъ четырехъ лѣтъ платятъ половину оброчной подати на усиленіе вообще способовъ переселенія; льгота, въ продолженіе трехъ наборовъ, отъ рекрутской повинности.

Такова сущность правилъ 1843 года, которыми между прочимъ не мѣнялось существовавшее дотогъ дозволеніе крестьянамъ самимъ отыскивать пригодныя для переселенія мѣста, бывшее одною изъ главныхъ причинъ самовольныхъ переселеній, порождавшихъ столько затрудненій и для крестьянъ и для управленія.

Въ 1844 году, вслѣдствіе неурожая, постигшаго нѣкоторыя малоземельныя губерніи, подано было отъ крестьянъ множество просьбъ о переселеніи. Болѣе 170,000 душъ изъявили желаніе перейти во многоземельныя губерніи. Но никогда еще препятствія къ переселенію, происходившія отъ необходимости предварительнаго описанія и распредѣленія земель, не обнаруживались съ такою силою, какъ въ этомъ году. По прежнему, пріостановлены были переселенія въ губерніи Саратовскую, Оренбургскую, Кавказскую и Астраханскую: причины, побудившія принять эту мѣру, были въ этомъ году тѣ же, какъ и прежде. Къ переселенію въ губерніи Сибирскія крестьяне изъявили мало охоты. Оставались только губерніи Таврическая и Херсонская; но и въ тѣхъ водвореніе переселенцевъ встрѣтило бы много препятствій, по недостатку свѣдѣній о свободныхъ земляхъ. Поэтому не смотря на настоятельную потребность, выпущено было только незначительное число переселенцевъ, не болѣе 7,330 душъ.

Тѣ же самыя затрудненія продолжались и въ слѣдующемъ году, но съ этого времени они стали замѣтно уменьшаться. Съ 1845 года было предписано, изготавлять земли для переселенцевъ всегда на два года впередъ и стараться всѣми силами о дозволеніи переселенія возможно большому числу людей. Исполненіе этого предписанія и приведеніе въ извѣстность значительныхъ пространствъ земель въ различныхъ губерніяхъ, содѣйствовали къ устраненію препятствій, столь затруднявшихъ ходъ переселенія въ теченіе первыхъ семи лѣтъ. Благодаря этимъ мѣрамъ, въ слѣдующіе за тѣмъ четыре года, замѣтно увеличилось число переселенцевъ: въ 1845 году выбыло на переселеніе малоземельныхъ губерній 5,875 человекъ; въ 1846 году, 9,309; въ 1847, 11,447; въ 1848 году—20,093.

Послѣ бывшей въ 1848 году эпидеміи, число переселенцевъ, въ 1849 году, уменьшилось до 14,393 душъ. Въ 1850 году оно простиралось всего только до 937 душъ: причиною таковаго незначительнаго выпуска переселенцевъ служила производившаяся въ то время девятая народная перепись. Въ слѣдующіе за тѣмъ годы, переселенія снова начали увеличиваться: въ 1851 году число переселенцевъ простиралось до 5,022, а въ 1852 до 14,152.

Вообще должно замѣтить, что, съ учрежденіемъ лучшаго порядка въ переселеніяхъ, съ приведеніемъ въ исполненіе попечительныхъ мѣръ во время слѣдованія и при водвореніи, число просьбъ умножилось: но размѣръ потребныхъ на пособіе суммъ и недостатокъ нужныхъ о земляхъ свѣдѣній препятствовали удовлетворенію всѣхъ желающихъ; переселенія разрѣшались только тѣмъ, которые на старыхъ мѣстахъ нуждались наиболѣе въ угодьяхъ.

Такимъ образомъ, число переселенцевъ, выбывшихъ съ разрѣшенія начальства въ теченіе 15 лѣтъ изъ малоземельныхъ губерній, можно представить въ слѣдующей вѣдомости:

Выбыло на переселенія:

Въ 1838 году	2,290 душъ.	Въ 1846 году	9,309 душъ.	
— 1839 —	2,917 —	— 1847 —	11,447 —	
— 1840 —	11,961 —	— 1848 —	20,093 —	
— 1841 —	16,449 —	— 1849 —	14,393 —	
— 1842 —	8,860 —	— 1850 —	937 —	
— 1843 —	5,782 —	} (*) —	— 1851 —	5,022 —
— 1844 —	7,330 —		— 1852 —	14,152 —
— 1845 —	5,875 —			

Итого 141,317.

Переселенія, произведенныя въ теченіе 15 лѣтъ, доставили слѣдующія въ хозяйственномъ отношеніи выгоды:

1.) Дѣйствующими законами положено надѣлять каждаго переселенца 15, а въ случаѣ недостатка 8 десятинами земли; если положить круглымъ счетомъ по 10 десятинъ на переселенца, то значить до $1\frac{1}{2}$ милліона десятинъ, лежавшихъ дотолѣ впустъ, заселено и поступило подъ обработку, слѣдовательно обращено на полезное употребленіе.

(*) Сверхъ сего въ эти три года переселено 4,500 однодворцевъ въ Екатеринбургскую губернію

2.) Вместе съ тѣмъ въ селеніяхъ старожиловъ, которые стѣснились недостаткомъ земли, прибавилось по меньшей мѣрѣ до 500,000 десятинъ земли, оставшейся послѣ переселенцевъ; черезъ это увеличались у старожиловъ средства къ благосостоянію и сократились поводы къ недоимкамъ.

3.) При вводимой нынѣ системѣ взиманія оброчной подати по землямъ, казна продолжаетъ получать прежній поземельный доходъ съ оставшихся отъ переселенцевъ угодій, а земли вновь заняты переселенцами, даютъ новый оброкъ, которымъ сдѣланныя для переселенія крестьянъ затраты въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ уплачиваются, и который послѣ того составляетъ уже чистую ежегодную прибыль казны.

Соображая все это, можно утвердительно сказать, что переселеніе государственныхъ крестьянъ, со временемъ и очень скоро, приметъ значительное развитіе, тѣмъ болѣе что много пустопорожныхъ земель, на сѣверо-востокъ и юго-востокъ Россіи, ожидаютъ оратаевъ, чтобъ изъ безлюдныхъ пустынь обратится въ плодородныя нивы, и, вмѣсто звѣринаго зыка, огласится говоромъ человека. Это зависитъ отъ нашего правительства, которое, для пользы Россіи и человечества, неукоснительно занимается устраненіемъ тѣхъ препятствій, которыя мѣшали къ болѣе колонизаціи степей. Мыслитель, съ какимъ-то отраднымъ чувствомъ, смотритъ на заселеніе этихъ пустынныхъ пространствъ, но конечно ни одна колонія нашего любезнаго отечества, по своему нравственному значенію, не заслуживаетъ столько вниманія, какъ еврейскія колоніи въ Екатеринославской губерніи.

Обширная степь Екатеринославской губерніи, въ продолженіе немногихъ лѣтъ, приютила болѣе пяти сотъ семействъ, которые, въ безпечномъ бездѣйствіи, подъ бременемъ нищеты, были въ тягость себѣ и своимъ обществамъ. Устройство еврейскихъ колоній Екатеринославской губерніи въ Александровскомъ уѣздѣ началось съ 1845 года.

Правительство, имѣя постоянное попеченіе объ Евреяхъ, наравнѣ со всеми подданными Россіи, желая открыть имъ путь къ снисканію бездѣднаго содержанія въ занятіи земледѣльемъ, положеніемъ 13 апрѣля 1853 года, Высочайше утвержденнымъ, даровало тѣмъ изъ нихъ, которые пожелають перейти въ земледѣльческое состояніе, разныя преимущества и льготы, а тѣмъ, которые посылать Евреевъ на землѣ собственной, опредѣлены были награды.

Это побудило некоторых зажиточных купцов Евреевъ поселать своих единоверцевъ на землѣ собственно ими приобретенной. Первое мѣсто въ этомъ отношеніи занимаетъ купецъ Моргаловскій, который на собственной землѣ, лежащей въ Херсонской губерніи въ Бобринецкомъ уездѣ, поселилъ 150 Евреевъ, въ колоніи отлично устроенной, снабдилъ ихъ хозяйствомъ, и всемъ нужнымъ для земледѣлія, завелъ свекловичныя плантаціи, для обработыванія которыхъ, а равно и на работы въ устроенномъ имъ въ томъ же имѣніи сахарномъ заводѣ, употребляетъ своихъ поселенцевъ, смотря по способности каждаго, обучая некоторыхъ мастерству сахароваренія, а другихъ назначая надзирателями и прикащиками. Но на тѣхъ евреевъ, которые могли бы поселиться на казенныхъ участкахъ, поощреніе правительства сначала мало подѣйствовало. Наконецъ благодѣтельныя мѣры привели Евреевъ изъ Ковенской, Могилевской и Витебской губерній въ раздольныя степи Екатеринославскія, гдѣ начальство немедленно озаботилось о поселеніи ихъ на отведенныхъ участкахъ земли въ Александровскомъ уездѣ.

Попеченіе о новыхъ поселенцахъ сперва было ввѣрено окружному управленію государственныхъ имуществъ, а потомъ передано попечителю нѣмецкихъ колоній Александровскаго уезда.

Въ настоящее время устроено еврейскихъ колоній семь: изъ коихъ одна заключаетъ въ себѣ 100, а другая отъ 45 до 55 домовъ, еврейскихъ, (кромѣ Нѣмцевъ, поселенныхъ тамъ для приученія новыхъ поселенцевъ къ земледѣлію). Сверхъ того, въ недавнее время, прибыло еще значительное число переселенцевъ, которые, впредъ до устройства для нихъ трехъ или четырехъ колоній, размѣщены по нѣмецкимъ и еврейскимъ колоніямъ и въ селеніяхъ государственныхъ крестьянъ.

Наружное устройство еврейскихъ колоній и фасадъ ихъ домовъ ничѣмъ не отличаются отъ нѣмецкихъ колоній, давно устроенныхъ въ этомъ краѣ.

Если мы сказали, что фасадъ домовъ еврейскихъ колоній походилъ на дома колоній нѣмецкихъ, то это относится только къ буквальному смыслу слова и къ готическимъ кровлямъ; но наблюдательный глазъ съ перваго взгляда встрѣтитъ несходство въ самой наружности не только между еврейскими и нѣмецкими колоніями, но даже между домами, занимаемыми Евреями, и тутъ же устроенными Нѣмцами. Первые до сихъ поръ весьма бѣдны и неопрятны, тогда какъ послѣднія, бодрствуя среди буръ и непогодъ, будто гор-

дьясь своимъ превосходствомъ надъ сосѣдами, всегда одинаково чисты, одинаково были и пріятны. Внутренность жилищъ новыхъ пришельцевъ столько же непріятно поражаетъ взоръ, сколько и наружность.

Въ оправданіе новыхъ поселенцевъ должно сказать, что прежніе бѣдственныя неурожайныя года, встрѣтившіе пришельцевъ при первомъ вступленіи ихъ на поприще земледѣлія, не дали имъ способа не только къ улучшенію своего земледѣльческаго быта, но даже къ пропитанію; дагве свирѣпствовавшая эпидемическая болѣзнь цынга, опустошила многія семейства, а многихъ лишила работниковъ. Но если все это довело ихъ до бѣдности, то это не оправдываетъ укоренившейся у нихъ привычки къ неопрятности, которая была главнѣйшею причиною усиленія цынга, и противъ искорененія послѣдней новопоселившіеся Евреи не оказываютъ съ своей стороны никакого содѣйствія, покоряясь, по врожденному чувству всѣмъ восточнымъ народамъ, предопредѣленію судьбы.

Благодаря неутомимымъ стараніямъ, благоразумнымъ мѣрамъ и умѣренной строгости нынѣшняго начальства колоній, старательность новыхъ пришельцевъ къ земледѣлію примѣтно возрастаетъ, природная понятливость, свойственная вообще европейскому народу, развивается и трудолюбіе заступаетъ мѣсто праздности. Обработка земли, первоначально производившееся наемными работниками изъ христіанъ, теперь производится трудами самихъ поселенцевъ Евреевъ; они привыкли ко всѣмъ полевымъ работамъ, и удивительно! этотъ народъ, извѣженный бездѣйствіемъ, приучаетъ себя по цѣлымъ днямъ, не только ходить за плугомъ, но даже косить, жать, молотить и работать кирпичи! Женщины въ этомъ случаѣ не уступаютъ и едва ли еще не перещеголяли мужчинъ.

По наставленію Нѣмцевъ, поселенныхъ распоряженіемъ попечителя, въ каждой еврейской колоніи по одному на десять домовъ, Евреи пахутъ землю лошадьми и нѣмецкими плугами, и во всемъ относительно земледѣлія придерживаются нѣмцамъ, что вѣроятно принесетъ имъ большую пользу, совершенно справить ихъ колоніи и можетъ быть со временемъ поставить ихъ поселенія наравнѣ съ нѣмецкими.

Два прошедшіе, урожайныя года послужили къ явному улучшенію быта Евреевъ земледѣльцевъ: у многихъ изъ нихъ явились брички, порядочныя лошади и щегольская хозяйственная утварь.

Религіозныя ихъ обряды нисколько не стѣснены.

Въ зимніе мѣсяцы, колонисты, по отпускамъ отправляются въ мѣста не очень отдаленныя для заработковъ, обращая заработываемыя деньги на пріобрѣтеніе скота и земледѣльческихъ орудій; по открытіи весны, они обязаны возвращаться къ постоянному земледѣлю, о чемъ попечитель имѣеть строгое наблюденіе.

Замѣтно, что, съ открытіемъ каждой весны, Еврей-земледѣльцы принимаются за работы съ бѣльшимъ противъ прежняго рвеніемъ, многія цѣлыми семействами выѣзжаютъ на степь, гдѣ остаются всю недѣлю до дня субботы. Пріятно видѣть обширную степь, испещренную тѣмъ народомъ, который до сего времени снискивалъ себѣ пропитаніе мелкою, грязною, а подчасъ недобросовѣстною и противузаконною промышленностью. Отраднѣе для всякаго филантропа наблюдать развитіе труда постоянного между семействами, принадлежавшими къ номадамъ промышленности — самымъ нестерпимымъ номадамъ, какіе только существуютъ въ свѣтъ (*).

Конечно наши нѣмецкія колонисты, по указанію просвѣщеннаго и попечительнаго своего начальства въ этомъ дѣлѣ, оказали большое содѣйствіе; къ тому же ихъ примѣръ долженъ былъ имѣть сильное нравственное вліяніе на Евреевъ, и, какъ мы говорили выше, они, Евреи, можетъ быть со временемъ достигнуть до того же благосостоянія, какъ и ихъ наставники въ земледѣліи. Нѣмецкія же колоніи наши процвѣтаютъ въ полномъ смыслѣ этого слова. Любопытно прослѣдить за исторіею поселеній этихъ пришельцевъ чуждаго намъ языка и чуждыхъ нравовъ.

Въ 1854 году исполнилось девяносто лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ, по призыву Императрицы Екатерины II, первыя поселенія выходцевъ изъ западной Европы водворились въ пустыняхъ, въ то время въ степяхъ юго-восточной Россіи. Въ теченіе этого періода, число такихъ поселеній возрасло до 400, а населенія до 400,000 душъ обоого пола. Всѣ эти поселенія, которымъ въ нашемъ законодательствѣ присвоено исключительное названіе колоній (**), достигли

(*) Извлечено изъ журнала Министерства Государственныхъ Имуществъ.

(**) Колонистами признаются нашимъ законодательствомъ тѣ только изъ иностранцевъ, которые водворились на казенныхъ, владѣльческихъ или пріобрѣтенныхъ ими покупкою земляхъ, въ видѣ земледѣльцевъ или ремесленниковъ, въ земледѣльческомъ состояніи нужныхъ; но не причисляются къ нимъ иностранцы, приходящіе по одиночкѣ или семьями для торговли, городскихъ промысловъ, или для пріиски въ какое-либо званіе по городамъ.

болѣе или менѣе цвѣтущаго состоянія, какъ по развитію у нихъ разныхъ отраслей сельскаго хозяйства и промышленности, такъ и по отличному устройству ихъ общинъ, доброй нравственности, значительному развитію образованія и примѣрной исправности ихъ въ отправленіи всѣхъ лежащихъ на нихъ государственныхъ повинностей. Нельзя отвергнуть также того, что они принесли много пользы вообще и государственному хозяйству, развитіемъ промышленной дѣятельности въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ они водворены; они основали благоустроенныя селенія въ дикихъ мѣстностяхъ ими занятыхъ, обратили голыя степи въ цвѣтушія поля, развели на нихъ лѣсныя плантаціи, плодовые сады и огороды, ввели многія полезныя улучшенія въ мѣстныхъ системахъ земледѣлія и въ скотоводствѣ.

Этимъ процвѣтаніемъ и успѣхами колоніи обязаны однако же не одному трудолюбію и нравственности своихъ жителей: имъ много въ этомъ содѣйствовало и правительство, предоставивъ имъ удобныя для водворенія мѣста, надѣливъ достаточнымъ количествомъ земель, сдѣлавъ важныя денежныя ссуды на ихъ переселенія и обустройство хозяйства и наконецъ даровавъ колонистамъ особыя права и льготы. Однако первый примѣръ земледѣльческихъ поселеній иностранцевъ Россіи относится ко времени Царя Алексѣя Михайловича. Въ царствованіе этого Государя вышло въ Россію «изъ за Свейскаго рубежа» значительное число семействъ Корелловъ, которые были поселены отчасти на «государственныхъ пустошахъ» отчасти же на монастырскихъ, помѣщичьихъ и вотчинниковыхъ земляхъ (*).

Въ концѣ царствованія Петра I-го, начали выходить къ намъ Грузины; по докладу о томъ сената, велѣно ихъ водворять особыми селеніями около крѣпости Святаго Креста «въ пристойныхъ и безопасныхъ мѣстахъ;» переселеніе изъ Грузіи продолжалось и въ царствованіе Анны Іоанновны; переселившіяся были водворяемы сперва на Украйнѣ, а потомъ въ тогдашней Оренбургской губерніи. Въ царствованіе Елизаветы Петровны, перешли въ наши предѣлы «пльвинные выходцы изъ Салтанъ-Ульскаго народа и изъ Кабарды» (Калмыки), и, принимая крещеніе, просили мѣста для поселенія: тогда велѣно было желавшихъ изъ нихъ отсылать въ донскіе и вольные казачьи городки, для поступленія въ казаки, а нежелающихъ по-

(*) П. С. З. изд. I. Томъ III. N 1,331 (боярскій приговоръ 1698 года).

сылать на поселеніе въ городъ Тамбовъ и Козловъ и въ дворцовыя волости «на пашню».

Но всѣ эти переселенія дѣлались въ слѣдствіе лишь случайныхъ причинъ и производились безъ общаго плана. Первая часть о земледѣльческихъ колоніяхъ изъ западныхъ Европейцевъ принадлежитъ Императрицѣ Екатеринѣ II. Въ самый годъ своего вступленія, она издала манифестъ, которымъ призывала иностранцевъ разныхъ націй, кромѣ жидовъ, пріѣзжать и селиться въ Россіи (*). Въ этомъ и другомъ манифестѣ (**), Монархиня объявила, что цѣль ея, при приглашеніи иностранцевъ къ поселенію у насъ, состоитъ «въ умноженіи обитателей въ ея пространной имперіи, гдѣ остаются праздными немалое число мѣстъ, наивыгоднѣйшихъ къ поселенію и полезнѣйшихъ къ обитанію рода человеческого, изъ которыхъ нѣкоторыя скрываютъ въ недрахъ своихъ неизчерпаемое богатство разныхъ металловъ, а другія, гдѣ довольно лѣсовъ, рѣкъ, озеръ и морей, подлежащихъ къ коммерціи, имѣютъ великую способность къ размноженію многихъ фабрикъ, мануфактуръ и прочихъ заводовъ». Изъ этихъ словъ видно, что, посредствомъ сей ивры, Императрица желала, съ одной стороны—населить обширныя, пустынные въ то время пространства Россіи, а съ другой—возбудить и водворить въ нихъ промышленную дѣятельность.

Для привлеченія иностранцевъ къ поселенію въ Россіи, Екатерина даровала особыя права и преимущества.

1) Всѣмъ иностранцамъ дозволяется вѣзжать въ Россію и селиться, гдѣ кто пожелаетъ, во всѣхъ Россійскихъ губерніяхъ. Нѣмнѣющіе средства для переселенія, могутъ получать ихъ отъ русскихъ дипломатическихъ агентовъ при иностранныхъ дворахъ.

2) По прибытіи въ Россію, иностранцы должны объявить, желаютъ ли они записаться въ купечество или въ цехи, или поселиться въ колоніяхъ на свободныхъ и выгодныхъ для хлѣбопашества земляхъ. Сообразно изъявленному желанію, всякій получаетъ свое назначеніе.

3) Прибывшіе для поселенія иностранцы должны принять присягу на подданство, всякій по своей иврѣ и обрядамъ.

4) Иностраннымъ поселенцамъ предоставляются слѣдующія права и льготы:

(*) П. С. З. Томъ XVI. N 11,730 (Высочайшій манифестъ 1763 года, декабря 4 дня).

(**) 30 іюля 1763 года.

а) Свобода въ исповѣданіи, построеніе церквей и колоколенъ (новые монастыри), содержаніе потребнаго числа пасторовъ и прочихъ церковнослужителей. Но строго воспрещается переселенцамъ склонять въ свою вѣру кого-либо изъ христіанъ другихъ исповѣданій, живущихъ въ Россіи; сосѣднихъ же съ Россіею народовъ Магометанскаго закона обращать не только въ свою вѣру, но даже и въ крѣпостные дозволяется.

б) Свобода отъ всякихъ податей, службъ и повинностей, какъ обыкновенныхъ, такъ и чрезвычайныхъ, для поселившихся цѣлыми колоніями на «праздныхъ мѣстахъ» въ продолженіе 30 лѣтъ (*), для поселившихся въ столицахъ или въ городахъ остзейскихъ и ингерманландскихъ на 5 лѣтъ, а въ прочихъ губернскихъ провинціальныхъ и другихъ городахъ — на 10 лѣтъ. По истеченіи льготныхъ лѣтъ, всѣ переселенцы, наравнѣ съ русскими подданными, среди которыхъ они водворены, обязаны платить поземельную подать и участвовать въ сборахъ на устройство путей сообщенія и земскихъ. Но они освобождаются навсегда отъ службы военной и гражданской, кромѣ обыкновенной земской, а по прошествіи льготныхъ лѣтъ и отъ военнаго поста, за исключеніемъ только поста проходящихъ войскъ и военныхъ командъ. Однако дозволяется переселенцамъ вступать по собственному желанію въ солдаты, и въ такомъ случаѣ вступающему единовременно дается 30 рублей, кромѣ обыкновеннаго жалованія.

в) Переселенцамъ отводится достаточное количество земли, выгодной и способной, какъ для хлѣбопашества, такъ и для заведенія фабрикъ и заводовъ, въ которыхъ усмотрѣна будетъ особая надобность, и дается имъ денежное вспоможеніе на первоначальное обзаведеніе.

г) Поселившимся особыми колоніями и мѣстечками, предоставляется право собственной внутренней «юрисдикціи» безъ вмѣшательства въ нихъ распорядки русскихъ властей (**). Но всѣ колонисты обязаны повиноваться Россійскому гражданскому праву.

(*) Тридцатилѣтній льготный срокъ, установленный этимъ манифестомъ, впоследствии указомъ 1806 г. Сентября 27-го, измененъ на десятилѣтній. Впрочемъ, по большей части для каждой колоніи, при ея водвореніи, срокъ льготы назначался различный, какъ это видно изъ частныхъ условій, заключенныхъ съ колоніями и изъ жалованныхъ имъ грамотъ.

(**) Это право позже было несколько ограничено, и постановлено съ выѣзжающими въ Россію иностранцами заключать письменные договоры, въ отно-

д) Для постройки домовъ, покупки скота, пріобрѣтенія орудій для земледѣлія и промысловъ, припасовъ и матеріаловъ,—производиться переселенцамъ изъ казны денежная ссуда, безъ процентовъ, съ одною обязанностію выплатить эту сумму по прошествіи 10 лѣтъ, въ 3 года по равнымъ частямъ (*).

е) Поселенцамъ, со дня прібытія на русскую границу, даются до мѣста назначенія кормовыя деньги (мужчинъ по 15 коп., женщинъ по 10 коп., дѣтямъ, смотря по возрасту, отъ 2 до 6 въ сутки и безденежно подводы). Кормовыя деньги переселенцы обязаны возвратить въ томъ только случаѣ, когда пожелаютъ возвратиться въ свое отечество.

ж) Тѣмъ изъ иностранцевъ, вступившихъ въ подданство Россіи, которые пожелаютъ возвратиться въ свое отечество, дозволяется выѣхать изъ государства съ тѣмъ, чтобы, прожившіе въ Россіи отъ 1 до 5 лѣтъ, отдали въ казну одну пятую, а прожившіе отъ 5 до 10 и болѣе лѣтъ одну десятую часть нажитаго ими въ Россіи имущества.

Кромѣ всѣхъ этихъ правъ, дарованныхъ всѣмъ вообще колонистамъ, дозволялось желавшимъ изъ нихъ выговаривать себѣ особыя преимущества, для чего и представлялось имъ обращаться съ просьбами въ канцелярію опекунства иностранныхъ, которая бы была учреждена въ это время.

Для водворенія колоній иностранныхъ выходцевъ избрано было, по докладу графа Орлова (**), который былъ назначенъ президентомъ канцеляріи опекунства иностранныхъ, слѣдующее иностранство свободныхъ и удобныхъ къ заселенію земель:

шеніи внутренняго ихъ управленія: эти договоры должны быть представляемы на утвержденіе сената; послѣ чего они дѣлаются обязательными для всѣхъ колонистовъ, къ которымъ они относятся. II. С. З. Томъ XVI, ст. 12,095 (Высочайше утвержденный докладъ 19 марта 1764 года).

(*) Срокъ для уплаты колонистамъ ссудныхъ денегъ былъ впоследствии измѣненъ, и, по Высочайше утвержденному докладу Министра Внутреннихъ Дѣлъ (30 февраля 1804 года), постановлено, чтобы колонисты уплачивали долгъ по прошествіи льготныхъ лѣтъ въ слѣдующія 10 лѣтъ. Однако всегда обязывалось, что, по выходѣ колонистовъ изъ льготы, они не имѣли возможности вносить долги свои въ положенное время безъ разстройства себя, и потому, особыми постановленіями, имъ определялась такая мѣра ежегодной уплаты, какая соответствовала ихъ состоянію.

(**) II. С. З. Томъ XVI N 12,095 (Высочайше утвержденный докладъ сенату канцеляріи о. н. 19 марта 1764 года).

Начиная отъ Чердынскаго острога до Царицына, отъ Царицына до крѣпости Донской и далѣе до рѣчки Безымянной, впадающей въ Донъ; потомъ до р. Медвѣдицы и далѣе до Хопра, и отъ Хопра вверхъ Дона до р. Битюга. Потомъ вверхъ по этой рѣкѣ до ея вершины, а оттуда до крѣпости Новохоперской, и вверхъ по Хопру до сель Знаменскаго и Долгорукаго. Далѣе, подѣвъ земель Пензенской провинціи до Саратовскаго уѣзда и чрезъ оный по малымъ рѣкамъ до р. Безымянной, впадающей въ Волгу противъ острова Гардынскаго, и по этой рѣкѣ внизъ до помянутаго острова.

Каждой поселяемой семьѣ, принято было отводить одинаково по 30 десятинъ.

Вмѣстѣ съ опредѣленіемъ количества земли, долженствующей быть отводимой каждому семейству, опредѣлены условія, съ какими отводимые участки предоставляются во владѣніе или порядокъ наследства у колонистовъ.

Постановлено было, чтобы земельные участки въ колоніяхъ переходили отъ отца къ младшему сыну, въ томъ предположеніи, что каждый отецъ семейства, зная такое узаконеніе, принужденъ будетъ стараться обучать дѣтей съ самаго малолѣтства полезнымъ ремесламъ. Если, по смерти отца, останутся только мать и дочери, то недвижимымъ имуществомъ онѣ наследуютъ вмѣстѣ, и оно остается въ ихъ владѣніи, до тѣхъ поръ, пока одна изъ нихъ не выйдетъ замужъ; тогда первый мужчина, который войдетъ въ домъ, вступаетъ во владѣніе этимъ имуществомъ навсегда. Главнымъ правиломъ поземельнаго владѣнія у колонистовъ принято было, чтобы земля оставалась въ нераздѣльномъ владѣніи жителей той колоніи, въ которой она отведена, чтобы никогда и ни подъ какимъ видомъ земли колоній не могли достаться въ постороннія руки. Что касается до движимаго имущества, то располагать ими предоставлено родителямъ по своему произволу; если же отецъ умеръ безъ завѣщанія, то имущество это дѣлится между его сыновьями поровну, а матери выдается $\frac{1}{4}$ и всѣмъ дочерямъ столько же. Этотъ порядокъ наследства собственности сохраняетъ свою силу въ колоніяхъ и до нынѣ.

Нѣсколько позже дозволено было и частнымъ лицамъ, какъ дворянамъ, такъ купцамъ и свободнымъ иностранцамъ, вызывать или склонять уже прибывшихъ въ Россію иностранныхъ людей, къ населенію на своихъ собственныхъ или отведенныхъ для этого поселителямъ отъ казны земляхъ, съ тѣмъ, чтобы вызывать и селить иностранцевъ на свой счетъ, не требуя ничего отъ правительства, но добровольному согласію и по предварительно заключеннымъ съ

вызываемыми договорамъ. Сначала это дозволено было въ одной лишь Ингерманландіи (нынѣшней С.-Петербургской губерніи), которую по нахожденіи въ ней столицы, правительство преимущественно старалось заселить. Частнымъ лицамъ, желавшимъ вызывать въ Россію на свой счетъ иностранцевъ, казна отводила для этой цѣли земли, которыя являлись собственностію поселителя и которыя сей послѣдній могъ отчуждать по своему произволу, но только, цѣлымъ участкомъ, а не по частямъ, и съ тѣмъ, чтобы новый пріобрѣтатель такой земли, обязывался выполнять всѣ условія, постановленныя въ контрактъ между его предпоселителемъ и казною. Условія эти состояли въ томъ, что поселитель долженъ былъ заселить данную ему землю непременно въ теченіе 10 лѣтъ; иначе съ него взыскивалось за каждый годъ владѣнія по 15 коп. съ каждой незаселенной удобной десятины земли, и если, въ теченіи двухъ лѣтъ, не было построено ни одного двора и не поселено ни одной семьи иностранцевъ, то земля отбиралась отъ него, со взысканіемъ за владѣніе денегъ, и отдавалась первому лицу, которое бралось ее заселить. Колонисты обязаны были исполнять всѣ условія, заключаемыхъ съ ними договоровъ, и выплачивать судьи долги поселителямъ въ срокъ опредѣленный въ Манифестѣ 22 іюля 1763 года, иначе казна сама взыскивала ихъ съ должниковъ, въ пользу поселителей. Послѣдніе не могли требовать отъ колонистовъ ничего противнаго контрактамъ, ни наказывать ихъ телесно; съ жалобами на нихъ должны были обращаться въ канцелярію опекунства иностранныхъ. Поселившіеся на владѣльческихъ земляхъ, колонисты должны были всегда оставаться вольными и сохранять право перехода отъ одного владѣльца къ другому, на такомъ же основаніи, какъ и водворенные на казенныхъ земляхъ, не выходя изъ подъ опекунства иностранныхъ, котораго власть и надзираніе впрочемъ должны были ограничиваться въ этомъ случаѣ только тѣмъ, чтобы заключаемые контракты, съ обвѣхъ сторонъ, соблюдаемы были ненарушимо. Владѣльцы, на земляхъ которыхъ иностранцы будутъ поселены, и по прошествіи льготныхъ лѣтъ ничего не обязаны платить за сихъ колонистовъ въ казну. Помѣщики, принимая желающихъ поселиться на ихъ земляхъ, могутъ заключить съ ними условіе о ихъ повинностяхъ на урочные годы. Поселенцы, водворенные на владѣльческихъ земляхъ до ревизіи, освобождаются отъ всякихъ государственныхъ податей, а, по запискѣ въ ревизію, платятъ подати наравнѣ съ помѣщичьими крестьянами.

Таковы были начала, принятыя для колонизаціи иностранцевъ Россіи. *(Окончаніе въ слѣдующей книгѣ).*

О Стрѣлковомъ полку Императорской Фамиліи.

(Изъ Русскаго Инвалида).

На долю каждаго изъ принадлежащихъ къ нынѣшнему поколѣнію выпало отъ Промысла быть или участникомъ, или свидѣтелемъ великой борьбы западныхъ народовъ съ Россіей.

Судя по огромнымъ размѣрамъ борьбы этой, и по нравственнымъ силамъ, которыя она вызываетъ и приводитъ въ движеніе внутри нашего отечества, послѣдствіемъ ея будетъ, не смотря на многія горькія испытанія, новая блистательная эпоха въ развитіи Русскаго народа.

И такъ всякій изъ насъ долженъ принимать посильное участіе въ настоящихъ событіяхъ: кто словомъ, кто дѣломъ; кто сражаясь въ рядахъ воиновъ, кто возбуждая духъ напоминаямъ нашихъ древнихъ доблестей; кто передавая наши современные доблести въ отраду намъ и въ наученіе потомству, для котораго будетъ дорогъ всякій очеркъ, выражающій нынѣшній духъ народный.

Въ этомъ убѣжденіи мы считаемъ обязанностью передать все, что намъ извѣстно объ одномъ изъ замѣчательнѣйшихъ проявленій Русскаго отчизнолюбія, именно о составленіи Стрѣлковаго полка Императорской Фамиліи.

Еще прежде, чѣмъ въ Бозѣ почившій Государь воззвалъ подданныхъ своихъ къ государственному ополченію на защиту отечества, Онъ, съ Августѣйшимъ Семействомъ Своимъ, Самъ сталъ въ главѣ ополчающихся и подалъ примѣръ Россіи, повелѣвъ составить, на счетъ удѣльныхъ суммъ, Стрѣлковый трехбаталіонный полкъ изъ собственныхъ Своихъ удѣльныхъ крестьянъ.

Полкъ этотъ, выходя такимъ образомъ изъ ряда составленныхъ въ послѣдствіи ополченій, отличается отъ нихъ еще и тѣмъ, что онъ образовался по собственному желанію охотниковъ, явившихся на зовъ своего Государа.

Распоряженія для образованія полка были слѣдующія:

★

Исполняя повелѣніе покойнаго Императора Николая I-го, послѣдовавшее 25-го октября 1854 года (*), министръ удѣловъ предписалъ мѣстнымъ начальствамъ удѣльныхъ имѣній (разсыянныхъ въ 15-ти губерніяхъ) сдѣлать вызовъ желающихъ идти сражаться со врагами отечества.

Сверхъ того, былъ сдѣланъ такой же вызовъ крестьянамъ, приписаннымъ къ Колывано-Воскресенскимъ заводамъ Алтайскаго горнаго округа, подвѣдомственнымъ кабинету Его Императорскаго Величества.

Не прошло шести мѣсяцевъ, какъ оправдались слова Высочайшаго рескрипта: *издревле православной Россіи народъ славится привязанностью къ Вѣрѣ, преданностью Царю и любовью къ Отечеству*. Ибо, не смотря на огромное протяженіе мѣстности отъ Архангельска до Саратова и отъ Саратова до Алтая, къ марту 1855 года явилось въ сборные пункты добровольныхъ охотниковъ, вмѣсто требуемыхъ трехъ тысячъ, болѣе чѣмъ 7,500 человекъ.

Люди эти вполне имѣли право назваться добровольными, ибо ни одинъ изъ нихъ не состоялъ на рекрутской очереди, не только настоящей, но и на слѣдующей, назначенной для могущаго быть впоследствии набора.

По испытаніи охотниковъ, мѣстные начальства сдѣлали имъ вызовъ, и три тысячи человекъ были тотчасъ направлены въ мѣсто

(*) Графъ Левъ Алексѣевичъ. При угрожающей любезному Отечеству Нашему опасности отъ замысловъ враговъ, Мы находимъ отраднымъ сердцу Нашему стремленіе всѣхъ сословіи стремленіе споспѣшествовать защитѣ земли Русской. Для сей же священной цѣли Мы соизволяемъ, согласно желанію Императорскаго Семейства Нашего, чтобы Оно на время войны поставило изъ крестьянъ удѣльныхъ имѣній стрѣлковый полкъ на основаніяхъ, въ прилагаемомъ положеніи изъясненныхъ.

Издревле православный Русскій народъ славится привязанностію къ Вѣрѣ, преданностію Царю и любовью къ Отечеству. Вызывая чрезъ васъ удѣльныхъ крестьянъ Нашихъ на защиту святой-Руси, Мы даемъ имъ случай, на ряду съ храбрими Нашими войсками, выказать старинную Русскую доблесть.

Образованіе стрѣлковаго полка Мы возлагаемъ на васъ и остаемся въ полной увѣренности, что порученіе сіе будетъ исполнено съ желаннымъ успѣхомъ.

Пребываемъ къ вамъ навсегда благосклонны.

На подлинномъ собственною Его Императорскаго Величества рукою написано:

НИКОЛАЙ.

Въ Гатчинѣ, 25-го Октября 1854 года.

формированія своего баталіона, именно: въ Нижній-Новгородъ, въ Суздали и въ Новгородъ. Остальные отправились на счетъ удельнаго вѣдомства обратно въ дома, горюя о своей неудачѣ и едва утѣшаясь мыслію, что можетъ быть, и имъ посчастливится со временемъ постоять за Русь и Государя.

Баталіоны стрѣлковъ обучились охотно и скоро; въ ружейныхъ приѣмахъ, построеніяхъ, и особенно въ разсыпномъ строю стрѣлки оказали необыкновенные успѣхи.

Въ іюнь всѣ три баталіона собрались въ Царской-Славянкѣ, куда доставлены изъ Тулы штуцера системы Минье, съ примѣненіемъ Бельгійской пули. Это дало стрѣлкамъ возможность заниматься цѣльною пальбою, какъ главнымъ своимъ назначеніемъ. Между тѣмъ ученія шли своимъ чередомъ, и полкъ съ нетерпѣніемъ ожидалъ дня своего представленія Государю Императору.

Наконецъ насталъ этотъ торжественный день, и стрѣлки въ полномъ вооруженіи, въ праздничномъ нарядѣ, явились въ Царскомъ-Сель. Впечатлѣніе этого зрѣлища было поразительно. Русскіе кафтаны темнозеленаго цвѣта, красные кушаки, черная амуниція, черныя бараны шапки съ золочеными крестами, и наконецъ бороды давали стрѣлкамъ видъ степенный и красивый, и вмѣстѣ съ тѣмъ родной, такъ что, казалось, будто видишь старыхъ знакомыхъ. Многочисленная толпа зрителей, съ утра ожидавшая на Софійской площади, смотрѣла на нихъ съ радостнымъ любопытствомъ, а у многихъ вырывались слова: ахъ вы наши соколики, дай Богъ вамъ здоровья! и другія одобрительныя восклицанія, выражающія живое сочувствіе.

Трудно описать нетерпѣніе, съ которымъ стрѣлки жаждали, узрѣть, по всегдашнему ихъ выраженію, Царя-Благого, Государя-Батюшку, *наше Солнышко!* Нельзя выразить восторга, который овладѣлъ ими при видѣ Государя. Они привѣтствовали Его не только одушевленными «ура!» но и продолжительными криками, и едва умѣли подчинить восторгъ законамъ военнаго строя. Да и могло-ли быть иначе въ полку собравшихся по зову Царскому, Государевыхъ крестьянъ, пришедшихъ изъ разныхъ концовъ Россіи, даже изъ отдаленной Сибири? Въ полку, гдѣ сельскіе начальники пошли служить простыми рядовыми, гдѣ въ однихъ и тѣхъ же рядахъ стоятъ, во имя Веры и Царя, не только братья съ братьями, но и отцы съ сыновьями и дяды со внуками?

Обозрѣвъ стрѣлковъ и выразивъ свое удовольствіе, Государь Императоръ соизволилъ объѣхать Свѣя Шефомъ полка, а Великихъ

Князей Константина, Николая и Михаила Николаевичей Шефами батальонов; Государя же Наслѣдника и малолѣтнихъ Великихъ Князей повелѣлъ вписать въ списокъ полка.

Эта милость еще болѣе одушевила стрѣлковъ Императорской Фамиліи и самому названію ихъ дала новое значеніе. — «Ну», говорили многіе изъ нихъ, молодецки поправляя шапку, «теперь ужъ послужимъ мы Батюшкѣ-Царю своими головами, ужъ заслужимъ Его Царскю милость!»

20-го Августа, Государь въ присутствіи Государыни Императрицы Маріи Александровны производилъ стрѣлкамъ въ Царскомъ-Селѣ первое полковое ученіе и выразилъ свое удовольствіе, какъ рядовымъ такъ и офицерамъ, присовокупивъ, что невозможно было ожидать столь удовлетворительныхъ успѣховъ въ такое короткое время.

Радость стрѣлковъ отъ милостиваго одобренія Царскаго можетъ сравниться только съ восторгомъ, который овладѣлъ ими, когда они въ этотъ день впервые увидѣли Государя, Августѣйшихъ Шефовъ своихъ и Сыновей Государевыхъ въ стрѣлковыхъ кафтанахъ, и когда Самъ Государь принималъ команду полкомъ, а Великіе Князья каждый своимъ батальономъ.

Три дня спустя, Государь присутствовалъ въ Царской-Славянкѣ при стрѣлбѣ въ цѣль и остался оною доволенъ.

26-го числа, былъ полковой парадъ въ Царскомъ-Селѣ, въ присутствіи Государыни Императрицы Александры Ѳеодоровны, а 27-го числа, Императрицѣ Маріи Александровнѣ угодно было, передъ отправленіемъ стрѣлковъ въ походъ, дать имъ обѣдъ на мѣстѣ пребыванія полка, во дворцѣ Государевой мызы Царской-Славянки.

Столы для рядовыхъ стояли на лугу Дворцоваго сада передъ залой, гдѣ приготовленъ былъ обѣдъ для Августѣйшихъ хозяевъ и офицеровъ. Къ 2-мъ часамъ пополудни, Государь прибылъ во дворецъ съ Государыней Императрицей и Царственными сыновьями. Великіе Князья Николай и Михаилъ Николаевичи прибыли позже. Государь и Великіе Князья были, какъ и прежде, въ стрѣлковыхъ кафтанахъ, и этотъ красивый Русскій нарядъ возбудилъ въ зрителяхъ истинное восхищеніе. Когда Царское Семейство прошло черезъ дворцовые покои въ садъ, Оно было встрѣчено некоторыми изъ старшихъ рядовыхъ, которые привѣтствовали Его прибытіе въ мѣсто стоянки, по Русскому обычаю, хлебомъ-солью на вышитомъ красными узорами полотенцѣ. Серебряная солонка, съ надписью, была сдѣлана на подобіе народныхъ деревянныхъ.

Принявъ хлѣбъ-соль, Государь Собственноручно зачерпнувъ водки и выпилъ за здоровье стрѣлковаго полка.

Государыня и Августѣйшіе Сыновья Ея также поднесли къ губамъ чарку, и весь полкъ отвѣчалъ на эту высокую честь многоразными восторженными «ура»!

Затѣмъ, по командѣ на молитву, стрѣлки сняли шапки, и весь огромный трехтысячный хоръ запѣлъ предобѣденную молитву: *Очи всѣхъ на Тя, Господи, уповаютъ!* Началось угощеніе: Августѣйшіе Хозяева обходили столы, говорили со многими стрѣлками, и одному изъ нихъ, пришедшему съ сыномъ изъ Орловской губерніи, Государыня приказала выдать сто рублей. Потомъ всѣ офицеры были представлены Ихъ Величествамъ и приглашены во внутренніе покои къ обѣду. За столомъ Государь вновь провозгласилъ здоровье полка, и вновь раздались громогласныя «ура»!

По окончаніи обѣда, всѣ вышли въ садъ, гдѣ стрѣлки уже составили хоръ пѣсенниковъ. Здѣсь, въ присутствіи Царскаго Семейства и при большомъ стеченіи окрестныхъ поселянъ, стрѣлки плясали съ крестьянками подъ звуки пѣсень, бубенъ, балалаекъ, скрипокъ и бандуръ. Любо было смотреть на этотъ семейный праздникъ, данный Государемъ Своему полку передъ выступленіемъ его въ походъ. Многіе, быть можетъ, не вернутся на родину; многіе удалцы, беззаботно кружащіеся въ молодецкой Русской пляскѣ, положить головы въ чуждеальной сторонѣ, но Святой-Руси нужны вонны, нужны удалцы, и cadaго радуется мысль о предстоящемъ трудномъ походѣ. «Идемъ бить враговъ Святой-Руси, говорятъ они; не за печкой же сидѣть, когда вся Русь встаетъ всею землею; идемъ на нехристей! А ужъ когда Самъ Царь насъ угощаетъ, такъ гуляй душа!»

Предъ отъездомъ, Государю угодно было, чтобы офицеры спѣли стрѣлковую пѣсню *Слава*, особенно любимую въ полку по простотѣ и силѣ словъ, вполне выражающихъ чувства, которыя одушевляютъ весь полкъ. Вотъ эта пѣсня:

Слава на небѣ солнцу высокому!

Слава!

На землѣ Государю Великому!

Слава!

Слава на небѣ свѣтлымъ звѣздамъ!

Слава!

На землѣ Государевымъ стрѣлкамъ!

Слава!

Чтобы рука ихъ была всегда тверда!
 Слава!
 Око быстрее, свѣтлѣй соколиного!
 Слава!
 Чтобы привелъ Богъ за матушку-Русь постоять!
 Слава!
 Нашихъ враговъ за рубежъ провожать!
 Слава!
 Чтобы намъ дума была лишь о родинѣ!
 Слава!
 Ину-жъ печаль мы закинемъ за синюю даль!
 Слава!
 А эту пѣснь мы Святой-Руси поемъ!
 Слава!
 Чтобы ее, Православную, Богъ берегъ!
 Слава!
 Чтобы стрѣлокъ послужилъ ей одинъ за трехъ!
 Слава!
 Чтобы не было на свѣтѣ царства сильнѣй!
 Слава!
 Нашего ласкова Государа добрѣй!
 Слава!
 Чтобы не было Русскаго слова кричѣй!
 Слава!
 Чтобы не было Русской славы громчѣй!
 Слава!
 Чтобы не было Русской пѣсни звучѣй!
 Слава!
 Да чтобы не было Царскихъ стрѣлковъ удалѣй!
 Слава!

Послѣ этой пѣсни, удостоившейся Высочайшаго одобренія, офицеры, имѣя въ главѣ своей завѣдывающаго полкомъ и полковаго командира, и получивъ предварительно соизволеніе Государа Императора, поднесли Его Величеству, со стариннымъ Русскимъ призывомъ и многолѣтіемъ, серебряную стопу на память отъ полка. Государю же Наслѣднику и Государямъ Великимъ Князьямъ Николаю и Михаилу Николаевичамъ были поднесены, съ тѣмъ же обрядомъ, серебряныя чарки съ надписями.

Словомъ — праздникъ былъ чисто Русскій: всѣхъ одушевляла неограниченная преданность, любовь и благодарность къ Государю и Августѣйшему Его Семейству. Смѣло можно сказать, что ни участвовавшіе въ этомъ праздникѣ, ни бывшіе свидѣтелями онаго, не забудутъ никогда этого торжественнаго дня, столь краснорѣчиво выразившаго тѣсныя узы, связывающія Русскаго Царя съ Его народомъ.

5-го числа полкъ выступилъ изъ Царской-Славянки, 6-го отправился изъ Коломна по желѣзной дорогѣ, а 8-го былъ уже въ Москвѣ.

Къ общему сожалѣнню, день прибытiя полка былъ вмѣстѣ днемъ отъѣзда Государя изъ Москвы въ Николаевъ, такъ что назначенный Государемъ и ожидаемый всѣми смотръ полка не состоялся, а Москва лишилась утѣшенiя еще разъ видѣть возлюбленнаго Царя своего въ Русскомъ нарядѣ, особенно знаменательномъ въ такое время, когда западные народы стараются унижить и погрѣть великое Русское имя!

На слѣдующій день Москва увидѣла умиленное зрѣлище. Собравшись съ ранняго утра въ Суцовой части, всѣ три баталiона въ праздничной формѣ двинулись по улицамъ, устроеннымъ народомъ, къ Красной площади, гдѣ между церковью Василя Блаженнаго и памятникомъ Минина и Пожарскаго, уже стоялъ аналой, ожидавшiй высокопреосвященнаго митрополита Московскаго Филарета. Мститый старецъ, не смотря на тягость лѣтъ и недуговъ, обвѣщалъ самъ благословить идущихъ на брань во имя Христова и отслужить имъ напутственный молебенъ. Когда онъ приблизился къ мѣсту, гдѣ стояли баталiоны, тѣснота отъ народа всѣхъ сословiй была такъ велика, что прошло нѣсколько времени прежде чѣмъ сдѣлалось возможно очистить дорогу владыкѣ.

Не только вся площадь, но и зубцы Кремлевскихъ стѣнъ и крыши ближнихъ домовъ были уставы народомъ; Великие Князья, Сыновья Государевы, въ стрѣлковыхъ кафтанахъ, молились, стоя въ главѣ офицеровъ. Замѣтимъ здѣсь утѣшительное явленiе, которое можно видѣть только въ Русскомъ городѣ: всѣ зрители, даже стоявшiе на самыхъ отдаленныхъ крышахъ, были безъ шапокъ, и во все продолженiе священнодѣйствiя преклоняли головы и освѣняли себя крестнымъ знаменiемъ; казалось, вся Москва единодушно молилась за успѣхъ священной брани и за подъявшихъ оружiе на защиту отечества.

Во время молебствiя прiѣхала Государыня Императрица Александра Феодоровна съ Великими Княгинями Александрой Юсифовной и Екатериной Михаловной, и соединили Свою молитву съ молитвою общей.

Когда кончилась служба и всѣ члены Августѣйшаго Семейства поцѣловали крестъ, высокопреосвященный самъ обошелъ баталiоны, окропилъ ряды святою водою и подалъ знакъ, что будетъ говорить. Настало торжественное молчанiе, всѣ обратили слухъ, и владыка началъ:

«Братія, войны Царской рати!

«Съ утѣшенемъ видимъ васъ, идущихъ на защиту отечества. Исполняете священный долгъ, и тѣмъ лучше исполняете, что на сей подвигъ васъ вызвала свободно ваша добрая воля и любовь къ Царю и Отечеству. Тѣмъ паче благословить васъ Богъ, любящій добровольныя жертвы; тѣмъ болѣе признательно будетъ вамъ отечество, если подвигъ, такъ ревностно начатый, столь же ревностно продолжите и совершите.

«Если бы на какой домъ напали разбойники, кто изъ семейства, имѣя силу и возможность, не возсталъ бы на защиту себя и общаго достоянія? Не съ большимъ ли самопожертвованіемъ должно востать противъ враговъ, которые на великій домъ Царя нашего,— на Россію, напали безъ правды, и, нарушивъ законы честной войны, позволяютъ себѣ разбойническія хищенія и опустошенія.

«Нѣкогда, во время нападенія иноплеменниковъ на землю народа Божія, Иессей трехъ старшихъ сыновъ своихъ послалъ на брань за отечество, а младшаго Давида посылалъ потомъ доставить имъ пищу въ походѣ: и сей носитель пищи сдѣлался внезапнымъ воинемъ и побѣдителемъ враговъ. Такъ праведные жертвуютъ отечеству тѣмъ, что имѣютъ любезнѣйшаго: такъ и праведный Богъ дастъ благородному самопожертвованію дивную помощь и силу.

Братія! по вѣрѣ и вы народъ Божій: продолжайте и подвигами являть въ себѣ народъ Божій. Для такого народа не оскудѣетъ дивная помощь Божія.

«Вотъ святой образъ Христа Спасителя, которымъ Государыня Императрица Марія Александровна благословляетъ васъ, съ молитвою благочестивѣйшаго Ея сердца, да воинствуете съ именемъ Господа Иисуса Христа и да будете благодатно Его всегда крѣпкими, непоколебимы въ мужествѣ и побѣдоносны.

«Вотъ и еще изъ обители преподобнаго отца нашего Сергія святой образъ, съ которымъ соединено воспоминаніе о крѣпкихъ молитвахъ его за Россію и воинство ея, и о Божіей чрезъ нихъ помощи, а также воспоминаніе и о вѣрѣ нашихъ предковъ, которые подобный сему образъ носили въ полкахъ своихъ, какъ знаменіе покровительства и помощи свыше. Да соприсутствуетъ онъ вамъ къ утѣшенію вашей вѣры, къ утверженію надежды на помощь Божію, и да будетъ знаменіемъ Вышняго благословенія на подвигъ и побѣду.

Послѣ этого проникающаго до сердца слова, высокопреосвященный вручилъ образа полковому командиру и, собравъ всѣхъ офицеровъ вокругъ себя, роздалъ имъ собственноручно тѣльныя

кресты отъ Имени Императрицы Маріи Александровны на память и благословеніе. Съ трогательною попечительностью, свойственному Ея благому сердцу, Государыня Императрица, сверхъ того, поручила завѣдывающему полкомъ роздать каждому рядовому по кресту, и для того прислала въ полкъ 3,000 крестовъ, привезенныхъ Ея Величествомъ изъ Троицко-Сергіевской Лавры.

11-го числа стрѣлки выступили въ походъ. По улицамъ, гдѣ проходили они, всѣ окна, балконы и крыши были покрыты народомъ. Огромная толпа провожала полкъ отъ самой Суцовой части, и число народа расло по мѣрѣ приближенія къ заставѣ. Участіе было написано на всѣхъ лицахъ, почти всѣ зрители крестились; старушки плакали, всѣ провожали стрѣлковъ благословеніями, или восклицаніями, полными участія. У заставы завѣдывающій полкомъ простился съ офицерами и сказалъ рядовымъ краткую ободрительную рѣчь, напомнивъ имъ въ немногихъ словахъ ихъ обязанности, назначеніе и святость призванія.

Прошло нѣсколько минутъ отдыха, и баталіоны потянулись съ пѣснями по большой дорогѣ.

Да будетъ надъ ними благословеніе Божіе! Велика была милость Царская къ стрѣлкамъ, но велико и желаніе ихъ показать себя достойными этой милости. Духъ, господствующій въ рядахъ ихъ, есть духъ всей Россіи, а доколѣ Россія такъ мыслить, ея не поколеблютъ никакія усилія, никакое минутное торжество соединившихся противъ ея народовъ.

НЕКРОЛОГЪ.

К. И. НЕВОЛИНЪ.

6 октября, 1855 года, скончался въ Бриксенъ (въ Тироли), на 49 году жизни, достойный петербургскій профессоръ, Константинъ Алексѣевичъ *Неволинъ*, одинъ изъ трудолюбивѣйшихъ и полезнѣйшихъ дѣятелей Русской науки. «Энциклопедія Законовѣднiя», въ двухъ огромныхъ томахъ, (1840), «Исторія Русскихъ Гражданскихъ Законовъ», въ трехъ томахъ (1851), — вотъ два капитальные сочиненiя, кои увѣковѣчиваютъ имя Неволина. Кроме ихъ, полного уваженiя заслуживаютъ слѣдующiя разсужденiя меньшаго объема: «О пятинахъ и погостахъ Новгородскихъ въ XVI вѣкѣ» (1853). «О пространствѣ церковнаго суда», «Исторiя гражданскаго управленiя въ Россiи», «Списокъ Русскихъ городовъ». Не упоминаемъ о мелкихъ статьяхъ, разсѣянныхъ въ журналахъ. Неволинъ преподавалъ въ Петербургскомъ университетѣ (а сначала въ Киевскомъ, гдѣ былъ долго ректоромъ), и въ Училищѣ Правовѣднiя. Сверхъ того служилъ во II отдѣленiи Собственной Канцелярiи, въ Консультации министра юстиции, въ Комитетѣ для исправленiя военно-уголовнаго устава. Неумѣренные труды разстроили его слабое здоровье, — онъ долженъ былъ уѣхать за границу, но уже поздно!

Неволинъ родился въ Вяткѣ, обучался сперва въ тамошней семинарiи, потомъ въ Московской Духовной академiи, а наконецъ при II отдѣленiи Собственной Канцелярiи Государя Императора, подъ руководствомъ графа Сперанскаго. Оттуда былъ посланъ съ своими товарищами въ чужie края, гдѣ и оставался три года, слушая курсы знаменитыхъ юристовъ.

Т. И. ГРАНОВСКIЙ.

Другаго рода утрату, но не менѣ скорбную, понесла русская наука, въ лицѣ Московскаго профессора, Тимофея Николаевича *Грановскаго*. Сколько Неволинъ принадлежалъ кабинету, столько Грановскiй принадлежалъ обществу. Тотъ дѣйствовалъ сочиненiями, а этотъ бесѣдою. Многообразныя свѣдѣнiя, теплое участiе въ судьбахъ человѣческихъ, сердечное желанiе успѣха, живое, прiятное слово,

благородство въ образѣ мыслей, наконецъ какая-то особенная любезность, какой-то природной даръ привлеченія, — были причиною общаго расположенія къ Грановскому. Кто его зналъ, тотъ его любилъ, болѣе или менѣе, и старался извинять или забывать его недостатки.

Грановскій писалъ очень мало. Написанное имъ отличается пріятнымъ изложеніемъ, и блещетъ счастливыми выраженіями и мыслями. Область критики, такъ сказать, домашней, въ которой онъ преимущественно подвизался, была слишкомъ тѣсна, и не давала многимъ средствъ узнать его вполнѣ. Въ другихъ обстоятельствахъ, можетъ быть, онъ дѣйствовалъ бы иначе, и показалъ бы себя съ другой стороны. Намъ остается отъ учениковъ его ждать плодовъ его сѣванія. Тогда мы оцѣнимъ вѣрнѣе и собственныя его достоинства.

Погребеніе Грановскаго представляло зрѣлище умиленное. Искренняя скорбь выражалась на всякомъ лицѣ. Студенты отнесли гробъ на рукахъ до кладбища, и цвѣтами усыпали дорогу, множество вѣнковъ брошено въ могилу, множество задушевныхъ словъ вырвалось у присутствовавшихъ въ память о покойномъ. Профессоръ Кудрявцевъ произнесъ краткую рѣчь надъ опущеннымъ въ землю гробомъ, никто почти не слыхалъ ея, но всѣ угадывали и плакали.

Грустно, тяжело было оставить кладбище! Долго ходили мы между деревьями, оглядываясь на засыпанную могилу, какъ будто надѣясь увидѣть любезный образъ.

Quis desiderio sit pudor aut modus

Tam cari capitis.

Миръ его праху!

С. Ш. РАИЧЪ.

Третья наша утрата въ этомъ мѣсяцѣ, и опять совсѣмъ другого рода, (разнообразна область человѣческаго духа), — Семенъ Егоровичъ Раичъ. Онъ скончался 26 числа. Добродушнѣйшій человекъ, страстно преданный литературѣ, поэтъ-младенецъ въ душѣ до глубокой старости, произнесшій ни одного слова ропота во всю свою жизнь, непожелавшій зла никому на свѣтъ, всегда довольный, всегда веселый, всегда трудолюбивый. Переводъ Виргиліевыхъ Георгикъ, въ 20-хъ годахъ, переводъ Тассова Іерусалима, переводъ Аріоста, не смотря на недостатки избранной формы, имѣютъ неотъемлемыя достоинства, и показываютъ необыкновенное знакомство съ языкомъ. Современемъ мы сообщимъ подробности объ этомъ примѣчательномъ человекѣ. На первый случай передадимъ краткое извѣстіе, доставленное О. Б. Миллеромъ.

Нѣсколько словъ о С. Е. Раичѣ.

26-го октября проводили мы къ послѣднему жилищу одного изъ самыхъ трудолюбивыхъ дѣятелей на поприщѣ нашей литературы—Семена Егоровича Раича. Считаю священнымъ долгомъ сказать о немъ нѣсколько задушевныхъ словъ, пока благородная, безпристрастная критика не представитъ намъ достойной оцѣнки заслугъ покойнаго, какъ литератора.

Я познакомился и сблизился съ нимъ лѣтъ за десять до его кончины. Мы часто видались и бесѣдовали, и эти бесѣды, оживляемыя его свѣтлымъ умомъ, его пріятнымъ остроуміемъ, остались глубоко запечатлѣнными въ моей памяти, и будутъ для меня всегда пріятнѣйшимъ воспоминаніемъ. Убѣленный сѣдинами, но юный душою, онъ любилъ окружать себя молодыми людьми, горячо сочувствовалъ всему прекрасному и благородному, и радовался проявленію каждаго молодого таланта. Христіанинъ въ душѣ, философъ въ жизни, онъ въ своей скромной хижинѣ, окруженный многочисленнымъ семействомъ, былъ вполне доволенъ своимъ состояніемъ, и никогда не ропталъ на судьбу свою, хотя болѣе другихъ имѣлъ на это право. Онъ умѣлъ быть счастливымъ при самомъ ограниченномъ состояніи, и разливалъ это счастье на все, его окружающее. Утро каждаго дня начиналъ онъ чтеніемъ Евангелія въ кругу дѣтей своихъ,—это было его всегдашнимъ, неизмѣннымъ правиломъ; день посвящалъ онъ служебнымъ занятіямъ, вечеръ — наукамъ и поэзіи. Въ послѣдніе годы, въ особенности послѣ кончины нѣжнолюбимой жены, которой лишился онъ семь лѣтъ тому назадъ, священное писаніе сдѣлалось его настольною книгою. Загробная жизнь и поэзія были любимѣйшими предметами бесѣды его, и переходъ въ эту жизнь не могъ быть страшенъ для благочестиваго старца, потому что онъ приготовилъ себя къ нему заранѣе. Вотъ что сказалъ онъ въ одномъ изъ своихъ неизданныхъ стихотвореній «Блаженіи плачущіе, яко тѣмъ утѣшатся:»

....«Мы гости на земли,—
 Домъ нашъ тамъ—въ дали небесной,
 И несчастный въ той дали,
 Божію представъ престолу,
 Скорбь земную бросить долу.»

Въ этой истинѣ онъ былъ вполне убѣжденъ, и она составляла утѣшеніе всей его жизни. Въ последнее время, мѣсяца за три до его кончины, въ немъ пробудилось какъ-то предчувствіе, что земная жизнь его скоро прекратится: онъ сталъ часто видѣть во снѣ покойную жену свою. «Вотъ опять я видѣлся съ нею»,—говорилъ онъ мнѣ въ одно изъ нашихъ послѣднихъ свиданій, — «все зоветъ меня къ себѣ.... да и пора бы!»—но онъ говорилъ это такимъ голосомъ, съ такимъ свѣтлымъ взоромъ, что нельзя было не убѣдиться, что это свиданіе съ любимымъ существомъ было для него самою отрадною мечтою.... И черезъ нѣсколько дней мечта его осуществилась;—онъ перешелъ въ вѣчность такъ же тихо и безмятежно, какъ жилъ!

Кому неизвѣстны литературные труды его? Какъ отличный знатокъ римской и итальянской поэзіи, онъ перевелъ Георгіи Виргилія, Освобожденный Іерусалимъ Тасса и 24 пѣсни Аріостова Неистоваго Орланда, изъ которыхъ 15 напечатаны, а девять остались въ рукописи; въ 1849 году онъ напечаталъ оригинальную поэму Арета, (сказаніе изъ временъ Марка Аврелія), замѣчательную по своему высоко-нравственному содержанію. Современные событія снова пробудили его музу, умолкшую на время, и онъ выразилъ свое теплое патріотическое чувство въ нѣсколькихъ прекрасныхъ стихотвореніяхъ, напечатанныхъ въ Москвитянинѣ. Послѣднимъ его произведеніемъ были стихи, помѣщенные въ іюльской книгѣ, «Цвѣтокъ на гробъ Батюшкова»: ими почтилъ онъ память поэта, къ которому питалъ глубокое уваженіе. Наконецъ, въ бумагахъ покойнаго, сколько мнѣ извѣстно, осталась еще небольшая поэма религіознаго содержанія. Не менѣ замѣчательны его лирическія стихотворенія прежнихъ годовъ; они всѣ проникнуты глубокимъ чувствомъ и отличаются гармоніею стиха. Многимъ и теперь еще памяты его «Шерекати поле» или:

Не дивитесь, друзья,
 Что не разъ,
 Между васъ,
 На пиру веселомъ я
 Приздумывался.

Какъ наставникъ юношества, покойный имѣлъ счастье видѣть, что изъ числа его учениковъ и ученицъ многие стяжали себѣ славное имя въ литературѣ: назовемъ А. Н. Муравьева, Лермонтова, Тютчева, графиню Саліасъ. Послѣ этого онъ въ правѣ былъ сказать о себѣ:

«Благодарю Тебя, Всевышній!
И я былъ на землѣ велишій.»

Онъ былъ одинъ изъ достойнѣйшихъ членовъ Общества Любителей Россійской Словесности, и пользовался уваженіемъ нашихъ ученыхъ и литераторовъ; это было видно при его погребеніи: многіе изъ нихъ собрались у его гроба въ церкви Набилковскаго Сиротскаго Дома; ректоръ московской семинаріи, архимандритъ Леонидъ, совершалъ отпѣваніе тѣла, и проводилъ его до могилы на Пятницкое кладбище.

Ф. МСКЛЕРЪ.

27 октября 1855.

ЮБИЛЕЙ М. С. ЩЕПКИНА.

За два дня, назначена была депутация объявить заслуженному артисту о желаніи членовъ Московской публки и его знакомыхъ, дать въ честь его обѣдъ, по случаю исполнившагося пятидесятилѣтія его службы, въ залѣ художественнаго класса. Депутатами избраны: отъ членовъ публки, А. Ф. Томашевскій, одинъ изъ старшихъ знакомыхъ Щепкина въ Москвѣ, землякъ по Курску; отъ ученаго сословія, С. П. Полуденскій, университетскій библіотекарь, и С. В. Шумскій, воспитанникъ и товарищъ его по театру.

Нечего говорить, съ какимъ удовольствіемъ и благодарностію принято было радушное предложеніе.

26 ноября, въ субботу (единственный день, когда актеры свободны), назначено было быть обѣду.

Когда все было готово въ залахъ, и собрались всѣ участвовавшіе, въ 3-мъ часу, отирались другіе депутаты: А. О. Армфельдъ, П. М. Леонтьевъ, (вмѣсто занемогшаго М. Н. Каткова), и Н. И. Самаринъ просить честимаго гостя къ обѣду.

Лишь только онъ показался въ дверяхъ, грянула музыка. Онъ встрѣченъ былъ учредителями праздника и отведенъ въ среднюю залу, гдѣ посаженъ на приготовленное ему въ срединѣ за столомъ мѣсто.

Началось чтеніе. К. С. Аксаковъ прочелъ обзоръ сценической дѣятельности Щепкина, сочиненное отцемъ его С. Т. Аксаковымъ. Прекрасная статья была прослушана съ глубочайшимъ вниманіемъ. Щепкинъ плакалъ, слѣдя за годами своей жизни, перелетавшими одинъ за другимъ въ его воображеніи, начиная съ перваго дня когда онъ, бѣдный мальчикъ, изъ суфлерской конурки явился на сцену. У слушателей неразъ вырывались клики похвалы. Окончаніе было покрыто рукоплесканіями. Эта рѣчь дала смыслъ всему празднику: всякой увидѣлъ ясно, понялъ, оцѣнилъ достоинства и заслуги художника.

Ө. А. Бурдинъ, только-что пріѣхавшій нарочно изъ Петербурга, прочелъ привѣтствіе Петербургскихъ артистовъ, вызвавшее громъ рукоплесканій.

Началась закуска.

Къ обѣду сопровождаемъ былъ Щепкинъ М. П. Погодинымъ и С. В. Перфильевымъ. Великолѣпная зала, украшенная картинами и статуями, вся загорѣлась яркими огнями: посрединѣ возвышался бюстъ Щепкина, изваянный Рамазановымъ, осыянный миртами и розами. Внизу блистала подпись: 1805 — 1855.

Шумно и весело, среди оживленной бесѣды, начался и продолжался пиръ. Но вотъ всѣ умолкли. Присутствующіе встали. М. П. Погодинъ произнесъ громко:

ММ. ГГ.

«Всѣхъ Русскихъ празднествъ начало одно — во славу Царя! Да здравствуетъ державный Покровитель искусства и науки, и весь Августѣйшій домъ Его»

Раздался громогласное «ура», оркестръ грянулъ: «Боже, Царя храни»,—но долго не было слышно его громкихъ звуковъ,

Въ срединѣ обѣда, предлагая тостъ за здоровье честимаго гостя, произнесъ пріветственную рѣчь М. П. Погодинъ. Вслѣдъ за нимъ, подошелъ къ столу К. П. Барсовъ, и выразилъ чувства своей благодарности многолѣтнему благодѣтелю своего семейства. Слезы прерывали его рѣчь. Всѣ присутствовавшіе были тронуты, и осыпали молодого человѣка изъявленіями своего къ нему сочувствія и уваженія. Хорошо тому, кто добро дѣлаетъ; еще лучше тому, кто добро помнить, сказалъ кто-то. М. К. Гульковскій, старый любитель театра, сказалъ, подойдя къ Щепкину: «много вы смѣшили меня Михаилъ Семеновичъ, но все-таки не столько, сколько я теперь плакалъ». Рѣчи слѣдовали одна за другою: говорилъ С. П. Шевыревъ, С. М. Соловьевъ, С. В. Шумскій; Н. А. Рамазановъ извѣялъ свою прекрасную рѣчь будто рѣзцемъ, какъ замѣтилъ одинъ изъ присутствовавшихъ; Ѳ. А. Бурдинъ прочелъ два стихотворенія Петербургскихъ артистовъ, П. А. Каратыгина и П. И. Григорьева; С. П. Шевыревъ прочелъ письмо Петербургскихъ литераторовъ. Всѣ рѣчи и стихи покрывались рукоплесканіями, столько знакомыми слуху артиста. Растроганный, дрожащимъ голосомъ, произнесъ онъ благодарственную рѣчь. Пріветствіямъ, поздравленіямъ, желаніямъ не было конца.

Послѣ начались тосты въ честь Петербургскихъ и Московскихъ артистовъ.

М. П. Погодинъ предложилъ тостъ за здоровье старшаго изъ нашихъ драматурговъ, старшаго изъ Московскихъ друзей Щепкина, автора читанной передъ обѣдомъ статьи, въ которой такъ вѣрно оцѣнена сценическая дѣятельность нашего знаменитаго артиста, — здоровье Сергѣя Тимофеевича Аксакова.

Въ отвѣтъ на общее сочувствіе, съ которымъ былъ принятъ этотъ тостъ, К. С. Аксаковъ отвѣчалъ тостомъ въ честь общественнаго мнѣнія.

Раздались новыя рукоплесканія.

Вслѣдъ за ними, М. П. Погодинъ предложилъ тостъ: за процвѣтаніе Русскаго театра—рукоплесканія возобновились.

По окончаніи объѣда, когда всѣ гости собрались въ среднюю залу, Щепкину поднесены были приготовленные подарки: серебряный вызолоченный ковшъ—отъ имени славянофиловъ, бокаль—отъ европейцевъ, подносъ, золотое кольцо съ вырѣзаннымъ числомъ 26 ноября на память о праздникѣ, отъ тѣхъ и другихъ вмѣстѣ, сочиненія Пушкина и Гоголя въ богатомъ переплетѣ, альбомъ съ портретами знаменитѣйшихъ актеровъ, русскихъ и иностранныхъ. Графиня Л. А. Нессельродъ прислала въ даръ Щепкину, при письмѣ на имя М. П. Погодина, богатый кубокъ съ вырѣзанными на краяхъ именами всѣхъ піесъ, въ которыхъ онъ особенно отличался. (а ихъ сколько!).

Ковшъ и бокаль были, разумѣется, обновлены съ разными присловіями—всѣмъ на здоровье. Начались новыя тосты.

Въ 8 часовъ, любезный старикъ, непомнившій себя отъ удовольствія, повезенъ былъ домой.

Домъ весь былъ иллюминированъ, плошки горѣли кругомъ. Наши актрисы-красавицы: Медвѣдева, Бороздина, Косицкая и прочія, встрѣтили Щепкина въ гостиной съ букетами цвѣтовъ и осыпали поцѣлуями. «Ну вотъ, изъ пятидесяти лѣтъ, большая половина и съ костей долой!» Потомъ послѣдовали поздравленія домашнихъ—жены, неразлучной спутницы—друга въ продолженіе почти всего истекшаго пятидесятилѣтія, дѣтей, невѣстокъ, внучатъ, которыя пустились плясать....

Гранула музыка, начались танцы и продолжались до поздней ночи.

Вдругъ является между танцующими Щепкинъ, въ колпакъ и шлафрокъ. ступаетъ едва движущимися ногами, держа въ рукѣ тетрадь съ ролею, которую завтра долженъ былъ играть... Новыя поцѣлуи и поздравленія, и старикъ еще молодѣетъ. Шампанское льется.

Далеко за полночь разъѣхались гости.

Московскія дамы хотѣли также возблагодарить Щепкина за то удовольствіе, которое столько времени онъ доставляетъ имъ, своимъ талантомъ, и вотъ что предполагалось: пригласить его на вечеръ въ какой-нибудь домъ, осыпать при встрѣчѣ цвѣтами, и потащить по всѣмъ комнатамъ подъ звуками веселой музыки, потомъ усталого и изнеможеннаго посадить въ залъ, накинувъ на него шлафорокъ и

★

надѣвъ колпакъ. Въ этомъ положеніи старика опутываютъ гирляндами и даютъ въ руку цигарку. Устраивается живая бесѣдка изъ зелени и цвѣтовъ. Начинаются шумные хороводы, — вдругъ издали доносятся звуки малороссійской пѣсни, приближаются. Хороводъ остановился. Пѣніе раздается громко. Пѣсня кончена. Въ другомъ углу грянула увертюра изъ Калифа Богдадскаго. Ее смѣняетъ Водозвъ, — и прочія оперы стараго репертуара. Малороссійскія дѣвушки приносятъ угощенье и проч. Но не было времени устроить такой вечеръ.

На другой день, Щепкинъ игралъ. Нѣкоторые любители ѣздили нарочно чтобъ встрѣтить его появленіе залпомъ рукоплесканій. Послѣ перваго дѣйствія, представлены были Щепкину еще нѣсколько подарковъ: отъ членовъ публики — Н. А. Жеребцовымъ, богатое брилліантовое кольцо, В. А. Кокоревымъ, который и во вечерашнемъ приношеніи принималъ главное участіе, большой кубокъ отъ имени нѣкоторыхъ Петербургскихъ любителей — Г. Алфераки и проч.

Такъ Московскіе друзья искусства засвидѣтельствовали знаменитому Русскому актеру свое уваженіе и благодарность за доставляемое имъ публикѣ въ продолженіе пятидесяти лѣтъ благородное удовольствіе, и почтили постоянную, горячую его преданность своему дѣлу.

Привѣтствія, рѣчи и письма,
читанныя въ продолженіе праздника.

Нѣсколько словъ о М. С. Щепкинѣ,
С. Т. Аксакова.

Въ исходѣ ноября 1805 года, въ городѣ Курскѣ, на частномъ публичномъ театрѣ содержателей-актеровъ Барсовыхъ, назначенъ былъ спектакль въ пользу актрисы г-жи Лыковой. Молодой человѣкъ лѣтъ семнадцати, съ живою и умною фizioноміей, безпрестанно бѣгалъ съ ранняго утра изъ дома своего господина графа Волькенштейна, въ домъ Дворянскаго Собранія, гдѣ помещался театръ. На озбоченномъ лицѣ юноши ясно выражалась радость, тревога и опасеніе: это былъ дворовый мальчикъ графа, всѣмъ называемый Миша, которому, по случаю внезапной болѣзни какого-то мелкаго актера, дали сыграть маленькую роль. Миша съ дѣтскихъ лѣтъ страстно любилъ смотрѣть театральныя представленія. Его охотно пускали и въ оркестръ, и за кулисы, гдѣ всѣ его знали, любили, и гдѣ онъ всѣмъ служивалъ. Сыграть какою—

нибудь роль на публичномъ театрѣ, было его любимую мечтою, его постояннымъ и гордымъ желаніемъ; наконецъ желанная мечта превращалась въ дѣйствительность, и Миша выходилъ на сцену въ драмѣ «Зоя» въ роли почтаря Андрея. Этотъ Миша—теперь нашъ знаменитый артистъ, ветеранъ театральнаго искусства честь и гордость Русской сцены, Михаилъ Семеновичъ Щепкинъ.

Щепкинъ страстно полюбилъ театръ еще въ ребячествѣ. Семилѣтъ оя увидѣлъ на домашнемъ театрѣ у графа Волькенштейна, оперу «Новое семейство,» и неожиданное зрѣлище такъ его поразило, что съ тѣхъ поръ въ воспримчивой, горячей головѣ мальчика безпрестанно ронились декорации, оркестръ, сцена и дѣйствующія лица. Вскорѣ послѣ того, когда оя былъ уже въ народномъ училищѣ городка Суджи, удалось ему сыграть слугу Розмарина въ комедіи Сумарокова «Вздорщица»: разумѣется, это усилило его страсть. Въ послѣдствіе, когда Щепкину уже было лѣтъ четырнадцать, оя сыгралъ на домашнемъ театрѣ своего господина нѣсколько ролей, и между прочимъ роль актера въ комедіи «Опытъ искусства» и Степана Сбитеньщика въ оперѣ «Сбитеньщикъ.» Съ 1801 года, Щепкинъ жилъ въ Курскѣ, учился въ народномъ училищѣ и всѣ свободные часы проводилъ въ театрѣ. Въ этомъ положеніи оставались дѣла до незабвеннаго дня, до бенефиса г-жи Дыковой.

И такъ, въ исходѣ ноября (подлинное число неизвѣстно) настоящаго 1855 года, исполняется пятьдесятъ лѣтъ съ перваго появленія Щепкина на сценѣ публичнаго театра. Долгое поприще, рѣдко совершаемое не поденщиками, не простыми исполнителями, равнодушными къ своему ремеслу, а художниками по призванію, пламенно, тревожно любящими свое дѣло! Какихъ горячихъ усилій, какихъ постоянныхъ трудовъ, какой напряженной работы духа и тѣла—стоило возведеніе на степень искусства, простой, по видимому, охоты мальчика: выбѣжать передъ публикою, въ какомъ-то святошномъ нарядѣ и пробормотать нѣсколько выученныхъ рѣчей. Такъ начинаютъ многіе, и трудно бываетъ разгадать въ безотчетномъ влеченіи молодыхъ людей: минутная ли эта забава или призваніе истиннаго таланта.

Разумѣется, въ достопамятный день представленія «Зои.» за пятьдесятъ лѣтъ предъ симъ, никто изъ окружающихъ Щепкина не подозрѣвалъ въ немъ будущаго славнаго актера, и всякій только посмѣивался, глядя на его озабоченное лице и важность, придаваемую имъ такому, по видимому, пустому дѣлу; но Щепкинъ чув-

ствовавъ безсознательно, что роль почтара Андрея рѣшаетъ его судьбу и опредѣляетъ славную будущность.

Съ этого времени, послѣ удачнаго дебюта, Щепкину начали давать многія небольшія роли, и, разумѣется, самыя разнохарактерныя. Захворалъ ли, загулялъ ли ктонибудь изъ актеровъ — Щепкинъ въ нѣсколько часовъ выучивалъ его роль и, конечно, игралъ всегда лучше того, чье занималъ мѣсто. Однимъ словомъ: имъ затыкали всѣ прорѣхи малочисленной труппы и скуднаго репертуара. Оркестръ прозвалъ его: «контробасною подставкой», и вся труппа со смѣхомъ повторяла *остроумное* прозвище.

Публика начинала любить и принимать Щепкина съ одобреніемъ. Каждый спектакль былъ шагомъ впередъ для молодого актера, и въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ онъ самъ и всѣ его окружавшіе убѣдились въ томъ, что Щепкинъ родился для театра. Не получивъ достаточнаго образованія, не выдавъ ни одного актера, который бы имѣлъ какоенибудь понятіе о сценическомъ искусствѣ, который бы ходилъ и говорилъ на театрѣ по человѣчески, Щепкинъ конечно не могъ тогда создавать себѣ и идеала представляемаго лица, не могъ не подчиняться вреднымъ традиціямъ, отъ которыхъ трудно отдѣлываться во всю жизнь, не могъ не перенимать формъ, которыми былъ окруженъ; но нѣтъ такой неестественной формы, которая не могла бы быть одушевлена, а Щепкинъ, одаренный необыкновеннымъ огнемъ и чувствомъ, оживлялъ ими каждое произносимое слово: кстата или некстата, вѣрно или невѣрно, — до этого никому не было дѣла, этого никто не понималъ, и всѣ безусловно восхищались новымъ и свѣжимъ талантомъ.

Чрезвычайно было бы любопытно и поучительно прослѣдить постепенно, какъ уяснялся взглядъ молодого актера, какъ зарождалось пониманіе лицъ, имъ представляемыхъ, какъ блеснула и разгоралась мысль объ истинѣ, естественности игры, и какъ онъ понималъ наконецъ, что сцена — искусство, что онъ художникъ!... Но этого никто не можетъ сдѣлать, кромѣ самого Щепкина, и на немъ лежитъ долгъ написать исторію своего театральнаго поприща, чѣмъ онъ окажетъ великую услугу не только театальному искусству, его служителямъ и почитателямъ, но и всякому мыслящему чело-вѣку, для котораго дороги проявленія, усилія и торжество духа чело-вѣческаго надъ всеми препятствіями и случайностями жизни. У Щепкина хранится листъ бумаги, на которомъ великій художникъ Пушкинъ своею рукою написалъ слѣдующее: *Записки актера Щепкина.*

« Я родился въ Курской губерніи, Обоянскаго уѣзда въ селѣ Красномъ. что на рѣчкѣ Пенкѣ....»

Какъ краснорѣчиво выражается въ этомъ поступкѣ важность интереса, который придавалъ Пушкинъ запискамъ актера Щепкина.

Семнадцать лѣтъ игралъ Щепкинъ на губернскихъ театрахъ. переходя изъ труппы въ труппу, разъѣзжая по ярмаркамъ съ своими товарищами, и постоянно идя впередъ. У Щепкина не было амплуа, онъ не выбиралъ себѣ ролей, а игралъ все, что было необходимо для составленія спектакля. Такъ напримѣръ, въ «Желѣзной Маскѣ» онъ, начиная съ часоваго, дошелъ до маркиза Лувуа, а въ «Рекрутскомъ Наборѣ» перенгралъ всѣ роли, кромѣ молодой дѣвушки Варвары. Слѣва Щепкина росла, преимущественно въ южной части Россіи, дошла до Москвы, и наконецъ въ 1823 году поступилъ онъ на Императорскій Московскій театръ. Не входя въ подробности, потому что я пишу не біографію Щепкина, а краткій очеркъ пятидесятилѣтняго театральнаго его поприща, должно однако сказать, что Щепкинъ въ продолженіи своей провинціальной сценической жизни получалъ два толчка, какъ онъ самъ выражается, которые были ему очень полезны. Первый случился въ 1810 году, когда онъ увидѣлъ домашній благородный спектакль въ селѣ Юноховкѣ (Харьковской губерніи): въ этомъ спектаклѣ, князь Прокофій Васильевичъ Мецкерскій игралъ роль Сомедара въ комедіи Сумарокова «Приданое обманомъ». Естественная игра князя Мецкерскаго сильно поразила молодаго актера и произвела рѣшительное вліяніе на его понятія о сценическомъ искусствѣ (*). Второй толчокъ случился гораздо позднеѣ: его произвелъ замѣчательный актеръ Павловъ, выѣхавшій изъ Казани и странствовавшій тогда по разнымъ театрамъ. Этотъ актеръ, съ необыкновенною для того времени истинною и простотою, игралъ многія роли, особенно роль Неизвѣстнаго въ комедіи Коцебу «Ненависть къ людямъ и раскаяніе». Актера Павлова мало понимали и мало цѣнили; но Щепкинъ понялъ, оцѣнилъ его и воспользовался добрымъ примѣромъ, не смотря на противоположное значеніе своего амплуа.

Московская публика обрадовалась прекрасному таланту и приняла Щепкина съ живѣйшимъ восторгомъ, въ настоящемъ значеніи этого слова; но Щепкинъ не успокоился на скоро пріобрѣтенныхъ лаврахъ, какъ дѣлаютъ это многіе. Постоянно трудясь, съ перваго

(*) Подробное описаніе этого происшествія можно прочесть въ альманахѣ «Комета», изданномъ Н. Щепкинымъ, сыномъ артиста, въ Москвѣ, въ 1851 году.

для поступленія своего на сцену, постоянно изучая, обрабатывая свою игру,—онъ удвоилъ свои труды поступя на Московскую сцену. Онъ дѣлалъ это не для пріобрѣтенія большой славы или выгодъ житейскихъ, онъ удовлетворялъ собственной душевной потребности. Театръ уже былъ для него необходимою, воздухомъ, условіемъ жизни.... Жить для Щепкина значило играть на театрѣ: играть — значило жить. Сцена сдѣлалась для Щепкина даже цѣлебнымъ средствомъ въ болѣзняхъ духа и тѣла. Говорилъ ли онъ о чемъ нибудь, какъ человѣкъ, которому надо было много преодолѣть препятствій, много биться съ жизнью,—искусство мирило его съ дѣйствительностью; болѣлъ ли тѣломъ—искусство, оживляя его нервы, чудотворно врачевало его тѣло. Много разъ, и многіе были тому свидѣтелями, что Щепкинъ выходилъ на сцену больной и сходилъ съ нея совершенно здоровый.

Обезпеченный въ своемъ существованіи, получившій независимость, придворный артистъ—Щепкинъ вполне предался искусству. Обширный репертуаръ его съ каждымъ годомъ обогащался новыми значительными ролями, надъ которыми надо было подумать, надо было потрудиться. — Одинъ рядъ Мольеровскихъ стариковъ представлялъ уже назидательное поприще для его сценической дѣятельности, и Щепкинъ воспользовался этою высокою школою. На Московской сценѣ Щепкинъ нашелъ товарищей болѣе или менѣе образованныхъ, нашелъ публику болѣе просвѣщенную, судей болѣе строгихъ и лучше понимающихъ дѣло. Кромѣ того, Щепкинъ нашелъ въ Московскомъ обществѣ дружескій литературный кругъ, въ который приняли его съ радостью и гдѣ вполне оцѣнили его талантъ, природный умъ, любовь къ искусству и жажду образованія. По счастливому стеченію обстоятельствъ, въ этомъ кругѣ находились между прочими главные лица Московской дирекціи: Кокошкинъ, Загоскинъ, Писаревъ и Верстовскій; но всего важнѣе было то, что въ этомъ же пріятельскомъ кругѣ былъ нашъ даровитый писатель князь Шаховской, единственный знатокъ сцены, страстный и опытный любитель театральнаго искусства. Этого только и не доставало Щепкину: онъ весь предался труду и ученію, предался пламенно и неутомимо.

Обыкновенно сценическіе артисты, сколько нибудь замѣчательные, раздѣляются на два разряда: первый состоитъ изъ людей даровитыхъ, иногда въ высокой степени, но не думающихъ объ искусствѣ, объ изученіи его, непризнающихъ необходимости труда, иногда даже непонимающихъ прямаго значенія художника. Вто-

рой разрядъ состоитъ, не скажу изъ людей бездарныхъ, но надъ-леянныхъ отъ природы скудною долею дарованія, обработкѣ которой положены, къ сожалѣнію, слишкомъ тѣсныя границы. Это достойные уваженія труженики. Они безъ сомнѣнія несравненно выше лѣнивыхъ дарованій, но увы! всякій изъ насъ предпочтетъ талантливаго актера, у котораго посреди невѣрной, даже безсмысленной игры, вырвется иногда увлекающее и потрясающее душу слово; предпочтетъ бѣдному труженику, безцвѣтно исполняющему умно и вѣрно понятый характеръ. Это справедливо: сцена требуетъ выраженія яснаго, живаго, такъ сказать осязательнаго, безъ котораго зритель не можетъ видѣть пониманія роли, не можетъ сочувствовать представляемому лицу. Но бываетъ рѣдкое соединеніе таланта съ яснымъ умомъ и горячею любовью къ искусству,—и это счастливое соединеніе представляетъ намъ Щепкинъ. Его отличительное качество именно состоитъ въ чувствѣ священнаго долга къ искусству, долга неоплатнаго, каковъ бы ни былъ талантъ челоука. Щепкинъ всю жизнь выплачивалъ этотъ долгъ по мѣрѣ силъ, платить и теперь, и конечно не перестанетъ платить, пока будетъ жить. Съ ослабленіемъ физическихъ средствъ, которыя не могли не измѣниться въ теченіи пятидесяти лѣтъ, Щепкинъ усиливалъ средства духовныя и вознаграждалъ по возможности неизбѣжныя утраты, наносимыя временемъ.

Не смотря на страшное число ролей, переигранныхъ Щепкинъ, не смотря на ихъ безконечное, дикое разнообразіе, не смотря на ихъ ничтожность, Щепкинъ не пренебрегъ ни одною изъ нихъ. Выѣзжая на сцену бабой-ягой, на ступѣ съ помеломъ, являясь Еремѣевой въ «Недоросль» и пр. — онъ старался быть тою личностью, которою представлялъ. Отъ смѣшныхъ фарсовъ и каррикатуръ, Щепкинъ, въ роляхъ своихъ, доходилъ иногда до характеровъ чисто-драматическихъ, и на одномъ изъ нихъ столкнулся съ первымъ трагикомъ своего времени—съ Тальмой: роль Данвила въ комедіи Делавина «Урокъ Старикамъ», въ Парижѣ игралъ Тальма, а въ Москвѣ Щепкинъ!... И что же? не смотря на тяжелый и темный Русскій переводъ, Щепкинъ былъ такъ хорошъ, что удовлетворялъ требованіямъ самыхъ строгихъ судей. Привычка смѣяться отъ комизма игры Щепкина исчезала, и зрители всегда были растроганы до слезъ.

Во всѣ пятьдесятъ лѣтъ театральной службы, Щепкинъ не только не пропустилъ ни одной репетиціи, но даже ни разу не опо-

здалъ. Никогда никакой роли, хотя бы то было въ сотый разъ, онъ не игралъ, не прочитавъ ее наканунѣ вечеромъ, ложась спать, какъ бы поздно ни воротился домой, и не репетируя ея настоящимъ образомъ на утренней пробѣ въ день представленія. Это не мелочная точность, не педанство, а весьма важное условіе въ дѣлѣ искусства, въ которомъ всегда есть своя, такъ сказать, механическая или матеріальная сторона: ибо никогда не можетъ быть полнаго усиха безъ приобрѣтенія власти надъ своими физическими средствами. Но этого мало: вся жизнь Щепкина и внѣ театра была для него постоянною школою искусства; вездѣ находилъ онъ что нибудь замѣтить, чему нибудь научиться; естественность, вѣрность *выраженія* (чего бы то ни было), безконечное разнообразіе и особенности этого выраженія, исключительно принадлежащія каждому отдѣльному лицу, дѣйствіе на другихъ такихъ особенностей — все замѣчалось, все переносилось въ искусство, все обогащало духовныя средства артиста. Болѣе двадцати лѣтъ, я вмѣстѣ съ другими слѣдилъ за игрою Щепкина на сценѣ и за его внимательнымъ наблюдениемъ бесѣдъ общественныхъ. Нерѣдко, среди шумныхъ рвчей или споровъ, замѣчали, что Щепкинъ о чемъ-то задумывался, чего-то искалъ въ умѣ или памяти; догадывались о причинѣ и нерѣдко заставляли его признаваться, что онъ думалъ въ то время о какомъ нибудь трудномъ *мыслѣ* своей роли, которая въ слѣдствіе сказаннаго кѣмъ нибудь изъ присутствующихъ мыткого слова, — вдругъ освѣщалась новымъ свѣтомъ и должна была быть выражена сильнѣе или проще и вообще вѣрнѣе. Иногда одно замѣчаніе, кинутое мимоходомъ и пойманное на лету, открывало Щепкину цѣлую новую сторону въ характерѣ дѣйствующаго лица, съ которымъ онъ до тѣхъ поръ не могъ сладить. Изъ всего сказаннаго мною очевидно, что роли Щепкина никогда не лежали безъ движенія, не сдавались въ архивъ, а совершенствовались постепенно и постоянно. Никогда Щепкинъ не жертвовалъ истинною игрою для эффекта, для лишннихъ рукоплесканій; никогда не выставлялъ своей роли на показъ, ко вреду играющихъ съ нимъ актеровъ, ко вреду цѣльности и ладу всей пьесы; напротивъ, онъ сдерживалъ свой жаръ и силу его выраженія, если другія лица не могли отвѣчать ему съ такою же силою; чтобъ не задавить другихъ лицъ въ пьесѣ, онъ давилъ себя и охотно жертвовалъ самолюбіемъ, если характеръ играемаго лица не искажался отъ такихъ пожертвованій. Все это видѣли и понимали многіе, и надобно признаться, что рѣдко встрѣчается въ актерахъ такое самоотверженіе.

Талантъ Щепкина преимущественно состоитъ въ чувствительности и огнѣ. Оба эти качества составляютъ основныя, необходимыя стихіи таланта драматическаго, и я думаю, что въ этомъ отношеніи драма была по преимуществу призваніемъ Щепкина; но его живость, умная веселость, юморъ, его фигура, голосъ слишкомъ недостаточный, слабый для ролей драматическихъ (ибо крикъ не голосъ), навели его на роли комическихъ стариковъ и — слава Богу! По неудобствамъ физическимъ, едва ли бы Щепкинъ могъ достигнуть такого высокаго достоинства въ драмѣ, какого достигъ въ комедіи. Я сказалъ, что у Щепкина есть умная веселость; но въ тѣхъ комическихъ роляхъ, которыя не соответствовали этому свойству, чего стоило ему выражать глупость или простоту на лицѣ необыкновенно умномъ? Въмѣсто проникательности и юмора — изображать простодушную, самодовольную веселость? Чего стоило также выработать свое произношеніе до такой чистоты и ясности, что не смотря на жидкій, трехнотный голосъ, — шопотъ Щепкина былъ слышенъ во всемъ большомъ Петровскомъ театрѣ? Но всего труднѣе было ему ладить съ своимъ жаромъ, съ своими чувствами, и держать ихъ въ настоящей мѣрѣ, въ уздѣ; правда, они иногда одолевали его; но съ намѣреніемъ Щепкинъ никогда не украшалъ, не раздвѣчивалъ ими безцвѣтнаго лица въ пьесѣ. Одинъ только разъ былъ я свидѣтелемъ, что Щепкинъ намѣренно сыгралъ цѣлую роль не такъ, какъ понималъ. Это случилось въ 1828 году: давали въ первый разъ переводъ Англійской комедіи «Школа супруговъ», пьесы очень умной, но растянутой и оттого довольно скучной. Я зналъ, какъ понималъ и какъ исполнялъ свою роль Щепкинъ. Я видѣлъ его на главной репетиціи, и восхищался, вмѣстѣ съ другими, строгимъ исполненіемъ характера замѣчательнаго, но уже слишкомъ не эффектнаго. Во время представленія, когда сошелъ уже первый актъ (Щепкинъ въ немъ почти не участвовалъ), принятый публикою съ явными признаками скуки, вдругъ Щепкинъ, съ половины втораго акта, началъ играть съ живостью и горячностью, неприличными представляемому лицу; оживленные внезапно его игрой, актеры также подняли тонъ пьесы, публика выразила свое сочувствіе, и комедія была выслушана съ удовольствіемъ и одобреніемъ. Когда я вошелъ къ Щепкину въ уборную, онъ встрѣтилъ меня словами: «Виновать; но я боялся, что зрители заснутъ отъ скуки, если досидать до конца пьесы». Именно то и случилось при повтореніи бенефиснаго спектакля, въ которомъ Щепкинъ игралъ уже свою роль, какъ требовала неподкупная истина и строгія правила искусства: въ третій разъ, этой комедіи уже не играли.

Идя неуклонно путемъ опыта, труда, ученья, дошелъ наконецъ Щепкинъ, еще въ полной силѣ своихъ средствъ, до того возможнаго совершенства, съ которымъ онъ игралъ «Бота», «Досажаева», «Транжирина», «Богатонова», «Арнольфа», въ «Школѣ жень» (любимая его роль), «Гарпагона», «Сганареля», «Любскаго», въ «Благородномъ театрѣ» Загоскина и наконецъ «Фамусова», «Шейлока» и «Городничаго», въ «Ревизорѣ». Кроме того, Щепкинъ перенесъ на Русскую сцену настоящую Малороссійскую народность, со всѣмъ ея юморомъ и комисмомъ. До него мы видѣли на театрѣ только грубые фарсы, карриатуру на пѣвучую, поэтическую Малороссію, Малороссію, которая дала намъ Гоголя! Щепкинъ потому могъ это сдѣлать, что провелъ дѣтство и молодость свою на Украинѣ, сроднился съ ея обычаями и языкомъ. Можно ли забыть Щепкина въ «Москаль Чаревникъ», въ «Наталкѣ-Полтавкѣ»?

Въ эпоху блистательнаго торжества, когда Петровскій театръ, наполненный восхищенными зрителями, дрожалъ отъ восторженныхъ рукоплесканій — былъ въ театрѣ одинъ человекъ, постоянно недовольный Щепкинымъ: этотъ человекъ — былъ самъ Щепкинъ. Никогда не былъ собою доволенъ *зыскательный художникъ*, ничѣмъ неподкупный судья!

Въ продолженіе тридцати-двухъ-лѣтняго своего служенія на Московской сценѣ, сколькимъ людямъ доставилъ Щепкинъ сердечное наслажденіе, и слезъ и смѣха! Кто не плакалъ отъ игры его въ «Матросъ», кто не смѣялся въ «Ревизорѣ»?... Но смѣхъ надъ собой — тѣ же слезы, и равно благотѣльны онѣ душѣ человека. Изъ людей, видѣвшихъ полное развитіе таланта Щепкина, уже многихъ нѣтъ на свѣтѣ: нѣтъ именно тѣхъ людей, которыхъ вѣрная оцѣнка и нелицепріятный приговоръ были для Щепкина высшею наградою, съ мнѣніемъ которыхъ соглашалось и общественное мнѣніе.

Изъ всѣхъ художниковъ, художникъ-актеръ, безъ сомнѣнія, производитъ самое сильное, живое впечатлѣніе; но за то и самое непрочно. Нѣтъ выше наслажденія, нѣтъ болѣе утѣшительнаго чувства, какъ двигать тысячи людей однимъ словомъ, однимъ взглядомъ. Актеръ, заставляя зрителей одно съ нимъ чувствовать, одному радоваться, одно ненавидѣть и объ одномъ скорбѣть — вдругъ отъ нѣсколькихъ тысячъ людей слышитъ голосъ сочувствія и одобренія, выражаемыхъ громомъ рукоплесканій!... Но увы, мимолетно это впечатлѣніе, и если не исчезаетъ въ зрителяхъ мгновенно, по возвращеніи ихъ въ міръ дѣйствительный, то конечно слабѣетъ и

умираетъ вмѣстѣ съ ними. Актеръ не оставляетъ свидѣтельства своего таланта, хотя раздѣляетъ творчество съ драматическимъ писателемъ: ни картина, ни статуя, ни слово, увѣковѣченное печатью, не служатъ памятникомъ его художественной дѣятельности и потому о художникѣ-актерѣ надобно болѣе писать, чѣмъ о художникахъ другаго рода, которые своими созданіями говорятъ сами о себѣ, даже отдаленному потомству. Да сохранится же, по крайней мѣрѣ, благородное имя сценическаго художника въ исторіи искусства и литературы, да сохранится память уваженія къ нему признательныхъ современниковъ!

Не благосклонно мирному искусству настоящее грозное время; мраченъ нашъ небосклонъ; строго испытаніе.... Но всегда время отдавать справедливость заслугѣ, благодарнымъ быть всегда время. Если мы признаемъ за истину, что воспитаніе, усовершенствованіе въ себѣ природнаго дара есть общественная заслуга, то не должны ли мы признать, что Щепкинъ оказалъ такую заслугу Русскому обществу, преимущественно Московскому? И такъ, благодарность ему за доставленіе намъ, въ продолженіе столькихъ лѣтъ, высокихъ наслажденій, сердечныхъ и умственныхъ! Благодарность за благотворныя слезы и благодѣтельный смѣхъ!

1855 года ноября 18-го.

Москва.

Письмо Петербургскихъ артистовъ,

прочтенное О. А. Бурдинымъ.

«Русскіе артисты Императорскихъ С.-Петербургскихъ театровъ, съ чувствомъ высокаго уваженія къ таланту и заслугамъ вашимъ, достойнѣйшій Михаилъ Семеновичъ, привѣтствуютъ васъ съ совершившимся нынѣ пятидесятилѣтіемъ вашей славной дѣятельности на поприщѣ драматическаго искусства.

«Ваши блестящія дарованія всегда глубоко и отрадно дѣйствовали на чувства нашей Русской публики, а ваша безпредѣльная любовь къ искусству постоянно служила доблестнымъ примѣромъ для всѣхъ артистовъ Русской сцены.

«Да хранитъ же васъ Господь еще на многія лѣта, на славу и украшеніе Русскаго театра.»

Подписано: *Василій Васильевъ Самойловъ, Петръ Ивановъ Григорьевъ, Петръ Андреевъ Каратыгинъ, Александръ Евстафьевъ Мартыновъ, Алексѣй Максимовъ, Режиссеръ Евгенийъ Вороновъ,*

Федоръ Алексѣевъ Бурдинъ, Александръ Алекоандровъ Яблочкинъ, Александръ Алексѣевъ Алексѣевъ, Петръ Ивановъ Зубровъ, Режиссеръ Семенъ Петровъ Алехинъ, Василій Андреевъ Разказовъ, Михаилъ Францовичъ Соеновскій, Давидъ Ивановъ Семихатовъ, Дмитрій Михайловичъ Башкировъ, Прасковья Ивановна Орлова, Надежда Васильевна Самойлова, Елизавета Матвеевна Левкьева, Юлія Николаевна Линская, Александра Шубертъ, Екатерина Александровна Сабурова.

Застольная рѣчь,

произнесенная М. П. Погодинымъ.

Мм. Гг. Послѣ живаго, теплаго и вѣстѣ дѣльнаго слова о достоинствахъ и заслугахъ знаменитаго нашего артиста, которое сейчасъ вы съ такимъ вниманіемъ и одобреніемъ выслушали, мнѣ осталось уже немного сказать, чтобъ возбудить ваше участіе къ тому тосту, который теперъ предложить вамъ хочу. Въ продолженіе пятидесятилѣтняго служенія своего искусству, много удовольствія, прекраснаго, благороднаго удовольствія, всѣмъ намъ доставилъ Щепкинъ, много нравственной пользы принесъ онъ обществу, выставляя на посмѣяніе людскіе пороки, и ловя ихъ самыя тонкіе оттънки. Онъ былъ достойнымъ помощникомъ, дополнителемъ и истолкователемъ великихъ мастеровъ сцены, отъ Шекспира и Мольера до нашихъ отечественныхъ писателей—Фонъ-Визина, Капниста, Грибоѣдова, Гоголя, Шаховскаго, Загоскина и Островскаго. Многіе Мольеровы характеры переданы имъ были такъ, что сами Французы могли намъ иногда завидовать. Въ Малороссійскихъ роляхъ онъ былъ неподражаемъ, и часто знакомилъ насъ съ Малороссіей лучше, чѣмъ сама исторія, и даже поэзія. Наконецъ жиды, начиная отъ Шекспирова Шейлока до нашихъ Бѣлорусскихъ корчмарей, ни на одной сценѣ не явились съ такою поразительною вѣрностію, какъ у насъ. Да, слава отличнаго таланта, возведеннаго трудомъ на высокую степень искусства, за Щепкинымъ неотъемлема.

Но онъ имѣетъ еще другія права на наше уваженіе, права, которыхъ я считаю обязанностію теперъ коснуться, хотя бы тѣмъ и оскорбилась его скромность. Нашъ славный художникъ есть вѣстѣ и добрый, благотворительный, благодарный чело-вѣкъ. Много онъ получалъ всегда за свои труды, но никогда не оставалось у него ничего. Онъ воспиталъ на свой счетъ многихъ сиротъ, оставшихся послѣ его старыхъ провинціальныхъ друзей,

далъ имъ университетское образованіе и средства служить съ пользою обществу. Нѣкоторые изъ нихъ находятся здѣсь между нами. Онъ содержалъ и содержитъ много семействъ, оставшихся отъ его прежнихъ товарищей. Кто изъ знакомыхъ Щепкина не помнитъ Пантелѣя Ивановича, его перваго парикмахера, убировавшаго его въ Курскѣ, который жилъ до глубокой старости въ его домѣ, и умеръ недавно на его рукахъ, какъ самый близкій родной. Молодые люди, посвящавшіе себя театру, находили всегда у Щепкина пріютъ, пособіе и ободреніе, и были жданными гостями за его открытымъ столомъ. Нечего говорить, что всѣхъ сыновей своихъ онъ провелъ чрезъ Университетъ, гдѣ они получили кандидатскія степени, и теперь, на службѣ, поддерживаютъ честь его имени. Старшій, магистръ, преданъ изученію восточныхъ древностей, и общалъ намъ замѣчательнаго ученаго, но тяжкая болѣзнь остановила его на срединѣ поприща.

Наконецъ, жизнь Щепкина въ ея совокупности представляетъ поучительное явленіе. Если правда наша старая поговорка, что «человѣку вѣкъ прожить — не поле перейти», то сколько же трудовъ, вообразите, надо было ему употребить, какія препятствія преодолѣть, чтобы изъ грязной передней въ деревнѣ стѣннаго помѣщика дойти — до этой великолѣпной залы, пылающей яркими огнями, украшенной среди зимы зеленью и цвѣтами, сіяющей безсмертными произведеніями искусствъ! На сколькихъ крыльцахъ онъ долженъ былъ подождать, во сколько дверей онъ долженъ былъ постучаться, сколько пороговъ, высокихъ пороговъ, ему надо было перешагнуть, черезъ какіе узкіе и темные коридоры пройти, чтобъ изъ средины толпы, которая его окружала сначала, сдѣлаться почетнымъ гостемъ такого избраннаго общества, чтобъ съ самой нижней ступени въ гражданской лѣстницѣ подняться до одной изъ самыхъ почетныхъ и завидныхъ, то есть, получить свидѣтельство общественнаго уваженія и признательности. Не оступался ли онъ на своемъ длинномъ и утомительномъ пути? Разумѣется оступался, можетъ быть и падалъ, нѣсколько разъ падалъ, но кто же изъ насъ, Мм. Гг., можетъ похвалиться, чтобъ всегда стоялъ твердо на ногахъ? Умные наши предки говорили: «конь и о четырехъ ногахъ, да спотыкается!» Великое достоинство—пройдя такое пространство, сохранить до старости свѣжее живое чувство доброжелательства къ людямъ, горячее участіе во всякомъ общемъ дѣлѣ, неизмѣнную преданность своему искусству. Великое достоинство — сохранить пріятное, благодарное воспоминаніе о смиренномъ началѣ своего поприща, не стыдиться его, но также

и не кичиться имъ, ибо есть въ наше время и такое чувство, сохранить вездѣ сознаніе своего достоинства, и нигдѣ не забыться. Труженикъ жизни, добрый человѣкъ, знаменитый художникъ — вотъ права нашего любезнаго гостя на общественное уваженіе. Поздравимъ же старца, впрочемъ, какъ вы видите, нестарѣющаго, съ исполненіемъ пятидесятилѣтія его сценическаго служенія, возблагодаримъ за всѣ удовольствія, кои онъ намъ доставилъ, и пожелаемъ ему еще долгихъ дней для искусства, для публики, для друзей, для семейства, для добра! Мн. Гг., Здоровье Михаила Семеновича Щепкина!

Привѣтствіе, произнесенное К. П. Барсовымъ.

Если Михаилъ Петровичъ коснулся частной жизни Михаила Семеновича, то позвольте прибавить нѣсколько словъ и мнѣ, члену семейства Барсовыхъ, которое болѣе двадцати лѣтъ пользовалось, и доселѣ пользуется благодѣяніями Михаила Семеновича. По смерти отца моего, въ 1823 году, осталась мать съ шестью дѣтьми; Михаилъ Семеновичъ помогалъ бѣдному семейству, жившему въ Курскѣ, а въ 1831 году увеличилъ свое собственное многочисленное семейство, присоединивъ къ нему наше, состоявшее изъ семи человѣкъ. Какъ теперь помню: мы пріѣхали въ Москву во время обѣда, намъ было целовко явиться въ дорожныхъ костюмахъ за столъ, гдѣ, по видимому, было столько гостей; но все это была одна семья, среди которой не было ни одного гостя. За столомъ, безъ преувеличенія, было двадцать человѣкъ. Невольно родился въ насъ вопросъ: гдѣ же помѣстятъ насъ? не будемъ ли мы лишніе? Но Михаилъ Семеновичъ, своимъ радушнымъ приѣмомъ, устранилъ этотъ вопросъ навсегда. Въ семьѣ его насъ не отличали отъ его дѣтей; мало того, онъ иногда сердился на своихъ дѣтей за дѣтскія шалости, къ намъ же обращался съ мягкимъ выговоромъ, и дѣло оканчивалось слезами съ обѣихъ сторонъ. Но не мы первые, не мы и послѣдніе, въ теченіе двадцати лѣтъ, жили въ семьѣ его: кромѣ насъ, безпрестанно являлись новыя лица, остававшіяся въ домѣ Михаила Семеновича кто мѣсяць, кто годъ, и едва ли кому нибудь изъ нихъ удалось поблагодарить гостепріимнаго хозяина и благотворительнаго человѣка: Михаилъ Семеновичъ не выслушивалъ благодарности. До сихъ поръ и я, столь много ему обязанный, не имѣлъ возможности благодарить его. Позвольте же мнѣ, добрыйшій Михаилъ Семеновичъ, поблагодарить васъ публично за все прошлое, и пожелать вамъ долгой и долгой дѣятельности, общественной и частной.

Привѣтствіе, произнесенное С. П. Шевыревымъ.

Два года тому назадъ, когда мы прощались съ вами передъ отъездомъ вашимъ въ чужіе края, я выразилъ вамъ мои чувства стихами — и не считаю нужнымъ теперь повторять ихъ. Но отъ меня желаютъ слова на праздникъ вашемъ. Думаю, что могутъ значить мои слова и рѣчи въ сравненіи съ этимъ собраніемъ, гдѣ каждый изъ присутствующихъ есть для васъ живое слово, живая рѣчь, выражающая вамъ любовь, сочувствіе, благодарность за пятидесятилѣтнее сценическое поприще, которое вы такъ честно и такъ изящно совершили, въ наслажденіе всѣмъ любящимъ искусство.

Не пройдетъ еще года — и 30-го августа, въ день высоко для насъ драгоценный, минетъ столѣтіе учрежденію Русскаго театра. Отъ этого столѣтія вы отхватили на свою долю цѣлыхъ полвѣка, да еще съ годомъ. Вашъ прекрасный праздникъ переноситъ неволью мысль къ началу Русской сцены. Вѣрится, что тѣни всѣхъ славныхъ предшественниковъ вашихъ здѣсь невидимо присутствуютъ съ нами. Помянемъ же теперь Федора Григорьевича Волкова за то, что онъ первый и робко и смѣло вышелъ на Русскую сцену, на которой вы въ полвѣка выросли такимъ славнымъ художникомъ и заслужили теперь этотъ вѣнецъ. Помянемъ перваго директора Русскаго театра, Александра Петровича Сумарокова, и съ нимъ вмѣстѣ тѣхъ кадетовъ, которые были у насъ первыми на Руси актерами: Мелиссино, Свистановъ, Остервальда, и ихъ товарищей. Они умѣли любовью къ театру сдружить сословія, какъ они сдружаются и теперь на вашемъ праздникѣ во имя нашего прекраснаго искусства. Помянемъ и первую Русскую актрису: она носила драгоценное намъ имя дѣвицы Пушкиной — и первая рѣшилась, побѣдивъ дѣвическую стыдливость, украсить женскимъ присутствіемъ Русскую сцену, а что же сцена безъ женщины!

Много славныхъ тѣней проходитъ теперь въ моей мысли. Много славныхъ предшественниковъ вашихъ легло въ мать Русскую землю. Но вы долго, долго не ложитесь въ нее и долгоденствуйте съ нами, всѣмъ намъ на веселье, а себѣ на славу!

Да здравствуетъ многія лѣта Михаилъ Семеновичъ Щепкинъ!

*Привѣтствіе, произнесенное С. В. Шумскимъ,
отъ имени артистовъ Московской сцены.*

Если все общество такъ живо встрѣчаетъ день, до котораго вы имѣли счастье дожить, то что же должны сказать мы, артисты, которые гордимся честью быть вашими товарищами?

Настоящее торжество въ честь вашу едва ли у насъ не первое. Никогда еще, прежде, не воздавались у насъ такія почести драматическому искусству, въ лицѣ его достойнѣйшаго представителя. Какъ же благодарить намъ васъ за то, что вы сдѣлали насъ свидѣтелями и участниками подобнаго праздника, которое могли вызвать только вы, вашими высокими заслугами. Не упоминая о вліяніи, въ продолженіи вашего драматическаго поприща, на эстетическое образованіе общества, скажемъ только о пользѣ, принесенной вами собственно намъ, артистамъ, для которой вы были и будете ежедневнымъ урокомъ.

Многіе, — въ томъ числѣ я самъ, имѣли счастье еще въ Школѣ пользоваться вашими уроками и наставленіями. Вліяніе ваше не ограничилось однако ея стѣнами: вступивъ на сцену, мы постоянно имѣли въ васъ живой примѣръ, указаніе того, какъ должны мы исполнять наши обязанности. Строгое уваженіе къ своему дѣлу, необыкновенная добросовѣстность, юношескій жаръ, сохранившійся въ васъ до сихъ поръ, не смотря на преклонныя лѣта, — все это служить намъ прекраснымъ образомъ того, какъ возвышаетъ самого артиста истинная, непритворная любовь къ его искусству. Намъ остается только не уклоняться отъ проложенной вами дороги, твердо идти въ слѣдъ за вами и надѣяться, что по примѣру вашему, мы сами будемъ служить, по мѣрѣ силъ, урокомъ для артистовъ, послѣдующихъ за нами. Смѣло ручаемся, что вліяніе ваше не исчезнетъ, что оно въ лицѣ нашемъ останется живою, памятною книгой того, что вы сдѣлали для драматическаго искусства. Позвольте же, дорогой и глубоко уважаемой Михаилъ Семеновичъ, выразить наше искреннее желаніе, чтобы вы еще долго и долго украшали нашу сцену на пользу обществу и намъ, артистамъ.

Привѣтствіе, произнесенное Н. А. Рамазановымъ.

«Оное наше училище, успѣвшее, въ короткій срокъ, образовывать нѣсколько талантовъ, имена которыхъ уже принадлежать исторіи искусствъ въ Россіи — это училище, въ стѣнахъ своихъ видѣло уже два праздника, которыми чествовала Москва поэта князя П. А. Вяземскаго и двухъ славныхъ художниковъ Иордана и Айвазовскаго. Нынѣ здѣсь снова день торжества, день, навсегда остающійся въ Исторіи нашего училища; день, въ который приносится общая дань уваженія и любви къ заслуженному артисту, прошедшему многотрудное свое поприще со славою и примѣрно высокою любовью къ искусству. Да возбудится этимъ отраднымъ примѣромъ все молодое поколѣніе нашихъ художниковъ, приходящихъ въ это зданіе

извѣдывать часть искусства; да возьмутъ они за образецъ чистыя и благородныя понятія нашего почетнаго гостя, о значеніи художника, и да будутъ между ними такіе же счастливыя, одинаково любимыя искусствомъ и людьми, какого мы чувствуемъ сегодня въ лицѣ М. С. Щепкина. Такое чествованіе заслуженнаго, многоуважаемаго артиста, со стороны всѣхъ представителей образованнаго общества, возвышаетъ душу cadaго изъ присутствующихъ; сердцу такъ весело, такъ весело, что оно мѣшаетъ уму изложить мое привѣтствіе въ совершенномъ порядкѣ; радостныя чувства забѣгаютъ впередъ всѣхъ соображеній; однимъ словомъ хочется отъ лица всей нашей художественной братіи, воскликнуть: да здравствуетъ М. С. Щепкинъ, высокій представитель искусства!»

Отвѣтная благодарственная рѣчь

М. С. Щепкина.

«Мм. Гг. Этотъ ничѣмъ неоцѣнимый почетъ, которымъ вы удостоиваете стараго представителя искусства, радостенъ для меня тѣмъ болѣе, что я вижу въ немъ явное свидѣтельство того уваженія, которое, въ послѣднее время, развилося къ искусству, такъ мною любимому.

Если не ошибаюсь, съ самаго основанія Русскаго театра едва ли я не первый почтенъ такимъ торжествомъ. Искренно сознавая, что не вполне заслуживаю чести, которую вы мнѣ оказываете, могу только сказать положила руку на сердце, что въ продолженіе всей моей пятидесятилѣтней дѣятельности я любилъ мое искусство и честно и добросовѣстно выполнялъ, по моему крайнему разумѣнію, все, чего оно требуетъ отъ артиста. Вотъ вся моя заслуга. Но эту любовь, эту добросовѣстность развивали и поддерживали во мнѣ вы же сами, милостивые государи. Многіе изъ присутствующихъ здѣсь были моими двигателями на сценическомъ поприщѣ, а многихъ уже и нѣтъ—нѣтъ и дорогаго нашего Грановскаго. Простите, господа, мнѣ старику, что я омрачаю свѣтлую радость этого торжества упоминаніемъ о столь недавней и столь горестной уtratѣ не только для меня, но и для всѣхъ. Бесѣды съ Грановскимъ поднимали меня нравственно, укрѣпляли во мнѣ постоянно упорную и неутомимую любовь къ труду и искусству. И какъ онъ желалъ, чтобы я дожилъ до этого дня!

Сегодняшній день, милостивые государи, имѣетъ для меня великое значеніе. Да послужитъ онъ моимъ собратамъ и товарищамъ по искусству, блестящимъ свидѣтельствомъ того, какъ почтенъ чест-

★

ный и добросовестный трудъ, какъ признаеть и цѣнить общество истинную любовь къ искусству.

Что же касается до меня лично, то чувствъ, которыя волнуютъ меня, всего, что у меня дѣлается на душѣ, я не въ силахъ выразить словами. Скажу только, что истинная и глубокая признательность, которую я питаю къ вамъ, милостивые государи, сохранится въ душѣ моей до послѣдняго дня моей жизни; что она оставитъ меня развѣ только съ послѣднимъ воздохомъ, которой вылетитъ изъ моей старой груди!

Привѣтствіе, произнесенное С. М. Соловьевымъ.

Михаилъ Семеновичъ!

Вы произнесли имя, на которое мы будемъ постоянно отклоняться до тѣхъ поръ, пока хотя одинъ изъ насъ останется въ живыхъ: и я, человѣкъ, посвятившій жизнь свою изученію древнихъ памятниковъ для воссозданія жизни предковъ, жизни многотрудной и суровой, неукрашенной искусствомъ, я рѣшаюсь говорить объ искусствѣ, говорить въ честь художника. При слушаніи того, что было нынче сказано о васъ, какъ о человѣкѣ, особенно того, что было сказано моимъ товарищемъ Барсовымъ, во всей полнотѣ явилась для меня истина словъ знаменитаго писателя, которому вы такъ сочувствовали, преждевременную потерю котораго вы такъ горько оплакиваете: «Засмѣяться добрымъ, свѣтлымъ смѣхомъ, можетъ только одна глубоко добрая душа.» Вы очень хорошо помните отвѣтъ Гоголя на упрекъ, что въ извѣстной комедіи его не выведено ни одного честнаго лица: «Было одно честное, благородное лицо, дѣйствовавшее въ ней во все время продолженіе ея. Это честное, благородное лицо былъ смѣхъ.» Вамъ, Михаилъ Семеновичъ, принадлежитъ честь за то, что вы всегда выходили на сцену вдвоемъ съ этимъ честнымъ, благороднымъ дѣйствующимъ лицомъ. Вы серьезно взглянули на свое искусство, вы поняли и другихъ заставили понять, что цѣль этого искусства—не потѣха праздно толпы, что цѣль ея—смѣхомъ содѣйствовать очищенію нравовъ. Пусть же долго и долго слышится на вашей сценѣ этотъ благотворный смѣхъ! Да поучатся отъ васъ и другіе художники Московской сцены выводить на нее это честное, благородное дѣйствующее лицо; да примутъ они поученіе и отъ нынѣшняго дня: если бы ваше искусство, если бы вы, честный жрецъ этого искусства, были цѣлю потѣху праздно толпы, то не окружало бы теперь васъ такое чистое, такое горячее сочувствіе.

Стихи П. А. Каратыгина:

Театру Русскому еще столѣтъя нѣтъ,
 А ты уже на немъ полувѣка служишь честно!
 Прими же отъ своихъ товарищей привѣтъ:
 Всѣмъ торжество твое намъ лестно.
 Хотя завиденъ твой почетной юбилей,
 Но не найдешь ты въ насъ ни зависти, ни лести.
 Вотъ общій голосъ всѣхъ твоихъ друзей:
 Художникъ! Ты вполне достоинъ этой чести!

*Экспромтъ во время репетиціи на сценѣ Александринскаго театра,
 П. И. Григорьева.*

Артистовъ дружескій совѣтъ
 Рѣшилъ, по долгу и по чувству,
 Послать тебѣ душевный свой привѣтъ —
 За пятьдесятъ прожитыхъ славно лѣтъ!
 За службу честную великому искусству!

*Привѣтствіе Петербургскихъ литераторовъ,
 прочтенное С. П. Шевыревымъ.*

Милостивый Государь
 Михаилъ Семеновичъ!

Живущіе въ Петербургѣ литераторы, узнавъ о намѣреніи своихъ Московскихъ собратьевъ, почтить празднествомъ день пятидесятилѣтняго юбилея вашей сценической дѣятельности, желаютъ участвовать въ заслуженномъ торжествѣ вашемъ изъявленіемъ своего полного сочувствія къ вашему высокому таланту, и принести вамъ искреннее и дружеское поздравленіе.

Вы были однимъ изъ самыхъ ревностныхъ и полезныхъ подвижниковъ въ общемъ всѣмъ намъ дѣлѣ распространенія любви къ искусству въ нашемъ отечествѣ; вы значительно подвинули въ немъ сценическое дѣло; вы были даровитѣйшимъ истолкователемъ двухъ великихъ Русскихъ драматическихъ писателей; съ однимъ изъ нихъ, одинаково любившемъ въ васъ человека и художника, вы были связаны узами тѣсной дружбы; наконецъ, выходя побѣдителемъ изъ вашего славнаго и долгаго поприща—поприща труда и борьбы, вы сохранили до преклонныхъ лѣтъ молодость сердца, горячо отзывающагося на все живое и истинное... Но въ томъ ли только ваша заслуга, заслуга артиста, обояніемъ своего дарованія, страстнаго чувства и любви—въ теченіе полулѣтка, дѣйствовавшего на два или

три поколѣнія? Въ эти полвѣка тысячи и тысячь зрителей, постепенно снѣваясь, покидали театръ съ сердцемъ умягченномъ благо-
дателью безкорыстныхъ, прекрасныхъ слезъ, добраго, свѣтлаго смѣ-
ха, и какъ сосчитать сколько благодатныхъ движеній пробуждено
артистомъ, сколько готовыхъ навсегда погаснуть чувствъ вызвано
изъ усыпленія и оживотворено имъ! Это заслуга невидимая, неизгль-
димая, но великая,—и общее сочувствіе ей награда, лучшая награда,
какой можетъ желать человекъ. Какъ слабый, но искренній отголосокъ
этого сочувствія, примите наши немногія слова:—Заочно пьемъ ваше
здоровье и благодаримъ васъ за вашу прекрасную жизнь.

Подписано: *Александръ Никитенко, Алексѣй Писемскій, Андрей Краевскій, Михаилъ Михайловъ, Левъ Мей, Ѡ. Тютчевъ, В. Бенедиктовъ, К. Кавелинъ, Е. Ковалевскій, Иванъ Гончаровъ, Иванъ Тургеневъ, Александръ Дружининъ, Гр. Алексѣй Толстой, Иванъ Панаевъ, Евгенийъ Коршъ, Яковъ Полонскій, Алексѣй Потькинъ, Степанъ Дудышкинъ, Графъ Левъ Толстой, Сергѣй Максимовъ, Ин. Петръ Вяземскій, Петръ Плетневъ, А. Воейковъ, П. Сухановъ, Гр. Данилевскій, Ник. Некрасовъ, Г. В. Соллогубъ.*

Тостъ, предложенный К. С. Аксаковымъ,

въ отвѣтъ на тостъ въ честь его отца.

Тостъ вашъ для меня дорогъ. Благодарю васъ отъ имени моего отца, благодарю всею душою за ваше сочувствіе. Выраженіе общественнаго сочувствія, общественнаго мнѣнія драгоценно, и отецъ мой ставитъ его выше всего. Я не могу лучше отвѣчать на вашъ тостъ, столь для меня драгоценный, какъ предложивъ тостъ: въ честь общественнаго мнѣнія!

Письмо П. Н. Кудрявцева.

Милостивый государь

Михаилъ Семеновичъ!

У меня также было приготовлено нѣсколько словъ для вашего прекраснаго праздника, но по моему нѣсколько болѣзненному состоянію я не могъ ихъ произнести. Возвратясь домой, я набросалъ мои мысли на бумагу и передаю ихъ вамъ, какъ слабое выраженіе моего участія въ вашемъ торжествѣ.

«Мм. Гг.! Намъ создала сюда любовь къ искусству. Мы сошлись, чтобы общимъ, согласнымъ дружнымъ хоромъ сказать нашему почтенному артисту нашу душевную благодарность за всѣ доставленныя имъ высокія наслажденія. Пятьдесятъ лѣтъ сценической дѣятельности! Какое вѣрное служеніе искусству! Какая масса эстетическаго удовольствія, доставленнаго въ разное время самой разнородной публикѣ! Сколько часовъ,—нѣтъ, сколько цѣльныхъ вечеровъ, проведенныхъ ею въ добромъ, мирномъ, счастливымъ расположеніи духа, сколько дневныхъ, житейскихъ заботъ, разсѣянныхъ хотя на время благотворнымъ дѣйствіемъ комическаго смѣха, сколько имъ же разглаженныхъ морщинъ на лицахъ, и сколько можетъ быть добрыхъ душевныхъ движеній, возникшихъ вновь подъ тѣмъ же свѣтлымъ вліяніемъ! И только мы?... Гоголь раскрылъ намъ еще одну важную сторону комическаго смѣха, — и кто знаетъ игру Щепкина не по слуху, для того слова нашего великаго писателя не просто прекрасная теорія. Не одинъ зритель—мы въ томъ увѣрены—уходя изъ театра, гдѣ онъ посмѣялся надъ человѣческою слабостію, уносилъ съ собою въ душъ чистый и возвышенный идеалъ, вызванный противоположнымъ явленіемъ на сценѣ....

«Но говоря объ артистѣ и отдавая ему всю должную справедливость, какъ бы не позабыть намъ о человѣкѣ. А человѣка надобно помнить въ артистѣ. Человѣческому сердцу и человѣческому чувству въ немъ принадлежитъ безспорно большая часть благодарности, которую приносимъ мы артистическому таланту вообще. Я хорошо понимаю, что нуженъ собственно сценической талантъ, чтобы создавать типы на сценѣ; я знаю, что художническая фантазія даетъ имъ окончательную форму и проводитъ между ними ту рѣзкую грань, которая не оставляетъ болѣе мѣста никакому смѣшенію; но въ то же время я спрашиваю васъ, которые испытали на себѣ дѣйствіе комическаго смѣха, гдѣ какъ не на днѣ души артиста, можно отыскать тотъ живой ключъ, который сообщаетъ теплоту художественнымъ формамъ и вливаетъ въ нихъ жизнь? Не говорю о силѣ, создающей формы, а спрашиваю о томъ животворномъ началѣ, которое влагаетъ въ нихъ душу. Мы всѣ слышали, что драматическому артисту надобно напередъ выносить въ себѣ страсть, которую онъ хочетъ представить въ дѣйствіи: а комикъ долженъ ли быть менѣе человѣкъ? Чтобъ изображать въ дѣйствіи нравственныя слабости и недостатки, надобно ли ему быть менѣе знакому съ тайнами душевныхъ движеній? Въ

бы однако не сбились такъ надъ человѣческими слабостями на сценѣ, еслибъ не чувствовали подъ ними живаго человѣка. Онъ показали бы вамъ ложью, выдумкою, и вызвали бы у васъ развѣ только мимолетную улыбку, еслибъ артистъ не заставилъ васъ повѣрить ихъ истинѣ. Прежде чѣмъ заставить васъ смѣяться надъ нравственнымъ безобразіемъ воображаемаго лица, онъ долженъ представить вамъ въ немъ живаго человѣка, нелишеннаго вовсе способности чувствовать и волноваться по человѣчески. Какой интересъ будутъ имѣть для васъ Фамусовы, Городничіе и подобныя имъ лица. если прежде всего они не будутъ живые люди, въ которыхъ, какъ и въ каждомъ изъ насъ, звучатъ обще-человѣческія струны? Что вамъ въ нихъ, если они говорятъ передъ вами только заученныя слова? Потому что вѣдь и самыя моральныя недостатки, какъ и высокія нравственныя совершенства, живутъ на обще-человѣческой основѣ. и комикъ прежде всего изображаетъ вамъ его, это обще-человѣческое чувство, какъ бы оно ни называлось, — страхъ, надежда, самолюбіе, или иначе — только уродливо обращенное въ одну сторону или искаженное примѣсью нечистыхъ побужденій. Надобно, чтобы даже въ лицѣ Мольеровскаго скрыта подсмотрѣли вы человѣческія черты и въ звукахъ его голоса подслушали истинно человѣческіе тоны, тогда вы повѣрите истинѣ его страсти, и заинтересуетесь, хотя бы съ комической стороны. его положеніемъ. Разумѣется, что, чѣмъ уродливѣе нравственный недостатокъ лица, тѣмъ больше мельчаетъ въ немъ истинное чувство: какаѣ же задача для артиста добратся до этихъ мелкихъ крохъ человѣческаго чувства и доискаться ихъ подъ хламомъ безобразныхъ порожденій одной исключительной страсти! Надобно быть большимъ знатокомъ сердца и имѣть самому большой запасъ чувства, чтобы находить и воссоздавать его тамъ, гдѣ повидимому стерлись всѣ его признаки.

«Да проститъ мнѣ почтенный артистъ, если ему покажется, что я слишкомъ произвольно и самонадѣянно толкую его художническую пятидесятилѣтнюю дѣятельность. Я не думалъ касаться тайны его художническаго процесса: я хотѣлъ только сказать мое мнѣніе, или точнѣе, выразить то впечатлѣніе, которое я получалъ отъ его игры. Мнѣ всегда казалось, что въ томъ состоитъ характеристическая особенность его таланта, и потому самая игра его такъ симпатична намъ. Въ игрѣ Щепкина, начиная со Скупаго и оканчивая хоть Матросомъ, мы всегда и во всемъ слышали человека. Не даромъ въ мысляхъ нашихъ имя Щепкина часто соеди-

няется съ именемъ Гоголя. Если нашъ любимый художникъ—писатель великъ былъ особенно этимъ умѣнемъ подмѣчать искры человѣческаго чувства во всякомъ сколько—нибудь человѣческомъ образѣ, то нашъ любимый артистъ никогда не отставалъ отъ него въ умѣньи—по его даннымъ—воспроизводить ихъ на сценѣ. Да и на сценѣ ли только? Дайте ему въ руки сочиненія Гоголя, заставьте его прочесть хоть «Старосвѣтскихъ помѣщиковъ», и онъ безъ лицѣдѣйства, однимъ тономъ своего голоса, заставитъ васъ повѣрить, что и въ Аѳанасіѣ Ивановичѣ съ Пульхерією Ивановною живетъ въ сущности то же человѣческое чувство, которое и мы носимъ въ своей груди. По этому я не сомнѣваюсь, что и въ самой литературѣ нашей съ именемъ Гоголя всегда тѣсно будетъ соединена мысль о М. С. Щепкинѣ, какъ объ умномъ и вѣрномъ его истолкователь.—и счастливъ будетъ всякій вновь нарождающійся у насъ драматическій талантъ, если онъ встрѣтитъ себя въ ряду артистовъ подобное глубокое сочувствіе и подобное вѣрное пониманіе своей художественной мысли. Намъ же остается пожелать, чтобы М. С. Щепкинъ не только служилъ образцемъ для молодыхъ нашихъ артистовъ, но и долго, долго оживлялъ нашу сцену своею неподражаемою игрою».

Принеся вамъ, почтеннѣйшій Михаилъ Семеновичъ, мою сильную благодарность и поздравленіе съ вашимъ прекраснымъ торжествомъ, прошу васъ принять увѣреніе въ моемъ глубокомъ къ вамъ уваженіи и преданности.

1855, ноября 27 дня.

Письмо А. Д. Галахова.

Позвольте и мнѣ, Михаилъ Семеновичъ, сказать вамъ нѣсколько словъ, вызванныхъ моимъ участіемъ въ торжествѣ, которымъ Москва почтила пятидесятилѣтній юбилей вашей сценической дѣятельности.

Значеніе и вмѣстѣ достоинство этой дѣятельности определяются тѣмъ, что она постоянно соответствовала достоинству и значенію драматической литературы нашей вообще, комической въ особенности. Комедія наша, прямая наследница сатиры, начатой Кантемиромъ, съ перваго же раза явилась на службу просвѣщенію, на противодѣйствіе невѣжеству. Въ лучшихъ произведеніяхъ своихъ, она оставалась вѣрною благородству своего происхожденія, не измѣняла достоинству наследственнаго призванія. Княгини, Фомъ-

Визинъ, Капнисть, Грибоѣдовъ, Гоголь—всѣ они преслѣдуютъ невѣжество, въ какомъ бы видѣ оно ни выступало на поприще жизни, всѣ изображаютъ горе отъ ума или торжество его среди невѣственного общества. Одна и та же задача служить предметомъ ихъ драматическихъ піесъ; одинъ и тотъ же идеаль одушевляетъ ихъ: этотъ идеаль просвѣщеніе. Оно, какъ нравственная красота, какъ рѣшеніе задачи, является зрителемъ изъ-за картины нравственного безобразія—невѣжества.

Артистическая игра ваша всегда стояла на высотѣ этого достойнаго идеала. Вы поняли, въ чемъ неумирающая сила нашей комедіи, и послужили ей честно и усердно. Можно сказать, что извѣстность ваша возростала наравнѣ съ развитіемъ существеннаго направленія Русской комедіи, съ увеличеніемъ просвѣщенныхъ ожиданій отъ драматическихъ авторовъ. Строгій къ самому себѣ, какъ исполнителю ролей, вы не менѣе были строги и къ самымъ ролямъ, отъ которыхъ требовали печати не одного художества, безъ котораго можно еще жить на свѣтѣ, но и просвѣщенной мысли, необходимо-нужной для существованія каждаго человѣка. Вы требовали у авторовъ не только поэтическаго воспроизведенія жизни, но и ручательства за достоинство поэзіи и жизни, ручательства, даваемаго образованіемъ.

Вотъ почему, и участіе, и успѣхи ваши въ пьесахъ сдѣлались свидѣтельствомъ внутренняго ихъ достоинства. Комедіи Мольера, лучшія комедіи Шаховскаго, Недоросль, Ябеда, Горе отъ ума, Ревизоръ.... мы не можемъ ихъ представить себѣ, не представивъ вмѣстѣ васъ въ роляхъ: Скупаго, Гранжирина, Стародума, Кривоусова, Фамусова, Городничаго. Эти произведенія останутся навсегда въ исторіи драматической литературы, какъ навсегда останется въ памяти художественная игра артиста, воплотившаго въ себѣ типическія личности. Вотъ почему вкусъ и пониманіе артиста, развитыя классическими образцами, которыя стояли мужественно за идею просвѣщенія, сдѣлались въ свою очередь указателемъ для пишущихъ, безошибочною оцѣнкой драматическихъ достоинствъ и недостатковъ. Конечно, никто изъ новыхъ комиковъ не отказался бы выслушать ваши совѣты, когда и Пушкинъ и Гоголь находили удовольствіе бесѣдовать съ вами. Въ этомъ возвратномъ вліяніи таланта заключается лучшая благодарность его за вліяніе, принятое отъ общества или отъ умовъ избранныхъ. Вотъ почему наконецъ вы, знаменитый артистъ нашъ, не смотря на свои годы, сохранили не только свѣжесть чувства, готоваго отозваться на все

прекрасное, но и бодрость мысли, охотно стремящейся къ изученію новаго, къ умственному свѣту.

Но тамъ, гдѣ не было правдиваго изображенія дѣйствительности, или гдѣ вѣрно-поэтическое ея изображеніе служило орудіемъ невѣжественныхъ цѣлей; тамъ, гдѣ представленіе пошлой и темной жизни возводилось въ нравственный идеалъ, тогда какъ оно должно противопоставляться нравственности, — тамъ не было и достойныхъ ролей для васъ. Вы отворачивались отъ такихъ пьесъ съ презрѣніемъ; вы не хотѣли въ нихъ играть. Игра ваша не была лестною упадшему вкусу публики, не была органомъ предосудительныхъ ей внушеній. Цѣня вліяніе сценическихъ талантовъ на общество, вы сохраняли его безукоризненно чистымъ, и чѣмъ болѣе пріобрѣтали силъ, тѣмъ болѣе упорствовали въ своихъ просвѣщенныхъ требованіяхъ отъ драмы. Вы измѣряли свою извѣстность не громомъ рукоплесканій и не количествомъ сбора, а судомъ людей просвѣщенныхъ, и собственнымъ судомъ своимъ.

Причина такого почетнаго значенія, признаннаго за вами всѣми цѣнителями вашего таланта, откровенно указана вами самими. На прощальномъ обѣдѣ, данномъ вамъ въ 1853 году, передъ отъѣздомъ вашимъ за границу, вы замѣтили, что славою своею во многомъ обязаны тому избранному, высоко-образованному обществу, которымъ Москва всегда была богата. «Правда (передаю точныя слова ваши), я не сидѣлъ на скамьяхъ студентовъ, но съ гордостью скажу, что много обязанъ Московскому Университету въ лицѣ его преподавателей. Одни научили меня мыслить, другіе—глубоко понимать искусство». Такъ и теперь, въ отвѣтной рѣчи на привѣтствія, вы съ трогательною благодарностію вспомнили Грановскаго-учителя и совѣтника многихъ, въ томъ числѣ и вашего. Такимъ образомъ объясняется каждому то начало, которымъ вы постоянно руководствовались: это—сочетаніе истиннаго искусства съ просвѣщеннымъ уваженіемъ къ уму и наукѣ.

Письмо М. Н. Каткова.

26-го ноября.

Болѣзнь помѣшала мнѣ быть на вашемъ праздникѣ, дорогой Михаилъ Семеновичъ! Я долженъ былъ уступить другому предложенную мнѣ честь сопровождать васъ на устроенное для васъ пиршество. Мнѣ очень грустно,—и сидя дома, знобимый лихорадкой, въ то время какъ раздаются тосты за ваше здоровье, я въ утѣшеніе себѣ пишу вамъ эти строки.

Сегодня торествуемъ мы пятидесятилѣтіе вашего служенія искусству. Человѣкъ, издавна знавшій и цѣнившій васъ, человѣкъ, умѣющій сообщать своему слову все очарованіе живой души, взялся изобразить вашу пятидесятилѣтнюю дѣятельность. Эта оцѣнка вашихъ заслугъ должна быть прочитана передъ началомъ пира и должна придать ему особенное значеніе: она прекрасно настроитъ души слушателей, собравшихся на ваше торжество. Подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ слышаннаго, живѣе раздадутся тосты за ваше здорье, глубже и знаменательнѣе выскажутся привѣтствія вамъ.

Теперь, въ день вашего торжества, невольнo тѣснится въ голову мысль о неблагодарности вашего искусства. Дѣятельность, посвященная сценѣ, не оставляетъ по себѣ вѣковѣчныхъ памятниковъ. Увы! вотъ пятьдесятъ лѣтъ достославнаго служенія этому неблагодарному искусству, и что же останется для потомства? Не успѣетъ актеръ сойти со сцены, какъ уже и слѣдъ его дѣятельности исчезаетъ, и для будущихъ поколѣній остается лишь звукъ имени, да темныя преданія. Какъ, кажется, обижено ваше искусство передъ всѣми другими!

Но совсѣмъ ли это такъ? Не преувеличено ли наше мнѣніе о вѣковѣчности вещественныхъ памятниковъ, не преувеличено ли мнѣніе о недолговѣчности сценическаго дѣйствія? Гдѣ краски Апеллеса, гдѣ мраморъ Фидія? Но померкла ли слава этихъ именъ? И исчезло ли ихъ дѣйствіе съ прахомъ ихъ матеріала? Оно осталось и пребудетъ вѣчно въ постигнутыхъ ими идеалахъ, въ созданныхъ ими типахъ, оно живетъ и будетъ жить въ великой исторіи человѣческаго образованія. Произведеніе поэта и понятво, и ярко, и живо, только для ближайшихъ поколѣній. Время, создающее металлъ и камень, застигаетъ мглою слово генія, и отдаленное потомство благоговѣетъ передъ нимъ большею частію только по авторитету. Проникнуть въ произведеніе, гремящее далекою славою, проникнуть въ сферу его живаго дѣйствія, можно также не иначе какъ путемъ изученія, труднымъ путемъ историческаго преданія...

И вотъ, взглянувъ отсюда, можемъ мы утѣшиться за ваше искусство. Сценическій художникъ, вы также раскрывали тайны человѣческаго сердца, создавали образы, уловляли летучія явленія жизни и возводили ихъ къ ихъ существенному значенію, и давали имъ типическое выраженіе; вы также служили, по мѣрѣ силъ и средствъ своихъ, великой цѣли человѣческаго развитія, вы также расширяли и обогащали общее сознаніе. Вы дѣйствовали на современныхъ поколѣній, — и мы знаемъ какъ сильно вы дѣйствовали, —

будьте же покойны: въ незримомъ, но живомъ мірѣ общественной памяти сохранится ваше дѣйствіе. Преданіе соблюдетъ ваше имя въ связи съ произведеннымъ вами дѣйствіемъ, съ найденнымъ вами направлениемъ, съ созданными вашею мыслию типами!

Повинуясь влеченію природы, которое вывело васъ на сцену, вы, въ своей сферѣ, слѣдовали тому же закону, который управлялъ общимъ движеніемъ нашего образованія. Въ безотчетномъ побужденіи вашей богатой природы сказывалось то же самое начало, которымъ мы гордимся въ лучшихъ представителяхъ отечественнаго слова. Знаете ли куда клоню я свою рѣчь? Сейчасъ скажу я такъ любезное вамъ, такъ часто повторяемое вами слово. Что заботило васъ и чего добивались вы такимъ трудомъ на сценѣ? Что завѣщаете вы молодымъ артистамъ, наставляя ихъ, какъ опытный мастеръ, въ правилахъ своего искусства? *Естественность* — вотъ ваше слово, и подъ знаменемъ его вы въ ваше прекрасное пятидесятилѣтіе, содѣйствовали общему ходу нашей мысли. Была пора, когда Русская мысль оставалась бесплодною и бездѣйственною въ условныхъ формахъ школы. Послѣ нѣкоторой борьбы жизнь разбила оковы, и Русская мысль коснулась ердца и открыла въ немъ неистощимый родникъ творчества. Подъ разными именами, между которыми особенно громко звучали, теперь уже устарѣвшія, имена классицизма и романтизма, происходила эта борьба, и то, что вы называете естественностію, составило славу Пушкина, который такъ зналъ и такъ цѣнилъ васъ.

Да и кто же не зналъ и не цѣнилъ васъ? И можно ли не цѣнить васъ? Какъ славно боролись вы съ трудностями вашего искусства, внося въ него живую *естественность*! Дѣйствуя сами по себѣ, не сносясь и не сговариваясь, вы усердно содѣйствовали общему дѣлу, и еще не исчислено, какъ было многоплодно ваше содѣйствіе. Будущій историкъ васъ не забудетъ, и какъ бы ни было велико разстояніе времени между имъ и вами, онъ можетъ быть еще яснѣе насъ раскрыетъ и оцѣнитъ силу впечатлѣній, произведенныхъ вами на общество.

Посреди вашей дѣятельности, вамъ предстояли двоякаго рода задачи, и вы умѣли рѣшать ихъ съ равною славою. Вы были превосходнымъ истолкователемъ творческихъ произведеній. Съ необыкновеннымъ воздержаніемъ собственнаго генія, съ удивительнымъ трудолюбіемъ изучали вы особенности великаго произведенія, не пренебрегая никакими мелочами, стараясь,—и всегда съ успѣхомъ—проникнуть въ его замыселъ и сокровенные изгибы. Сколько пре-

краснаго успѣли вы раскрыть своею игрою, что безъ васъ оставалось бы незамѣченнымъ и непонятымъ! Какъ много въ этомъ отношеніи былъ обязанъ вамъ другой славный писатель-художникъ, Гоголь, такъ васъ любившій!

Но въ продолженіе полувѣковой дѣятельности вамъ приходилось управляться со множествомъ ничтожнѣйшихъ издѣлій бездарности. Вы однако же не унывали, и изъ жалкаго матеріала умѣли произвести столько прекраснаго! Какой-нибудь пустой водевиль становился при вашей игрѣ художественнымъ произведеніемъ, и мы часто съ восторгомъ рукоплескали тому, на что безъ вашей игры не захотѣли бы и взглянуть. Сколько типовъ создано вами безъ вины и безъ вѣдома авторовъ тѣхъ піесъ, которыя служили только поводомъ къ вашему творчеству! Сколько образовъ, ярко и тонко очерченныхъ, веселыхъ, милыхъ, согрѣтыхъ этимъ добродушнымъ юморомъ, наслѣдіемъ вашей родины, благодатной Украйны!

Много бы пришлось мнѣ писать, неоцѣненный Михаилъ Семеновичъ, еслибъ я захотѣлъ исчислять всѣ ваши заслуги и опредѣлять всѣ ваши достоинства. Я и не имѣю такой претензіи: я хотѣлъ сказать лишь нѣсколько словъ, возбужденныхъ вашимъ праздникомъ. Рука моя проситъ отдыха, и пора уже мнѣ заключить это длинное посланіе.

Но могу ли умолчать еще объ одномъ весьма существенномъ, могу ли не сказать слова объ васъ какъ о человѣкѣ. Вы славный художникъ, Михаилъ Семеновичъ, но и человѣкъ вы славный! Теплота благородной души вашей расточалась не на одной сценѣ, но и въ жизни. Общественная благодарность послѣдуетъ за вами и будетъ вашею наградою за общественное служеніе; но мы знаемъ многихъ, которые унесутъ съ собою въ гробъ личную благодарность за ваше добро.

Вы, слава Богу, не старѣетесь; ваше сердце свѣжо и открыто, какъ у юности; вы на все отзываетесь.... Случится ли дѣло общественной важности, радость ли, скорбь ли, вы непременно тутъ, гдѣ-нибудь около, гдѣ-нибудь близко, съ слезою сочувствія, такъ намъ знакомою.

Дай Богъ вамъ всякаго счастья, мира и спокойствія, и дай Богъ намъ еще долго радоваться вами въ нашей средѣ!

Для исторической полноты занесемъ въ лѣтопись нѣкоторыя частныя обстоятельства, сопровождавшія учрежденіе описаннаго праздника:

Еще на прощальномъ обѣдѣ, въ саду М. П. Погодина, данномъ нашему знаменитому артисту, предъ его путешествіемъ за границу, въ 1853 году, говорено было о близкомъ пятидесятилѣтніи его сценической службы. Прошли два года, наступилъ ноябрь мѣсяцъ, ужь оставалось его одна недѣля, а о приготовленіи никто и не думалъ. Авось дѣло само собою сдѣлается.—такова давняя привычка наша, увы, успокоивать свою лѣность, неповоротливость, безпечность и равнодушіе. Наконецъ русскій человекъ опомнился: что же, господа, готово?—Что готово? Мы не начинали.—Какъ не начинали, вѣдь осталось пять-шесть дней?—Ахъ, и въ самомъ дѣлѣ! Какъ же быть? Вѣдь надо сдѣлать.... Старикъ заслужилъ, онъ огорчится, онъ имѣетъ право.—Да ужь не успѣемъ?—Какънибудь, давайте! — Ну, давайте!

И пошла писать! Объявленія въ газеты, телеграфическія депеши въ Петербургъ, кто къ повару, кто къ музыкантамъ, кто въ театр.... Надо то, надо это! Да гдѣ же? Гдѣнибудь! Начались, разумѣется, споры: не такъ, вотъ такъ, нѣтъ вотъ такъ....

Но по щучьему повелѣнію, по нашему прошенію, все-наконецъ начало улаживаться, и къ концу недѣли уладилось, въ идеальномъ отношеніи, а въ матеріальномъ неурядица продолжала в до перваго удара смычка: поутру, въ субботу, неизвѣстно еще было число будущихъ участниковъ, хоть-объявлено было въ газетахъ, что записываться могутъ въ указанныхъ мѣстахъ только до четверга, ибо повару должно заблаговременно приготовить припасы, офоціанту распорядиться прислугою, запастися винами и т. п. Ни что не помогло. Даже за минуту передъ обѣдомъ являлись охотники, и требовали настоятельно допущеній. Помилуйте — нельзя? «Отъ чего нельзя? я хочу». Вы должны были записаться прежде: вѣдь было напечатано въ газетахъ. «Да я не читаю газетъ». Столъ накрытъ и определенное количество приборовъ. «Я сяду гдѣнибудь». Кушанье изготовлено по числу записавшихся. «Одинъ человекъ лишній ничего не значитъ». Да вотъ еще одинъ, еще одинъ. «И, полноте—пустите, пустите, пора!» И приходятъ новые гости, званые и незваные, и набирается всѣхъ около 300 человекъ.

И всѣ усѣлись, и всѣ нашли себѣ мѣсто, и никто не былъ обнесенъ чарочкой.

Какъ же это случилось, спросили послѣ у повара, что всѣ были довольны? Откуда взялись кушанья? «Да мы это знаемъ, всегда такъ бываетъ, мы готовимъ лишнее, и винъ привезено было много запасныхъ!»

Въ дополненіе должно сказать, что весь великолѣпный обѣдъ, на 300 почти человѣкъ, готовился на Тверской, привозился къ Мясницкимъ воротамъ на подводахъ, и уже подогрѣвался на спиртъ передъ заломъ пира, въ кухнѣ г. Рамазанова, а для какихъ разносоловъ устроена плита одинокого скульптора, читатели могутъ видѣть въ живыхъ и остроумныхъ статьяхъ его, кои печатаются въ Московскихъ газетахъ!

Какъ же все это могло сдѣлаться такъ хорошо? Подите-спрашивайте, какъ у Русскаго человѣка дѣло дѣлается, и извольте размѣрять его по европейскому правильному масштабу.

Слѣдуетъ еще прибавить, что до самаго дня праздника, и даже нѣсколько дней послѣ праздника, не истрчено было ни копѣйки. Виноторговецъ прислалъ винъ по одной запискѣ. Поваръ закупилъ всѣ припасы на свои деньги. Садовникъ доставилъ цвѣты не спрашивая ничего.

И до послѣдней минуты неизвѣстно было о количествѣ собранной суммы!

Нарочно записываю всѣ эти частности, чтобъ наши внуки, по описаніямъ, не составили себѣ ложнаго понятія объ образѣ веденія нашихъ дѣлъ. Но можетъ быть такъ бываетъ только въ Москвѣ? О нѣтъ, такъ ведутся у насъ подобныя дѣла вездѣ....

О Русской человѣкѣ! Неужели тебѣ на роду написано, чтобъ ты всегда криво впрягъ, да поѣхалъ такъ!

ПАПА ИННОКЕНТИЙ III.

Wer in sich selbst nichts empfindet, das der Denkart grosser Maenner entspricht, wer kein Gefühl für Sittlichkeit und Glück der Menschen hat, wird nie die Folgen grosser Begebenheiten richtig schätzen und die Geschichte begreifen, noch weniger sie darstellen.

A. W. RENGERS.

Отъ благородной фамилии Конти, между владѣніями которой было также графство Синья, происходилъ Лотаріо, сынъ Трасмондоса и Кларидіи Скотти. Онъ родился 1160 или 1161 года, кажется, въ Римѣ, гдѣ вѣроятно получилъ первоначальное воспитаніе въ училищѣ, потому что, въ послѣдствіи, онъ, изъ признательности, возвелъ одного учителя Петра Измаэля въ санъ епископа города Сутри. Но главное образованіе получилъ онъ въ Парижѣ, посѣщаемомъ въ то время множествомъ иностранцевъ. Тамъ, не смотря на роскошь и непорочность нравовъ, онъ сохранилъ чистоту души, вполне предавался изученію церковнаго права и ходилъ на богомолье ко гробу Св. Огмы Кентерберійскаго. Его наставникъ Петръ Корбейль, всегда оставался его другомъ, и получалъ въ послѣдствіи архіепископство въ Сенсѣ. Справедливо могли они въ шутку говорить другъ другу: ego te episcopavi, ego te paravi. И классики не остались неизвѣстными для юнаго Лотаріо: до насъ дошли многіе стихи изъ нихъ, писанные его рукою. Онъ пользовался даже славою пѣвца и поэта, и нѣкоторые приписываютъ ему композиціи Veni Sancte Spiritus и Stabat mater. Въ Болоньи занимался онъ гражданскимъ правомъ и получилъ ученныя степени. По возвращеніи въ Римъ, Лотаріо избралъ духовное званіе: потому ли, что его душу занимала великая война и побѣда папы Александра III-го и церкви надъ Гогенштауфенами,—или его знатное проис-

хождение всего болѣе пользы обѣщало ему въ этомъ званіи,—или наконецъ оттого, что, по направленію его характера, одна только идея величія духовной власти могла вознаградить его за строгую и безотрадную молодость. Быстро возвышался онъ при Луціѣ III (1185), Урбанѣ III (1187), Григоріѣ VIII (1188), такъ что дядя Лотаріо, съ матерней стороны, Климентъ III, могъ возвести его, не по годамъ, въ Кардиналы. При Целестинѣ III (Орсини), противникъ его дома, онъ, кажется, болѣе занимался литературою. Къ этому времени, можетъ быть, принадлежатъ его сочиненія о презрѣнн міра и бѣдствіи человѣческой жизни, или о страшномъ таинствѣ причастія, о разныхъ родахъ брачнаго союза, его бесѣды и похвальные гимны. Мы приведемъ здѣсь отрывокъ изъ сочиненія «о бѣдствіи человѣческой жизни».

«Вамъ кажется, что тѣло человѣка, подобно дереву, имѣетъ стебли, вѣтви и корни? Признайтесь лучше, что вы похожи на дерево болѣе потому, что вѣтеръ такъ же колышетъ васъ, какъ древесный листокъ. Съ удовольствіемъ превозносите вы свою разумную душу; но она подавлена и ограничена тѣломъ, а ваша кичливая мудрость ниразу не довела васъ до того, чтобы видѣть собственное невѣжество.

Смертные снѣшаютъ туда и сюда по дорогамъ и тропинкамъ, черезъ горы и пропасти, проникаютъ въ глубину земли и моря, отваживаются по волнамъ, не смотря на бури и непогоды, выкапываютъ и плаваютъ металлы, шлифуютъ, обдѣлываютъ камни, шьютъ себѣ платья, строятъ дома, разводятъ сады, насаждаютъ виноградники, засеваютъ поля, ловятъ рыбу, охотятся за звѣрями и птицами, думаютъ и толкуютъ, совѣтуютъ и распоряжаются, вяжутъ и рѣшаютъ, торгуютъ и обманываютъ, жалуются и спорятъ, грабятъ другъ друга, ссорятся: все для того, чтобы достать сокровища, пріобрѣсти почести, достигнуть чиновъ, увеличить власть свою, и все это пустые труды и гибельныя заботы!

Посмотрите на страданія бѣдности: бродящаго по міру постигаетъ стыдъ, а стыдливаго голодъ: то и другое ведетъ за собою пороки. Богатаго напротивъ ожидаютъ труды при стяжаніи богатства,—страхъ во время владѣнія, скорбь при утратѣ. Избытокъ его изнѣживаетъ или дѣлаетъ порочнымъ и гордымъ. Взгляните на

раба; онъ не только страдаетъ, но еще безъ участія, совершенно одиноко переносить своя страданія (*). Взгляните на господина: если онъ жестокъ,—его ненавидятъ; ежели кротокъ — презираютъ. Холостые терпятъ отъ безпрестаннаго вожделѣнія: удовлетворено ли оно, нѣтъ ли—все худо! Женатыхъ напротивъ удручаютъ заботы о семействѣ. Жена хочетъ платьевъ, нарядовъ, прислуги гораздо болѣе, нежели дозволяютъ доходы мужа; если же онъ отказывается, она вздыхаетъ, дуется, ворчитъ и плачетъ днемъ и ночью (**). Если она красива, другіе хотятъ имѣть ее; если безобразна, ея пренебрегаютъ; но то, чего другіе ищутъ, уберечь трудно, а предметъ общаго презрѣнія скучно хранить! Одни увлекаются красивою наружностью, другіе—умомъ, третьи—веселостью, четвертые богатствомъ: все имѣютъ слабыя стороны,—и ото всѣхъ легко утаить недостатки до брака. Страданія приходятъ уже потомъ, когда надобно жить вмѣстѣ; не то, разводъ, недозволяющій втораго брака, снова возвращаетъ къ мученіямъ холостой жизни.

«Страдаютъ злые—это еще справедливо и естественно, но развѣ лучше бываетъ съ добрыми и святыми? Здѣсь ихъ темница, не родина, не блаженство. Все дышетъ враждою другъ къ другу: духъ и плоть, демоны и Ангелы, люди и звѣри, стихіи, царства, народы.

Если когда-нибудь мелькаютъ радость и миръ, то не надолго, и нерѣдко помрачаютъ ихъ внутри недостатки, а извнѣ зависть и насиліе! За то чаще, нежданнѣе, продолжительнѣе являются скорби, и всюду близкая смерть объемлетъ весь родъ человѣческій. Думаемъ найти спокойствіе во снѣ,—насъ пугаютъ мрачныя сновидѣнія; а веселыя грустно обманываютъ при пробужденіи.

Но если кто и свободенъ отъ страданій, чье сердце столь окаменѣло, чтобы его не трогали чужія печали? Кто живетъ подъ такою эгидою, что его не касается чужая несправедливость? Если на землѣ невинность и чистота не избавлены отъ бѣдствій, какая же участь ожидаетъ обыкновенныхъ людей? Во всѣхъ обстоятельствахъ, по всѣмъ направленіямъ человѣческой дѣятельности, при всякихъ желаніяхъ, страстяхъ, заблужденіяхъ и порокахъ нѣтъ ни-

(*) См примѣч. 3-е въ концѣ статьи

(**) *Plangit et suspirat, garrit et mormurat.*

чего, кромѣ бѣдствія, до самой смерти, да и послѣ нея все то же въ чистилищѣ, въ гееннѣ до страшнаго суда!»

Такое воззрѣніе на міръ обличаетъ строгій, едва ли не мрачный, умъ и твердую волю, готовую одолѣть все земное внутри и внѣ себя и побѣдить собственную плоть. «О, если бы нѣдра матери были моею могилою», восклицалъ онъ съ пророкомъ Іереміею. Сладострастіе, любостяжаніе и честолюбіе признавалъ онъ тремя главными пороками, и будучи уже папою написалъ славное объясненіе семи покаянныхъ псалмовъ.

Съ такимъ взглядомъ на міръ ему слѣдовало или совсѣмъ отдалиться отъ папскаго престола, или быть однимъ изъ тѣхъ папъ, которые, сокрушая все на землѣ, только въ возвышеніи духовной власти находили свое назначеніе. По смерти папы Целестина III-го (8-го января 1198 г.), нѣкоторые старшіе кардиналы еще до настоящаго избранія, назначили Лотарію, какъ способнѣйшаго: не смотря, что онъ былъ еще молодъ, не имѣлъ высшаго духовнаго посвященія,—его выбрали папою, хотя онъ и отказывался. Считали счастливымъ предвѣстіемъ, когда, по случаю, бѣлый голубь спустился возлѣ папскаго престола, на который въ ту минуту взошелъ новый папа. Недостаточный ростъ замѣнялся въ немъ крѣпкимъ сложеніемъ, осанкою, строгими, оживленными умомъ чертами лица. Видно было, что онъ проникнутъ достоинствомъ его сана, и папскую власть считалъ неприкосновеннымъ капиталомъ, который только въ его рукахъ могъ принести огромныя выгоды. Безъ сомнѣнія, превосходно помогло папѣ тогдашнее время.

Когда Иннокентій III (такъ назывался новый папа) вступилъ на престолъ, императоръ Генрихъ VI-й, сынъ Фридриха Барбароссы уже умеръ 28-го сентября 1197 года. Еще при жизни императора уничтожился опасный для церкви планъ его образовать въ Германіи наследственную имперію; а его приобрѣтеніе Неаполя и Сициліи, также пугавшее церковь, казалось непрочнымъ, потому что, по смерти короля Вильгельма, Сицилійцы выбрали Танкреда, признаннаго папою Целестиномъ и получившаго отъ него жалованную грамоту. Генрихъ VI оставилъ по себѣ только трехлѣтняго сына, Фридриха, котораго еще до крещенія нѣмецкіе князья признали законнымъ наследникомъ императора. Опекуномъ ребенка былъ его

для, Филиппъ, герцогъ Швабскій: это званіе давало ему также власть надъ Неаполемъ и Сицилію. Вскорѣ увѣрись, что ему не сохранить нѣмецкой короны для своего питомца, онъ возложилъ ее на себя; но вельфская партія избрала въ короли сына Генриха Льва, князя Оттона Брауншвейгскаго. Этотъ раздоръ и скорѣ послѣдовавшая междуусобная война много пособили Иннокентію.

Новый папа очень благоразумно началъ свое великое дѣло съ ближайшихъ предметовъ. Римъ, гдѣ былъ онъ безопасенъ, служилъ для него точкою опоры, и, утвердись на ней, онъ могъ сдвинуть весь остальной міръ съ его основаній. Сначала избавилъ онъ Латеранъ отъ лишняго ненужнаго народа, уменьшилъ придворный штатъ папы, отмѣнилъ всякую роскошь, продажность мѣстъ и бенефицій, привязалъ къ себѣ Римлянъ обычными при выборѣ новаго папы подарками. Послѣ того онъ принялся за исполненіе своихъ плановъ. Императорскій префектъ въ Римѣ принужденъ получить утвержденіе въ этой должности отъ папы и принять присягу въ вѣрности ему, какъ папскій чиновникъ; такую же присягу долженъ былъ принять и сенаторъ, представитель Римлянъ. Потомъ Иннокентій обратилъ всю свою дѣятельность на то, чтобы возвратить церкви занятые императорскимъ намѣстникомъ города, принадлежавшіе прежде церковной области: Маркуальдъ Анвейлеръ; намѣстникъ императора, покинутый Германією безъ всякой помощи, долженъ былъ уступить папѣ провинцію Равенну и Анконскую маршію. Туже участь испыталъ Маркграфъ Сполетскій Конрадъ Лютцелмгардъ, прозванный, за надменность, мухою на рогахъ вола. Противъ Филиппа, герцога Швабскаго, владѣвшаго Тосканою и областями Матильды, образовалъ папа, новый союзъ городовъ, въ которомъ приняли участіе всѣ недовольные, исключая Пистойи и Пизы. Констанція, вдова императора Генриха, велѣла короновать въ Палермо своего сына Фридриха, какъ короля Неаполя и Сициліи, но прояски партій наконецъ принудили ее признать феодальную власть папы надъ этими государствами, и ввѣрить ему опеку надъ ея сыномъ. Но въ Неаполь и Сицилію устремились всѣ изгнанники изъ церковной области: они приготовили папѣ продолжительную войну, во время которой Иннокентій старался сколько можно защитить права свои и Фридриха, разумѣется, имѣя въ виду

болѣ собственные интересы, нежели своего питомца. Неподдѣльною скорбью проникнутое письмо Фридриха ко всѣмъ государямъ въ 1206 году, было плодомъ безотраднaго положенія этого государя. Вообще опека Иннокентія неблестящая эпоха въ жизни этого папы, потому что въ тоже время онъ также помогалъ наслѣднику графа Танкреда Лечче, Вальтеру Бриэнскому.

Въ Германіи, Филиппъ, довольно поспѣшно разрѣшенный отъ проклятія епископомъ Сутрійскимъ, снова подвергнулся анаемѣ, какъ защитникъ Маркуальда Онъ въ Мюльгаузенѣ (5-го марта 1198 года), а Отгонъ въ Кельнѣ (1-го мая) были выбраны въ нѣмецкіе императоры. Филиппъ не только старался объ умноженіи своей партіи, но и искалъ себѣ опоры въ папѣ: тѣмъ самымъ признавалъ онъ право папскаго рѣшенія, въ которомъ нисколько не сомнѣвался Иннокентій. Самъ король французскій писалъ къ нему: «Мы вѣруемъ, что Господь нашъ Иисусъ Христосъ ввѣрилъ Св. Апостолу Петру ключи неба и право вязать и рѣшать; мы знаемъ и утверждаемъ, что ты съ полною властію заступаешь мѣсто Св. Апостола и подлежишь только Божію суду, почему и не желаемъ оскорблять твои права и отрекаемся судить и рѣшать въ этомъ дѣлѣ».

Въ отвѣтъ посланникамъ обоихъ императоровъ, Иннокентій уклонился отъ рѣшительнаго приговора въ пользу кого-нибудь одного изъ соперниковъ, но посланникамъ Филиппа онъ выразилъ яснѣе свое неудовольствіе и говорилъ:

(Мы приводимъ эту рѣчь въ примѣръ высокоумія папскаго, въ образчикъ властительныхъ притязаній западной церкви въ продолженіе среднихъ вѣковъ).

«Въ первой книгѣ Моисея мы читаемъ, что Мельхиседекъ былъ царь и священникъ; однакожъ царь одного только города, а священникъ Божества. Жрецы получали десятину, а не давали ее; они помазывали муромъ, но не были помазываемы: оттого-то они выше тѣхъ, которые платятъ десятину, посвящаются и помазываются. Уста ихъ, говоритъ Пророкъ, сохраняютъ ученіе, съ языка ихъ исходитъ законъ. Еще яснѣе выражается Евангеліе: «на Петрѣ, этомъ камени, утвердилъ Господь церковь свою; ему далъ право—вязать и рѣшать на землѣ и на небѣ; ему сказалъ: не бойся, Я съ тобою; ему пророчествовалъ: не одолѣютъ тебя врата адовы.»

Слѣдовательно, государи имѣютъ власть только земную;—священники—также и небесную; первые обладаютъ надъ плотію, послѣдніе также и надъ душою; первымъ покорствуютъ только нѣкоторыя страны и царства, а папа, намѣстникъ Христа Спасителя, повелѣваетъ цѣлою вселенною.—Притомъ священство древнѣ царской власти: оно основано на установленіи Божественномъ; мірская власть основывается на притязаніяхъ Неврода, великаго охотника. Земная власть всегда бывала сокрушаема, лишь только осмѣливалась сопротивляться церкви. Такъ Иннокентій II-й одержалъ побѣду надъ Анаклетомъ, Лотарь надъ Конрадомъ, Александръ III надъ Фридрихомъ I-мъ; такъ нынѣ церковь въ мирѣ и могуществѣ, но въ царствѣ, за грѣхи ваши, господствуютъ раздоръ и война. Но церковь не воздастъ зломъ за зло царству: она сострадаетъ ему и сожалеетъ, что государи унижаютъ свое величіе и поступаютъ въ противность своему достоинству. Для прекращенія такого множества золъ, давно бы слѣдовало обратиться къ папскому престолу, которому въ первыхъ и послѣднихъ принадлежитъ это дѣло: въ первыхъ — потому, что папа передалъ отъ Востока Западу императорское достоинство; въ послѣднихъ потому, что пожалованіемъ императорской короны онъ одинъ все заключаетъ и утверждаетъ».

Онъ любилъ также сравнивать папу и короля съ солнцемъ и мѣсяцемъ и подчинять ихъ другъ другу. Впрочемъ онъ увѣщевалъ нѣмецкихъ князей и прелатовъ, чтобъ они положили конецъ раздору, губящему царство и церковь; въ противномъ случаѣ онъ самъ рѣшить въ пользу того, чье усердіе и заслуги покажутся для него важнѣйшими. Но своимъ Легатамъ онъ далъ инструкцію, по которой они могли разрѣшить князей отъ присяги, данной некрещеному младенцу Фридриху, отвергнуть Филиппа, какъ отлученнаго церковью и отдать преимущества Оттону, какъ потомку благочестивой фамиліи, избранному по законному уставу. Но посредничество папы не обѣщало успеха. Тогда, подѣ строгимъ наказаніемъ, запретилъ онъ рѣшеніе спора силою оружія, и грозя апаоемою, повелѣлъ всемъ чинамъ Германіи признать законнымъ императоромъ Оттона. Германскіе князья партіи Филиппа, болѣе сильной, нежели Оттона, представляли папѣ, что имъ однимъ слѣдуетъ право рѣшенія въ этомъ дѣлѣ и просили короновать Филиппа.

Иннокентій обманывался, полагая, что не предстоить большой трудности въ изложеніи Филиппа. Въ это заблужденіе ввели его слова Легата, кардинала Пренестскаго. Въ письмѣ къ герцогу Церингенскому, Иннокентій соглашался, что право избранія императора принадлежитъ князьямъ, но рѣшать о достоинствѣ избраннаго, безспорно, слѣдуетъ папѣ, и кардиналъ исполнилъ его волю, предложивъ, какъ достойнѣйшаго, Оттона.

Выгодная для церкви присяга Оттона была главное, почему такъ ревностно хлопоталъ о немъ папа. Оттонъ обѣщался сохранять и защищать всѣ владѣнія, привилегіи и права церкви, пріобрѣсти для нея наследственные области Матильды, пособлять папѣ въ обладаніи Сицилійскимъ королевствомъ, оказывать ему всякую покорность, слушаться его совѣтовъ и т. д.

Но папа своимъ вмѣшательствомъ еще болѣе разжегъ вражду. Страшная междоусобная война раздирала несчастную Германію,—и кто не былъ въ опалѣ императорской, тотъ находился подъ анаемой церкви, хотя Иннокентій велѣлъ Легатамъ поступать осторожнѣе при отлученіяхъ: потому что «кто не правъ нынѣ, могъ завтра быть правымъ». Всего ужаснѣе свирѣпствовали Богемцы Оттокара, короля Богемскаго, котораго Иннокентій убѣдилъ къ союзу съ Оттономъ. Многие князья, подобно Тюрингенскому Ландграфу, Герману, четыре раза переходили отъ одного императора къ другому, потому что присяга и клятва вмѣнялись ни во что: всѣми руководили выгоды (*). Оттону измѣнилъ родной братъ его, Пфальцграфъ Генрихъ. Король французскій былъ за своего соименника Филиппа; напротивъ Іоаннъ англійскій признавалъ Оттона, равно какъ и внукъ послѣдняго, славный Вальдемаръ Датскій. Напрасно Иннокентій давалъ совѣты, уговаривалъ, грозилъ: голосъ его, какъ кормчаго въ бурю, не былъ слышимъ. Впрочемъ положеніе болѣе кроткаго Филиппа мало по малу до того улучшилось, что онъ, хотя и отлученный, въ другой разъ короновался на сеймѣ въ Ахенѣ. Но Иннокентій напрасно устраивалъ личные свиданія обонхъ соперниковъ: каждый изъ нихъ обѣщалъ другому огромныя вознагражде-

(*) Но, конечно, опустошали Германію не столько Богемцы, сколько дикіе Поляки, посланные на помощь Оттону Эриккомъ, королемъ Венгерскимъ, также по увѣщанію папы.

ніа за отреченіе отъ короны. Самъ папа болѣе благоразумно, нежели честно, уже склонялся на сторону Филиппа, обѣщавшаго ему слишкомъ много, и сложилъ съ него и преданныхъ ему епископовъ проклятiе въ 1207 году. Наконецъ, при посредствѣ папы, противники заключили на одинъ годъ перемиріе. Уже оно истекало и готовились вооруженія на новую войну, когда 34-хъ лѣтній Филиппъ въ Бамбергѣ убитъ былъ обиженнымъ отъ него, вспыльчивымъ Пфальцграфомъ, Оттономъ Виттельсбахомъ. Вся фамилія Гогенштауфеновъ заключалась теперь въ одномъ лицѣ «Фридрихъ Неаполитанскошъ». Иннокентій запретилъ избирать другаго императора, увѣрялъ Оттона въ своей постоянной къ нему привязанности и давалъ ему добрые совѣты быть снисходительнѣе и дѣятельнѣе. За то, Оттонъ обѣщавъ новыя жертвы церкви, дозволилъ въ Римѣ совершенно независимыя выборы прелатовъ, отрекся отъ наслѣдства умершихъ духовныхъ и обѣщавъ пособіе противъ еретиковъ. Приверженцы Филиппа по большей части перешли къ Оттону: сцена была трогательная, когда девятилѣтняя Беатрикса, дочь убитаго Филиппа, бросилась на колѣни предъ Оттономъ, и со слезами молила его отмстить убійцѣ ея отца. Для полнаго примиренія партій, Оттонъ обручился съ этою маленькою Принцессою. На этотъ разъ папа ничего не возражалъ противъ близкаго родства обрученныхъ!

Дѣятельность папы не ограничилась Германією и Италією. Она обнимала весь христіанскій міръ отъ Португаліи до Россіи и восточной Римской имперіи, отъ Англій до Сициліи. Даже Палестина и Египетъ не остались внѣ круга дѣйствій папы.

Иннокентій расторгнулъ, близкіе по родству, браки королей португальскаго, леонскаго и французскаго и лично возложилъ корону въ Римѣ на Петра, короля аррагонскаго. Папа сначала подалъ королю мантию, державу, корону и мечъ, но король положилъ корону опять на алтарь Св. Петра, вторично принявъ мечъ отъ папы и объявилъ свое королевство подвластнымъ папскому престолу. Но, по возвращеніи домой, король едва могъ усмирить своихъ подданныхъ, во все нежелавшихъ новой зависимости отъ папы.

Въ Норвегій, король Сверриръ (*) осмѣлился было оспоривать вліяніе церкви на дѣла государственныя: Иннокентій отлучилъ

(*) См. въ приложеніи отрывокъ изъ Исторіи Норвегій, Дальмана.

его отъ церкви и поручилъ королямъ Шведскому и Датскому исполнить свой приговоръ. Благодаря воинственности Сверрира, онъ одолѣлъ всѣ опасности, однакожъ послалъ въ Римъ догавариваться съ папскимъ престоломъ. По смерти его сына Гакона VI-го, Иннокентій былъ посредникомъ въ спорѣ за корону между двумя соперниками. Въ Польшѣ и Венгріи онъ рѣшилъ вопросъ о престолонаслѣдіи. Князь Далматскій Вулканъ призналъ себя вассаломъ папы. Іоаннъ, князь Булгаріи и Валахіи, получилъ королевскую корону изъ рукъ Иннокентія. Охотно бы обратилъ онъ къ Римской церкви и Россію. Его посланіе къ намъ любопытно: оно служитъ лучшимъ выраженіемъ хитрой казуистики римскаго двора, такъ упорно домогавшагося поработить насъ. Но, читая его, невольно негодуешь, что папа въ основаніе неправедныхъ притязаній приводитъ великія слова писанія, и,—подражая его же способу выраженія,—мудрствуетъ лукаво: «хотя доселѣ вы, пишетъ Иннокентій, подобно чуждымъ чадамъ, удалены были отъ лона матери вашей, церкви, однакожъ мы, не по заслугамъ нашимъ поставленные Богомъ въ санъ пастыря для наученія Его народовъ, не можемъ противиться влеченію отеческой любви, и не принять на себя заботы о присоединеніи васъ спасительными увѣщаніями и назиданіями къ вашей главѣ: да приведется Ефремъ ко Іудѣ и къ Іерусалиму да возвратится Самарія. О, если бы пожелали вы быть разумными и проницательными, и отряси съ умовъ вашихъ всякую тьму, возвратились на путь истинный съ ложной дороги, по которой давно блуждали, оставши отъ дружнаго стада! О, если бы подчинились вы непоколебимо власти того, кого Спаситель нашъ, глава церкви, поставилъ въ учителя, говоря ему: «ты назывешься Кнѳа. Ты еси Петръ и на семь камней созижду церковь мою. И дамъ тебѣ ключи царствія небеснаго. Все, что свяжешь ты на земли, будетъ связано на небесахъ, и что разрѣшишь на земли, будетъ разрѣшено на небесахъ». Поручивъ ему троекратно повторенными словами пасти овецъ своихъ, Господь ясно далъ разумѣть, что тогъ не принадлежитъ къ стаду Господню, кто его преемниковъ пренебрежетъ почитать своими пастырями. Ибо Онъ не сдѣлалъ различія между овцами, но просто сказалъ: «паси овцы моя», да всѣ почитаютъ себя вѣренными его паствѣ. И такъ если

единъ и нераздѣленъ хитонъ Господень, и никогда разводъ невѣдомъ для невѣсты Господней, о которой сѣмъ Женихъ свидѣтельствуеъ въ священномъ писаніи: *едина есть голубица моя, едина есть матери своей избрании есть родившей ю, видѣши ю дщери Сиона и ублажиши ю царицы и наложницы и восхваляши ю*, (*) то необходимо, чтобы всякой отступившій отъ нея, какъ потопленный волами потопными, испыталъ участь падшихъ Ангеловъ. А для сохраненія нераздѣльнаго единства церкви, Господь поставилъ единого Блаженнаго Петра, о чемъ уже и помянули мы выше, какъ бы во главу ей и учителя: да соберетъ во едино всѣхъ, какъ нѣкогда собиралъ Ной въ ковчегъ, внѣ котораго покинутыя созданія погибаютъ въ потопѣ, внутри же его получаютъ спасеніе (sic). За вѣру же Св. Петра, чтобы не изнемогъ въ скорби, Господь особенно его и научалъ, дабы онъ, нѣкогда *обратясь, утвердилъ братію свою*. И такъ, когда единство церкви подтверждается почти безчисленными свидѣтельствами писанія, знаніе котораго для васъ и полезно, и необходимо: то удивительно ли, что мы, какъ недостойный преемникъ того, кому Господь поручилъ пасти овцы своя, стараемся заблудшихъ овецъ привести въ мѣсто ихъ, да будетъ и едино стадо, какъ единъ есть Пастырь, и всѣми силами подвигаемся, да не испытаетъ безобразія тѣло церкви въ томъ случаѣ, когда какая либо часть отпадетъ отъ него.

«Когда Греческая Имперія и церковь почти вся обратилась къ приверженности Апостольскому престолу, смиренно принимаетъ его приказанія и повинуется его велѣніямъ, не кажется ли нецѣпю, что часть противорѣчитъ своему цѣлому и особность рѣзко разнствуетъ отъ ея общаго? Сверхъ того, кто знаетъ, не за отпаденіе ли и непокорность Греческая Имперія предана грабежу и расхищенію, для спасительнаго вразумленія Грековъ, да въ несчастіи познаютъ Того, Кого не признавали во время благоденствія (**)?»

Въ заключеніе папа говоритъ, что желая достойнымъ образомъ исполнить долгъ пастыря, онъ посылаетъ въ Россію кардинала Виталія «да приведетъ онъ дщерь къ ея матери», *ut evellat et destruat aedi-*

(*) Пѣсни пѣсней.

(**) *Historica Russiae monumenta*. Изданіе Тургенева.

ficet et plantet. Впрочемъ, съ цѣлю соединенія церквей, онъ также поручалъ патриарха Антиохійскаго покровительству Алеппскаго Султана и хлопоталъ у Султана Египетскаго объ освобожденіи патриарха Александрійскаго и тамошнихъ христіанъ.

По случаю усиленія Альмогадовъ въ Испаніи, папа предписалъ въ Римѣ трехдневный постъ и потомъ назначилъ молебную процессію: предшествуемый женщинами въ траурной одеждѣ, и безъ обуви, монахами, священниками и кардиналами, онъ шелъ въ церковь Іоанна Латеранскаго, откуда взявъ св. крестъ, (ignum crucis) въ сопровожденіи всей процессіи, отправился въ палаццо Кардинала епископа Альбани. Съ высоты балкона говорилъ онъ рѣчь къ собранію, заклиналъ сжалиться надъ христіанами Испанскими и молиться за религію, угнетаемую невѣрными. Такія же процессіи учреждалъ онъ въ благодарность за славную побѣду при Навасъ де Толосѣ въ 1212 году 16-го іюля, одержанную королями Кастильскимъ, Аррагонскимъ и Наварскимъ надъ Альмогадами.

Но не всегда являлся Иннокентій сострадательнымъ посредникомъ: гораздо чаще вооружался онъ церковнымъ мечемъ, потому «что въ кивотѣ завета, вмѣстѣ съ манною, лежитъ и лоза» (*). Ни одинъ папа до него не угрожалъ такъ часто анаемому и не изрекалъ ея, какъ Иннокентій: при немъ уже много разъ встрѣчается гораздо опаснѣйшая мѣра интердикта на цѣлыя государства. Это значило лишать невинныхъ подданныхъ отрады и утѣшеній религіи и принуждать государей къ покорности, раздражая противъ нихъ народъ. Могла ли цѣль оправдывать такія страшныя средства, и кому извѣстно безчисленное множество людей, погибшихъ отъ того въ отчаяніи?

Иннокентій III-й, по выбору 14-ти англійскихъ монаховъ въ Римѣ, поставилъ примасомъ Англій и архіепископомъ Кентрберійскимъ кардинала Томаса Лангтона. Это было совершенно противъ воли короля Іоанна: онъ пришелъ въ сильный гнѣвъ, узнавъ о выборѣ Лангтона, выгналъ монаховъ и тампліеровъ изъ своего королевства и конфисковалъ монастырскіе доходы. Послѣ долгихъ, но безплодныхъ, увѣщаній Иннокентій въ 1208 году наложилъ запреще-

(*) Слова Иннокентія.

ніе Божественной службы на Англію. Чрезвычайно недовольные королемъ, духовные исполнили папскій приказъ, какъ ни притѣснялъ ихъ за то Іоаннъ. Въ такомъ ужасномъ состояніи Англіи, Іоаннъ не переставалъ отягощать ее своею безпредѣльною жадностью къ деньгамъ, строгимъ исполненіемъ варварскихъ законовъ относительно лѣсовъ и сластолюбіемъ, позорившимъ знатныя семейства. Тогда (1209), Иннокентій послалъ ему анаѳему, объявилъ короля лишеннымъ престола, разрѣшилъ всѣхъ вассаловъ отъ присяги въ вѣрности ему и поручилъ Филипу французскому исполнить приговоръ церкви.

• Іоаннъ вооружилъ 60000-ю армію; однакожъ война не состоялась, потому что Іоаннъ не слишкомъ полагался на свои войска, да и въ политику папы вовсе не входило увеличеніе владѣній короля французскаго такимъ королевствомъ, какъ Англія. Папскій Легатъ, Пандольфъ, въ Дуврѣ, подробно представилъ королю грозящую опасность; въ то же время пустынникъ Петръ Помѣретъ пророчилъ ему немногіе дни царствованія; сверхъ того, страхъ угрызенія совѣсти и безхарактерность заставили его покориться волѣ папы. Онъ призналъ Лангтона архіепископомъ, освободилъ всѣхъ плѣнныхъ, обѣщалъ полное вознагражденіе; даже подъ самыми унижительными формами (упавъ въ ноги предату), онъ предалъ Англію въ феодалную зависимость отъ папы, обѣщалъ ему ежегодную дань и утверждалъ это торжественнымъ актомъ. Послѣдствія такого униженія не принадлежатъ къ нашему разсказу.

Почти тоже испыталъ на себѣ король французскій, Филиппъ Августъ, разведясь, по недостаточному поводу послѣ брачной ночи, съ Датскою принцессою Ингебургою. Бѣдная принцесса, вовсе не зная французскаго языка, могла повторять только: *maia Franciā, maia Franciā!* и протестовала въ Римъ. Лишенная всего, но не христіанской преданности судьбѣ, она отослана была въ монастырь: между тѣмъ какъ Филиппъ утопалъ въ наслажденіяхъ съ новою супругою, нѣмецкой принцессою. Напрасно папа Целестинъ III-й увѣщевалъ короля опять принять Ингебургу. Иннокентій III-й немедленно запретилъ богослуженіе во Франціи. Всѣ церкви должны быть заперты; отпираются только для крещенія дѣтей и приобщенія умирающихъ; усопшіе не похораняются на кладбищахъ. Пропро-

вѣдн дозволены только въ воскресные дни и притомъ на папертяхъ, гдѣ должно и исповѣдывать; если же при церкви нѣтъ паперти, то, въ случаѣ только дурной погоды, въ открытыхъ церковныхъ дверяхъ, однакожъ чтобъ никто не входилъ туда, кромѣ исповѣдника (*). Филиппъ выгналъ покорныхъ папѣ епископовъ и конфисковалъ ихъ имущество. Но общій ропотъ и состраданіе народа къ Ингебургѣ обратили короля къ покорности. Онъ опять взялъ покинутую супругу и обращался съ нею пристойнѣе. Между тѣмъ его вторая жена умерла: тогда Иннокентій, довольный успѣхомъ въ главномъ дѣлѣ, объявилъ ея дѣтей рожденными въ законномъ бракѣ. Такова была логика папы.

Для Палестины необходимъ былъ новый крестовый походъ, потому, что, при слабомъ Амаальрихѣ, внутреннее разстройство и вѣншіе враги угрожали конечнымъ паденіемъ королевству Іерусалимскому. Последний крестовый походъ уничтожился со смертію Генриха VI. Иннокентій постоянно имѣлъ въ виду новое ополченіе, самъ онъ и кардиналы назначали для того десятую часть своихъ доходовъ, сообразно тому, должно было жертвовать и прочее духовенство. Папа даже сваридалъ на собственный счетъ новый корабль, и, снабдивъ его съѣстными припасами, отправилъ въ Сирію. Но хотя Фулько Нейльи проповѣдовалъ и увлекалъ много народа, собиравшаго лоскутки одеждъ его, энтузіазмъ скоро охладѣвалъ. Наконецъ Фулько успѣлъ склонить французскихъ и фландрскихъ графовъ къ принятію креста. Уже заключили договоръ съ Венеціею о переѣздѣ въ Азію 30000 ратниковъ за 85000 серебряныхъ маркъ, и выбрали Маркграфа Бонифатія Монферратскаго вождемъ ополченія. Участіе въ походѣ приняли также нѣмецкіе епископы, графы, рыцари. Но душою похода былъ 94-лѣтній слѣпой Дандоло, дожъ Венеціи, великій политикъ, котораго занимали особливо двѣ вещи: слава Венеціи и личная месть Константинополю: нѣкогда греческій императоръ Эммануилъ лишилъ дожа зрѣнія раскаленною желѣзною дощечкою, приставленною къ его глазамъ. Съ большею хитростію обратилъ онъ усердіе крестоносцевъ къ достиженію своихъ личныхъ цѣлей. Хотя Иннокентій строго запрещалъ нападать на какой бы то ни было христіанскій городъ, однакожъ крестоносцы, вмѣсто

(*) *Diplomata ad historiam Sngob. Regiuae. Langebek.*

платы за переправу, служа Венеціанамъ, завоевали съ 480-ю кораблями Зару. Иннокентій произнесъ имъ анаѳему, однакожь умилостивился и только приказалъ поспѣшать въ Палестину. Но у Дандоло были другіе планы.

Въ Константинополѣ, сластолюбецъ Исаакъ 11 Ангелъ (тесть короля Филиппа въ Германіи по Ирнѣ) былъ въ 1195 году ослѣпленъ и свергнутъ съ престола братомъ своимъ Алексѣемъ III, принявшимъ названіе Комнина. Сынъ Исаака, Алексѣй (IV) нашелъ случай убѣжать въ Италію и Германію, и завелъ переговоры съ войскомъ крестоносцевъ въ Царѣ о возстановленіи своего отца, обѣщавъ 200,000 маркъ, съѣстные припасы, участіе въ крестовомъ походѣ и даже подчиненіе греческой церкви Риму. (1203) Венеціане одержали верхъ надъ упорствомъ Крестоносцевъ, и Папы и такимъ образомъ поплыли съ Алексѣемъ въ Скутари къ Константинополю. Но Франки вскорѣ узнали, что надежды, внушенныя бѣглецомъ, рѣдко сбываются. Первое нападеніе съ суши и моря было успѣшно, такъ что вошли на многія башни и предали огню часть города,—похититель бѣжалъ и Исаакъ опять вступилъ на престолъ. Но онъ увидѣлъ себя совершенно не въ состояніи исполнить безразсудныя обѣщанія сына, своего соправителя. Алексѣй вскорѣ поссорился изъ за того сначала съ Крестоносцами, а потомъ и съ своими подданными. Греки поставили новаго императора, и Алексѣй хотѣлъ уже уступить франкамъ часть города, какъ вдругъ одинъ его родственникъ Мурзуфъ, велѣлъ удавить его. Исаакъ умеръ отъ скорби. Тогда Франки считали себя въ правѣ завладѣть имперією, въ награду трудовъ своихъ, и взяли городъ, не взирая на храбрую оборону. Мурзуфъ бѣжалъ, но былъ потомъ схваченъ и сброшенъ съ колонны Феодосія. Въ Константинополѣ страшно неистовствовали Франки огнемъ и мечемъ, но приобрѣли огромную добычу въ золотѣ и серебрѣ, драгоценныхъ камняхъ. Многія произведенія искусства погибли въ пламени трехъ пожаровъ или отъ своевольтва и невѣжества побѣдителей. Одни Венеціане взяли себѣ 4 знаменитые бронзовые коня для своей соборной цѣркви св. Марка. Потомъ шестеро Венеціанъ и столько же крестоносцевъ избрали въ императоры графа Балдуина (коронованнаго 23 мая 1204 года) и въ патріархи Венеціанца Петра Морозини. Предъ Инно-

кентіемъ извинялись подарками и замѣчали, что завоеваніе совершено болѣе по Божественному внушенію, нежели по расчетамъ чело-вѣческимъ. Папа едва ли вѣрилъ соединенію обѣихъ церквей, однакожъ Грекамъ, жаловавшимся ему на крестоносцевъ, отвѣчалъ, что Богъ наказалъ ихъ за отпаденіе отъ Римской церкви. Крестоносцамъ писалъ онъ такъ: «Господь наказалъ чрезъ васъ Грековъ за грѣхи ихъ; но ваши сердца при этомъ случаѣ не устояли отъ соблазновъ корысти; руки ваши не остались чистыми отъ беззаконій. Покореніе Константинополя для васъ нужнѣе было Іерусалима потому, что земныя блага вы предпочтаете небеснымъ. Вы не пощадили ни званія, ни пола, ни возраста, открыто совершали блудъ, прелюбодѣянія, насилія, цѣломудренныхъ супруговъ и Богу посвященныхъ дѣвицъ вы отдали на жертву мерзкимъ вождѣльникамъ солдатъ (*). Вамъ было недовольно грабежа императорской казны и частныхъ лицъ: вы простерли руки на имущество церкви, и, что еще гнуснѣе, на ея владѣнія, похищали изъ алтарей серебряныя престолы, уносили, къ оскорбленію всякой святыни, распятія, образа, мощи; вы причиною, что Греческая церковь, оскорбленная такимъ ужаснымъ гоненіемъ, не желаетъ обратиться къ престолу Римскому, потому что ничего не видитъ отъ Латинянъ, кромѣ примѣровъ обмана и дѣлъ гезны, и гнушается этими людьми болѣе, нежели сами».

Ивнокентій почиталъ важнымъ завоеваніе Греческой имперіи только по его послѣдствіямъ для Палестины. Онъ уступилъ великія преимущества Греческому патріарху: раздаваніе палліи въ нѣкоторыхъ случаяхъ, балдахинъ при процессіяхъ и право короновать императора. Впрочемъ Греческая имперія была самымъ жалкимъ образомъ раздроблена, даже не совершенно завоевана, потому что въ Эпирѣ и Этоліи, въ Никее и Трапезунтѣ оставались Греческія княжества или имперіи.

Никто столько не радовался, что гроза разразилась на этотъ разъ надъ Константинополемъ, какъ братъ Саладина, Малекъ—Адель, постепенно устранявшій своихъ племянниковъ и овладѣвшій верховною

(*) Точно также у насъ въ Керчи поступали ихъ потомки и не въ 1204, а въ 1855 году! Хороши успѣхи цивилизаціи и гуманизма у народовъ Запада!

властію. Папа требовалъ отъ него письмомъ, чтобъ онъ возвратилъ наслѣдіе Божіе, но не могъ подарѣнить своего требованія новымъ крестовымъ ополченіемъ, хотя Робертъ Курсонъ, прежній школьный товарищъ Иннокентія, множеству простаго народа во Франціи роздалъ знаменіе креста. Для Палестины, казалось, не было спасенія. Ея король не имѣлъ никакого авторитета, у вельможъ и рыцарей не было согласія ни съ нимъ, ни между собою; Раймундъ Антиохійскій ссорился съ христіанскимъ королемъ Арменіи: напрасно старался Иннокентій примирить ихъ. Королю Іерусалимскому Амальриху наслѣдовалъ сводный братъ Изабеллы, Іоаннъ Ибелинъ, въ званіи намѣстника, до тѣхъ поръ, пока для дочери королевы, Маріи Іоланты, нашли во Франціи Іоанна Бриеннаго, столь же красиваго какъ и храбраго супруга, который съ благословенія паны принялъ въ Тирѣ корону въ 1209 году. Но новому крестоносному ополченію, образовавшемуся въ 1212 году, не могъ дать благословенія даже ревностный Иннокентій. Около того времени во Франціи краснорѣчивый пастухъ, Стефанъ, а вскорѣ и на Рейнѣ, нѣмецкій мальчикъ Николай, подали многимъ тысячамъ мальчиковъ, дѣвущекъ и женщинъ мысль — завоевать обѣтованную землю: такъ повелѣлъ имъ Богъ! «Дѣти приводятъ насъ въ стыдъ, вскричалъ Иннокентій при этой вѣсти: между тѣмъ, какъ мы спимъ, они идутъ для покоренія Святой земли».

«Мы идемъ къ Богу и хотимъ искать за моремъ св. Креста!» говорили новые крестоносцы. Напрасно родители старались удержать ихъ; напрасно король Филиппъ, по мысли Парижскаго университета, запретилъ имъ походъ. Къ сожалѣнію, въ ихъ толпу вмѣшалось весьма много негодяевъ, которые обокрали ихъ совершенно. Нѣмецкія дѣти пошли въ Италію, но многія, еще не достигнувъ Альповъ, погибли отъ голода и холода; другія воротились полунагія и ограбленныя Ломбардскими разбойниками. Нѣкоторыя прибыли безъ всякихъ средствъ въ Геную, въ надеждѣ, что Богъ иссушитъ для нихъ море. Но какъ между ними оказалось много развратныхъ людей, то всѣхъ ихъ выпроводили изъ города. Многіе сдѣлались рабами въ Италіи; нѣкоторыя дошли до Брундузіа, гдѣ все ополченіе разсыялось. Сопровождаемыя насмѣшками, безъ обуви и голодные, — дѣвущки, большею частію утратившія честь, возвратились онѣ

на родину. Но Иннокентій не разрѣшилъ ихъ советѣмъ отъ обѣта, но велѣлъ дожидаться совершеннолѣтія. Еще бѣдственнѣе была участь французскихъ дѣтей, пошедшихъ въ Марсель. Они попались къ двумъ негоднымъ продавцамъ невольниковъ, пригласившимъ ихъ на свои семь кораблей, — изъ которыхъ два погибли, а остальные пристали къ Египту, гдѣ крестоносцы проданы были въ рабство. Но исторія говоритъ въ похвалу имъ, что они лучше рѣшились потерпѣть величайшія муки и смерть у невѣрныхъ, нежели измѣнить своей вѣрѣ.

Иннокентій съ большимъ усердіемъ старался вооружить новый крестовый походъ: его посланія къ духовенству разносились отъ Франціи до Ирландіи, отъ Норвегіи до Венгріи. Онъ между прочимъ указывалъ на то, что царство лжепророка Магомета близко къ своему концу, потому что изъ 666 лѣтъ, назначенныхъ этому звѣрю въ Апокалипсисѣ, почти 600 лѣтъ уже исполнилось.

При такомъ усердіи и пожертвованіяхъ папы для новаго крестоваго похода, была крайне неприятна ему война, веденная въ то время въ южной Франціи съ Вальденсами и Альбигойцами. Въ верхней Италіи, западной Швейцаріи (тогдашней Бургундіи) и въ южной Франціи съ нѣкотораго времени показались различныя секты Катаровъ, Патареновъ, Вальденсовъ: они примѣшивали въ христіанскіе догматы заблужденія язычниковъ и гностиковъ о происхожденіи зла и грѣха, но также возставали противъ таинствъ, присаги, отлученія, смертной казни, особливо богатства, власти и правъ духовенства. Эту болѣе практическую точку зрѣнія особенно усвоили себѣ Вальденсы, получившіе это имя отъ Петра Вальдуса, Ліонскаго купца. Вальдусъ, потрясенный внезапною смертію друга, спросилъ у одного благочестиваго священника, какой истинный путь ведетъ въ царство небесное? и получилъ Евангельскій отвѣтъ: ступай и раздай бѣднымъ все имѣніе свое, тогда получишь сокровище на небесахъ. Советъ согласовался съ его внутреннимъ убѣжденіемъ, и Петръ, не заботясь о порицаніяхъ и насмѣшкахъ, перемѣнилъ образъ жизни, роздалъ все имѣніе для набожныхъ цѣлей, и на другой день, у церковныхъ дверей просилъ милостыни у одного прежняго знакомаго. Это увидѣла жена Вальдуса: съ воплемъ, съ горькими слезами бросилась она къ мужу: «Другъ мой! сказала

она, развѣ ты можешь просить милостыню у другихъ, кромѣ меня? Не лучше ли мнѣ очистить грѣхи подаваніемъ тебѣ, а не чужому нищему?» Она жаловалась архіепископу, который приказалъ Вальдусу не получать подаванія ни отъ кого, кромѣ его жены. Но въ то же время запретилъ ему, какъ неученому мірянину, распространять его убѣжденія въ проповѣдяхъ. Но какъ Вальдусъ чувствовалъ себя обязаннымъ къ тому, то слухъ о немъ дошелъ вскорѣ до папъ Александра III и Луція II. Оба они подтвердили приказаніе архіепископа и даже отлучили непокорнаго; но это послужило только къ наибольшему распространенію Вальденсовъ. Южная Франція сдѣлалась главнымъ поприщемъ ихъ дѣятельности. Вальдусъ особливо называлъ церковь испорченною ея богатствомъ, папу — главою заблужденій, отвергалъ соборы и ихъ постановленія и проч.

Иннокентій, вскорѣ по возведеніи его въ папы, объявилъ себя противникомъ всякихъ заблужденій—«скорпіоновъ, уязвляющихъ жаломъ осужденія,—саранчи Іенля;—людей, подающихъ змѣнный ядъ въ позлащенной чашѣ Вавилона;—лисицъ различнаго вида, но связанныхъ виѣстѣ хвостами, роющихъ вертоградъ Господень.» Впрочемъ онъ говорилъ также, что не должно вырывать пшеницу виѣстѣ съ плевелами, и излишнею горячностью ожесточать людей простыхъ, и тѣмъ самымъ вовлекать ихъ въ ересь; что главное средство противъ ереси—обращеніе самихъ духовныхъ лицъ къ истинному христіанскому рвенію и образу жизни, дабы они не походили на наемниковъ, стригущихъ только руно стадъ своихъ; требовалъ, чтобы опровергали еретиковъ поученіями, ибо Господь не *хочетъ смерти грѣшника, но еже обратилися и живу быти ему*; запрещалъ мірскимъ людямъ чтеніе св. писанія, потому—что не всѣ могутъ понимать и толковать его (*). Уже папа Александръ III—въ 1176 году собиралъ соборъ противъ Вальденсовъ, но безъ всякаго успѣха: злу помогало многоначаліе, раздробленіе южной Франція между разными независимыми владѣльцами. Сильный графъ Тулузскій, Раймундъ, былъ однимъ изъ дѣятельнѣйшихъ защитниковъ ереси: его отецъ, зять Людовика VII, имѣлъ блестящій дворъ въ Тулузѣ; для поэтическихъ состязаній трубадуровъ, для судилищъ

(*) Нѣмцы ставятъ ему это въ величайшее преступленіе, но въдъ священное писаніе было на латинскомъ языкѣ, кто же могъ читать и понимать его?

любви вѣжливыхъ рыцарей и дамъ (*) не нужно было строгихъ монашескихъ условій церкви. Раймундъ VI, котораго первая жена была сестра Короля Ричарда англійскаго, а вторая—сестра короля Арагонскаго; Рожеръ, графъ Безьера и Каркассоны; Гастонъ VI Беарнскій; графъ Арманьякъ считались врагами епископовъ. Лангедокъ, прекрасная приморская страна, отличалась живымъ народнымъ характеромъ, благосостояніемъ городовъ и богатою торговлею; строгіе церковные обряды едва уважались; никто не хотѣлъ поступать въ духовное званіе, такъ что епископы принуждены бывали посвящать перваго порядочнаго человѣка.

Иннокентій III-й напрасно угрожалъ еретикамъ и ихъ покровителямъ проклятіемъ и интердиктомъ; напрасно требовалъ отъ Короля французскаго, Филиппа, въ 1204 году, чтобы онъ пособилъ духовной власти мірскими могуществомъ. Точно также были безуспѣшны религіозныя бесѣды и другія кроткія мѣры, потому-что «нельзя вырывать пшеницы вмѣстѣ съ плевелами» (**). Наконецъ умерщвленіе слишкомъ пылкаго обращателя еретиковъ, Петра Шато-нефа, произвело рѣшительный разрывъ. Иннокентій далъ ему инструкцію, которая, по справедливости, можетъ почитаться основаніемъ позднѣйшей инквизиціи. Всѣхъ Альбигойцевъ и графа Раймунда обвинили въ убійствѣ Петра; смертельный врагъ послѣдняго, епископъ Тулузскій, Фулько, сначала трубадуръ, одинъ изъ счастливыхъ въ любви и пѣніи, потомъ строгій монахъ, и суевѣрный, но развратный графъ Симонъ Монфортескій разжигали гнѣвъ Филиппа французскаго и паны (***) . Герцогъ Бургундскій, многіе графы и духовные князья

(*) Дамы, поступавшія на рѣшеніе трибуналовъ любви, были очень оригинальны. Разбиралась вопросы, вѣроятно, очень важныя въ то время, подобнаго рода: «если ты идешь на rendez-vous къ дамѣ твоего сердца и встрѣташь выходящаго отъ нея счастливаго соперника, кому изъ васъ будетъ мучительнѣе эта встреча—ему или тебѣ?»—Прекрасная графиня Нарбоннская, Эрменгарда, рѣшаетъ, что разведенный супругъ очень хорошо можетъ быть любовникомъ своей жены, вышедшей за другаго. Элеонора Гвіенская утверждаетъ, что истинная любовь не можетъ существовать между супругами. Она дозволяетъ также выбирать себѣ другую подругу для испытанія первой. Я взялъ это у Raynouard-*poesies des Troubadours*.

(**) Такъ говорилъ Иннокентій.

(***) «Иди, христіанѣйшій государь, иди, воинъ Христовъ! писалъ папа Филиппу: «внемли гласу взывающей къ тебѣ праведной крови!» *Epist. XI*.

(сюда вмѣшивалась также неприязнь аристократіи къ цвѣтущему состоянію горожанъ) собрали противъ еретиковъ 50,000 человекъ, носившихъ красные кресты. Эти новые крестоносцы вскорѣ до того стѣснили графа, что онъ представилъ Римской церкви семь замковъ въ залогъ своей вѣрности и обѣщалъ преслѣдовать еретиковъ. Онъ обѣщался также почитать дни святыхъ, не вмѣшиваться никогда въ избранія епископовъ, не допускать къ должностямъ ни одного жида. Когда графъ утвердилъ свои обѣщанія клятвою надъ св. Причастіемъ и мощами, въ присутствіи епископовъ, посланникъ папы надѣлъ ему на шею веревку и съ ударами бича велъ его до самой церкви. Но своекорыстные, преступившіе свое полномочіе Легаты и мстительные враги Раймунда еще не смягчились такою покорностію графа. 21-го іюля 1209 года осадили Безьеръ, 7000 человекъ сожгли въ церкви, до 20,000 убили. Въ общей рѣзнѣ пали и православные вмѣстѣ съ еретиками: «убивайте всѣхъ, кричалъ одинъ аббатъ: Господь узнаетъ своихъ» (*). Каркассона сдалась по договору, но ея жители, лишенные всего имущества, должны были покинуть городъ въ одиѣхъ рубашкахъ и безъ обуви. Всѣ сдавшіеся города взялъ Монфорть себѣ и обѣщалъ за нихъ папѣ ежегодную дань. Оттого—то для фанатизма и скрытаго корыстолюбія этихъ крестоносцевъ не понравилась снисходительный приговоръ папы, къ которому лично обратился графъ Раймундъ съ просьбою о мирѣ и возстановленіи его въ прежнихъ владѣтельныхъ правахъ. Между тѣмъ какъ Иннокентій разрѣшилъ его и подарилъ ему перетень съ собственной руки, графъ Симонъ и Легаты предложили ему очень тягостныя условія: онъ долженъ выгнать всѣхъ еретиковъ изъ своихъ владѣній, срыть всѣ крѣпости; всѣ дворяне въ его области не смѣютъ жить въ городахъ, — но должны жить въ деревняхъ, подобно поселянамъ; наконецъ самъ онъ долженъ идти для поклоненія Гробу Господню въ Іерусалимъ и не возвращаться оттуда, пока не позволятъ: на такихъ только условіяхъ графъ Монфорть возвратитъ ему владѣнія, если захочетъ! Раймундъ заплакалъ отъ гнѣва и скорби и рѣшился защищаться до крайности. Тогда крестоносцы стали сожигать даже и такихъ еретиковъ,

(*) *Caedite eos; novit enim Dominus qui sunt eius.*

которые отреклись от ереси: «можетъ быть, говорили, они сдѣлали это изъ страха, но и во всякомъ случаѣ земной огонь послужить имъ вмѣсто чистилища!» Таковъ былъ характеръ прежнихъ религіозныхъ войнъ со всѣми ихъ ужасами: въ противникахъ не хотѣли признавать людей; позабывъ Бога кротости и милосердія, какъ будто вѣровали въ древняго Молоха, въ пламенныя руки котораго надобно бросать все; подъ формою религіи укрывались всѣ страсти; всякое постыдное дѣло принимало видъ богослуженія.

Папа, кажется, не терялъ разсудительности и кротости: онъ возставалъ противъ такихъ жестокостей, но вѣроятно, не все было ему извѣстно или довѣрялъ онъ слишкомъ много своему преступавшему всякую мѣру Легату. Король Аррагонскій Петръ, на церковномъ соборѣ въ Лаво, требовалъ для своего зятя разрѣшенія отъ проклятія и вознагражденія за отнятыя земли, если онъ приметъ крестъ и подвергнется церковной эпитиміѣ. Ему отвѣчали, что Иннокентій предоставилъ себѣ рѣшеніе этого дѣла. Но папа самъ велѣлъ заключить перемиріе и возвратить завоеванія. Онъ писалъ къ Симону Монфортскому: «хотя надобно отрѣзывать зараженную плоть, чтобы сохранить отъ заразы здравую, но врачъ долженъ поступать при томъ осторожно и обдуманно, чтобы не причинить еще болѣе вреда. Графъ Раймондъ, конечно долженъ, очистить себя въ убійствѣ и ереси, если явится достовѣрный обвинитель; но мы не понимаемъ, зачѣмъ прежде суда и осужденія отнимать у него и дѣтей его наследственные области и отдавать ихъ другимъ? Изъ того могутъ заключить, будто мы непрямично хотимъ обогатить церковь чужимъ добромъ. Но, по повелѣнію Апостола, должно избѣгать не только зла, но и самаго подобія зла: такъ поступайте же, отстраняя стѣ себя всякую ненависть, предразсудки и своекорыстіе; возвратите католикамъ и королю Аррагонскому противозаконно взятыя у нихъ земли: пусть водворится въ этой странѣ миръ и можетъ быть ведена война съ Сарацинами, которые усиливаются въ Испаніи.» Не, смотря на то, своекорыстіе не унималось, и когда Петръ Аррагонскій пришелъ съ войскомъ на помощь своему зятю и сосѣду, былъ онъ разбитъ 12-го сентября 1213 года при Мурѣ. Раймундъ и сынъ его сдались. Какъ простые граждане, жили они въ Тулузѣ. Управление его областью

поручилъ папа Симону Моцфортскому до рѣшенія церковнаго Собора. Но неправому стяжанію нѣтъ благословенія: во время вспыхнувшей снова войны, Симонъ убитъ предъ осажденною въ другой разъ Тулузою, которая, какъ обыкновенно бываетъ, перешла наконецъ въ руки третьяго лица, короля французскаго, въ 1229-мъ году.

Такимъ образомъ, крестовый походъ, едва ли желанный для Иннокентія—потому что онъ велъ свои войны безъ страсти и личной злобы—помѣшалъ походу въ Палестину, о которомъ онъ такъ много старался. Сверхъ того нѣмецкій король Оттонъ вскорѣ приготовилъ ему также много тягостныхъ заботъ. Оттонъ не считалъ себя въ полномъ владѣніи своими правами, пока не получитъ императорской короны въ Италіи. Тамъ все было полно раздора и нестроенія; самъ Иннокентій принужденъ въ своемъ Римѣ бороться со многими крамолами. Основанный папою Тосканскій союзъ, остановился на половинѣ дороги: Ломбардскій совершенно распался, не соединяемый необходимостію. Въ Миланѣ принялъ Оттонъ Ломбардскую корону. Въ Витербо встрѣтился онъ съ Иннокентіемъ; послѣ возобновленія всѣхъ прежнихъ его обѣщаній, получилъ отъ папы императорскую корону въ Римѣ, 27 сентября 1209 года. Оттонъ держалъ стремя папской лошади. Великій пиръ окончилъ торжество, съ нимъ кончилась и дружба папы и императора.

Между Римлянами и Нѣмцами дошло до драки и кровопролитія. Иннокентій просилъ императора поскорѣе оставить Римъ, но сначала уступить церкви ея области, согласно его обѣщанію. Напротивъ Оттонъ приводилъ въ оправданіе императорскую присягу, недозволявшую ему ничего отдавать изъ владѣній имперіи: папа или не долженъ былъ допускать этой присяги, или разрѣшить его отъ нея. Они разстались холодно. Оттонъ съ умысломъ утвердился въ требуемыхъ папою земляхъ Анконской маршіи и наследныхъ областяхъ Матильды, располагалъ ими, не спрашиваясь папы, даже замышляя покорить Апулію. Напрасно писалъ къ нему Иннокентій: «церковь тебя возвысила! не забывай благодарности, не забывай Навуходноссора, который кичливо понадѣялся на земное свое могущество, но за то обращенъ въ вола и пожиралъ еѣно, какъ скотъ. И въ наше время погибъ Фридрихъ I-й, прежде нежели увидѣлъ Іерусалимъ, и дѣти его въ страшной скорости также погибли.

Почему тебѣ не довольно того, чѣмъ довольствовались многие твои предшественники? Если долѣ будешь упорствовать въ зломыслии, церковныя наказанія не замедлятъ. И такъ берегись, чтобы Господь не сокрушилъ, не уничтожилъ тебя и не вырвалъ корней твоихъ изъ земли живыхъ!» Оттонъ ссылаясь на присягу и право: онъ не вмѣшивается въ духовныя дѣла, но въ мірскихъ ему принадлежить полная власть, и папа не имѣетъ тутъ рѣшающаго голоса: кто раздаетъ св. дары, тому не приличны смертныя приговоры!

Въ сознаніи королевскаго достоинства и по внушеніямъ юристовъ гибеллинской партіи, Оттонъ сталъ совершенно другой: онъ позабылъ спасительную умѣренность въ отношеніяхъ къ папѣ, какъ будто Иннокентій истратилъ все свои громы. Императоръ мало по малу захватилъ все владѣнія церкви, съ суши и моря отрѣзалъ сообщенія для Рима, 1210 года вторгнулся въ Апулію, взялъ Капую, Салерно, Аверсу, Неаполь до Тарента. Уже доходила очередь до молодого Фридриха Гогенштауфена и другаго Сицилійскаго королевства, куда все еще живые тамъ Сарацины приглашали Оттона. Но его напугалъ сонъ: медвѣженокъ, ему снилось, легъ къ нему на постель, и вдругъ выросъ до того, что по немногу со всемъ столкнулъ его. Впрочемъ можно довѣрять чувству справедливости императора, что онъ хотѣлъ только принудить Фридриха сдѣлаться его вассаломъ по владѣнію Нижнею Италію. Но онъ обманывался въ безсліи папы, подобно какъ папа невѣрно рассчитывалъ на его слабохарактерность. Иннокентій провозгласилъ ему анаему, однакожъ какъ будто для испытанія, и желая только напугать его, потому что завелъ съ нимъ новые переговоры. Это было напрасно. Тогда Иннокентій употребилъ другое средство: вѣроятно, послѣ тягостной борьбы съ прежнею политикою папъ въ отношеніи къ Гогенштауфенамъ, онъ рѣшился противопоставить Оттону 16-ти лѣтняго Фридриха, какъ короля Германіи; просилъ о помощи Филиппа короля французскаго; чрезъ легатовъ убѣждалъ всехъ нѣмецкихъ князей покинуть Оттона и выбрать Фридриха. Такъ Иннокентій опять изгналъ на долгое время миръ изъ Германіи, поколебалъ землю подъ ногами возвышеннаго имъ самниъ Оттона, лишилъ его всякой опоры.

Оттонъ полагалъ, что долѣ не можетъ оставаться въ Ита-

ли: потому что хотя бы и сдѣлалъ безвреднымъ для себя Фридриха, къ которому пришло приглашеніе изъ Германіи, но на его мѣсто легко явился бы новый соперникъ. 12 марта 1212 года, онъ опять держалъ съ своею партіею сеймъ во Франкфуртѣ, и чтобы привязать къ себѣ приверженцевъ Гогенштауфена, женился на юной Беатриксѣ. Спустя четыре дня послѣ свадьбы, новобрачная умерла. Это было страшнымъ ударомъ для Оттона, потому что теперь покинули его Баварцы и Швабы, и всѣ обратили взоры на Италію, откуда долженъ явиться Фридрихъ. Оттонъ не успѣлъ загородить ему дорогу въ Констанцъ. Звѣзда императора безнадежно меркла. Несчастливо, хотя храбро сражался онъ при Бувиниѣ съ королемъ французскимъ Филиппомъ; сильный Вальдемаръ Датскій, простершій побѣдоносное оружіе вдоль береговъ Балтійскаго моря до самой Эстляндіи, принялъ, также, сторону Гогенштауфена; Генрихъ Брабантскій, съ 1214 года второй тестъ Оттона, также отпалъ отъ него. Тогда Оттонъ, 1215 года, безпрепятственно воротился въ свой Брауншвейгъ, озабоченный болѣе благодарною къ нему родиною. Предъ кончиною онъ трепеталъ мысли о смерти подъ папскою анаеемою; на исповѣди аббату Валькенриду, призналъ себя грѣшникомъ предъ папою и церковью и на будущее время, если Богъ оставитъ его въ живыхъ, обѣщалъ полную покорность церкви, не *вредя однакожъ достоинству императора*. Не смотря на эту важную оговорку, его разрѣшили отъ анаеемы. Въ мученіяхъ души, жаждавшей покаянія и разрѣшенія, онъ велѣлъ положить себя на коверъ и бичевать. «Бейте меня грѣшного больнѣ!» кричалъ онъ священникамъ: мы приводимъ это только въ доказательство могущества, какое духовные ужасы церкви, имѣли надъ такими сильными характерами, какъ Оттонъ IV. 19 мая 1218 года онъ умеръ въ Гарцбургѣ и, по его желанію, погребенъ въ полномъ императорскомъ облаченіи въ церкви Св. Василія въ Брауншвейгѣ.

Иннокентій былъ тогда на-верху славы. Въ подражаніе своимъ предшественникамъ, онъ еще 18-го апрѣля 1213 года созвалъ великій соборъ (Латеранскій), назначенный въ ноябрѣ 1215 года. Онъ приказалъ, чтобы, до открытія собора, каждый епископъ учредилъ въ своей епархіи необходимое совѣщаніе о предметахъ, слѣ-

дующих на разсужденіе собора. Но главными дѣлами были — новый крестовый походъ, соперничество двухъ императоровъ (Оттонъ былъ тогда еще въ живыхъ) — рѣшеніе судьбы бѣднаго Раймунда Тулузскаго. Соборъ былъ самый многочисленный какого никогда не видали на западѣ. Явились даже два патріарха Константинопольскіе, оспаривавшіе этотъ санъ одинъ у другаго и патріархъ Іерусалимскій; Антиохійскій и Александрійскій прислали депутатовъ. Не было недостатка даже за патріархомъ Маронитовъ; начиная съ Тирскаго и кончая Толедскимъ, считали 70 митрополитовъ, 412 епископовъ, изъ нихъ Литтихскій являлся попеременно то въ пурпурѣ, какъ графъ, то въ зеленой одеждѣ, какъ герцогъ, то какъ епископъ въ мантии; 900 аббатовъ и пріоровъ всѣхъ монашескихъ орденовъ; прибыли посланники двухъ соперничающихъ королей нѣмецкихъ, императора Константинопольскаго и почти всѣхъ христіанскихъ государей: всего 2283 лица. Около церкви св. Іоанна Латеранскаго была такая тѣснота, что архіепископа Амальфійскаго задавили на паперти.

Пана открылъ соборъ рѣчью, которая, по тогдашнему обычаю, наполнена была аллегоріями и текстами.

«Желаніемъ возжелатьхъ сію пасху ясти съ вами, говорилъ онъ: прежде нежели навсегда покину васъ. Христоръ жизнь моя; смерть для меня благо, потому не отрекаюсь испить чашу послѣдней скорби, если Онъ мнѣ предложитъ ее за сохраненіе святой вѣры, въ защиту святой земли, за свободу церкви; желалъ бы остаться на землѣ, доколѣ окончится начатое дѣло, но это состоитъ не въ моей, а Божіей волѣ.

«Многочисленны, разнообразны желанія и побужденія человѣка: кто въ состояніи исчислять ихъ? Однакожь можно раздѣлить ихъ на два рода: духовныя желанія вѣчныхъ и небесныхъ предметовъ и плотскія желанія временныхъ и земныхъ. Одни похваляютъ ищаніе; о другихъ Апостолъ говоритъ: *молю... огребатися отъ плотскихъ похотей, яже воюють на душу*. Но свидѣтельствуюсь Истиннымъ Свидѣтелемъ на небесахъ, что я не изъ плотскихъ, но духовныхъ побужденій желаю съ вами вкушать эту пасху; не за благо земное, не для славы мірской, но для исправленія и спасенія церкви, для сохраненія святой земли». Сказавъ о поло-

женіи Палестины, онъ продолжалъ, намекая на необходимость всеобщаго церковнаго исправленія: «Всякая испорченность въ народѣ происходитъ преимущественно отъ духовенства: потому что если согрѣшаетъ помазанный прелать, то онъ соблазняетъ ко грѣху и свое духовное стадо, и если онъ не образецъ добродѣтели, а предшественникъ въ удовольствіяхъ, то увлекаетъ и самый народъ къ неправдѣ и беззаконію. Мірскіе люди, какъ скоро упрекаютъ ихъ въ образъ жизни, оправдываютъ себя, говоря: «развѣ сынъ не долженъ дѣлать того, что дѣлаетъ отецъ, или развѣ не довольно, что ученикъ подобенъ учителю? отъ того гибнетъ истинная вѣра, искажается религія, унижается справедливость, разрушается свобода, отъ того возстаютъ еретики, свирѣпствуютъ и побѣждаютъ невѣрные».

Иннокентій первый подалъ примѣръ пожертвованій для крестоваго похода, назначивъ для этой цѣли изъ своихъ доходовъ 30,000 и изъ капитала 3000 серебряныхъ маркъ; кардиналы пожертвовали десятую, прочее духовенство 20 часть доходовъ. Постановленія собора собраны въ 72 главахъ, переведены также и по гречески. Они касаются догматики (между прочимъ утверждены догматы о тайной исповѣди и пресуществленіи), внутренняго церковнаго устройства, Богослуженія, нравственнаго образа жизни и юридическихъ правъ духовныхъ особъ. Такъ постановлено, чтобы епископы ежегодно собирали частные соборы и искореняли всякія злоупотребленія. Они обязаны наблюдать за нравственностію и образомъ жизни низшихъ духовныхъ и наказывать проступки безъ всякаго снисхожденія. Они должны заботиться, чтобы ни въ одномъ приходѣ не было недостатка въ достойныхъ проповѣдникахъ и духовникахъ. При всякой церкви опредѣляется учитель для обученія младшихъ духовныхъ грамматикъ и другимъ необходимымъ наукамъ. Во избѣжаніе злоупотребленій на будущее время, запрещено учрежденіе новыхъ монашескихъ орденовъ, исчислены всѣ случаи, въ которыхъ прелать можетъ отлучать отъ церкви, и, за противозаконное или своекорыстное отлученіе, ему назначено строгое наказаніе. Особенно запрещено безвременное излишнее отпущеніе грѣховъ, подрывающее уваженіе къ церкви и нарушающее ея законныя условія. По причинѣ многихъ и частыхъ подлоговъ запрещено выставлять для поклоненія мощи безъ изслѣдованія и папскаго дозволенія. На бу-

лучшее время теряют силу все законы, запрещающие браки даже четвертой степени родства. Утвердили избраніе въ нѣмецкіе короли Фридриха Гогенштауфена; посланнику императора Оттона отказали. Графъ Тулузскій Раймундъ и сынъ его напрасно бросались къ ногамъ папы. Иннокентій засвидѣтельствовалъ свою невинность во всѣхъ проишествіяхъ въ Лангедокѣ;—но соборъ, задаренный французами, объявилъ графа и его сына лишенными владѣній. Тогда Иннокентій обѣщалъ имъ богатое вознагражденіе въ Авиньонѣ и Венессинѣ, и предоставилъ свои помѣстья въ Провансѣ (*). Въ послѣднихъ числахъ ноября, соборъ, начавшій засѣданія съ 11 этого мѣсяца, былъ закрытъ. Иннокентій могъ чувствовать, какъ трудно управленіе такимъ многочисленнымъ собраніемъ.

Вступительный текстъ для рѣчи къ собору Иннокентій выбралъ, кажется, по предчувствію своей близкой кончины. Съ намереніемъ примирить Венецію, Геную и Пизу, онъ поѣхалъ въ Перуджію и тамъ получилъ лихорадку, которую вскорѣ усилилъ неизвѣраннымъ употребленіемъ его любимаго лакомства, померанцевъ. 16-го іюля 1216 года онъ кончилъ жизнь ударомъ, на 56-мъ году жизни и 19-го своего первосвященства. Надобно сознаться, что онъ достигнулъ великихъ цѣлей: онъ спасъ для Гогенштауфеновъ Неаполь и Сицилію и правилъ церковь въ обширномъ смыслѣ слова, дѣйствуя осторожно, но въ случаѣ необходимости—рѣшительно. «Если бы пожелалъ онъ еще лѣтъ десять, говорить одинъ современникъ, то покорилъ бы и привелъ къ единой вѣрѣ весь міръ». Но, разумѣется, это хвастливый, напыщенный отзывъ его почитателя католика. Онъ щадилъ предрасудки толпы и зналъ одно свое великое призваніе—единодержавіе церкви, не любя проти-

(*) Еще до созванія собора, малолѣтній сынъ Раймунда болѣе мѣсяца жилъ въ Римѣ и наконецъ получилъ аудиенцію у папы. Иннокентій, выслушавъ его, взялъ за руку, посадилъ возле себя и сказалъ: «сынъ мой, если послушаешь моихъ увѣщаній и исполнишь ихъ, то не будешь имѣть недостатка ни въ чемъ. Люби Бога и Его служителей; не присвоивай чужаго добра; защищай свое, когда кто осмѣлится отнимать его; поступаай такъ, ты будешь имѣть много владѣній; а чтобы не былъ ты бдѣнякомъ, отдаю тебѣ графство Венессинъ со всеми принадлежащими къ нему областями: того довольно для содержанія тебѣ, доколь св. церковь не совѣтетъ собора. Тогда ты явишься сюда для полученія правъ на все, чего требуешь съ Молеорта!» *Chronique Languedocienne.*

ворочія, но и не дозволяя себѣ низкой мстительности. Жилъ онъ очень просто, соблюдая строгую чистоту нравовъ и снисходительность въ обхожденіи съ людьми; трудился неутомимо, такъ что по причинѣ множества дѣлъ, просилъ предлагать ему только самыя важныя: ихъ рѣшалъ онъ три раза каждую недѣлю въ консисторіи кардиналовъ, съ большою прзорливостію и знаніемъ церковнаго и гражданскаго права. Многія изъ его резолюцій собраны. Онъ умѣлъ соединять кротость съ строгостію и отмѣнилъ безчисленное множество безпорядковъ и притѣсненій. Обязанность священника онъ также исполнялъ съ большимъ усердіемъ: одинъ аббатъ получилъ отъ него въ подарокъ собраніе его проповѣдей. Кроме того въ немногіе досужные часы написалъ онъ объясненіе псалмовъ, поученіе государямъ, бесѣды между Богомъ и грѣшникомъ. Послѣ него осталось до 4000 рукописныхъ сочиненій весьма важнаго содержанія. Благотворительность его была необыкновенна: во время одного голода кормилъ онъ ежедневно до 8000 нищихъ, а стыдливыхъ бѣдняковъ велѣлъ отыскивать по домамъ. Онъ любилъ здѣчество, — и многія церкви обязаны ему украшеніемъ; выстроилъ госпиталь и сиротскій домъ. Но такое дѣятельное правленіе не было чуждо и жестокостей, и преемникъ Иннокентія, Гонорій III, объявилъ, что будетъ править болѣе кротко, нежели строго (*).

Двое изъ современниковъ Иннокентія заслуживаютъ и здѣсь краткаго упоминанія. Францискъ Ассизскій, родившійся въ 1178 году, былъ сынъ богатаго купца въ городѣ Ассизи. Францискъ, но врожденному добросердечію, издерживалъ для благотворительныхъ цѣлей все деньги, находившіяся въ его рукахъ по торговлѣ. Напрасно бранилъ и наказывалъ его отецъ. Когда же тамошній епископъ утвердилъ его въ такомъ благочестивомъ направленіи, онъ сдѣлался изъ доброй воли нищимъ, и взялъ въ отца себѣ какого-то бѣдняка, который долженъ былъ благословлять его столько же разъ, сколько родной отецъ проклиналъ. — Скоро нашелъ онъ приверженцевъ и убѣдилъ ихъ, въ безусловномъ убожествѣ, смиреніи и терпѣніи, идти путемъ раскаянія и проповѣдовать то-же другимъ. Въ лохмотьяхъ, подпоясанный веревкой, явился онъ къ Иннокентію просить утвержденія

(*) Примѣч. 3-е въ концѣ статьи.

своему новому обществу. Есть сказаніе, что папа послалъ въ свинное стойло грязнаго бѣдняка, но Францискъ, пролежавши тамъ нѣсколько времени въ разной нечистотѣ, опять подаль ему свою просьбу. Папа хотя не утвердилъ устава новаго ордена, но призналъ новизну и странность такого самоотверженія. Францискъ еще разнообразіе сталъ умерщвлять себя: каждую ночь бичевался желѣзными цѣпями, ходилъ по разнымъ странамъ даже до Египта и набралъ столько приверженцевъ, что по утвержденіи ордена число его братьевъ (Миноритовъ или Францисканцевъ) было чрезвычайно велико. Рассказывали о многихъ чудесахъ Франциска, а потому неудивительно, что, спустя два года по его кончинѣ въ 1226 году, папа Григорій IX пригласилъ его къ лику святыхъ Римско-Католической церкви. Францискъ Ассизскій—одинъ изъ наивныхъ характеровъ въ средней исторіи: его простосердечіе и глубокая христіанская любовь только потому такъ мало признаны, что гіерархія пользовалась ими для цѣлей, вовсе незнакомыхъ его дѣтской душѣ.

Доминикъ, родившійся въ Каларойо въ Испаніи, принадлежалъ къ древней фамиліи Гусманъ. Въ Валенціи изучалъ онъ богословію; на 24 году жизни былъ регентомъ въ Осмѣ, и по примѣру Спасителя, на 30 году, началъ проповѣдывать, приготовивъ себя напередъ молитвою, постомъ, глубокимъ размышленіемъ, воздержаніемъ отъ вина и женщинъ. Себѣ и другимъ показъ онъ истиннаго пути въ небесное царство. Въ одномъ путешествіи онъ коротко ознакомился съ ересью Альбигойцевъ, но также и убѣдился въ основательности ихъ жалобъ на испорченность духовенства. Онъ отрекся потомъ отъ всякаго земнаго счастія, нашелъ многочисленныхъ послѣдователей, и, по совѣту Иннокентія, написалъ монашескій уставъ, сначала походившій на Августинскій, но предписаніемъ глубокаго убежденія и дозволеніемъ нищенства сближавшійся съ уставомъ Францисканцевъ. Для пользы своего ордена, Доминикъ сдѣлалъ много путешествій; но послѣдніе годы провелъ въ Болоньи, гдѣ и умеръ (1221 года), лежа въ пыли, въ веригахъ и влазьяницѣ. «Не плачьте говорилъ онъ: въ томъ мірѣ буду я полезнѣе для васъ, нежели здѣсь». Главнымъ занятіемъ его ордена была проповѣдь, потому и называли его орденомъ Проповѣдниковъ. Естественно, и Доминикъ,

которому приписаны многія чудеса, причтенъ къ лику святыхъ въ 1234 году. Постыдное дѣло инквизиціи (розысканія еретиковъ) было исключительно ввѣрено его ордену. Оба нищенствующіе ордена распространялись чрезвычайно: спустя нѣсколько десятковъ лѣтъ, Доминиканцы имѣли уже 400, а Францисканцы 1000 монастырей. Какъ вѣрныя слуги, или лучше, какъ постоянная армія, они были очень полезны гіерархіи, и, особенно дѣйствуя на народъ, съ которыми были въ ежедневномъ соприкосновеніи, имѣли на него великое вліяніе. Не солгалъ сонъ, видѣнный Иннокентіемъ, будто Францискъ и Доминикъ несутъ на плечахъ Латеранъ.

Въ Норвегіи, въ царствованіе Магнуса V, явился самозванецъ, сынъ Норвежскаго гребенщика, Сверриръ, родоначальникъ многихъ могущественныхъ королей, отъ котораго въ прямой линіи происходитъ и король Датскій, Христіанъ VIII, по его матери принцессѣ Мекленбургской, Софіи Фредерикѣ.

Мы расскажем здѣсь его исторію. Она объяснитъ, съ какими людьми приходилось имѣть дѣло папѣ Иннокентію III, и, кажется, не будетъ лишнею для узнанія нравовъ его времени. Она взята изъ Исторіи Даниа Дальмана.

По извѣстіяхъ, которыя Сверриръ распространялъ о своемъ происхожденіи, дѣло было такъ: жилъ въ Норвегіи гребенщикъ Унасъ съ женою Гунгильдою и имѣлъ отъ нея многихъ дѣтей. Одного сына звали Гаде; одна дочь выдана за Швейн-Стеффена, сынъ у нихъ былъ Петръ Гиссуръ. Другой сынъ Унаса, по имени Сверриръ, родившійся около 1151 года, былъ отданъ родителями, на 6 году отъ рожденія его, дядѣ Грозъ, епископу на феррерскихъ островахъ. Дядя воспиталъ его для духовнаго званія и наконецъ посвятилъ его въ санъ священника. Случилось такъ, что мать его Гунгильда ѣздила въ Римъ и тамъ открыла духовнику, что отецъ ея сына, Сверрира, былъ король. Духовникъ донесъ о томъ папѣ и Гунгильдѣ приказано, какъ можно скорѣе, открыть это сыну. Такъ Сверриръ узнаетъ, что онъ сынъ короля Сигурда Мунда, назначенный возстановить мужское колѣно Гаральда Гилле. Такъ объясняются для него знаменательные сны молодости, и отъ природы его буйный нравъ доказываетъ ему, что ряса священника вовсе нейдетъ къ нему. Онъ бросаетъ ее, отыскиваетъ бѣдняковъ,

которые, будто бродяги, голодные и отчаянные, блуждали въ пограничныхъ дѣсахъ между Норвегією и Швецією. Онъ дѣлается ихъ вождемъ 6 марта 1177 года; когда же пришли они въ Вигенъ, то эта толпа изъ 70 бродягъ, провозглашаетъ его королемъ. Онъ соглашается, потому что въ случаѣ отказа ему грозятъ смертію.

Какъ ни складно все это, но по-минутномъ изслѣдованіи ясно, что король Сверриръ — дитя своихъ подвиговъ. Натурально, для него было важно, чтобы считали его чѣмъ нибудь болѣе. Папа Александръ III, равно какъ и его предшественникъ, Адрианъ IV, ниѣли причины быть довольными оборотомъ дѣлъ въ Норвегіи при королѣ Магнусѣ, и вѣрно имъ мало не были намѣрены враждовать съ нимъ изъ за какого-то незаконнорожденного юноши, принадлежавшаго сверхъ того къ духовному званію. И папы всегда смотрѣли на Сверрира, какъ на богоотступнаго священника, ложно хваставшаго своимъ королевскимъ происхожденіемъ. Сверриръ никогда не вызывался на испытаніе желѣзомъ, и не дозволялъ своей матери явиться публично въ Норвегіи съ ея показаніями. Однакожь чтобы не сказали, что онъ презираетъ испытаніе желѣзомъ, онъ попробовалъ при случаѣ достать нужное ему доказательство чужими руками. За сына короля Сигурда Мунда выдавалъ себя также иѣкто Эрикъ, хвалясь и представляя свидѣтелей тому, что онъ, въ доказательство его рожденія, переплылъ Иорданъ съ горящею свѣчєю и донесъ ее непотухшею на другой берегъ. Сверриръ допустилъ его къ испытанію огнемъ и распорядился притомъ очень хитро: до прикосновенія къ горячему желѣзу Эрикъ, положивъ руку на бибію и мощи, долженъ молиться, чтобы Богъ сохранилъ невредимою его руку, въ удостовѣреніе того, что онъ сынъ Сигурда—и *братъ Сверрира!* Эрикъ однако сказалъ: «да сохранитъ Господь мнѣ руку невредимою отъ желѣза, во увѣреніе, что я сынъ короля Сигурда»,—не прибавивъ послѣднихъ словъ, говоря, что подвергается испытанію только за свое происхожденіе, а не чужое. Онъ счастливо выдержалъ испытаніе; Сверриръ призналъ его братомъ и представилъ своему двору; но сказалъ ему напередъ, что не можетъ быть рѣчи о его долѣ въ королевствѣ, добытомъ потомъ и кровью.

Обратился къ первоначальнымъ похожденіямъ этого замѣча-

тельнаго человѣка. Онъ обязанъ своимъ возвышеніемъ чрезвычайно смѣлому предпріятію. Въ Вигенѣ сначала дѣла шли дурно. Войско его хотя и увеличилось до 400 человѣкъ, но большая часть изъ нихъ только и думали о грабежѣ; онъ распустилъ ихъ кромѣ 80 и отступилъ на Шведскую землю въ Вермландію. Съ этихъ поръ, его единственнымъ намѣреніемъ было добраться до Дронтгейма, гдѣ, зналъ онъ, что недовольны правленіемъ Магнуса. Ближнюю дорогу онъ не могъ выбрать, потому что не имѣлъ силъ пробиваться: все зависѣло отъ того, чтобы нагрязнуть, какъ снѣгъ на голову. И такъ послѣ Пасхи началъ онъ свой шестинедѣльный походъ чрезъ Швецію: пройдя непроходимыя страны, Далекарию, тогда еще языческую, добрались до Іемтланда: блуждали и блуждая добывали себѣ пищу; собирали дикія ягоды; пили березовый сокъ; утоляли сильный голодъ березовою корою; наконецъ, на другой недѣлѣ іюня мѣсяца, дошли до окрестностей Дронтгейма. Последніе пять сутокъ не имѣли времени ни для сна, ни для пищи: такъ необходимо было для нихъ предупредить всякіе слухи о себѣ. Однакожъ въ Дронтгеймѣ были предувѣдомлены: Сверриръ встрѣтилъ 200 человѣкъ подъ начальствомъ королевскаго вождя; они ждали его, но ему нельзя было отвѣтиться на нападеніе со 120-ю человѣками, установленными съ дороги.

Но какъ ни малочисленна была эта толпа, она состояла изъ людей, незнавшихъ себѣ равнаго на всемъ сѣверѣ: когда 80-тъ такихъ же удалцевъ присоединились къ нему изъ Теллемаркена, онъ отважился на смѣлый ударъ: съ двумя стами разбилъ 1440; при звонѣ колоколовъ вошелъ въ Нидарось и собралъ 12-тъ человѣкъ—по одному изъ 8-ми филькеновъ (уѣздовъ) Дронтгеймской земли—на тингъ вблизи города. Схватясь за оружіе, они признали его королемъ и присягнули ему. Однакожъ тутъ онъ пробылъ недолго: онъ оставался подолге тамъ, гдѣ нѣтъ Магнуса и Эрлинга, не презиралъ самыхъ дикихъ горъ, гдѣ снѣгъ былъ единственная отрада, и нужда нападала съ такою злобою, что его люди однажды совѣтовались, не броситься ли имъ съ утеса, или не перебить ли другъ друга. Въ третій разъ вторгнувшись въ Нидарось, Сверриръ одержалъ побѣду нечаянностью нападенія. То была битва 360 нападающихъ противъ 600; въ ней убитъ былъ старикъ Эрлингъ,

и «проклятый разстрига», какъ называлъ онъ Сверрира, говорилъ рѣчь на его могилѣ: отъ прежняго званія осталась въ Сверрирѣ страстная охота говорить рѣчи. Хвала храбрость Эрлинга и порицая его честолюбіе, онъ отзывался съ злою пронеію о архіепископѣ (Дронтгеймскомъ), который «въ этотъ день произвелъ во святѣе такое множество людей, потому что, по его словамъ, всякой, сражавшійся за Магнуса, наследуетъ рай, прежде нежели кровь его остынетъ на землѣ». Съ этой побѣды въ арміи Сверрира произошла быстрая перемѣна: прежде названіе «березовой ноги» (*) считалось обиднымъ для дворянства и горожанъ; съ этой поры оно стало почетнымъ: люди, еще наканунѣ одѣтые въ лохмотья, теперь въ пышномъ платьѣ и вооруженіи являлись на улицахъ Нидароса; Сверриръ началъ платить жалованье своимъ придворнымъ; онъ уже самъ сталъ отыскивать въ горахъ Магнуса, но не встрѣтивъ его, провелъ зиму въ Дронтгеймѣ. Однажды противники вступили въ личные переговоры, когда Магнусъ присталъ при Эре неподалеку Нидароса, гдѣ созванъ былъ тингъ. Нѣкоторые предлагали было раздѣлъ Норвегій, но Магнусъ не хотѣлъ и слышать о томъ. За него были еще архіепископъ и общее мнѣніе, за исключеніемъ Дронтгеймцевъ. Когда Сверриръ на южной сторонѣ мыса стада хотѣлъ развѣдать о позиціи непріятеля, ни одинъ крестьянинъ, ни купецъ, ни рыбакъ, не сказали ему правды, и не предостерегли его, хотя непріятельскій флотъ скрывался за ближайшимъ перешейкомъ, а войско за соседнимъ холмомъ. За то Магнусъ получалъ точныя извѣстія о каждомъ его движеніи. Неоднократныя свиданія противниковъ имѣли только тѣтъ успѣхъ, что условились во времени и мѣстѣ, гдѣ и когда быть сраженію. Предъ великою битвою при

(*) Магнусъ V царствовалъ вообще несчастливо. Еще прежде онъ имѣлъ противника въ Эйстейнѣ Мейлѣ (маломъ), выдававшемъ себя за внука короля Гаральда Гилле. Въ Теллемаркенѣ собралось къ этому претенденту много искателей счастья. Они признали его королемъ. Но онъ былъ бѣденъ и не могъ содержать ихъ, почему они доставали себѣ необходимое грабежомъ. За то озлобились на нихъ поселяне и принудили Эйстейна съ его шайкою отступить въ лѣса и пустыни, гдѣ жизнь этихъ людей подвергалась постоянно тягостнымъ лишеніямъ: одеждою ихъ было рубище, а для обуви употребляли они бересту. Отсюда прозваніе: березовыя ноги. По смерти Эйстейна, убитаго въ битвѣ съ Магнусомъ, Сверриръ сдѣлался вождемъ этой шайки.

Левольде, Сверриръ просилъ своихъ подумать, что смерть назначена напередъ всякому: судьба располагаетъ жизнь и всего хуже погибнуть въ бѣгствѣ. Потерявъ эту битву, Магнусъ уѣхалъ въ Данію, гдѣ хорошо былъ принятъ королемъ Вальдемаромъ; но архіепископъ отправился въ Англію, гдѣ отлучилъ отъ церкви Сверрира. Послѣдній владѣлъ уже и Бергеномъ. Только въ Вигенѣ еще держали сторону Магнуса.

По возвращеніи Магнуса изъ Даніи, дѣла его пошли лучше: онъ опять взялъ Бергенъ, нанесъ Сверриру много вреда въ Дронтегейтѣ; храбрость Магнуса не оставляла желать ничего болѣе. Но всѣ эти съ трудомъ добытыя выгоды были потеряны при нечаянномъ нападеніи на Бергенъ: Магнусъ вторично принужденъ бѣжать въ Данію; его покинулъ даже и архіепископъ, недавно воротившійся съ великими надеждами, и, не имѣя охоты быть мученикомъ, заключилъ миръ съ Сверриромъ. Онъ получилъ даже и архіепископство, и снявъ проклятіе съ Сверрира, устранилъ важное возраженіе для его верховной власти. Со всѣмъ тѣмъ, едва только воротился Магнусъ съ помощію Кнуда Вальдермарсена, едва только высказалъ смиренную просьбу о пособіи, уже жители Вигена предупреждали всѣ его желанія: «за нимъ пойдутъ они, была единодушная рѣчь ихъ, и лучше умрутъ съ нимъ, законнымъ государемъ, нежели станутъ служить попу, не имѣвшему природныхъ правъ на корону!» Такъ легко воскресаетъ въ сердцахъ народа святая привязанность къ законной власти! Но спустя годъ потомъ Магнусъ потерялъ побѣду и жизнь въ морской битвѣ. Ему было тогда 28-мь лѣтъ; его побѣдителемъ 23 года.

Съ этихъ поръ вся Норвегія признала королемъ Сверрира. Но все еще не имѣлъ онъ никакого основанія разсчитывать на расположеніе народа. «Трудно довѣрять этимъ людямъ, сказалъ онъ, увидѣвъ, какъ всѣ съ рыданіями цѣлуютъ трупъ Магнуса. Слѣдуя своей странной привычкѣ, онъ опять говорилъ рѣчь надъ его гробомъ, хвалилъ его, и просилъ Бога простить усопшему все, въ чемъ виноватъ онъ противъ него. Но послушаемъ его рѣчь къ гражданамъ Бергена, которыхъ созвалъ онъ на тингъ на церковномъ кладбищѣ. Король всталъ, долго смотрѣлъ кругомъ, наконецъ началъ: «Примѣнимъ къ себѣ слова псалмопѣвца: *miserere mei Deus, quoniam conculcavit me homo, tota die expugnans tri-*

★

bulavit mi! помилуй мя, Боже, ибо попра мя человекъ: весь день боря стужи ми. Это пророчество глубокой древности исполнилось въ наше время: мой заклятый врагъ, Магнусъ, воевалъ со мною и искалъ моей жизни, но Богъ, всегда хранившій меня, спасъ и нынѣ, и отдалъ мнѣ его королевство. Никѣмъ столь не гнушается Богъ, какъ гордецами, никого не караетъ столь тяжко: такъ въ началѣ дней низринулъ Онъ Ангела, который хотѣлъ сравниться съ Нимъ, но въ возмездіе за то обращенъ въ злѣйшаго демона. Точно также нашъ праотецъ Адамъ, преступившій волю Божию, прогнанъ изъ рая на трудъ въ этотъ міръ. По основаніи царствъ, когда Фараонъ сталъ угнетать народъ и законъ Божій, землю его постигли десять казней, какихъ не видывали люди. Подобнымъ же образомъ, когда Саулъ ожесточился противъ Бога, съ той самой минуты его сталъ гнать нечистый духъ. Если поразмыслимъ, всегда такъ случалось въ мірѣ. Но чтобы рѣчь наша ближе шла къ дѣлу, въ здѣшней странѣ то-же случилось, когда возвысились сами собою многіе, не принадлежа къ нашему королевскому дому, какъ наприимѣръ Эрлингъ Скаке, сынъ Кирпинг-Оксена: онъ присвоилъ себѣ имя Ярла, а сыну далъ имя короля. Потомъ они губили всѣхъ изъ королевскаго дома; безъ опасности жизни никто не смѣлъ считаться его членомъ; за одно съ ними были лучшіе сановники страны; они захватили себѣ всю власть законныхъ королей. Наконецъ Богъ съ далекаго утесистаго острова послалъ маленькаго, незнатнаго человекъ для посрамленія ихъ гордыни; этотъ человекъ былъ я. Но это совершили мы не собственными силами: Богу угодно было показать, какъ легко для него сокрушить ихъ гордыню. Въ этомъ случаѣ сбылась пословица: голодное насѣкомое кусаетъ больно. Ибо неправду говоритъ народъ, будто-бы намъ не было никакого дѣла до Магнуса и Ярла Эрлинга: мы не такъ забывчивы, чтобы не помнить проступковъ противу насъ: граждане Бергени убили здѣсь моего отца Сигурда, наследственнаго короля этой страны; потомъ собрались они въ другой разъ, подъ начальствомъ Ярла Эрлинга, противъ брата моего короля Гакона и низложили его; послѣ того Эрлингъ плѣнилъ двухъ моихъ братьевъ, повѣсилъ одного, какъ молодого ворона, другаго обезглавилъ; подобныя вещи не легко забываются. Сами

мы испытали столько несчастій, что охотно отказались бы совсѣмъ отъ предпріятія, если бы не бѣдствовалъ народъ подъ незаконною властію. Теперь государство спасено; но вы обнаруживаете неслыханную неприязнь къ намъ. Нѣкоторые говорятъ: «побѣдоносенъ Сверриръ, мудръ Сверриръ,» отвѣчаютъ на то: «неудивительно, онъ заплатилъ за это довольно дорого, продавъ себя дьяволу.» Нѣкоторые говорятъ, что я дьявола, вырвавшійся изъ ада и принявшій видъ человѣка. Но подумайте, что же такое вы сами, говоря, что Богъ выпустилъ меня изъ ада: вы не иное что, какъ рабы дьявола, потому-что ему служите; вы несчастіе всѣхъ въ мірѣ, потому-что здѣсь должны служить демону, а на томъ свѣтѣ горѣть съ нимъ вѣстѣ. Не въ высшей ли степени нелѣпо говорить про кого бы то ни было, а особливо про своего короля, что онъ проданъ дьяволу? Глупъ былъ бы Сверриръ, если бы отдалъ блаженство и душу за это бѣдное королевство, въ которомъ ни на одинъ часъ нѣтъ покоя и которое недостойно мира. Мнѣ кажется, я вижу здѣсь волковъ среди овецъ. Можетъ быть вы думаете, что я незнаюкъ людей (*), но многіе теперь подчиняются управленію той самой руки, которую лучше хотѣли бы видѣть отрубленною. Теперь зовутъ искреннимъ другомъ того, кого недавно называли дьяволомъ. Да, я знаю, что если бы заглянуть въ душу каждаго въ этомъ собраніи и недоброжелателямъ моимъ выростить на лбу рога, многіе пошли бы отсюда съ рогами. Даже ребенокъ, выходя гулять и бросая на мостовую камень, говоритъ: Ахъ, если бы попалъ онъ въ голову Сверрира! Всякая бѣдная дѣвушка, идя мыть бѣлье, бьетъ валькомъ по песку и говоритъ: «хорошо, кабы тутъ была голова Сверрира!» * Совсѣмъ тѣмъ можетъ случиться, что Сверриръ умретъ на одрѣ болѣзни. Всѣ приверженцы короля Магнуса, находящіеся здѣсь, въ теченіе трехъ дней, считая съ нынѣшняго, должны оставить городъ. Но Божія милость друзьямъ нашимъ, сколько есть ихъ на этомъ тингѣ.» Такъ изъ самой рѣчи Сверрира видно, что онъ явился не для спасенія народа. Его честолюбіе открыло раны, только-что начинавшія заживать.

Онъ женился на Маргаритѣ, принцессѣ Шведской. Но дни мирныхъ наслажденій для него не приходили. Примѣръ, имъ самимъ

(*) «Въ моемъ снѣгѣ слишкомъ велики клятки», его собственное выраженіе.

поданный, дѣйствовалъ, какъ зараза. Три тяжелые года нужно было воевать съ Іоною, выдававшимъ себя за внука короля Гаральда Гиле. На самомъ югѣ онъ собралъ своихъ приверженцевъ, которые назывались капишонниками, по капишону монашеской рясы, только что скинутой Іоною на тингѣ въ Тонебергѣ. Онъ признанъ королемъ и посѣтилъ лично Дронтгеймъ. По его смерти, три раза повторялись подобные опыты. Кромѣ того озабочивалъ Сверрира Эрикъ, навязавшійся въ его братья, благодаря испытанію желѣзомъ. Онъ хотѣлъ быть выше; Сверриръ наконецъ дозволилъ ему, наравнѣ съ первыми вассалами, имѣть свиту, потому, когда онъ добылъ себѣ богатство и приверженцевъ въ удачныхъ морскихъ набѣгахъ, возвелъ его въ ярлы надъ Вигеномъ и Уппландію. Прошло два года: вдругъ Эрикъ захворалъ, велѣлъ надѣть на себя монашескую одежду и умеръ въ монастырѣ; въ тотъ же день умерла его жена; спустя три дня потомъ ихъ сынъ. Странные слухи ходили о томъ; но Сверриръ ояте владѣлъ королевствомъ нераздѣльно.

Вспыхнула также война съ гіерархією, которой Сверриръ съ самаго начала былъ натуральнымъ врагомъ, война, сначала некро-вополитная, но тѣмъ неменѣе опасная. Архіепископъ не принималъ въ ней участія: онъ велъ себя скромно до самой кончины, и Римскій престоль позаботился, чтобы этотъ недостойный прелатъ причтенъ былъ къ лику святыхъ, подобно святому Августину.

Сверриръ, не позабылъ сказать надгробную рѣчь на его похоронахъ, и говорилъ всякому, кто могъ повѣрить, что покойный архіепископъ незадолго до кончины помирился съ нимъ и признался, что довелъ непріязнь къ нему далѣе, нежели допускаетъ ответственность предъ Богомъ, но не смѣлъ отказаться отъ короля Магнуса. Такую перемѣну въ убѣжденіяхъ архіепископа опровергаетъ то обстоятельство, что Эйстейнъ (архіепископъ) рекомендовалъ преемникомъ себѣ епископа Ставангерскаго Эрика, на что согласился Сверриръ только послѣ долгаго размышленія. Еще большаго труда стоило ему согласиться на избраніе въ епископы ставангерскіе Николая Арнесона, который, при жизни Магнуса, занимая высокое мѣсто въ

войскѣ, во многихъ случаяхъ доказалъ Сверриру неприязнь свою. Король уступилъ только желанію королевы и даже перемѣтилъ его на епископство въ Осло. Такъ Сверриръ самъ далъ мѣста своимъ злѣйшимъ врагамъ. Вообще упрекали архіепископа, что онъ проповѣдуетъ противъ «березовыхъ ногъ». Но собственно ссора съ нимъ завязалась изъ-за стараго спорнаго пункта о судебныхъ штрафахъ въ архіепископствѣ, умноженныхъ вдвое. Король утверждалъ, что «надобно положить тому конецъ; ярль Эрлингъ допускалъ такіе штрафы только для того, чтобы короновали его сына, противно всякому праву; но никогда не случалось въ Норвегіи ни въ вѣкъ язычества, ни со времени введенія христіанства, чтобы королемъ былъ не сынъ короля!» Архіепископъ приводилъ въ защиту положеніе, что Божіи права можно только умножать, а не уменьшать. Коснулись также стараго вопроса о патронатствѣ поселенъ надъ церквами, которыя они сами выстроили и содержали. Король хотѣлъ слѣдовать законамъ св. Олая и Магнуса добраго, архіепископъ приводилъ постановленія (goldfeder) Эйстейна и каноническое право папы. Наконецъ коронованіе, котораго такъ горячо добивался для себя Сверриръ, архіепископъ не хотѣлъ совершать, не получивъ согласія на то отъ папы. Умы раздражались: Король настаивалъ, что такая большая вооруженная свита, какъ у архіепископа противъ закона и права. «Березовыя ноги, говорилъ онъ, свѣжо еще помнятъ день, когда большой корабль архіепископа отнялъ у нихъ побѣду на морѣ». Онъ отыскалъ въ законахъ мѣсто, позволявшее архіепископу въ должностныхъ путешествіяхъ не болѣе 30 человекъ свиты, одѣтыхъ въ бѣлое, и 12 щитовъ. По его приказанію, поселяне рѣшили это дѣло на тингѣ и постановили, что по истеченіи пяти дней всѣ спутники архіепископа, свыше положеннаго числа, объявляются внѣ закона и всякой можетъ безнаказанно убить ихъ. Архіепископъ сѣлъ на корабль и уѣхалъ въ Данію, гдѣ принять ласково архіепископомъ Авессаломомъ. Оба прелата писали къ папѣ Целестину III, который, подъ страхомъ анаемы, велѣлъ королю удовлетворить архіепископа. Эрикъ, имѣвшій несчастіе лишиться зрѣнія въ Даніи, каждое воскресенье возглашалъ королю проклятіе; то же повторялось во всѣхъ Датскихъ церквахъ. Но Сверриръ рассказывалъ на тингахъ, что эта анаема

выдумка Датчанъ; и папа не имѣетъ съ ними ничего общаго; архіепископъ за то уже наказанъ отъ Бога слѣпотою.

Противъ короля образовалась новая партія «бородатыхъ островитянъ», которые приняли потомъ названіе «золотыхъ ногъ», разбогатѣвъ отъ морскихъ грабежей. Ихъ вождь, Сигурдъ, побочный сынъ короля Магнуса, распорядился въ Бергенскомъ епископствѣ. Едва только Сверриръ раздѣлался съ нимъ, какъ встрѣтилъ въ Конгегеллѣ папскаго легата Довѣрчиво, какъ будто ничего не зная, бесѣдовалъ легатъ съ королемъ, благосклонно принявъ его желаніе помазать и короновать его. Но духовные донесли легату, что архіепископа нѣтъ въ королевствѣ и объяснили причину его отъѣзда; что ихъ король сначала былъ священникомъ, что онъ женился въ другой разъ при жизни первой жены. Легатъ изъявилъ желаніе, чтобы Сверриръ сначала помирился съ архіепископомъ, а потомъ уже онъ коронуется его. «Вижу, сказалъ Сверриръ, зачѣмъ ты сюда пріѣхалъ: за тѣмъ же пріѣзжаетъ къ намъ изъ-за границы множество обманщиковъ: они разбогатѣютъ здѣсь да и уѣдутъ, а послѣ смѣются надъ нами. Моя воля, чтобы тебя сейчасъ же не было здѣсь; я не дамъ тебѣ выманивать деньги у моихъ подданныхъ». Легатъ уѣхалъ. Король держалъ епископовъ въ такомъ страхѣ, что они короновали его и согласились съ нимъ отправить посольство къ папѣ. Вскорѣ впрочемъ открылось, на сколько искренни были ихъ поступки. Епископъ Николай вдругъ уѣхалъ въ Данію и помирился съ обоими архіепископами, потому что только покорностію надѣялся отвратить послѣдствія папскаго проклятія, которое постигло его, съ двумя другими епископами, за коронаваніе. Между тѣмъ посланники Сверрира къ папѣ, и во главѣ ихъ епископъ Гаммерскій, Тореръ, на возвратномъ пути изъ Рима прибыли въ Данію. Тамъ всѣ они вдругъ заболѣли и умерли. Не остался въ живыхъ и провожавшій ихъ, кардиналъ Фиденцій. Объ успѣхѣ посольства узнали не прежде, пока не прибыли въ Норвегію нѣсколько Датчанъ. Они принесли королю папскую грамоту, и говорили, что получили ее подъ закладъ отъ посланниковъ, вскорѣ потомъ умершихъ. Король тотчасъ же распечаталъ ее, велѣлъ прочитывать въ церкви и показывать привѣщенную печать папы. Грамота была такого содержанія: будто бы папа узналъ, что дѣло

короля правѣ архіепископа, а потому и снялъ проклятіе съ его королевства. «Меня извѣстили, прибавилъ король, что посланники были въ гостяхъ у одного священника; тамъ подложили имъ въ питье яду, отчего всѣ они умерли Ихъ постигла такая же участь, какою за пять предъ симъ лѣтъ погибъ со всѣмъ его домомъ Эрикъ, называвшій себя моимъ братомъ». Съ тѣхъ поръ какъ узнали, что эта булла—пустой подлогъ, никто болѣе въ томъ не сомнѣвался (*).

Одинъ только епископъ Бергенскій, Мартинъ, прежній придворный капелланъ Сверрира, оставался ему вѣрнымъ; но Николай вооружилъ противъ него страшную партію, получившую начало и имя отъ епископовъ. Ее назвали партією посошниковъ или Баглеровъ, отъ слова bagall, означавшаго епископскій посохъ. Николай въ глубокой тайнѣ призвалъ въ Данію многихъ Норвежцевъ изъ Вигена (1196), и представилъ имъ, какъ короля, какого-то мальчика. Онъ и архіепископъ выдавали его за Инге, сына короля Магнуса, но приверженцы Сверрира всегда утверждали, что король Баглеровъ—молодой Датчанинъ. Епископъ, въ полномъ вооруженіи, лично ввелъ Инге въ Норвегію: на тингъ въ Боргъ (Сапо-бергъ) баглеры признали его королемъ. Онъ приобрѣлъ Вигенъ и Упшландію.

Хвастливая храбрость однакожъ покинула епископа на первомъ опытѣ при Опсло,—ему приходилось отказаться отъ дѣла гіерархін; но всегда пылая страсть къ битвамъ, которая разгаралась въ Норвегіи, не разбирая причинъ къ войнѣ, удержала баглеровъ. Пришло даже время, что замокъ Сверрирбургъ близъ Дронгтейма и самый этотъ городъ достались во власть имъ и Инче провозглашенъ тамъ королемъ. Сверриръ потерялъ сына и брата, Бергенъ, гдѣ онъ, благодаря дружбѣ тамошняго епископа, имѣлъ еще много приверженцевъ, былъ сожженъ; епископъ Николай совѣтовалъ зажигателямъ не щадить самыхъ цервей, оскверненныхъ проклятымъ; многіе изъ партіи Сверрира перешли къ баглерамъ, по-

(*) Фальсенъ Norges Historie III — старается свалить отравленіе посланниковъ на архіепископа Эрика и епископа Николая, которые будто бы боялись, не снимаетъ ли булла анаемы съ Сверрира. Но это опасеніе очень глупо: они могли узвать совсѣмъ противное отъ кардинала Фиденція.

тому что воевали только для войны. Часто видали старинных друзей въ смертельномъ бою; пощада къ побѣжденнымъ становилась рѣже. Наконецъ явились грамоты папы Иннокентія III-го: онъ ясно говорили, что «Тираниъ Сверриръ, которому корона не слѣдуетъ ни по выбору вельможъ, ни по происхожденію, и который, будучи, по его собственнымъ словамъ, незаконнорожденнымъ, не могъ носить и священническаго сана, съ помощію поддѣльной печати покойнаго папы Целестина III-го изготовилъ подложную грамоту, разрѣшавшую его отъ проклятія, чего никогда не было для него сдѣлано». — Вмѣстѣ съ тѣмъ папа призывалъ духовенство, подъ угрозою проклятія, увѣщевать народъ къ отпаденію отъ Сверрира; наконецъ послалъ особыя воззванія къ королямъ Датскому и Шведскому, вооружиться на истребленіе этого чудовища. Булла имѣла то слѣдствіе, что всѣ епископы покинули Норвегію: ихъ сомнительное положеніе на чужбинѣ подало архіепископу Авессалому достаточный поводъ вспомнить о нихъ въ его завѣщаніи. Тогда всѣ почти корабли Сверрира были сожжены; онъ убѣдилъ Дронтгеймцевъ выстроить новые, и эти люди превосходно услужили ему. Отпустивъ ихъ, онъ обязалъ каждый дворъ въ Вигенѣ поставить ему человѣка, фунтъ ржи и вола. Крестьяне разсвирѣпѣли: они убили королевскихъ чиновниковъ, и дѣлый лѣсъ копій со всѣхъ сторонъ окружилъ его небольшое войско. Эта битва, лучше сказать многія битвы, которыя даны въ одинъ день частію на льду при Опсло, частію въ самомъ Опсло, были самою трудною военною порою для Сверрира. Война тянулась еще два года безъ значительныхъ успѣховъ; ея ужасы еще усилились съ прибытіемъ 200 вонновъ, присланныхъ на помощь Сверриру отъ короля Іоанна безземельнаго. Эти «Риббальды», какъ назывались они, не оставляли въ живыхъ ни молодаго, ни стараго. Въ Тонсбергѣ Сверриръ почувствовалъ себя нездоровымъ: покончивъ воинскія дѣла, онъ велѣлъ отвезти себя въ Бергенъ. Въ задней части корабля постлана была для него постель. Въ Бергенѣ онъ убѣдился въ близости смерти, послалъ за священникомъ и велѣлъ ему прочесть и запечатать письмо свое къ сыну, Гакону, объ управленіи государствомъ; публично объявлялъ присутствующимъ, что другаго сына у него нѣтъ въ живыхъ, на

случай, если кто нибудь явится подъ этимъ именемъ для нарушенія спокойствія въ королевствѣ.

Послѣ того онъ велѣлъ посадить себя на тронъ «чтобы выздороветь, говорилъ онъ, или умереть здѣсь, чтобы не исполнилось пророчество епископа Николая, будто я, подобно скоту, буду служить пищею собакамъ да воронамъ». На тронѣ совершенно надъ нимъ обрядъ соборованія. «По смерти моей, сказалъ онъ, не закрывайте мнѣ лица: пусть другъ и недругъ видятъ, замѣтны ли на моемъ трупѣ слѣды анаемы, которую навлекли на меня враги. Тогда мнѣ нельзя будетъ скрыть ее». Онъ умеръ 9-го марта 1202 года на 51-мъ году отъ рожденія, по 25-ти лѣтнемъ царствованіи.

Онъ выдержалъ мужественно войну съ гіерархією. Но на одрѣ смерти любовь къ сыну внушила ему ему нныя правила, ясно высказанныя въ его послѣднемъ письмѣ къ нему. Отеческое чувство, нѣжное даже въ этомъ желѣзномъ человѣкѣ, заставило его позабыть все: обиды гіерархій, ненависть подданныхъ, измѣну друзей. Въ письмѣ нѣтъ ни одного слова о мщеніи: онъ завѣщаетъ сыну жить въ мирѣ съ духовенствомъ и уклоняться отъ всякихъ поводовъ къ раздору съ нимъ. Какъ будто изъ-за могилы признаетъ онъ могущество церкви и папы.

А. Ш.

Примѣч. 1. Папа Иннокентій III нашелъ себя краснорѣчиваго и ученаго защитника въ протестантъ Гуртера. (Gesch. Pabst Innokentius III und S. Zeitgenossen, Hamburg 1834 года). Но рецензентъ сочиненія Гуртера, Католикъ, жестоко нападаетъ на Иннокентія въ прибавленіяхъ къ Hallischen Litterat. Zeit. 1837-года Maerg. Беттигеръ не принадлежитъ ни къ какой партіи, и его «біографія» мнѣ понравилась по безпристрастному изложенію. Но за то она довольно суха: этому недостатку старался помочь я извлеченіями изъ рѣчей и посланій Иннокентія III.

2. Известно, какое жалкое мѣсто и значеніе имѣли рабы въ Римѣ. По римскимъ законамъ, они были вещью, а не лицомъ. Они не имѣли даже права жениться: господинъ изъ особенной благосклонности дозволялъ рабу *contubernium*, незаконную связь съ женщиною. То же понятіе о рабахъ перешло и въ средніе вѣка: Вестготскій законъ Ротариса именно называетъ рабовъ движимостію, вещью: *Si quis res alienas id est servum aut ancillam seu alias res mobiles et cet.* Точно также рабы не имѣли права собственности и права завѣщанія: все, остававшееся послѣ нихъ, поступало во владѣніе господъ. Даже бракъ рабовъ сначала не благословлялся священниками, вѣроятно, въ подражаніе римскому праву, и христіанская религія только постепенно могла улучшать ихъ участь. Въ словахъ папы, что рабъ совершенно одиноко переноситъ свои страданія, съ одной стороны видѣть юристь, званокъ въ римскомъ законодательствѣ; съ другой — строгій монахъ, не хотѣвшій ничего знать о непопулярныхъ связяхъ. — Ни чѣмъ другимъ я не могъ объяснить себѣ этого выраженія. III.

СУДЪ ВОЖІЙ НА ОХОТЬ.

(Разсказъ маркиза де Фудраса).

1-го ноября 1847 года, четверо молодых и красивых всадниковъ, въ охотничьей одеждѣ, сходили съ лошадей у дверей трактира скромной наружности, выстроеннаго на опушкѣ знаменитаго Клемонтскаго лѣса.

Хозяинъ *венты* (*), бывшій въ то же время главнымъ лѣсничимъ сосѣднихъ лѣсовъ, радушно встрѣтилъ гостей, и отдавши лошадей ихъ молодому малому, исправлявшему должность конюха, ввелъ господъ въ залу, гдѣ ожидалъ ихъ ярко горѣвшій каминъ.

Всадники и трактирщикъ казались людьми давно знакомыми, и послѣдній вѣроятно ожидалъ прибытія первыхъ. Вѣроятно также, что небогатая гостинница рѣдко имѣла счастье вмѣщать въ стѣнахъ своихъ такихъ посѣтителей.

— Ну какъ ты думаешь, Лабризе, спросилъ у трактирщика младшій изъ всадниковъ, казавшійся главнымъ между охотниками, какова будетъ завтра погода?

— Какъ вамъ сказать, господинъ баронъ? отвѣчалъ Лабризе, навѣрно утверждать ничего нельзя. Въ это время года погода часто мѣняется. Но впрочемъ солнце садится довольно чисто и есть маленькая надежда. Большаго дождя не будетъ, прибавилъ онъ, посмотрѣвши изъ окна въ сторону заходящаго солнца.

— А есть кабаны? спросилъ другой охотникъ, закуривая свою гаѳанскую сигару.

(*) Послѣдній разрядъ испанскихъ гостинницъ.

— Кабаны есть, и будетъ большое несчастіе, если мы не попадемъ на нихъ, отвѣчалъ лѣсничій, избѣгавшій по обыкновенію всѣхъ охотниковъ утвердительнаго отвѣта. Въ лѣсу ихъ довольно, но сегодня они здѣсь, а завтра въ другомъ мѣстѣ, вѣдь ихъ никто не привязываетъ.

— Я приказалъ своему доѣзжачему быть завтра къ девяти часамъ у трехъ кривыхъ березъ; такъ ужъ тебѣ придется отпра- виться послѣдить въ ту сторону.

— Мѣсто далеконько, но да ужъ сходимъ. Я надѣюсь, господинъ баронъ, обойдти для васъ въ этой сторонѣ Абдель-кадера.

— Его-то именно и хотѣлось бы заповлеть намъ, сказалъ молодой охотникъ. Я до сихъ поръ не могу простить ему его про- дѣлки съ моими собаками.

— Да, вѣдь онъ испортилъ у васъ ихъ цѣлую дюжину, замѣ- тилъ насмѣшливо старый лѣсничій; разбойникъ способенъ и теперь пороботать своими клыками. У него много пуль въ животѣ, госпо- динъ баронъ, а вѣдь бѣгаетъ какъ ни въ чемъ не бывало. Здоро- вое животное, легко сказать.

— А вотъ посмотримъ завтра, проговорилъ баронъ сквозь зубы. А кстати, прибавилъ онъ, обращаясь къ Лабризе; куда же ты дѣвалъ жену свою? я ея не вижу.

— Она еще въ церкви, господинъ баронъ.

— Въ церкви! такъ поздно? что ты врешь.

— Но, господинъ баронъ, сегодня праздникъ Всѣхъ Святыхъ и канонъ покойниковъ, такъ есть за кого помолиться.

— Такъ ты думаешь и вправду, что жена твоя набожна? съ ея глазенками? Да она тебя надуваетъ, старинишка; ты думаешь, что она въ церкви, а она гдѣ-нибудь погуливаетъ.

И всѣ четверо расхохотались.

Въ эту минуту дверь гостиницы отворилась, въ общую залу вошелъ человѣкъ и направилъ шаги свои прямо къ камину.

Ему было лѣтъ сорокъ отъ роду, роста онъ былъ высокаго. Лице его было мужественно и скромно въ то же время. На немъ

былъ самый простой, но чистый костюмъ; хлыстикъ и сапоги, забрызганные грязью, показывали, что онъ прїѣхалъ верхомъ.

— Есть у васъ для меня мѣстечко? спросилъ онъ трактирщика.

— Мы постараемся помѣстить васъ.

— О! я человекъ невзыскательный, и, въ случаѣ нужды, лягу на сѣломѣ рядомъ съ лошадыю.

Охотники, сидѣвшіе у камина, немного подвинулись и дали мѣсто новому посетителю.

Последній учтиво поблагодарилъ ихъ и, засунувъ руки въ карманы, обратился къ огню спиною.

Охотники очень скоро знакомятся, и четверо молодыхъ людей сейчасъ же завязали разговоръ съ неизвѣстнымъ имъ господиномъ.

Но какъ не старались они разговориться съ нимъ, никакъ не могли добиться, кто онъ, откуда и куда отправляется.

Впрочемъ онъ былъ очень вѣжливъ, говорилъ умно, и скоро овладѣлъ общимъ вниманіемъ.

Спустя нѣсколько времени вернулась домой жена лѣсничаго.

Это была самая красивая крестьяночка, которую можно только вообразить себѣ: большіе черные глаза, нѣжный и живой цвѣтъ лица, улыбающійся ротикъ, гибкій станъ и двадцатилѣтній возрастъ, словомъ у ней было все, что необходимо красавицѣ.

Баронъ, котораго мы будемъ звать просто Октавомъ, сейчасъ же началъ отпускать трактирщицѣ любезности, не обращая вниманія на ея бѣднаго мужа, которому это обращеніе было вовсе не по сердцу....

Роза, такъ звали хорошенькую крестьяночку, отвѣчала сначала очень умно и ловко отдѣлывалась отъ нападеній Октава. Она прямо высказала ему, что его любезности относятся къ каждому хорошенькому личику, и что это вовсе для нея не лестно, потомъ напомнила ему, что онъ собирается жениться и долженъ поэтому думать только о красотѣ своей невѣсты.

Последнее замѣчаніе было самою колкою насмѣшкою, потому что Октавъ собирався жениться на богатой дѣвушкѣ, но весьма некрасивой по наружности. Невѣста барона была коса и горбата.

Октавъ однако же не смѣшался и началъ говорить о женитьбѣ, какъ человѣкъ, который намѣренъ жить, и женившись, по холостому, сталъ насмѣхаться надъ женщинами вообще, и продолжалъ по прежнему отпускать любезности Розѣ.

Въ эту минуту осенній вѣтеръ донесъ до оконъ трактира отдаленные звуки колокола Клефмонтской церкви. Колоколъ издавалъ рѣдкіе и мрачные звуки въ воспоминаніе о всѣхъ умершихъ.

— Я надѣюсь, что вы теперь перестанете, сказала Роза, сдѣлавшись вдругъ серьезною.

— А почему ты такъ думаешь? спросилъ Октавъ, вставая со своего мѣста и подходя ближе къ молодой женщинѣ.

— Развѣ вы не слышите колокола?

— Что жъ мнѣ до этого? Развѣ я какая-нибудь старая баба?

— Конечно нѣтъ, но я полагаю, что молодой человѣкъ, у котораго уже умерли и отецъ и мать, можетъ о нихъ вспомнить хоть одинъ разъ въ годъ.

— Э! помилуй... жизнь слишкомъ коротка, чтобы терять ее на грустные воспоминанія, возразилъ Октавъ. Притомъ же отецъ и мать мои умерли не съ горя

— Сегодня молятся за всѣхъ умершихъ, сказала Роза, а слѣдовательно можно помолиться и за бѣдную Женевьеву, умершую въ нынѣшнемъ мѣсяцѣ.

Женевьева была молодая крестьянка, обольщенная и оставленная Октавомъ, и умершая на семнадцатомъ году.

— Женевьева твоя была дура, замѣтилъ Октавъ, не захотѣла выйти за моего доѣзжачаго, которому я назначилъ шесть сотъ франковъ жалованья.

Говоря эти слова, молодой человѣкъ хотѣлъ обнять трактирщицу, но она сильно оттолкнула его, и отбѣжала къ камину, гдѣ все еще стоялъ незнакомецъ.

Октавъ побѣжалъ за нею и обратился къ незнакомцу:

— Вы кажется много путешествовали, сказалъ онъ, ужели вездѣ существуетъ это суевѣрное номиновеніе мертвыхъ?

— Безъ всякаго сомнѣнія, отвѣчалъ незнакомецъ. Даже дикіе, непросвѣщенные свѣтомъ религіи, почитаютъ могилы умершихъ, и у нѣкоторыхъ изъ нихъ бывають по этому случаю весьма трогательныя церемоніи.

— Какая глупость! Надо дорожить только пріятными воспоминаніями.

— Но грустныя воспоминанія благотворны для души, молодой человѣкъ. Травы, которыми бальзамируютъ тѣла усопшихъ, обыкновенно горьки, сказалъ незнакомецъ съ отеческою строгостію.

— Это поэтическая фраза, и ровно ничего не доказываетъ, возразилъ Октавъ, по моему надо думать тогда о смерти, когда состарѣешься.

Незнакомецъ грустно улыбулся.

— А... я угадываю вашу мысль, господинъ путешественникъ.

— Очень не мудроно.

— Вы хотите сказать, что смерть не разбираетъ возраста?

— Я этого не сказалъ, но вы это подумали.

— Но это меня нисколько не беспокоитъ, и я предлагаю провести нынѣшнюю ночь за бутылками. Пусть другіе плачутъ и молятся, а мы будемъ пить и смѣяться. У Лабризе есть водка и сахаръ, а у меня въ сумкѣ есть лимоны: мы сдѣлаемъ пуншъ. Вы выпьете съ нами г. путешественникъ?

— Я охотно выпью за ваше здоровье.

— Слышалъ, Лабризе? вскричалъ Октавъ, достань же лимоны и приготовь самую большую миску.

Лабризе вышелъ и поманилъ за собою жену. Этотъ поступокъ его возбудилъ хохотъ и насмѣшки со стороны Октава.

Скоро пуншъ былъ готовъ, и разговоръ принялъ болѣе серьезное направленіе, не смотря на то, что молодой человѣкъ всячесли

старался сбить своих собесѣдниковъ на предметы смѣшныя и веселыя.

Осенній вѣтеръ вылъ за оконками и порывы его приносили по временамъ звуки Клефмонтскихъ колоколовъ.

Говорили конечно болѣе объ охотѣ и каждый разсказалъ болѣе или менѣе занимательную исторію.

— Разскажите и вы что-нибудь, г. путешественникъ, сказалъ Октавъ незнакомцу.

— Мои разсказы слишкомъ не новы и не займутъ васъ.

— Когда они хороши, то похожи на доброе вино, и чѣмъ старѣе тѣмъ лучше, замѣтилъ одинъ изъ товарищей Октава.

— Ну такъ слушайте, господа, сказалъ незнакомецъ и началъ такъ:

АРДЕНСКОЙ ОЛЕНЬ.

ЛЕГЕНДА.

«Въ половинѣ XVII-го вѣка при папѣ Сергіѣ I, около города Мастрихта, жили два брата, принадлежавшіе къ одной изъ богатѣйшихъ семей. Молодые, красивые, богатые, смѣлые и храбрые, они вели жизнь веселую, забывая день вчерашній и не думая о завтрашнемъ. Имъ не было еще двадцати лѣтъ, и вся округа знала о нихъ по ихъ безпутному поведенію. Многіе мужья и матери оплакивали тотъ день, въ который они приняли этихъ молодыхъ людей въ свои замкъ или въ своей жилищѣ.

Оба брата были страстными охотниками; одного звали Убертомъ, другаго Рембо. Дни ихъ дѣлились между охотою и безпорядочною любовью. У нихъ была великолѣпная стая собакъ и красиво одѣтые псаря. Когда раздавались звуки роговъ ихъ охоты въ лѣсу, олени и лани прятались въ непроходимыя чащобы, а бѣдныя матери прятали со страхомъ дочерей своихъ въ самыя сокровенныя убѣжища жилищъ своихъ.

Убертъ и Рембо потѣшались возбуждаемымъ ими страхомъ; они очень хорошо знали, что ихъ стая добудетъ отовсюду звѣря и

ни одинъ поселянинъ или купецъ не осмѣлится запереть дверь своего дома, когда въ нее постучатся благородные охотники.

Въ одинъ осенній вечеръ, подобный хоть бы нынѣшнему, заѣхали они съ многочисленной свитой людей, лошадей и собакъ къ скромному обиталищу, въ которомъ жило нѣсколько женщинъ, посвятившихъ себя на молитву и служеніе религіи. Располагая охотиться въ Арденахъ, они просились переночевать у затворницъ. Последнія сначала не согласились впустить къ себѣ эту шумную и веселую компанію; но Убертъ и Рембо вломились насильно. Ночь эту провели они самымъ развратнымъ образомъ, насмѣялись надъ бѣдными женщинами, и распѣвали самыя неприличныя пѣсни.

На разсвѣтѣ они вышли изъ скромнаго убѣжища, и одна изъ престарѣлыхъ затворницъ послала имъ вслѣдъ слова проклятія, которыя были приняты братьями съ шумнымъ хохотомъ.

Надо отдать справедливость Уберту, что онъ нѣсколько разъ старался удерживать своего брата, и только совершенно опьянѣвши, сталъ вторить его нахальствамъ и дерзостямъ.

Началась охота и скоро стая подняла великолѣпнаго десятирогаго оленя.

Братья охотники погнались за нимъ по горамъ и оврагамъ, переплывали ручьи и рѣки и обогнали на большое разстояніе всѣхъ своихъ псарей.

Къ солнечному заходу, утомленный олень остановился въ большомъ оврагѣ и былъ сейчасъ же окруженъ цѣлою стаей.

Упершись въ разсѣлну утеса, свирѣпое животное готовилось дорого продать жизнь свою.

Уже многія собаки были убиты имъ до смерти, другія лежали вблизи и лизали свои раны.

Рембо, обнажилъ свою коротенькую шпагу и соскочилъ съ лошади, чтобы бѣжать къ звѣрю.

— Братъ!... братъ!... кричалъ Убертъ, соскочивъ съ своей лошади, въ свою очередь; ради Бога не убивай его, а то съ нами случится бѣда.

— Что толкуешь ты о Богѣ, братъ? возразилъ Рембо, я кланусь тебѣ адомъ, что этотъ звѣрь падетъ отъ руки моей.

— Но развѣ ты не видишь, что между рога его блеститъ крестъ! началъ опять Убертъ съ нѣкоторымъ страхомъ. Рембо! заклинаю тебя именемъ нашей доброй матери, отзови собакъ, кончимъ охоту, и пойдемъ въ какой-нибудь монастырь замаливать грѣхи наши.

На это благочестивое воззваніе, Рембо отвѣтилъ страшною хулою и бросился на оленя.

— Господи! помилуй его! возразилъ Убертъ и упалъ на колѣни.

Олень съ яростію бросился на своего противника и ударилъ его рогами прямо въ грудь.

Поваливъ его на землю, онъ продолжалъ топтать его своими желѣзными копытами.

Уберту хотѣлось броситься на помощь брату, но какая-то непонятная сила парализовала всѣ его усилія, и какъ бы приковала его къ тому мѣсту, на которомъ онъ опустился на колѣни.

Когда онъ могъ подняться, тѣло Рембо представляло одну безобразную массу мяса, крови и грязи.

Убертъ упалъ снова на колѣни, потому что послышался съ неба голосъ.

— «Убертъ! Убертъ! Господь надъ тобою умиловивился, подумай о душѣ своей».

Олень все еще стоялъ на своемъ мѣстѣ и между рогами его, по прежнему, блестѣло знаменіе креста.

Черезъ нѣсколько минутъ, со всѣхъ сторонъ прискакали на мѣсто побойща охотники, спѣшившіе на голосъ собакъ.

Обезображенный трупъ Рембо плавалъ въ крови.

Олень и Убертъ исчезли.

Охотники бросились искать и трубить во всѣ стороны, но имъ отвѣчало одно лѣсное эхо.

Шестидесять лѣтъ спустя въ Мاستрихтѣ умералъ богобоязливый епископъ. Больные и увѣчные, посѣщавшіе могилу его, возвращались домой изцѣленными отъ своихъ недуговъ.

Этотъ святой епископъ былъ братъ Рембо.

«Теперь онъ покровитель охоты и охотниковъ.»

— Вамъ хотѣлось господа, чтобы я что нибудь разсказалъ вамъ, я исполнилъ ваше желаніе, сказалъ путешественникъ, извините только, что, вмѣсто сказки, я заставилъ васъ прослушать истинное происшествіе.

— Вашъ разсказъ черезъ чуръ мраченъ, замѣтилъ Октавъ, выпивая разомъ стаканъ пуншу, но онъ не помѣшаетъ мнѣ пропить и пройтъ цѣлую ночь, и даже пожалѣть, что мы не у Арденскихъ затворницъ, а въ этой дрянной гостинницѣ.

Незнакомецъ всталъ изъ за стола, взялъ свѣчку, учтиво, но холодно, поклонился обществу и вышелъ.

Молодые люди провели всю ночь за пуншемъ и за пѣснями, а колокола въ Клермонтѣ продолжали заунывный звонъ свой.

На другой день за часъ до солнечнаго восхода, Лабризе прокрадся на цыпочкахъ изъ своей комнаты, и отправился съ собакой въ лѣсъ, чтобы выслѣдить звѣря, по приказанію барона Октава.

Вчерашній незнакомецъ выѣхалъ съ нимъ въ одно время, а молодые охотники, побѣжденные усталостію и пьянствомъ, дремали на стульяхъ вокругъ стола, уставленнаго пустыми стаканами.

Еще раздавалась, недалеко отъ дверей гостинницы, тяжелая поступь трактирщика, какъ Октавъ всталъ съ своего стула.

Сначала онъ подошелъ къ двери, и прислонившись, нѣсколько минутъ прислушивался, потомъ заперъ ее изнутри и подошелъ къ одному изъ спящихъ своихъ товарищей.

Онъ тронулъ его за плечо и потихоньку сказалъ ему:

— Вставай, Густавъ. Онъ ушелъ, мы теперь здѣсь одни домохозяева. Ты помнишь, что ты обѣщалъ мнѣ. Дворянинъ долженъ помнитъ свое слово во всякомъ случаѣ, даже и тогда, когда онъ не помнитъ самаго себя.

Густавъ проснулся; но былъ такъ пьянъ, что ничѣмъ не отличался отъ соннаго.

Октавъ старался привести его въ себя, и дергалъ его сильно за руку.

— Ты будешь караулить, сказалъ онъ. Лабризе ушелъ, но легко можетъ быть, что онъ за чѣмъ нибудь вернется.... и тогда, ты понимаешь....

— Хорошо.... хорошо, пробормоталъ Густавъ едва внятно.... Управляйся съ женой, а мужа я беру на свою отвѣтственность.

Сказавши это, онъ опустилъ на грудь голову и скоро захрапѣлъ.

— Ну, на этого животнаго плохая надежда, подумалъ баронъ, впрочемъ я заперъ переднюю дверь изнутри, а задняя отворяется съ большимъ скрипомъ, и я услышу во время, если.... ревнивецъ вздумаетъ воротиться. Полагайтесь послѣ этого на друзей, прибавилъ онъ мысленно, глядя на уснувшаго Густава.

За этимъ отправился онъ, какъ можно тише, къ лѣстницѣ, которая вела во второй этажъ.

Въ эту минуту Клефмонтскій колоколъ, смолкшій на нѣсколько секундъ, зазвонилъ снова, и блѣдная полоса свѣта, предвѣстница дня, появилась на горизонтѣ.

Трое молодыхъ охотниковъ, оставшихся за столомъ, начали поочередно просыпаться.

— А гдѣ же нашъ баронъ? спросилъ тотъ, который проснулся прежде другихъ.

— Баронъ, сказалъ Густавъ, потягиваясь, пошелъ утѣшать нашу милую хозяйку, въ отсутствіе мужа, отправившагося въ обходъ за звѣремъ.

— Ловко придумано! вскричали со смѣхомъ остальные охотники.

Вдругъ посреди этого веселаго смѣха послышались съ лѣстницы глухіе стоны; но скоро слились съ звуками колокола и съ завываніемъ вѣтра.

Трое молодыхъ людей отправились въ конюшню, чтобы приготовить лошадей своимъ.

Туда-то пришелъ къ нимъ черезъ полчаса баронъ Октавъ.

Онъ явился предъ ними блѣдный, растрепанный; всѣ черты лица его носили страшный отпечатокъ преступленія, за которымъ уже готово явиться раскаяніе и угрызеніе совѣсти.

Лице его было такъ мрачно, что никто не заговорилъ съ нимъ ни слова.

Всѣ четверо сѣли молча на лошадей и отправились въ лѣсъ къ тому мѣсту, гдѣ уже ожидали ихъ собаки и охотники.

Скоро явился Лабризе съ своимъ выслѣдчикомъ, и объявилъ, что обожелъ абдель-кадера, страшнаго кабана, единца (*).

Сейчасъ же условились о томъ, какъ поднять и гнать звѣря, и начали охоту.

Сначала звѣрь поводилъ собакъ по извѣстнымъ ему трощамъ; но испуганный звуками трубъ, трубившихъ ему со всѣхъ сторонъ, и прижатый близко постигающими его собаками, онъ выбжалъ на чистое мѣсто.

Минутъ пять длилась страшная гоньба, сопровождаемая многими драматическими эпизодами. Много собакъ пало со славою на полѣ битвы, но остальные кидались на звѣря съ необыкновенною яростію. Октавъ воодушевлялъ ихъ голосомъ и трубою.

Наконецъ абдель-кадеръ, подобно чудесному оленю легенды, утомившись, рѣшился на отчаянную борьбу.

Онъ прислонился задомъ къ большому пню, и началъ бить клыками нападавшихъ на него собакъ.

Октавъ, видя что гибнуть лучшія его собаки, сошелъ съ лошади, и, съ ружьемъ въ рукѣ, сталъ приближаться къ мѣсту побоища.

Кабанъ увидалъ его, и, перескочивъ черезъ собакъ, бросился на смѣлаго охотника.

Октавъ выстрѣлилъ.

Но дрожащая рука его измѣнила ему, и пуля только слегка ранила абдель-кадера, возбудивъ этимъ еще болѣе его ярость.

Въ одно мгновеніе, онъ былъ въ четырехъ шагахъ отъ Октава, который спустилъ курокъ другаго ствола, но ружье осѣклось.

Онъ хотѣлъ выхватить охотничій ножъ, но, прежде чѣмъ успѣлъ это сдѣлать, кабанъ повалилъ его.

(*) Locitaire, кабанъ, отбившійся отъ другихъ кабановъ вслѣдствіе своей особой дикости.

— Помогите! закричалъ онъ съ отчаяніемъ.

Звѣрь, опрокинувъ его, обернулся и шелъ на него снова.

Въ эту же минуту подбѣгалъ съ ружьемъ бѣдный Лабризе и готовился выстрѣлить въ разсвирѣпѣвшаго звѣря.

— Не трогайтесь, господинъ баронъ, кричалъ онъ; прижмитесь ближе къ землѣ.

Съ этими словами онъ прицѣлился.

Какъ вдругъ, изъ-за ближайшаго куста, показалась женщина съ распущенными волосами, блѣдная какъ смерть и съ глазами, блуждающими какъ у безумной. Глухимъ и отрывистымъ голосомъ произнесла она слѣдующія слова, бывшія смертнымъ приговоромъ Октаву.

— «Не стѣблай... Пусть онъ умретъ... этотъ злодѣй обезчестилъ меня!»

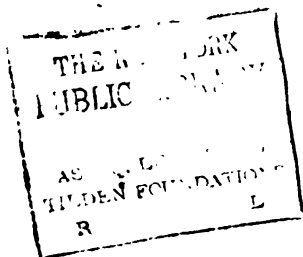
Лабризе выпустилъ изъ рукъ ружье, и оно упало на землю.

Эта женщина была Роза. Она скрылась въ кустахъ, испуская раздрающіе душу крики.

Кабанъ бросился на Октава, и долго рвалъ клыками трупъ его.

На другой день Клемонтскіе колокола звонили опять, но на этотъ разъ молились не за давно умершихъ, а за новопреставленнаго охотника.

(Изъ les Veillées de S-t Hubert).

55
55
55

FEB 21 1962

